Контрольный экземпляр

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

Н. В. КОЗЛОВА

РОССИЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ И КУПЕЧЕСТВО В XVIII ВЕКЕ

•

(20-е — начало 60-х годов)

Москва
«Археографический центр»
1999

ББК 63.3
К 59

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
ГРАНТ № 96–01–16077

В оформлении использовались гравюры М. И. Махаева из альбома «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших онаго проспектов, изданный трудами Императорской академии наук и художеств. СПб., 1753».

Российская
Государственная
библиотека
1999

© Н. В. Козлова, 1999
© Археографический центр
оформление, 1999

ISBN 5-88253-036-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Посвящается памяти моего прадеда
Дмитрия Федоровича Разорёнова

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших проблем истории феодальной России является проблема социальных предпосылок, условий развития и характера абсолютизма. В современной отечественной и зарубежной историографии проблемы абсолютизма все большее внимание уделяется взаимоотношениям между обществом и государством. Это предполагает исследование социальной структуры общества, положения и роли в ней отдельных сословий, их влияния на политику государственной власти, а также раскрытие механизма функционирования самой власти и системы управления, их воздействия на формирование и законодательное регулирование сословий и социальных отношений.

В России на протяжении XVIII в. в структуре сословий происходили существенные изменения. Выяснение конкретных проявлений этих изменений как в самих сословиях, так и в политике правительства по отношению к ним, может помочь при оценке характера и сущности российского абсолютизма. Характерные особенности абсолютизма в России (наряду с рядом стран Западной и Восточной Европы) заключались в слабости «среднего класса» и огромной роли государства. Рассмотрение социальных отношений, противоречий и столкновений между купечеством и другими сословиями и слоями общества, между купечеством и государством выводит на проблему специфики генезиса капитализма в России.

В рамках проблемы «Абсолютизм и сословия» автором выбран наименее изученный аспект этой сложной и дискуссионной темы: взаимоотношение государственной власти и купечества. Она рассматривается в двух направлениях. Во-первых, через изучение государственной политики по отношению к купечеству и торговле, которая проявлялась не только в законодательстве, но и в характере функционирования и направлении деятельности тех учреждений, посредством которых эта политика осуществлялась. И, во-вторых, через изучение социально-экономической и социокультурной сущности купечества, находившегося в XVIII в. в процессе формирования в качестве самостоятельного

сословия, и раскрытие его возможности и способности влиять на экономическую и социальную политику абсолютистской власти.

Определение объекта исследования требует уточнения понятия «купечество». Необходимость этого диктуется неоднозначностью и эволюцией этого понятия. Существовавший с древнейших времен термин «купец» чаще всего относился не столько к продавцу, сколько к покупателю. Даже в XVII в. далеко не всегда отражая род занятий, он не имел социального содержания[1]. Под «купечеством» же вплоть до XVIII в. понималась торговая деятельность, а не группа людей, занимавшихся торговлей. Для обозначения последних употреблялось словосочетание «торговый человек» или «торговые люди», которое, по наблюдениям С. В. Бахрушина, определяло скорее занятие, чем звание, и не имело сословного содержания[2]. Судя по таможенным книгам и выписям, во второй половине XVII в. происходила трансформация термина «торговый человек» в сторону определения его сословной принадлежности: «торговый крестьянин», «торговый иноземец», «торговый посадский человек» и т. п.[3]

В XVIII в. хотя торговая деятельность и продолжает обозначаться термином «купечество», но наряду с ним начинает употребляться и новое понятие «коммерция». Первоначально, особенно в петровское время, оно толковалось очень широко; под ним понимались как собственно торговля, внешняя и внутренняя, так и промышленность, транспорт, денежное обращение, кредит. В дальнейшем, по мере обособления торговли как специфического рода деятельности от иных, «побочных» занятий, сужалось и понятие термина «коммерция»[4].

Для первых десятилетий XVIII в. было характерно разнообразие в обозначениях участников торговой деятельности. В таможенных материалах они, как правило, определялись по географическому и сословному признакам. Реже, но все еще продолжал бытовать термин «торговый человек», «торговые люди»[5]. Правда, в отличие от XVII в. смысл данного словосочетания сужался до обозначения торговой части посадских людей и в таком случае мог заменяться на словосочетание «купецкие люди». Именно так трактуются эти термины в известном

---

[1] *Голикова Н. Б.* К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Русский город (проблемы городообразования). Вып. 3. М., 1980. С. 40.

[2] *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 118–119.

[3] *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 41-42.

[4] *Тарловская В. Р., Шапский Д. Н.* К вопросу о понятии «Коммерция» в России XVIII века // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 292-293.

[5] ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI. № 4348.

приговоре Сената 1711 г. о свободной торговле[6]. В этом контексте анахронизмом выглядит употребление термина «купец» по отношению к покупателю, допущенное в ведомственном разъяснении указа 1714 г. о единонаследии, и противопоставление в нем «купца» продавцу[7].

В дальнейшем, наряду с широким употреблением термина «купецкий человек», «купецкие люди», все чаще в источниках появляется и их синоним «купечество», применяемый по отношению к посадским тяглецам в целом. Одновременно, начиная с городской реформы 20-х годов слово «купечество» стало употребляться по отношению к посадским людям, занимавшимся торговлей, в отличие от также входивших в состав посада «цеховых», то есть записанных в цехи ремесленников или «обретающихся в наймах и в черных работах» «подлых людей». В состав купцов, разделенных на две гильдии, вошли старинные разряды высших торговых чинов — гости и гостиная сотня, — ранее стоявшие вне посадской организации. В 1742 г. «подлые люди» были переименованы в купцов третьей гильдии[8] и с этого времени термин «купец» фактически сблизился с понятием «посадский тяглец».

В литературе фигурируют различные оценки численности городского тяглого населения (посадских людей). Наиболее полными признаются данные ревизий, введенные в научный оборот В. М. Кабузаном. Согласно им численность граждан с 1719 по 1762 г. возросла с 295, 8 до 321, 6 тыс. чел. муж. пола[9]. По материалам Комиссии о коммерции 60-х годов XVIII в. основную массу купечества составляли купцы третьей гильдии (68, 2%), на долю купцов второй гильдии приходилось 24, 7%, первой гильдии — 7,1%[10].

Следует иметь в виду отсутствие (до 1775 г.) единообразия в распределении купцов по гильдиям в зависимости от величины капитала. В каждом посаде складывались свои критерии оценки степени состоятельности тяглецов. В итоге, когда по сословно-податной реформе 1775-1785 гг., завершившей законодательное оформление структуры и привилегий купеческого сословия, лица, обладавшие капиталом свыше 500 рублей (1 тыс. рублей с 1785 г.), вошли в состав гильдейского купечества, в него не попало не только большинство прежних купцов третьей гильдии, но и часть высших разрядов купечества. Таким обра-

[6] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствеином Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880. Т. I. № 349.

[7] *Якушкин В. Е.* Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв. Вып. I. XVIII век. М., 1890. С. 11.

[8] ПСЗ. Т. XI. № 85004.

[9] *Кабузан В. М.*Изменение в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 70, 94.

[10] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 74.

зом, формирование сословия гильдейского купечества, являющегося одним из объектов исследования настоящей монографии, происходило на основе консолидации верхушки посадского населения.

Купцы (посадские люди) различались по имущественному положению, роду занятий, размаху хозяйственной деятельности, положению внутри посада, участию в работе выборных городских учреждений. По данным середины 60-х годов XVIII в. среди посадских тяглецов лиц, занятых торговлей, насчитывалось до 42, 6%, живущих мастерством — до 15, 4%, черной работой или «находящихся в праздности» — до 42%[11]. Торговый капитал исторически предшествовал промышленному и создавал условия, необходимые для его развития в виде концентрации денежного имущества и расширения сферы обмена, а также создания массы разорившихся непосредственных производителей, превращавшихся в наемных работников. Купцы, вкладывавшие в промышленное производство накопленные в торговой сфере капиталы, не порывали с торговой деятельностью. Более того, вплоть до конца столетия именно торговый капитал, одним из носителей которого являлось городское купечество, господствовал над промышленным. Все это, как нам кажется, делает возможным выделение торговой части посада в качестве самостоятельного объекта исследования.

Обозначенный предмет исследования диктует круг изучаемых учреждений. В него вошли Коммерц-коллегия, комиссии о коммерции и Главный магистрат. Теория меркантилизма, на которую была ориентирована экономическая политика правительства до начала 60-х годов XVIII в., определяла приоритет внешней торговли, обеспечению наиболее благоприятных условий развития которой подчинялась не только внутренняя торговля, но и промышленность. Поэтому ведомства, в управлении которых находилась внешняя торговля, неизбежно занимались и иными отраслями экономики. Не случайно в отдельные периоды реорганизованные Мануфактур- и Берг-коллегии входили в состав Коммерц-коллегии. Вопросы промышленной и финансовой политики затрагиваются в настоящей работе постольку, поскольку они соприкасались с основной внешнеторговой ориентацией экономического курса правительства. Этим объясняется отсутствие среди изучаемых учреждений ведомств, направлявших развитие отечественной промышленности (Мануфактур- и Берг-коллегии), а также главного финансового органа — Камер-коллегии. К тому же все они уже являлись объектом специального изучения[12].В монографии освещаются лишь отдельные

[11] *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 141.

[12] *Бабурин Д. С.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939; *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой полови-

стороны деятельности Камер-коллегии, затрагивавшие накопление и функционирование купеческого капитала, социальное положение посадского населения. В первую очередь это относится к вопросам таможенной политики и таможенной системы, подрядов и откупов.

Большое значение для нашей темы имеет исследование состава и деятельности Главного магистрата как центрального учреждения, осуществлявшего политику государственной власти по отношению к городам и городскому тяглому населению.

Деятельность коллегий и комиссий, как известно, направлялась Сенатом и другими высшими учреждениями страны. Они же осуществляли «апробацию» и представление на подпись монарха подготавливаемых в центральном звене управления проектов тех или иных законодательных решений. Хотя главное внимание в работе обращается на функционирование центральных экономических учреждений, однако анализ их деятельности, тесно взаимодействующей с высшими государственными органами и, в первую очередь, с Сенатом, позволяет выяснить характер взаимоотношений центрального звена управления с высшими органами государственной власти, их роль в разработке и осуществлении важнейших мероприятий в торговой сфере.

Выбранный аспект исследования предполагает решение следующих задач:

1. Рассмотрение истории создания, направлений работы и конкретной деятельности ряда центральных учреждений, в ведении которых находилось управление торговлей и социальная политика правительства по отношению к купечеству.

2. Анализ состава и принципов комплектования чиновников Коммерц-коллегии, комиссий о коммерции и Главного магистрата.

3. Анализ текста регламента Коммерц-коллегии, выявление его редакций и всех подготовительных материалов; круга лиц и учреждений, принимавших участие в разработке основных направлений деятельности коллегии, рассмотрение вопроса степени ориентации на шведские узаконения.

4. Изучение выдвигавшихся купечеством, городовыми магистратами и посадскими обществами экономических и социально-политических вопросов и предлагаемых ими способов их разрешения.

5. Исследование основных направлений, задач, мер и результатов политики правительства в области коммерческого образования, освещение позиции и отношения купечества к правительственному решению

не XVIII в. М., 1953; *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.

этого вопроса и характеристика собственного понимания им задач и форм своего обучения.

6. Рассмотрение той сферы сознания купечества, которая через выдвигаемые им предложения и запросы отражала экономические и социально-политические основы консолидации его в единое сословие.

7. Воссоздание обобщенного портрета «совершенного купца» XVIII в.

Цель работы заключается в том, чтобы на основе исследования обозначенных вопросов выявить место купечества в структуре государственного управления России XVIII в., вскрыть механизм выработки конкретных мероприятий политики абсолютизма в изучаемой области, выяснить реальное воздействие сословного строя на положение городского гражданства, определить условия и особенности процесса складывания купеческого сословия и как общий итог — оценить то место, которое занимали интересы развития торговли, торгового капитала, купечества в экономической и социальной политике государственной власти.

Рассмотрение намеченных вопросов позволяет сделать конкретные наблюдения над некоторыми общими явлениями российской государственности на этапе абсолютизма. Среди них можно назвать следующие: механизм власти и управления; соотношение между земским и бюрократическим началом в системе государственного управления; власть и закон; закон и отношение к нему в обществе; закон и его реальное осуществление; идея общественного служения и особенности самосознания сословий.

Хронологические рамки монографии охватывают период с 20-х до начала 60-х годов XVIII в. Нижняя грань определяется временем создания в ряду новых органов центрального управления экономических коллегий, ведавших вопросами коммерции и купечества. Тогда же начался процесс выделения из массы посадских людей гильдейского купечества. До начала 60-х годов экономическая политика абсолютизма базировалась на идеях меркантилизма, отводивших внешней торговле особую роль в благосостоянии государства. Это повлияло на структуру, направление и характер деятельности экономических коллегий, усилило правительственную регламентацию различных сторон экономической жизни. С начала 60-х годов XVIII в. в экономической политике правительства стали проявляться элементы фритредерства, что сказалось в отказе от казенных и частных монополий в торговой и промышленной сферах, в ориентации на свободу торгово-промышленного предпринимательства. Под влиянием новой социально-экономической и внутриполитической ситуации произошла перестройка внутренних структур

экономических коллегий и комиссий, в завершающую стадию вступил процесс оформления гильдейского купечества в особое сословие.

На всех этапах работы над рукописью монографии автор ощущал постоянное внимание и поддержку со стороны коллектива кафедры истории России до начала XIX в. Исторического факультета МГУ. Ценные советы и полезные замечания были сделаны прочитавшими рукопись Н. Ф. Демидовой, М. Ф. Прохоровым, Н. Н. Репиным, В. А. Федоровым. Всем им автор выражает глубокую признательность. Особую благодарность за неоценимую помощь и дружеское участие автор адресует своему *главному учителю* профессору Н. Б. Голиковой.

* * *

Историография

Вопросы роли купечества в развитии российского абсолютизма, его места в политике государственной власти принадлежат к числу наименее исследованных в рамках проблемы абсолютизма. Это касается как социально-экономических аспектов политики правительства в отношении к купечеству , так и характера функционирования и направлений деятельности тех государственных учреждений, посредством которых эта политика осуществлялась. История государственного управления в целом и отдельных учреждений России XVIII в. много и плодотворно разрабатывалась в историографии второй половины XIX – начала XX вв. Наибольшее внимание уделялось истории государственных учреждений первой четверти XVIII в. как времени реформ и изменения принципов управления[13].

Первым исследователем, давшим очерк создания коллегий и оказавшим сильное влияние на последующие работы по истории петровских учреждений, был П. Н. Милюков. Организация Коммерц-, Берг- и Мануфактур-коллегий, как и присутствие уже в самых ранних проектах реорганизации центрального управления планов создания

[13] *Градовский А.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866; *Петровский С. А.* О Сенате в царствовании Петра Великого. Историко-юридическое исследование. М., 1875; *Филиппов А. Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках (1711-1741 гг.). СПб., 1911; *Берендтс Э. Н.* Несколько слов о «коллегиях» Петра Великаго. Ярославль, 1896 и др.

«коллегиума для торгового дела», по мнению П. Н. Милюкова, отражали усвоенные к тому времени правительством идеи меркантилизма[14].

Широкое распространение в историографии середины—второй половины XIX в. получил тезис о создании петровских коллегий по шведскому образцу. Об этом как об очевидном факте писали К. А. Неволин, С. М. Соловьев, А. Д. Градовский, В. Н. Латкин и др. Основанием этому служили неоднократные законодательные высказывания Петра I об ориентации при проведении реформы центрального управления на шведские коллегии. П. Н. Милюков, сравнив инструкцию шведской Коммерц-коллегии 1651 г. и проект инструкции А. Х. Любераса с регламентом российской Коммерц-коллегии 1719 г., пришел к выводу о «двойном и параллельном влиянии» на него этих материалов[15]. Еще более категорически высказывался на этот счет Э. Берендтс, впервые подробно проанализировавший записку Любераса об устройстве коллегий в России в части ее общей характеристики содержания и направления деятельности планируемых учреждений. Считая, что строй шведских государственных учреждений послужил лишь в некоторой степени образцом для реформы Петра I, Берендтс оценивал записку Любераса в качестве непосредственного образца, сумевшего согласовать общие принципы политики меркантилизма с «ситуацией» страны[16].

Итак, некоторые вопросы истории Коммерц-коллегии рассматривались лишь в плане изложения общих условий порядка осуществления реформы центрального управления в первой четверти XVIII в. на общем фоне создания новых учреждений. За рамками исследований оставались такие вопросы, как внутреннее устройство и функционирование коллегий, характер и направление их деятельности, а также условия выработки определяющих эту деятельность уставов.

О деятельности Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции в 20—30-х гг. XVIII в. бегло упоминалось в работах, посвященных финансово-экономической политике Верховного тайного совета и Кабинета министров, а также биографии А. И. Остермана. Все они написаны на основе законодательных материалов и опубликованных Журналов и протоколов верховных учреждений России[17].

---

[14] *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 421—456.

[15] *Там же.* С. 449.

[16] *Берендтс Э. Н.* Барон А. Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891. С. 20.

[17] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19. М., 1963. С. 146, 235; *Полиевктов М. А.* Остерман, граф Андрей Иванович // Русский биографический словарь. Обезьянинов-Очкин. СПб., 1905. С. 408—409; *Строев В.* Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1 (1730—1735). Очерк внутренней политики императрицы Анны.

Торгово-промышленной политике государственной власти в XVIII в. посвятил ряд исследований Н. Н. Фирсов. В них он показал, что не только городские реформы Петра I, заключающиеся в замене приказного начала самоуправлением, но и мероприятия, направленные на организацию и поддержание крупного торгового оборота, являлись лишь средством обеспечения больших доходов казны[18]. Специальное внимание Фирсов уделил внешнеторговой политике правительства Екатерины II. Впервые в историографии им был поставлен вопрос о связи внешнеторговой политики с идеями общественной мысли и интересами различных слоев общества. Правда, сама политика рассматривалась лишь на уровне проектов, планов, мнений и законодательных актов. Но и они, как полагал Н. Н. Фирсов, свидетельствовали о том, что и в 1760-е годы, несмотря на влияние идей физиократизма, важным средством обогащения государства по-прежнему считалась внешняя торговля. На ее интересы была ориентирована деятельность Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции, равно как и развитие отечественной промышленности и внутренней торговли[19].

Компании, как формы организации торгово-промышленного капитала в период, когда они пользовались наибольшим покровительством со стороны правительства (1699-1762 гг.), стали предметом исследования А. С. Лаппо-Данилевского. В отличие от Н. Н. Фирсова, подошедшего к их изучению как к явлению торгово-промышленной политики, Лаппо-Данилевский стремился рассмотреть условия и обстоятельства возникновения, состав и деятельность отдельных торгово-промышленных компаний. Их создание историк рисует как естественный результат развития русской культуры в XVII-XVIII вв., значительно ускоренный меркантильной политикой правительства в эпоху преобразований[20].

Особое внимание историков «государственной школы» привлекала политика государственной власти по отношению к городам и правовое положение городского населения. Для работ Л. С. Плошинского, А. П. Пригары, И. И. Дитятина, написанных исключительно на законодательных документах, характерным является определение города

Историческое исследование. М., 1909. С. 18-19; *Бондаренко В. Н.* Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913. С. 103-106, 123-144.

18 *Фирсов Н. Н.* Правительство Московской России и Петр Великий в их отношениях к торгово-промышленному классу. Казань. 1891; *он же.* Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия. Казань, 1896.

19 *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 20-25.

20 *Лаппо-Данилевский А. С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899.

через юридические институты, анализ жизни городского населения с точки зрения его правового положения, сведение условий развития городской жизни к состоянию органов городского самоуправления. В их трудах наглядно выявлена фискальная точка зрения государственной власти по отношению к посаду и создаваемым в нем учреждениям[21].

Близкие по характеру вопросы исследует в своих работах А. А. Кизеветтер. Однако их отличает широта и разнообразие источниковой базы. Помимо традиционных законодательных актов, он использовал извлеченные им из архивов делопроизводственные материалы центральных и местных учреждений, материалы ревизий, источники личного происхождения (челобитные, записки и предложения купцов) и др. В работе «Посадская община в России XVIII ст.» Кизеветтер рассматривает устройство посадской общины, ее состав, источники роста посадского населения, его численность, подати и службы, посадское самоуправление. Исследование деятельности магистратских учреждений, выполненное И. И. Дитятиным, А. А. Кизеветтер дополняет изучением истории посадского схода, который, по его словам, являлся действительным органом городского самоуправления. На большом фактическом материале он показывает зависимость органов городского самоуправления от разного рода административных учреждений. В его оценке местные магистраты, будучи выборными по принципам комплектования, по характеру своей деятельности оставались преимущественно государственно-бюрократическими органами. Обрисовав тяжесть государственных податей и служб, падавших на посадских людей, Кизеветтер приходит к выводу об отсутствии в России XVIII в. благоприятных условий для городского развития[22].

Социокультурное направление изучения российского купечества зарождается в XVIII в. Это было связано с общественным признанием роли купечества в экономическом развитии страны, обогащении и процветании государства. К нему, на наш взгляд, можно отнести те сочинения, которые адресовались непосредственно купцам и были предназначены для их профессионального образования и развития. Речь идет о начавшей выходить в 40-е годы, но ставшей заметным явлением в последней трети XVIII в. литературе, посвященной вопросам коммерции. В ней наряду со сведениями о товарах и различных типах тор-

[21] *Плошинский Л. С.* Городское и среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейшего времени. СПб., 1852; *Пригара А. П.* Опыт истории состояния городских обывателей при Петре Великом // ЖМНП. Т. 135-136. СПб., 1867; *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Т. I. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875.

[22] *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 619-658.

говли, о системе мер и весов разных государств, денежном счете, бухгалтерии, торговых книгах и принципах их ведения содержались немногочисленные, но крайне ценные замечания, позволяющие судить о складывавшемся в представлениях современников образе «совершенного купца», об отношении их к объему знаний и чертам личности купца, обеспечивающих успех его деятельности. Конечно, эти сочинения для исследователей нашего времени в первую очередь имеют ценность как исторический источник, важный для характеристики отдельных сторон общественного сознания купечества, форм и способов овладения им профессиональными знаниями. Но и в историографическом плане они имеют самостоятельный интерес, как произведения, в которых впервые были намечены подходы и характеристики историко-культурного плана[23].

По-настоящему изучение социокультурного облика русского купечества как в плане постановки вопросов, так и накопления необходимого для этого материала и в меньшей степени его осмысления фактически началось в пореформенное время. Тогда стали издаваться работы, посвященные биографиям отдельных представителей торгово-промышленного мира. В них наряду с данными о жизни и торгово-промышленной деятельности купца содержались любопытные сведения, рисующие семейные связи, быт, культурные запросы и отношение к образованию в купеческой среде, личные и деловые качества купцов, семейный и общественный уклад жизни[24].

Общим моментом, сближающим эти работы, являлось то, что их авторы не были историками-профессионалами. Они стремились не столько исследовать, то есть объяснить те или иные явления и черты, присущие купеческой среде, сколько представить их такими, какими они рисовались им на основании документального материала и собственных воспоминаний и впечатлений. Эти работы по существу привлекли внимание исторической науки к разработке социокультурного облика купечества. Из поставленных в них вопросов наибольшее развитие полу-

[23] *Савари Ж.* Совершенный купец. СПб., 1747; *Чулков М.* Наставление необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей. М., 1788; *Фомин А.* Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках // Новые ежемесячные сочинения. Ч. XXIV, 1788 и др.

[24] Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 1-3. М., 1865-1867; *Смирная Е.* Данила Яковлевич Земской, один из птенцов Петра Великого // Русская старина. СПб., 1883. Октябрь—декабрь (№ 10); *Маркевич Л. И.* Калужские купцы Дехтеревы. Одесса, 1891; *Вишняков Н.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. Ч. 1-3. М., 1905—1911. См. также: *Нилова О. Е.* Вопросы культурного облика московского купечества конца XVIII — начала XIX века в дореволюционной историографии // Вопросы истории русской культуры в отечественной и зарубежной историографии. М., 1986.

чили сюжеты общего и специального образования в купеческой среде. Оценивая различные мероприятия Екатерины II и подмечая явные несоответствия между декларациями и реальными результатами ее политики в области образования, историки искали объяснение этому в неподготовленности русского общества к восприятию «просветительских» идей императрицы. По их мнению, закоренелое невежество и косность не позволили русским купцам оценить и откликнуться на те предложения и начинания, которые прямо были направлены на развитие отечественной коммерции и подъем культурного уровня купечества[25].

Единственным историком, который не удовлетворился подобным ответом на вопрос, был А. А. Кизеветтер. В статье «Школьные вопросы нашего времени в документах прошлого века»[26], не ограничившись изучением только официальных проектов и планов и законодательных актов в области просвещения, он поставил задачу разыскания и изучения частных проектов и их сопоставления с «руководящими принципами правительственной школьной политики». В частности, Кизеветтер подробно рассмотрел донесение архангелогородского посада, присланное в Комиссию о коммерции в 1764 г. Сопоставление его с принципами, положенными в основу общеобразовательной школы 80-х гг. XVIII в., выявило «раздвоение правительственных планов с общественными запросами в сфере школьного дела», что, по мнению Кизеветтера, и определило провал правительственных предначертаний. Таким образом, А. А. Кизеветтер не только по-новому подошел к исследуемому вопросу, показав неверность укоренившихся представлений «об отсталости общественных понятий», но и вскрыл ограниченность возможностей официальных документов в раскрытии различных аспектов правительственной политики.

История Коммерческого училища, открытого в 1772 г. в Москве, а в конце столетия переведенного в Петербург, представлена в «Историческом очерке...» М. М. Богоявленского и сочинении А. Г. Тимофеева[27]. Оба автора московский период существования училища рассматривали на исторических материалах (письмах И. И. Бецкого, журналах

[25] *Чечулин Н.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. СПб., 1889. С. 28; *Бочкарев В.* Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии 1767 года. Пг., 1915. С. 20; *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество...С. 166-174.

[26] *Кизеветтер А. А.* Школьные вопросы нашего времени в документах прошлаго века // Образование. СПб., 1899. Февраль.

[27] Исторический очерк Санкт-Петербургского коммерческого училища, читанный директором М. М. Богоявленским в день столетняго юбилея училища, 6 декабря 1872 г. СПб., 1872; *Тимофеев А. Г.* История Санкт-Петербургского коммерческого училища. Т. I. СПб., 1901

совета училища, расходных книгах и устных преданиях), собранных инспекторским помощником Коммерческого училища В. С. Подшиваловым[28]. Эти материалы были единственным источником изучения жизни и быта заведения в первые десятилетия его истории.

Во второй половине XIX — начале XX в. был опубликован ряд записок и сочинений купцов, увидели свет городские наказы в Уложенную комиссию 1767 г., вышли фундаментальные публикации А. Найденова по истории московского купечества. На их основе появились новые исследования. Особое внимание историков привлекали проекты купцов первой четверти XVIII в. и екатерининского царствования[29]. В. Н. Латкин впервые в историографии показал историю выборов в екатерининскую комиссию и раскрыл содержание дворянских и городских наказов, сопоставив их с проектами, увидевшими свет уже после ее роспуска. Главный вывод, сделанный историком, заключается в сугубо сословных, эгоистических устремлениях и дворянства, и торгово-промышленных слоев общества[30].

Советские историки при оценке экономической и социальной политики абсолютизма, определении ее сущности и характера исходили из анализа взаимоотношений государственной власти с различными классами и сословиями феодальной России. Различия в понимании соотношения и растановки социальных сил в обществе, возможностей их воздействия на политику правительства определили расхождения среди историков в оценках факторов и условий становления и развития абсолютизма в России, его характера. Признавая в качестве единственно научной методологии истории формационный подход и связывая начало эпохи нового времени преимущественно с генезисом капитализма, историки расходились в оценках соотношения феодального и буржуазного в природе и политике абсолютной монархии.

Согласно взглядам М. Н. Покровского в начале XVIII в. «торговый капитализм» как особая социально-экономическая система одержал победу над феодализмом, а торговый капитал, концентрировавшийся исключительно в руках казны за счет ее якобы полной монополии во

---

[28] Исторические известия о Демидовском коммерческом училище...СПб., 1888.

[29] *Милюков П. Н.* Указ. соч.; *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великаго. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 82-88; *Кизеветтер А. А.* О происхождении городских депутатских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г. // Исторические очерки. Из истории политических идей. М., 1912; *Кудряшов П.* Отношение населения к выборам в Екатерининскую комиссию // Вестник Европы. 1909. Кн. 12; *Вознесенский С. В.* Городские наказы в Екатерининскую комиссию 1767 г. // ЖМНП. СПб., 1909. № 12; *Брикнер А. А.* Большая комиссия // ЖМНП. СПб., 1881 и др.

[30] *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Т. I. СПб., 1887. С. 550.

внешней торговле, стал определять как внешнюю, так и внутреннюю политику России. Господство торгового капитала проявлялось по мнению Покровского не только в области экономики, но и в виде создания политической формы этого господства — «бюрократического абсолютизма». Что касается «русского купечества», то его «было весьма мало и, можно сказать, что уже и вовсе не было». Таким образом, «эпоха торгового капитализма» в схеме Покровского оказалась без торгового класса[31].

Критика различных сторон концепции М. Н. Покровского, развернувшаяся в 30-е и продолжавшаяся в начале 40-х годов, сопровождалась переосмыслением отечественной истории в целом и точки зрения на российский абсолютизм, его учреждения, положение и роль отдельных сословий и социальных групп[32]. Было обращено внимание на усиление в середине—второй половине XVII в. влияния купечества на политику государственной власти в результате возвышения его экономической роли. В то же время были подвергнуты критике взгляды Б. И. Сыромятникова на буржуазный характер реформ Петра I[33].

Из дискуссии по проблеме абсолютизма, развернувшейся в 1960-1970-е годы параллельно с обсуждением общих вопросов перехода от феодализма к капитализму и генезиса капитализма в России, был сделан вывод о необходимости дальнейшего исследования соотношения феодальных и буржуазных тенденций и элементов в экономической и социальной жизни России, в природе и политике абсолютной монархии конца XVII-XVIII вв. В ходе дискуссии подчеркивалась важность учета интересов купечества, промышленников, капиталистых крестьян при оценке политики дворянской — по своей классовой сущности — абсолютной монархии в России[34].

---

[31] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен // Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 520, 567-568, 583 и др.

[32] Против исторической концепции М. Н. Покровского. Часть первая. М.—Л., 1939; Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Часть вторая. М.—Л., 1940.

[33] *Базилевич К. В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // Известия АН СССР. VII серия. Отд. общественных наук. 1932. № 2; *он же.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Уч. зап. Моск. гос. ун-та. Вып. 41. История. М., 1940; *Сыромятников Б. И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М., 1943. С. 60-65, 78, 81, 93, 139 и др. (Рецензии: Лебедев В. и Юшков С. Исторический журнал. 1944. № 10-11; Бахрушин С. В. Известия АН СССР. Серия История и философия. 1944. № 2).

[34] *Черепнин Л. В.* К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI-XVIII вв.). // Черепнин А. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981; *Троицкий С. М.* О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // ИССCP. 1969. № 3; *Преображенский А. А.* О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России // ИСССР. 1971. № 2. С. 111-117; *он же.* К изучению самосознания русско-

Значительный фактический материал накоплен в отечественной историографии по истории внутренней и внешней торговли, продуктивно разрабатывается проблема взаимовлияния внешней торговли и социально-экономического развития России в XVIII в.[35] Несравненно меньше работ посвящено изучению разработки отдельных мероприятий торговой политики. Среди них статьи М. Я. Волкова, посвященные подготовке и осуществлению таможенной реформы 50-х годов XVIII в., статьи Р. И. Козинцевой, в которых рассмотрена история создания первого русского таможенного тарифа 1724 г., его дальнейшая переработка и принятие нового тарифа в 1731 г., статья В. В. Лебедева, посвященная истории русско-английских торговых отношений и заключению договора 1734 г.[36] Внешнеторговая восточная политика России сквозь призму истории торговых компаний 50-х годов XVIII в., отношение купечества к ним и позиции, занимаемые различными правительственными партиями, рассматривались в статье и монографии А. И. Юхта[37].

Экономическая политика правительства 50-х—начала 60-х годов XVIII в., особенно связанная с осуществлением проектов П. И. Шувалова и серией мероприятий, намеченных на заседании Конференции при Высочайшем дворе 5 января 1761 г., направленных на создание более благоприятных условий для развития промышленности и торговли, в исторической литературе оцениваются с точки зрения стремления правительства к увеличению государственных доходов; поддержки торгово-предпринимательской деятельности дворян и связанных с их интересами торгово-промысловых операций крестьян ради обеспечения помещичьего хозяйства новыми источниками доходов и, наконец, вынужденного учета интересов складывающейся буржуазии. Под последней подразумевается торгово-промышленное купечество, своей

го купечества XVII в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 210-213.

[35] *Репин Н. Н.* Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х годов XVIII в. Автореферат дисс. доктора ист. наук. Л., 1986; *он же.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты). Учебное пособие. Омск, 1989.

[36] *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен в России // ИСССР. 1957. № 2; *он же.* Таможенная реформа 1753-1757 гг. // ИЗ. Т. 71. М., 1962; *Козинцева Р. И.* От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960; *она же.* Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции // Проблемы источниковедения. Кн. X. М., 1962; *Лебедев В. В.* Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Уч. зап. Моск. гос. ун-та. Вып. 167. Кафедра истории СССР. 1954. С. 121-132.

[37] *Юхт А. И.* Торговые компании в России в середине XVIII в. // ИЗ. Т. 111. М., 1984. С. 288-290; *он же.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е годы XVIII века). М., 1994. С. 102-127, 131-140, 163-175.

деятельностью создававшее те новые «сдвиги» в экономике страны, которые исследователями обычно характеризуются как буржуазные[38].

В их числе называются купеческое промышленное предпринимательство 40-50-х годов, активизация отечественного купечества в овладении внешними рынками и всем рыночным оборотом вообще, их участие в консульской службе, в разработке ряда социально-экономических вопросов. Отражением этих «сдвигов» в экономической жизни являлись такие мероприятия правительства, как отмена внутренних таможен, создание купеческого банка, организация новой Комиссии о коммерции и т. д. Наконец, в ряду аналогичных явлений рассматриваются многочисленные и разнообразные записки и проекты по финансовым и шире — экономическим вопросам как представителей правящих кругов России, так и различных слоев русского общества[39].

Отмена внутренней таможенной системы признается всеми исследователями как буржуазная по своей объективной сущности реформа. Но ее социальная направленность толкуется по-разному. Н. Л. Рубинштейн считал, что вопрос об отмене внутренних таможен впервые был возбужден по инициативе группы крупных купцов во главе с тулениным Федором Володимировым, обратившихся в 1741 г. в Коммерц-коллегию[40]. С. М. Троицкий, оценивая проект П. И. Шувалова, также полагал, что в нем «отражены требования крупного купечества и мануфактуристов, заинтересованных в ликвидации неравного обложения внутренней торговли, и учтены фискальные интересы государства»[41]. М. Я. Волков, напротив, подчеркивал, что ни масса посадского населения, ни крупное купечество не требовали ликвидации внутреннего таможенного обложения. Он упрекал Н. Л. Рубинштейна в переоценке влияния крупного купечества на экономическую программу П. И. Шувалова, отражавшую, по его мнению, в первую очередь позицию дворянства в отношении внутренней таможенной системы[42]. Наконец, в новейшем исследовании программы социально-экономических преобразований П. И. Шувалова сделан вывод о том, что пере-

[38] *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х-начала 60-х годов XVIII в.) // ИЗ. Т. 38. М., 1951. С. 214-217; *Преображенский А. А.* Город, деревня и государственная власть в России в XVII-XVIII вв. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 9; *Шмидт С. О.* Внутренняя политика России середины XVIII века // ВИ. 1987. № 3. С. 51-56.

[39] *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 35-113; *Юхт А. И.* Денежная система в России (20-е — начало 60-х гг. XVIII в.) // ОИ. 1992. № 5.

[40] *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия...С. 215.

[41] *Троицкий С. М.* Финансовая политика...С. 68.

[42] *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен в России. С. 82—86, 90—91.

стройку налоговой системы России 50-х годов нельзя оценивать как отражение, главным образом, интересов дворянства, стремившегося к увеличению доходов от эксплуатации крестьян. «Доминирование общенациональных интересов над классовыми — важнейший момент его программы»[43].

В отличие от послепетровского времени торгово-промышленная политика правительства первой четверти XVIII в. долгое время оценивалась однозначно прогрессивно, как направленная на преодоление отсталости страны, развитие торговли и в особенности промышленности и поддержание купечества. При этом она рассматривалась как единая по своему содержанию и направленности[44]. Первым, кто показал, что экономическая политика Петра не была неизменной по целям и результатам и распадалась на два этапа, был Н. И. Павленко. На первом этапе, вплоть до 1718 г., политика правительства по отношению к торгово-промышленному населению характеризовалась ростом бремени его повинностей, сокращением источников накопления капиталов в связи с введением государственной монополии на внутреннюю и внешнюю торговлю некоторыми товарами, разорительными последствиями правительственной регламентации функционирования купеческого капитала. Средства добытые для ведения войны, гражданского и военного строительства, обернулись для купечества упадком и разорением. В итоге только в течение последних 7—8 лет первой четверти XVIII в. правительство Петра I стало осуществлять широкую программу мер поощрения промышленности и торговли[45].

Дальнейшее развитие идеи Н. И. Павленко получили в работах Е. В. Анисимова. Правда, он не склонен оценивать изменение экономической политики, произошедшее к 20-м годам XVIII в., как принципиальное по своему характеру: «Суть происшедшего состояла в смене не принципов, а акцентов промышленно-торговой политики». Главные же принципы, остававшиеся неизменными, заключались, во-первых, в активном воздействий государства на сферу экономики и, во-вторых, в распространении крепостнических социальных отношений на мануфактурную промышленность. И то и другое исследователь оценивает однозначно отрицательно, имея в виду перспективу развития буржуазных отношений, поскольку и в экономическом, и в

[43] *Корякина Е. П.* Программа социально-экономических преобразований П. И. Шувалова. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1992. С. 17-18, 22.

[44] *Спиридонова Е. В.* Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952; История русской экономической мысли. Т. 1. М., 1955.

[45] *Павленко Н. И.* Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века // ИСССР. 1978. № 3.

социальном плане они затруднили или даже пресекли возможное, по его мнению, развитие капиталистических тенденций, а следовательно «движение по тому пути, по которому уже давно шли другие европейские народы»[46].

Начиная с 1960-х годов в отечественной историографии вновь возрождается интерес к изучению государственных учреждений, их роли в экономической и социально-политической жизни страны. В настоящее время наилучшим образом изучены центральные учреждения первой четверти XVIII в. и, в первую очередь, история создания некоторых коллегий (Главного магистрата, Юстиц-коллегии, Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии, Камер-коллегии)[47], выработка их регламентов[48], роль иностранных образцов при проведении административных реформ в России[49], складывание аппарата управления[50].

В современной отечественной историографии признается факт влияния западноевропейского законодательства на систему права и характер административных реформ первой четверти XVIII в. Однако подчеркивается, что в том случае, когда заимствование действительно имело место, оно происходило в виде творческого процесса, а не слепого копирования идей, норм права и политических институтов. Анализ регламентов Мануфактур- и Берг-коллегий, предпринятый Д. С. Бабуриным и Н. И. Павленко, не обнаружил в них прямых заимствований из шведского законодательства[51]. Существенной переработке по сравнению со шведским оригиналом был подвергнут регламент Глав-

[46] *Анисимов Е. В.* Петр I. Рождение империи // ВИ. 1989. № 7.; *он же.* Время петровских реформ. М., 1989. С. 296–299.

[47] *Водарский Я. Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961; *Стешенко Л. А.* Образование коллегии Юстиции (1719-1725) // Вестник Моск. ун-та. Серия Право. 1966. № 6; *Стешенко Л. А., Софроненко К. А.* Государственный строй в России в первой четверти XVIII века. М., 1973.

[48] *Водарский Я. Е.* Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) // Проблемы источниковедения. Т. X. М., 1962.

[49] *Некрасов Г. А.* Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975; *Троицкий С. М.* Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века // ВИ. 1977. № 2.

[50] *Демидова Н. Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964; *она же.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974; *Медушевский А. Н.* Развитие государственного аппарата управления России в первой четверти XVIII века. // ИССCР. 1983. № 6.

[51] *Бабурин Д. С.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939. С. 77; *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953. С. 102.

ного магистрата. Отечественный опыт, по мнению С. М. Троицкого, играл решающую роль при выработке регламента Камер-коллегии[52].

Разнообразные области реформы центрального и местного управления первой четверти XVIII в. рассмотрены в сочинении шведского историка К. Петерсона «Административные и судебные реформы Петра Великого»[53]. Его работу отличает привлечение архивных материалов (РГАДА, Государственного архива Швеции) и стремление связать утверждение абсолютизма в России с социально-экономическими процессами, происходившими в стране в то время. Главная цель исследования, как ее определяет сам автор, заключается в выяснении степени и характера влияния шведского законодательства на административные реформы Петра I. С этой целью он анализирует русские и шведские нормативные акты, сравнивает структуру, штаты, компетенцию соответствующих учреждений, и приходит к выводу о сильной зависимости петровских административных реформ от шведских прототипов. В новейшей монографии Е. В. Анисимова административные реформы Петра I предстают как результат соединения шведской камералистской системы и традиционной самодержавной власти[54].

Иной подход к проблеме западноевропейского влияния на административные реформы петровского времени демонстрирует монография А. Н. Медушевского. В ней осуществлено сравнительно-источниковедческое исследование Табели о рангах 1722 г. в ряду других аналогичных законодательных актов разных стран Европы. Причем их анализ предпринят не для выяснения конкретных заимствований или отсутствие таковых, а с точки зрения наличия типологического сходства европейских административных систем конца XVII — первой четверти XVIII в. Это сходство, по мнению автора, состоит в переходе от традиционных и в своей основе феодальных принципов организации службы к новым, рациональным основам ее устройства. Причем типологически сходная перестройка системы управления в Западной Европе рассматривается как эталон для подражания, взятый в России и в других странах, вставших на путь «догоняющего развития», в качестве ориентира[55].

---

[52] *Водарский Я. Е.* Проект регламента Главного магистрата...; *Троицкий С. М.* Об использовании опыта Швеции...С. 72.

[53] *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judisial Reforms. Swedish Anticedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979.

[54] *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

[55] *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России XVIII века. Сравнительно-историческое исследование. М., 1994. С. 149.

В значительно меньшей степени и в отечественной, и в зарубежной историографии изучена конкретная деятельность центральных учреждений, ведавших определенной областью управления. В большинстве работ эта задача даже не ставилась. Исключение составляют исследования Д. С. Бабурина и Н. И. Павленко. рассмотревших деятельность Мануфактур- и Берг-коллегий по осуществлению промышленной политики правительства, а также работа С. М. Троицкого, в которой показано формирование и развитие системы центральных финансовых учреждений[56]. Наблюдения об отдельных сторонах деятельности Коммерц-коллегии, Главного магистрата, комиссий о коммерции имеются в исследованиях по истории торговли, особенно внешней и других вопросов, находившихся в ведении этих учреждений. Однако в силу особых задач таких работ основное внимание в них, естественно, уделялось истории самого вопроса, а не той роли, которую эти органы управления играли в их постановке и разработке.

Правовое положение городского тяглого населения и политика государственной власти по отношению к купечеству и городу в целом в советское время изучалась главным образом применительно к петровским преобразованиям и ко времени проведения областной и сословно-податной реформы 1775-1785 гг. Имеются новейшие исследования, посвященные реформе посадского управления конца XVII – начала XVIII в. В статье Е. В. Чистяковой поставлен вопрос о многоаспектном изучении городской политики – демографическом, экономическом и муниципальном. В. Р. Тарловская обратила внимание на необходимость рассмотрения городской реформы как результат столкновения различных ведомств и социальных групп[57]. Магистратская реформа 20-х годов XVIII в. нашла отражение в работах А. В. Муравьева по учреждению Московского магистрата и Я. Е. Водарского, посвященных начальному периоду организации Главного магистрата, истории выработки и анализу его регламента[58].

---

[56] *Бабурин Д. С.* Указ. соч.; *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности...; *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. С. 17-34.

[57] *Чистякова Е. В.* Городская политика русского правительства накануне реформ Петра I // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. *Тарловская В. Р.* Из истории городской реформы в России конца XVII – начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI- XVIII вв. М., 1991.

[58] *Муравьев А. В.* Образование московского магистрата // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1963. № 3; *Водарский Я. Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961; *он же.* Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) // ПИ. Т. X. М., 1962.

В оценке областной реформы 70-х годов исследователи подчеркивали ее ярко выраженный классовый характер, проявлявшийся в усилении диктатуры дворянства на местах, укреплении устоев самодержавно-крепостнического государства. С. М. Троицкий показал ее преемственность с дворянскими проектами 60-х годов о создании «третьего чина» людей. Ю. Р. Клокман проследил ее связь с материалами Уложенной комиссии 1767 г. Предложения, направленные на расширение сословных привилегий городских торгово-промышленных кругов и ущемление интересов значительной части городского населения определялись С. М. Троицким как реакционные по своему характеру[59]. В. В. Рабцевич так же оценивает политику абсолютизма конца XVIII в. по отношению к городам в целом. П. Г. Рындзюнский считал более уместным говорить о консервативных чертах сословно-податной реформы 1775 г.[60] В то же время в исторической литературе имеются характеристики городского законодательства Екатерины II как ограниченно способствовавшего прогрессу и направленного на поддержку высших слоев городской буржуазии[61].

При всех различиях во взглядах историков на городскую реформу Екатерины II оценка ее давалась в единственной плоскости соотношения понятий «феодальной — буржуазный», а сама реформа рассматривалась вне связи с иными проявлениями преобразовательной деятельности императрийцы и обосновывавшей ее политической доктрины. В последние годы в отечественной историографии в связи с поиском новых путей к пониманию российского исторического процесса получили распространение взгляды на реформы и контрреформы в России в эпоху нового времени как борьбу между рациональными и традиционными принципами построения и управления общества и государства[62]. Шагом вперед является осмысление законодательства последней трети XVIII в., в том числе в области сословной политики, сквозь призму политико-идеологической доктрины «просвещенного абсолютизма», реализация которой оценивается как целостная государственно-

[59] *Троицкий С. М.* Дворянские проекты создания «третьего чина» // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 236; *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.

[60] *Рабцевич В. В.* Политика абсолютизма по отношению к городам Западной Сибири в 80-х годах XVIII в. — первой четверти XIX в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974. С. 202; *Рындзюнский П. Г.* Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 95.

[61] *Преображенский А. А.* Город, деревня и государственная власть...С. 9.

[62] *Медушевский А. Н.* Указ. соч.; *Каменский А. Б.* Реформы в России XVIII века в исторической ретроспективе // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1994.

политическая реформа, «в ходе которой сформировался новый государственный и правовой облик абсолютной монархии»[63]. Главным стержнем реформаторских замыслов и законодательной деятельности Екатерины II признается проблема правового обустройства сословий, а через них и всего общества в целом. При этом сами реформы оцениваются как «редкий для России пример успешного воплощения в жизни целостной политической программы», как необходимый этап на пути эволюции России в сторону гражданского общества[64].

Современная отечественная историография в целом унаследовала взгляды историков второй половины XIX — начала XX в. на характер и состояние городского самоуправления. В работах подчеркивается фискальная заданность политики государственной власти по отношений к купечеству и городу, бессилие и зависимость городского управления перед государственным аппаратом дворянской монархии[65]. В то же время отечественные историки, признавая слабость и зависимость органов городского самоуправления от государственной власти, не распространяют свой вывод на характеристику города как такового, на оценку его значения в экономических, политических, общественно-культурных процессах. В работах по социально-экономической истории русский город XVIII в. предстает как динамично развивающийся, жизнеспособный социальный организм. Напротив, в ряде работ современной американской историографии отсутствие истинной городской автономии и самоуправления рассматривается как важнейший и достаточный показатель слабого развития русского «доиндустриального» города, его отсталости и отклонения от западной модели[66]. Характерные черты городского строя западноевропейского города выступают в качестве универсальной сущности города вообще[67]. Исторически обусловленная особенность внутреннего строя русских городов, определявшаяся спецификой их функций и назначений, вызванной

[63] *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 371.

[64] *Каменский А. Б.* Сословная политика Екатерины II // ВИ. 1995. № 5-6. С. 43-44.

[65] *Кафенгауз Б. Б.* Город // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 162; *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 48, 384-385; *Рафиенко Л. С.* Социальный состав сибирских магистратов в 40-80-х гг. XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1967. № 1. Вып. 1; *он же.* Посадские сходы в Сибири XVIII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура народов Сибири досоветского периода). Новосибирск, 1974; *Рабцевич В. В.* Социальный состав органов городского самоуправления Западной Сибири в 80-х гг. XVIII — первой четверти XIX в. // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977.

[66] *Baron S.* The town in «feudal» Russia. // Slavic Review. 1969. Vol. 28. P. 116-122; *Hittle C.* The Service city: State and townsmen in Russia. 1600-1800. Cambridge, 1979.

[67] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 262, 267, 268 и др.

своеобразием характера всего социального организма русского общества, не признается и не осмысливается авторами таких работ.

В середине 80-х годов с задачей пересмотра положения о жалком состоянии общественного самоуправления в русском городе XVIII — первой половины XIX в., о его полной зависимости от центрального государственного аппарата выступил Б. Н. Миронов. Поскольку государственный аппарат был слишком слаб, чтобы полностью взять управление в свои руки даже в XVIII в., правительственные органы осуществляли управление на местах, опираясь на выборных представителей посадских миров, в руках которых, по мнению исследователя, находилась исполнительная и в значительной степени полицейская и судебная власть. Городские учреждения, как считает Миронов, стоявшие под контролем посадской общины, управляли не только местными делами, они функционировали также и как общегосударственные органы власти в качестве помощников и исполнителей воли центральной власти. В итоге, делает вывод автор, «в самом абсолютистском государстве в Европе практически все взрослое мужское население города по очереди участвовало в его управлении»[68]. Этот крайне спорный тезис Б. Н. Миронова, противоречащий тому богатейшему документальному материалу, который был накоплен историографией конца XIX — начала XX вв., убеждает в необходимости дальнейшего изучения реального функционирования всех звеньев системы городского управления в России в XVIII в.

Социально-экономические, политические и общественно-культурные запросы и предложения купцов исследованы в лучшей степени применительно ко второй половине XVIII в. Наибольшее внимание историков, как и в историографии конца XIX — начала XX вв., привлекали городские наказы в Уложенную комиссию 1767 г. Имеются работы, посвященные истории написания и анализу содержания наказов отдельных городов, регионов и городов Европейской России в целом[69]. Предметом специального рассмотрения в исторической литературе являлись также социально-экономические и политические

---

[68] *Миронов Б. Н.* Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии // Генезис развития феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. С. 167-169; *он же.* Американская буржуазная историография русского феодального города // ВИ. 1984. № 7.

[69] *Сивков К. В.* Наказ жителей Москвы депутату Комиссии 1767 г. и законодательная деятельность императрицы Екатерины II в 60-80-х гг. XVIII в. // Уч. зап. Моск. пед. ин-та. М., 1949. Т. 60; *Недосекин В. И.* Материалы законодательной комиссии 1767 г. по Воронежской губернии как исторический источник // Уч. зап. Балашовского пед. ин-та. Балашов, 1956. Т. I; *Покровская И. М.* Наказы от городов Сибири в Уложенную комиссию 1767 г. как исторический источник // АЕ за 1961 год. М., 1962; *Клокман Ю. Р.* Указ. соч.

требования промышленников[70], ответы городовых магистратов на анкету Комиссии о коммерции 60-х годов XVIII в.[71], проекты организации торгового кредита[72]. Относительно более раннего периода ряд работ посвящен взглядам И. Т. Посошкова[73]. В то же время в исторической литературе отсутствует развернутая характеристика экономических и социально-политических запросов городского купечества второй четверти XVIII в., хотя имеются работы, рассматривающие отдельные их требования и предложения. В частности, предметом изучения являлось отношение посадов к податной политике абсолютизма в 20-х годах XVIII в.[74], борьба крупного купечества за овладение украинским рынком[75] и реакция купцов на таможенную политику правительства и таможенные порядки во второй четверти XVIII в.[76], коллективные предложения российских купцов, «санктпетербургских жителей», поданные в 1727 г. в недавно созданную Комиссию о коммерции[77] и социально-политические взгляды городского купечества, рисуемые на основе этих предложений[78].

К литературе, посвященной нуждам и требованиям купечества, примыкает работа У. М. Поляковой «В. В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60-90-х гг. XVIII в.». Для второй половины XVIII в. Полякова считает возможным говорить «о формировании классового самосознания буржуазных элементов русского общества в процессе их превращения в класс буржуазии»[79].

---

[70] *Павленко Н. И.* Из истории социально-экономических требований русской буржуазии во второй половине XVIII в. // ИЗ. Т. 59. М., 1957; *он же.* История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. Гл. VIII, § 4.

[71] *Рафиенко Л. С.* Ответы сибирских городов на анкету Комиссии о коммерции как исторический источник // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975.

[72] *Боровой С. Я.* Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII века // ИЗ. Т. 33. М., 1950. С. 95-97, 99-100, 104.

[73] *Кафенгауз Б. Б.* И. Т. Посошков. М., 1951; *Платонов Д. Н.* Иван Посошков М., 1989; *Зайченко А. Б.* Политические и правовые взгляды И. Т. Посошкова // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М., 1980.

[74] *Троицкий С. М.* Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х годах XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 432, 435-436.

[75] *Волков М. Я.* Из истории борьбы за украинский рынок во второй четверти XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1961. № 1.

[76] *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен в России // ИСССР. 1957. № 2.

[77] *Козинцева Р. И.* Предложения «российских купцов, санктпетербургских жителей» — источник для экономической истории второй четверти XVIII в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964.

[78] *Козлова Н. В.* К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия История, 1987. № 6.

[79] *Полякова У. М.* В. В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60—90-х гг. XVIII в. // ИСССР. 1958. № 2. С. 98.

В целом в оценке характера требований купцов и промышленников в исторической литературе высказывались различные точки зрения, начиная от определения их как программы буржуазии, стремящейся к экономическому и политическому господству[80], до преимущественно феодальной ориентации самосознания нового класса, находившегося на самой ранней стадии формирования[81].

В современной отечественной историографии отсутствуют работы, в обобщенном виде представляющие социокультурный облик купечества XVIII в. В отличие от многочисленных исследований, посвященных социально-экономической характеристике купечества, крайне мало таких работ, в которых затрагивались бы даже отдельные стороны интересующей нас проблемы. История быта, семьи, нравов, образования освещалась, как правило, мельком в трудах общего характера: о купечестве в целом, а также по истории России и русской культуре. При этом в оценках и характеристиках авторы опирались не на новый исторический материал, а на работы дореволюционных авторов. Только в последнее десятилетие стали появляться исследования, вводившие в научный оборот новые исторические данные[82]. Их осмыслению способствует начавшаяся разработка структуры и методики историко-психологических исследований[83].

Вне внимания исследователей оставался вопрос общего и специального образования купцов. Накопленные в дореволюционной историографии наблюдения и оценки без их критического осмысления воспроизводились в работах советского времени[84].

Для решения вопроса о грамотности городского населения России XVIII в. привлекались различные источники, содержащие рукоприкладства (подписи) посадских людей. Методика изучения рукоприкладств для суждения о грамотности различных категорий населения была предложена А. И. Соболевским еще в прошлом столетии[85]. В настоящее время имеется несколько работ, на локальном материале предлагающие наблюдения о степени грамотности посадских людей[86].

---

[80] *Недосекин В. И.* Указ. соч. С. 270.

[81] *Павленко Н. И.* Из истории социально-экономических требований... С. 534.

[82] *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978; *он же.* Город и городской образ жизни // Очерки русской культуры. Т. 4. М., 1990.

[83] *Дилигенский Г. Г.* Некоторые методологические проблемы исследования больших социальных групп // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; *Пуцыкович О. Д.* Историко-психологическое исследование: предполагаемая структура и возможные источники // Культура средних веков и Нового времени. М., 1987 и др.

[84] *Бахрушин С. В.* Московская буржуазия // История Москвы. Т. 3. М., 1954.

[85] *Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV-XVII вв. СПб., 1894.

[86] *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958. С. 283, 285; *Волков М. Я.* О грамотности посадских людей Торжка в начале

Новую методику изучения грамотности городского и сельского населения предложил Б. Н. Миронов. С помощью экстраполяции данных переписи 1897 г. он определяет процент грамотных мужчин и женщин среди 10-19-летней «когорты» горожан и сельских жителей в 1757-1787 гг.[87]

О духовных запросах купцов и возможностях их удовлетворения свидетельствуют не только отношение к образованию, но и наличие в их среде домашних библиотек, как и их состав. Анализу состава библиотек верхушки московских купцов-промышленников, питейных компанейщиков посвящена статья Н. А. Баклановой и раздел монографии С. П. Луппова[88]. В обеих работах использованы описи имущества 13 винных откупщиков, относящиеся к 1738 г.

Важной составной частью социокультурной характеристики любого социального слоя, группы, сословия является исследование социальной психологии, моральных черт и норм поведения, системы ценностей, присущих этому слою. Одной из первых работ, посвященных характеристике социальной психологии российского купечества XVIII в., была статья М. М. Громыко, написанная на основе писем, прошений, доношений сибирских купцов. В ней автор показывает, что в сознании сибирского купечества XVIII в. наряду с представлениями и мотивами поведения, свойственными средневековому горожанину, бытовали ростки некоторых идей, характерных для буржуазной идеологии[89].

В отечественной историографии еще со времен князя М. М. Щербатова закрепилось мнение об исключительном стремлении верхушки купечества к одворяниванию, в котором для нее, якобы, заключался единственный выход из приниженного социального положения[90]. Однако до сих пор единственными специальными работами, в которых исследуются пути получения дворянства верхушкой купечества в лице крупных откупщиков и промышленников, а также причины этого

XVIII века // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1982. С. 79-81.

[87] *Миронов Б. Н.* Грамотность в России 1797—1897 годов. Получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования // ИССССР. 1985. № 4. С. 148-149.

[88] *Бакланова Н. А.* О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в. // ТОДРЛ ин-та Русской литературы. Т. 14. М.—Л., 1958; *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. Л., 1976. С. 249-253.

[89] *Громыко М. М.* К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII в. // ИССССР. 1971. № 3. С. 64-71.

[90] *Щербатов М. М.* Размышления о ущербе торговле, происходящем выхождением великого числа купцов в дворяне и в офицеры // Соч. Т. 1. СПб., 1896; *Миронов Б. Н.* Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // ИССССР. 1991. № 1. С. 98-99.

явления в XVIII в., являются труды Н. И. Павленко и А. И. Аксенова[91]. Правда, в них в силу стоявших перед авторами задач в основном учтены только владельцы металлургических мануфактур и московское купечество, что не позволяет в полной мере судить о масштабе этого явления, крайне важного для оценки социальной ориентации общественного сознания купечества. До сих пор у нас нет работ, в которых бы с исчерпывающей полнотой были выявлены все купцы, по разным каналам получившие в течение XVIII в. дворянские права, как личные, так и потомственные, а также все случаи домогательств купцами дворянского звания. Только, проведя такие разыскания, мы получим сведения об истинных масштабах процесса одворянивания купцов в XVIII в. и сможем судить о реальной ценности, которую имело это звание в сознании купечества. От ответа на этот вопрос во многом будет зависеть оценка социально-политического облика купечества.

Отдельные аспекты предлагаемой проблемы исследовались автором настоящей монографии в ряде статей. Среди них вопросы организации Коммерц-коллегии и состава ее чиновников; развернувшаяся в начале 1730-х годов подготовка городской реформы; особенности состава и статуса служителей Главного магистрата; организация коммерческого образования; социально-политические запросы российских купцов в 20-х годах XVIII в.; черты самосознания и особенности менталитета российского купечества; правовая основа торговой деятельности в России в XVIII в.[92]

В качестве итогов обзора литературы предлагаются следующие выводы:

1. Вопросы роли купечества в развитии российского абсолютизма, его места в политике государственной власти, как и социально-экономическая и социокультурная сущность формирующегося купеческого сословия, по-прежнему остаются практически не изученными. Существенные разногласия среди историков имеются в оценках степени

[91] *Павленко Н. И.* Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. // ИСССР. 1961. № 2; *он же.* История металлургии в России...; *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 85-87.

[92] *Козлова Н. В.* Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1989. № 4. С. 36-38; *она же.* Коммерц-коллегия в 20-50-е годы XVIII в. // Государственные учреждения России в XVII-XVIII вв. М., 1991; *она же.* Попытка городской реформы в России в 30-х годах XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1991. № 4; *она же.* Купцы в структуре государственного управления России XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1994. № 5; *она же.* Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994.

влияния запросов и интересов купцов на политику государственной власти и в определении характера этого влияния.

2. К числу наименее исследованных центральных государственных учреждений России XVIII в. относятся те из них, что ведали вопросами коммерции и управления городским тяглым населением. По существу при всей обширности отечественной и зарубежной историографии проблемы почти нет работ, специально посвященных хотя бы отдельному вопросу истории Коммерц-коллегии, Главного магистрата, комиссий о коммерции.

Деятельность Главного магистрата как центрального учреждения, осуществлявшего практическую политику государственной власти по отношений к городам и городскому тяглому населению не являлась предметом специального изучения. Между тем именно она раскрывает не только место и роль города в политике абсолютизма, но и рисует сложный характер взаимодействий и столкновений по отношению к купечеству интересов различных ведомств и социальных групп. К этому следует добавить, что до сих пор нет работ, посвященных выяснению места купечества в структуре государственного управления России XVIII в.

3. В результате усилий нескольких поколений историков в настоящее время можно судить об основных идеях, которые выдвигали торгово-промышленные слои русского общества XVIII в., какие условия русской действительности вызывали их к жизни, в какой мере экономические теории отечественной мысли перекликались с идеями, распространенными в Западной Европе, какое воздействие эти идеи оказывали на политику правительства. Однако оценка этих идей, как и характеристика общественного сознания купечества, рисуемая на основе различного рода записок, предложений и доношений купцов, осуществлялись без учета происходившего на протяжении многих десятилетий XVIII столетия процесса консолидации верхушки городского тяглого населения в единое купеческое сословие. Это диктует необходимость освоения ранее не известного фактического материала и нового уровня осмысления уже хорошо знакомого.

Источники

Монография основана на разнообразных источниках, главным образом архивных, извлеченных из 13 фондов Российского Государственного архива древних актов (РГАДА), Санкт-Петербургского филиала

архива Российской Академии наук (СПб. ф-л архива РАН) и Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Основной источниковой базой послужили материалы РГАДА из фондов Сената (№ 248), Коммерц-коллегии (№ 276), Комиссии о коммерции (№ 397), Камер-коллегии (№ 273), Воронцовых (№ 1261), Главного магистрата (№ 291).

Весь комплекс источников подразделяется на законодательные акты, делопроизводственные документы, материалы личного происхождения и источники литературного характера.

Законодательные акты эпохи абсолютизма, их отличительные особенности по сравнению с предшествующим временем уже являлись предметом источниковедческого изучения. Обращалось внимание на увеличившуюся активность законотворчества государственной власти, что было связано с характерной для абсолютизма верой во всесилие власти и закона и вызванным ею стремлением к регулированию и регламентированию всех сфер государственной и общественной жизни. Эта же особенность идеологии абсолютизма вызвала к жизни новые виды законодательных актов — регламенты, инструкции, уставы и пр. Эти нормативные акты определяли основные направления и порядок работы соответствующих учреждений, либо правовую основу функционирования конкретной области государственного хозяйства.

Помимо регламентов и инструкций коллегий, законодательных актов, в которых воплощались конкретные мероприятия городской и торговой политики правительства, в монографии использовались материалы, возникавшие в процессе их разработки: редакции, поправки и предложения, поступавшие от отдельных лиц и учреждений, иноземные образцы, завершенные, но не получившие силу закона документы, как, например, редакции регламента Коммерц-коллегии 1721 и 1754 гг. или «Привилегия» Санкт-Петербургу 1732 г. Их использование дает возможность лучше понять механизм разработки правительственного курса на том или ином этапе экономической политики.

Если публикации законодательных актов представлены целым рядом капитальных дореволюционных изданий[93], то единственной до сих пор публикацией материалов, возникших на разных этапах работы над законодательными документами, позволяющих проследить условия и обстоятельства их выработки, является многотомный труд Н. А. Воскресенского «Законодательные акты Петра I», ставший итогом 20-летних архивных изысканий автора (1920-1930-х годов). К

[93] ПСЗ. Собр. 1. Т. 1-45. СПб., 1830; Свод законов Российской империи. Т. 1-15. СПб., 1832; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 1-6. СПб., 1880--1901.

сожалению, из подготовленных им к печати пяти объемных томов документов свет увидел только первый том[94]. В нем собраны материалы по истории высших и центральных органов государственного управления, выработки Генерального регламента и регламентов некоторых коллегий (Иностранной, Камер- и Штатс-контор-коллегий). Для темы нашего исследования среди неопубликованных документов наибольший интерес представляют общие государственные установления по созданию коллегий, а также акты и все материалы, рисующие городскую политику правительства, его отношение к купечеству и торговле. Особое значение имеют также редакции регламентов Коммерц-коллегии и Главного магистрата и относящиеся к их выработке проекты, поправки, «мнения», записки, переводы иностранных законодательных актов. Последние включают в себя «Градское Уложение Королевства Шведского» — компиляцию из актов городского права Швеции, подготовленную Г. Фиком (участник реформы центрального управления, голштинец по происхождению, принятый на русскую службу)[95]. Другие иностранные источники, в частности регламенты шведской Коммерц-коллегии 1651 и 1723 гг. извлечены нами из Санкт-Петербургского филиала архива РАН[96]. Их сопоставление с аналогичными русскими источниками дает возможность судить о характере заимствования и степени иностранного влияния на законотворчество российских правителей, о чертах самобытности проводимой ими политики по отношению к городам и купечеству.

В целом можно только сожалеть, что столь ценный для науки труд Н. А. Воскресенского, воплотивший принципиально новую методику издания исторических материалов и не имевший аналогов в отечественной историографии, в основной своей части до сих пор остается не опубликованным.

Среди законодательных документов особое значение для выяснения направления работы Коммерц-коллегии, Главного магистрата и Комиссий о коммерции, определения круга вопросов, находившихся в их ведении, причин рассмотрения тех или иных вопросов на заседаниях имеют указы, поступавшие к ним из Сената и его конторы, Верховного тайного совета, Кабинета министров и других высших органов власти. Часть указов, имевших законодательную силу, опубликована, другие, особенно обладавшие распорядительным характером, сохранились в фондах учреждений, к которым они адресовались.

---

[94] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Т. 1. М.–Л., 1945.

[95] ОР РНБ. Ф. 1003. № 7-11.

[96] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 569. Л. 160-331.

В фонде Главного магистрата имеются книги именных указов (копии и подлинники), Сената и его конторы и других высших учреждений за все годы интересующего нас периода существования Главного магистрата — с 1719 по 1726 г. и после его восстановления с 1743 по 1763 г., за исключением 1744, 1746, 1748, 1751, 1759, 1761-1763 гг. Указы Сената, присылаемые в Коммерц-коллегию, сохранились за все время ее существования с 1716 по 1811 г.[97] Напротив, аналогичные документы, связанные с деятельностью первой Комиссии о коммерции, из-за распыленности ее архива по разным фондам и архивохранилищам нам обнаружить не удалось. Стремясь восполнить этот пробел, мы обратились к фонду Сената, среди материалов которого имеются книги указов и приговоров, адресованных различным учреждениям. Копии указов и определений Сената, направлявшихся во вторую Комиссию о коммерции, сохранились за весь период ее деятельности от декабря 1760 до января 1762 г.[98]

По своему характеру подобные указы высших органов власти относились скорее не к законодательным, а делопроизводственным документам, оформлявшимся в виде указов при адресовании их от вышестоящего учреждения к нижестоящему. Получая из Сената указы, коллегии обменивались друг с другом промемориями, а обращаясь к местным учреждениям, рассылали собственные указы, которые также составляли часть делопроизводственной документации. Такие указы Сената или коллегий являлись началом или итогом рассмотрения того или иного вопроса и оформлением принятого по нему решения. О самом решении и обстоятельствах его выработки свидетельствуют приговоры Сената, коллегий и комиссий, излагавшиеся в протоколах и журнальных записях заседаний. Журналы и протоколы заседаний Главного магистрата сохранились, за редким исключением, за все годы его существования. Аналогичные материалы Коммерц-коллегии, напротив, представлены фрагментарно, лишь за отдельные месяцы некоторых годов[99].

Подлинные протоколы первой и второй Комиссии о коммерции сохранились в их фонде[100]. Особенно полно протоколы первой Комиссии о коммерции имеются за 1727-1729 гг., на которые приходится период ее наибольшей активности. Их ценность повышается наличием

---

[97] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2941-3041.
[98] Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 33.
[99] 1722 г. (август—октябрь), 1726 г. (сентябрь, ноябрь), 1729 г. (сентябрь), 1730 г. (июнь—июль), 1739 г. (август, ноябрь), 1740 г. (ноябрь—декабрь), 1741 г. (январь—ноябрь), 1742 г. (март), 1745 г. (ноябрь), 1758 г. (сентябрь), 1759 г. (сентябрь), 1764 г. (декабрь), 1765 г. (январь) — РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6.
[100] Там же. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188, 189, 190-193.

разнообразных подготовительных материалов, предшествующих принятию приговора, завершающего рассмотрение того или иного вопроса. Они позволяют судить об обстоятельствах выработки решений комиссии, оформлявшихся затем через ее доношения в Верховный тайный совет в виде указов. Этим представленные документы существенно дополняют известную многотомную публикацию Журналов и протоколов Верховного тайного совета и Кабинета министров, содержащую в том числе утвержденные этими высшими органами управления доношения Комиссии о коммерции[101].

Книги приговоров Сената включают несколько десятков дел, относящихся к вопросам, находившимся в ведении Главного магистрата, Коммерц-коллегии, Комиссии о коммерции и Мануфактур-коллегии. Как правило, отдельные «дела» возникали по доношению соответствующей коллегии, по челобитью отдельного лица или по указу из высших органов власти. О рассмотрении их в Сенате свидетельствует журнальная запись, которая находится в каждом из таких «дел». Решение Сената, внесенное в виде приговора в журнальную запись, оформлялось затем в виде указа соответствующему учреждению. Если вопрос требовал конфирмации императрицы, то на высочайшее имя составлялся доклад Сената.

Особое значение доклады и приговоры Сената, журналы и протоколы коллегий и комиссий имеют для изучения основных направлений интересующих нас аспектов политики правительства, содержания, характера и порядка работы этих органов управления. Что касается существа рассматриваемых вопросов, то из-за краткости изложения порой трудно представить его в полном объеме. Как правило, в журналы не вносились мнения участников заседаний, за исключением тех случаев, когда в результате обсуждения не удавалось прийти к единому мнению. Правда, краткость журнальных записей порой дополнялась подробными протоколами. Так, в протоколе Комиссии о коммерции от 28 ноября 1760 г. имеются все поправки (21), внесенные членами комиссии в текст подготавливаемого торгового договора с Англией, а в протоколе от 8 декабря того же года содержатся 89 поправок текста астраханского тарифа[102]. Хотя такие случаи были не единичны, использование журналов и протоколов не освобождает от необходимости привлечения и другого делопроизводственного материала, отложившегося в фондах этих учреждений и сгруппированного в отдельные дела. Их состав и объем зависел от содержания вопроса, того внимания, которое ему уделялось со

[101] Сб. РИО. Т. 60, 63, 79, 84, 94.
[102] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 20-28 об., 37-41, 45-47.

стороны высших органов власти и управления, продолжительности его разработки и осуществления.

Большой интерес представляют именные списки и сказки канцелярских служителей и чиновников Коммерц-коллегии и Главного магистрата за 1729, 1736 и 1754-1755 гг., сохранившиеся в фондах этих учреждений и ранее не привлекавшиеся исследователями. Их изучение позволяет дополнить имеющиеся в исторической литературе наблюдения о составе бюрократического аппарата России середины XVIII в.

Итак, группа делопроизводственных материалов включает в себя разные по характеру документы. Одни из них, подобно указам, промемориям, доношениям, возникали в процессе общения государственных учреждений разного уровня друг с другом, а потому раскрывают характер их взаимоотношений и место в структуре государственного управления. Другие (доклады и приговоры Сената, журналы и протоколы коллегий и комиссий, а также сопутствующие им материалы) фиксировали все этапы рассмотрения тех или иных вопросов на заседаниях центральных и высших учреждений. Они позволяют зримо и конкретно увидеть механизм функционирования интересующих нас учреждений. Третьи рисуют процесс формирования и эволюцию состава аппарата управления государственных учреждений.

Особое значение делопроизводственные материалы имеют для раскрытия мотивов и обстоятельств выработки конкретных мероприятий политики правительства по отношению к городам и купечеству, они помогают также представить формы и степень их практической реализации. В результате исследования реального воплощения замыслов государственной власти, реакции на нее купечества проливается новый свет на характер их взаимоотношений. Делопроизводственные материалы позволяют дополнить, а нередко и скорректировать наблюдения над политикой правительства, рисуемой на основе только законодательных документов.

К источникам личного происхождения относятся записки, проекты, предложения и челобитные посадских обществ и отдельных купцов в центральные и высшие учреждения страны. Эти обращения городского населения давали толчок к постановке и обсуждению в соответствующих коллегиях и Сенате выдвигавшихся в них вопросов, являлись одним из непосредственных источников правотворчества правительства. Рассмотрение проектов, посвященных вопросам коммерции и купеческих тягот, входило в круг задач как первой (1727-1732 гг.), так и второй (1760-1762 гг.) комиссий. Поэтому им передавались поступавшие в Сенат, в коллегии и даже на высочайшее имя доношения, проекты и челобитные. Так, в декабре 1731 г. в Комиссию о коммерции при указе

Сената были присланы поданные из разных мест доношения и отписки о делах, «принадлежащих до комиссии»[103]. Подобные факты были не единичны. Кроме того, согласно указам Верховного тайного совета от 12 июня 1727 г. и Сената от 23 ноября 1760 г. города и отдельные купцы могли обращаться в Комиссию с жалобами и предложениями, служащими «к распространению и умножению купечества»[104]. Указами разрешалось присылать и анонимные предложения.

Изучение истории и судьбы архива двух комиссий о коммерции[105] убеждает в том, что ныне существующий в РГАДА фонд Комиссии охватывает лишь часть некогда составлявших этот архив материалов. Спустя год после роспуска второй Комиссии о коммерции при императорском дворе была воссоздана третья по счету Комиссия о коммерции, которой по традиции были переданы архивы двух первых комиссий. Прерывность существования комиссий о коммерции на протяжении 20-х — начала 60-х годов XVIII в., неоднократные передачи их архивов из одного учреждения в другое привели к распылению многих ее материалов не только по фондам Сената и Коммерц-коллегии, но и разрядам Госархива, куда они попали вместе с бумагами А. И. Остермана, возглавлявшего первую Комиссию о коммерции, а также личным архивам А. Р. Воронцова, являвшегося в 1764-1791 гг. руководителем Коммерц-коллегии.

Стремясь хотя бы приблизительно представить масштаб запросов купцов и городских обществ о своих нуждах в 1720-х — начале 1760-х годов, мы обобщили все известные нам случаи их письменных обращений, используя для этого реестры[106], журналы и протоколы комиссий о коммерции, а также сохранившиеся доношения и проекты или же косвенные о них упоминания как в собственном фонде Комиссии о коммерции, так и в других фондах и хранилищах. В итоге за середину 20-х — начало 60-х годов XVIII в. нам известны не менее 250 доношений, проектов, челобитных и предложений российских и иностранных купцов, посадских обществ и городовых магистратов. По своему характеру эти обращения с мест подразделяются на доношения от магистратов и ратуш; индивидуальные или коллективные челобитные купцов о своих нуждах и запросах и проекты, в которых поднимались и

[103] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 550. № 93.

[104] ПСЗ. Т. VII. № 5093. Т. XV. № 11146.

[105] *Козлова Н. В.* К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. С. 48-49.

[106] Имеются в виду реестры на дела комиссий о коммерции, составлявшиеся при передаче их архива во время очередной реорганизации. (РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 191-193; Оп. 3. Д. 1065. Л. 7-16; Ф. 1261. Оп. 6. Д. 103. Д. 4-21 об.; СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 550. Д. 487-494 об.).

предлагались средства разрешения общих и частных вопросов отечественной коммерции. Полнота сведений о каждом из них зависит от того, располагаем ли мы самим текстом или же имеем только упоминание о нем в реестре или журнальной записи. В последних случаях содержание записок и доношений излагалось весьма кратко, а нередко и в самом общем виде.

Особый характер имеет реестр недатированных проектов «для нового прибавления в купечестве и коммерции», обнаруженный нами среди бумаг графа А. И. Остермана, хранящихся в фонде «Финансы» РГАДА (бывший Госархив, р. XIX)[107]. В нем перечислены 13 проектов, видимо, поступивших в Комиссию о коммерции в бытность А. И. Остермана ее главой. Помимо отсутствия дат проектов, в реестре нет и сведений об их авторах, что, как правило, присутствует в ранее упомянутых сводных реестрах и журнальных записях. В итоге все содержание реестра сводится к краткому, но достаточно внятному изложению сути перечисленных проектов.

Обращения магистратов и ратуш, когда бургомистры и ратманы выражали коллективные запросы и требования местных купцов, имели официальный характер, оформлялись по обычному образцу и подписывались членами магистратского присутствия. Обоснованием их обращения в правительственное учреждение служила ссылка на прошение, поступившее в местный магистрат или ратушу от купцов. В ней обычно указывалось имя первого челобитчика и число его «товарищей». В итоге даже при отсутствии подлинной челобитной купцов по магистратскому доношению можно судить не только о ее содержании, но и о составителях.

Индивидуальные и коллективные челобитные купцов подписывались всеми участниками, число которых порой достигало несколько десятков человек. В том случае, когда челобитная известна нам не в подлиннике, а в копии, подписи отсутствуют, а о ее составителях мы узнаем либо из вводного текста, либо из сопровождавших копию челобитной делопроизводственных материалов. Значительно сложнее решается вопрос об авторстве проектов, посвященных общим и частным вопросам российской коммерции. Многие купцы воспользовались предоставленным им правом не подписывать свои обращения в Комиссию о коммерции. Анонимность проектов сами авторы нередко обосновывали стремлением бескорыстного служения «общественной пользе».

Доношения и челобитные, направлявшиеся купцами в центральные учреждения, были индивидуальными и коллективными. Причем

[107] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 244.

участниками коллективных обращений могли быть как купцы одного города (что встречалось чаще), так и купцы разных мест. Последние, как правило, объединялись для совместного письменного представления правительству по вопросам, касающимся условий торговли с иностранными купцами и организации торговли при Петербургском порте. География городов, откуда приходили доношения и челобитные купцов, охватывала Центр, Север и Северо-Запад, Поволжье, Урал и Западную Сибирь. Всего в выявленных нами источниках упомянуто более 50 городов. Таким образом, можно говорить о том, что направляемые в центральные учреждения доношения, челобитные и проекты представляли нужды и требования широких слоев российского купечества из разнообразных регионов страны.

Не только российские, но и иноземные купцы через подаваемые записки стремились представить центральному правительству свои интересы и свое видение путей развития российской коммерции. За 20-е—начало 60-х годов XVIII в. мы располагаем сведениями о почти 30 проектах и записках иностранных купцов, торговых агентов и находившихся на русской службе иноземцев. Среди них были английские, голландские, немецкие, армянские купцы, голландский агент Фонденбург, прусский консул Мардефельд, вице-президент Коммерц-коллегии Г. Фик, советник Михалис, асессор Гарцын и другие. Большинство записок иноземцев известно по экстракту, составленному в Комиссии о коммерции в 1732 г. Он включил изложение содержания 25 проектов, поступивших в Комиссию о коммерции с момента ее учреждения. Каждый пункт того или иного проекта сопровождался ремаркой комиссии, в которой фиксировалась судьба данного предложения («решилось тарифом», «отказано», «о некоторых решено», «решено и в портовый устав внесено» и т. д.)[108]. На основании экстракта не только достаточно полно предстают запросы иностранного купечества и взгляды представителей иностранных чиновников центральных учреждений по вопросам коммерции и торговой политики, но и степень учета этих запросов при выработке реального курса экономической политики.

Источники литературного характера представлены литературой о коммерции (ее издание началось в России в конце 40-х годов XVIII в., а массовый характер приняло с 60-х годов) и немногочисленными записками, дневниками, мемуарами купцов XVIII в. Большинство изданных в России работ, посвященных вопросам коммерции[109], представляло со-

[108] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-37 об.

[109] В 60-90-х годах XVIII в. было издано более 20 наименований книг о коммерции (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. Т. 1-5. М., 1963-1967).

бой перевод французских, немецких, реже английских сочинений, либо компиляции из разных иностранных книг. В сочинениях о коммерции излагались сведения о товарах и различных типах торговли, о системе мер и весов разных государств, денежном счете, бухгалтерии, торговых книгах и принципах их ведения, содержались многочисленные примеры решения задач, могущих возникнуть в процессе обращения товаров, что должно было способствовать обучению купцов различным приемам торгового искусства. Изучение подобной литературы помогает представить тот круг знаний и качеств, которые в представлениях современников были необходимы для «совершенного купца».

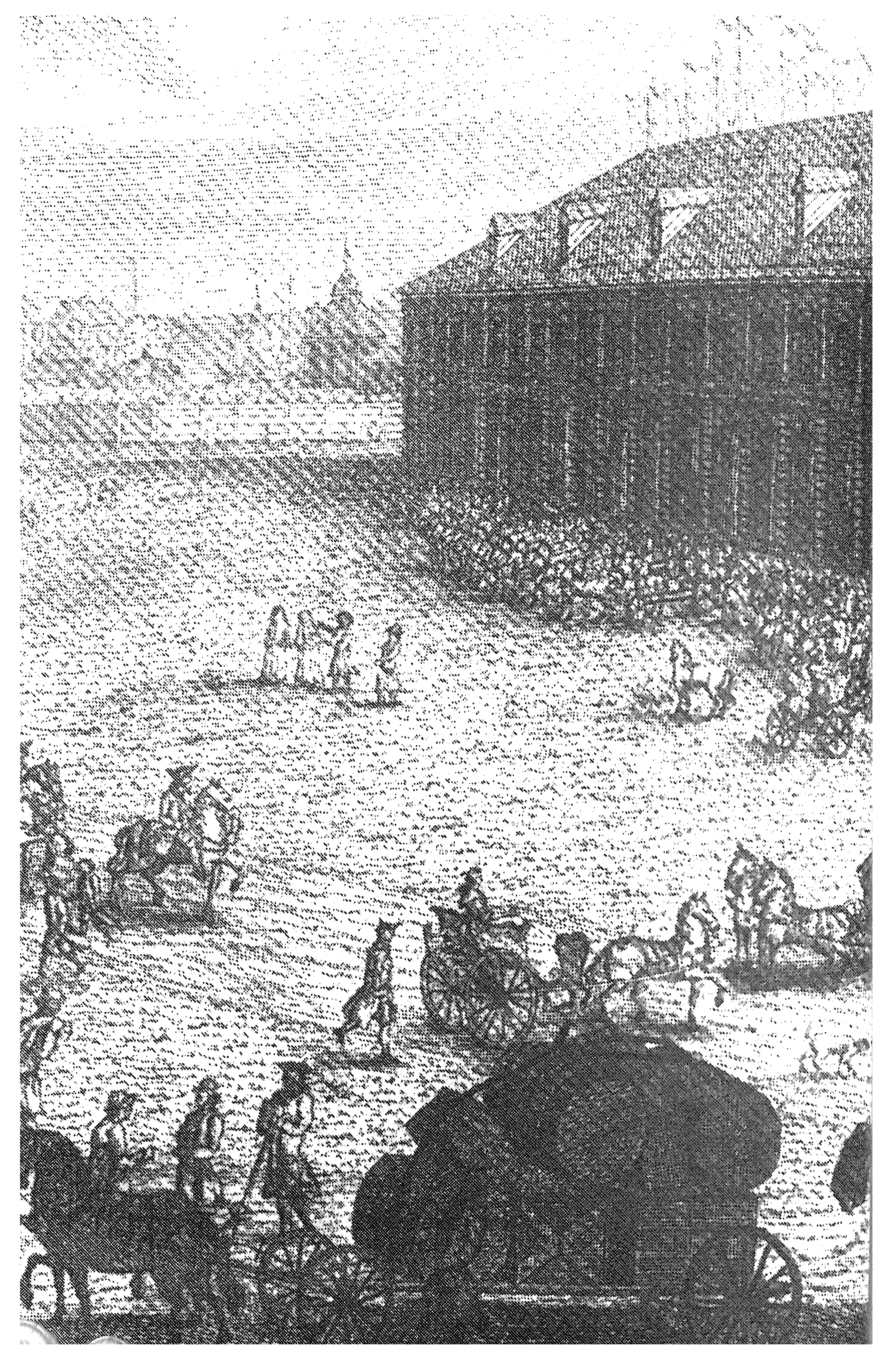
Как известно, документы личных архивов купцов за редким исключением не сохранились. Тем большую ценность имеют немногочисленные записки и дневники купцов, рисующие их жизненную и торговую биографии, средства и формы обучения, личные качества, семейный и общественный быт[110].

Подводя итоги характеристике использованных источников, во всем объеме впервые вводимых в научный оборот, хочется подчеркнуть многочисленность и разнообразие входящих в состав каждого из их типов материалов. Особой пестротой и в то же время значимостью для исследования многих вопросов нашей темы отличаются делопроизводственные документы и источники личного происхождения. Все они в совокупности с источниками других типов позволяют решать поставленные в работе задачи.

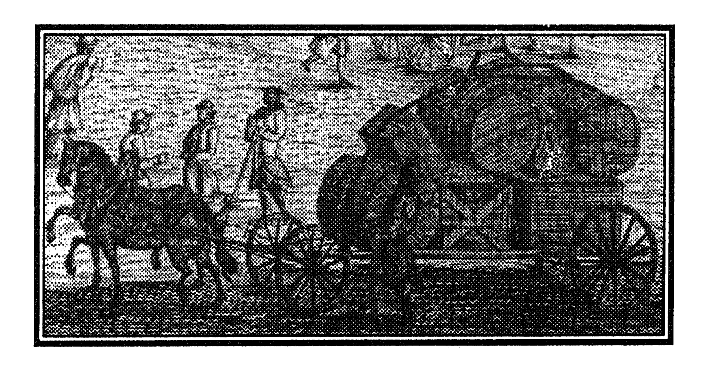
[110] *Баранщиков В. Я.* Нещастныя приключения Василья Баранщикова мещанина Нижняго Новагорода в трех частях света...СПб., 1787; *Березин А. П.* Сокращенная жизнь покойного санкт-петербургского купца первой гильдии Александра Петровича Березина, писанная по его воле незадолго до кончины // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 2: *Вишняков Н.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. Ч. 1-3. М., 1905-1911; *Добряков Т. С.* Сказание о московском 1-й гильдии купце Семене Прокофьевиче Васильеве // Душеполезное чтение. 1860. № 8; Записка, найденная в бумагах покойного купца С-ва // Пермский сборник. Кн. 2. М., 1860; Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974.

Российская
Государственная
библиотека

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КУПЕЧЕСТВО И ВОПРОСЫ КОММЕРЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ И ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Организация и принципы комплектования Коммерц-коллегии

Утверждение абсолютизма в первой четверти XVIII в. сопровождалось созданием новой централизованной системы государственного управления. В ее центральном звене было организовано несколько коллегий, в ведении которых сосредоточивалось управление экономической жизнью страны. Внешняя история реформы центрального управления неоднократно излагалась в исторической литературе[1], что избавляет нас от необходимости рассматривать основные этапы ее проведения. Для нас важно обратить внимание на то, какое место отводилось Коммерц-коллегии при реорганизации центрального управления.

Самые ранние свидетельства о составлении Петром I первоначального общего плана коллегий относятся к 1715 г. Но уже 12 февраля 1712 г. в именном указе Сенату было «велено учинить коллегиум для торгового дела исправления, чтоб оную в лутчее состояние привесть»[2]. «Коллегиум» учреждался в Москве в составе иноземцев («ибо, — как говорилось в петровском указе, — без прекословия есть, что их торги несравнительно лутче есть наших») и московских знатных купцов. Из иноземцев в нее вошли нарвские жители Дидмор, Бомгарт и Голштен да дерптский житель Тиберт. Обер-комиссар Дмитрий Соловьев, которому Сенат поручил организацию коллегиума, выбрал из московских купцов 12 человек: по трое из гостей и гостиной сотни и шестеро

---

[1] *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; *Берендтс Э. Н.* Несколько слов о «коллегиях» Петра Великаго. Ярославль, 1896; *Некрасов Г. А.* Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

[2] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Т. 1. М.–Л., 1945. № 247.

из слободских жителей[3]. Все они были заметными фигурами в торговой жизни Москвы, а некоторые (С. Панкратьев и И. Стрежнев) в первой четверти XVIII в. неоднократно привлекались правительством для участия в работе над проектами торговых договоров, таможенного тарифа 1724 г. и другими вопросами[4]. Однако начатая было работа по выработке штата коллегиума осталась незавершенной, а вхождение в его состав купцов не получило законодательного подкрепления[5].

Состав и основные направления деятельности коллегиума были определены входившими в него иноземцами в особых «пунктах». В них ставились перед персонами, «в гражданских управлениях искусных», три задачи: 1. Усиление внешнеторгового оборота России за счет притока иностранных товаров и привлечения иностранных купцов; 2. Соблюдение российских интересов; 3. Пресечение «непотребностей, которые купечество портят»[6]. Согласно этим пунктам, деятельность создаваемого учреждения должна была сосредоточиваться вокруг вопросов внешней торговли России, которую, по предложению иноземцев, следовало развивать таким образом, чтобы «союзникам, с которыми уже протоколы о коммерции учинены, не шкодно было и чтоб с иными землями... можно держать в купечестве». Членам коллегиума надлежало изыскивать средства, «которые б иностранных возбудили, чтоб они товаров изобильно привозили». О соблюдении же интересов русских купцов говорится вскользь: «Дабы и здешние неотягчены были». Таким образом, бросается в глаза выдвижение на первый план интересов иностранного купечества, торговавшего в России. Такое направление деятельности учреждения, создаваемого с целью приведения российской торговли «в лутчее состояние», не могло удовлетворить Петра I. Нежелательный характер для правительства приняла и работа коллегиума по пересмотру таможенной политики. Остзейские купцы, обрисовав порядок взимания пошлин в Риге, Ревеле и Нарве под властью Швеции и подчеркнув, что «кроме портов во всех шведских городах как подданные, так и приезжие никаких товаров пошлин не плачивали», предложили установить такие же порядки и в России, что означало бы ликвидацию внутренних таможен. Однако феодальное государство, получая значительные доходы от обложе-

[3] Из гостей: Алексей Филатьев, Семен Панкратьев, Федор Семенников; из гостиной сотни: Матвей Григорьев (Евреинов), Степан Цымбальщиков, Федор Старцов; из слобожан: Иван Стрежнев, Владимир Щеголин, Дмитрий Глазунов, Иван Короткой, Афонасий Павлов, Павел Дьяконов (РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 5. Л. 2).

[4] См.: *Козинцева Р. И.* Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции // ПИ. Кн. X. М., 1962. С. 158.

[5] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 423.

[6] РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.

ния внутренней торговли таможенными сборами, было заинтересовано в сохранении этих доходов. Только изменение позиции дворянства в отношении внутренней таможенной системы под влиянием втягивания в рыночные отношения как самого дворянства, так и широких слоев зависимого крестьянства, заставило правительство в середине столетия приступить к подготовке таможенной реформы[7]. О неприемлемости для казны таких предложений в рассматриваемое время заявил Д. Соловьев: «Ежели по оному предложению збирать пошлину в Российском государстве, — подчеркнул он, — и от того может учинитца во всех таможнях великий недобор и убыток»[8].

Некоторое влияние деятельность коллегиума, возможно, оказала на отдельные мероприятия таможенной политики правительства. В частности, позиция московских купцов, входивших в состав коллегиума, могла повлиять на появление указа 1714 г. об отмене «новоуравнительной» пошлины, взимаемой с местных оптовых покупателей[9].

В целом состав и направление деятельности первого «Коллегиума для торгового дела», видимо, правительство не удовлетворили. Во всяком случае о его дальнейшей работе ничего не известно, вероятно, она продолжена не была. Однако примечательна сама попытка создать — за несколько лет до осуществления реформы центрального управления — учреждение, призванное ведать вопросами торговли и существовавшее на коллегиальных основах. Она свидетельствует о том значении, которое придавалось развитию торговли, в первую очередь внешней, в политике российского абсолютизма, о поиске на практике организационных принципов функционирования такого учреждения.

В 1715 г. начинается непосредственная подготовительная работа по учреждению коллегий. Первоначально численность их определялась по-разному. В беглых заметках Петра I от 14 января 1715 г. упомянуты три центральных учреждения: Рудный приказ, «суд под Сенатом» (т.е. Юстиц-коллегия) и Коммерц-коллегия. Но в записке от 23 марта того же года, помеченной «о коллегиях к соображению», перечисляются уже шесть коллегий, в том числе также Коммерц-коллегия[10], которая с тех пор неизменно присутствовала в перечне планируемых центральных учреждений, несмотря на неоднократно производимый его пересмотр. Это говорит о том, что необходимость создания особого центрального учреждения, ведавшего вопросами торговли, была правительством Петра I осознана давно и твердо.

---

[7] *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен в России // ИСССР. 1957. № 2.
[8] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 424.
[9] РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 5. Л. 12 об. –15 об.; ПСЗ. Т. V. № 2773.
[10] *Воскресенский Н. А.* Указ. соч. № 23, 254.

В исторической литературе высказано положение о том, что проект Петра I об устройстве шести коллегий осуществлен не был[11]. Однако имеются документы, свидетельствующие о попытках его практического претворения, во всяком случае в отношении Коммерц-коллегии. В 1715 г. П. М. Апраксин, которому было поручено управление «коллегиум коммерции», обратился к Петру с запиской, содержащей изложение организационных принципов и направлений деятельности создаваемого учреждения[12]. Особенно подробно в записке представлены предложения, преследующие цель увеличения пошлинных поступлений в казну. Этим сюжетам посвящены 6 пунктов из 15. Внимание автора записки привлекли еще 4 вопроса: 1. Определение и укомплектование состава нового учреждения; 2. Снабжение его русскими и иностранными торговыми уставами и «регулами»; 3. Учреждение транзитного торга через Россию персидского шелка; 4. Строительство в Петербурге торговых кораблей в интересах развития самостоятельной заграничной торговли русских купцов.

Представленный круг вопросов свидетельствует об ориентации нового учреждения на интересы развития внешней торговли России и обогащение казны.

В состав коллегиум-коммерции, по предложению П. М. Апраксина, должны были входить четыре человека «из добрых дворян» и 16 «персон» «из купечества знатных и поверенных». Последние в интересах собственных торгов привлекались к работе попеременно на четверть года по 4 человека. Одновременно в Ревеле, Риге, Пернове, Нарве, Архангельске и Астрахани предлагалось открыть конторы в составе президента, четырех служителей и комиссара, «из каких чинов пристойно». Им надлежало «при оных портах всею коммерции состояния и лицента сборов смотреть и... собирать».

5 июля 1715 г. П. М. Апраксин обратился с письмом в Сенат за распоряжением о немедленной присылке в Петербург необходимых для работы канцелярии коллегии служащих, а именно: двух дьяков, семи старых подьячих, в том числе из Казани, Ярославля, из Сибирского приказа, Архангелегородской и Петербургской таможен, и по три мо-

[11] *Некрасов Г. А.* Указ. соч. С. 337.

[12] М. Чулков, опубликовавший эту записку, считал управляющим коллегиум-коммерции, а следовательно и автором записки сенатора П. Толстого. Однако Толстой стал президентом Коммерц-коллегии только в декабре 1717 г. К этому времени первоначальное название учреждения — коллегиум-коммерция, — встречающееся в записке, уже не употреблялось. Следовательно, сама записка должна быть отнесена ко времени организации в Петербурге «коллегиум-коммерции» под управлением П. М. Апраксина (см.: *Чулков М.* Историческое описание российской коммерции. Т. IV. Кн. 1. М., 1785. С. 37—42).

лодых подьячих из каждой губернии. До марта 1716 г. в Петербург были присланы и определены к делам только три подьячих из Казани, из других мест губернаторы даже не ответили, так что Сенату пришлось вторично напоминать о немедленной присылке подьячих[13]. Подобные трудности при наборе служащих не были исключительным явлением. С ними сталкивались все вновь организуемые коллегии, сохранялись они и в процессе работы.

Правительство использовало различные средства привлечения знающих людей в коллегии. Еще 13 ноября и 16 декабря 1715 г. Петр I предписал послам в Вене и Копенгагене «во всякую коллегию приискат по человеку»[14]. Такое же поручение было дано в 1717 г. принятому на русскую службу барону Ананию Христиану фон Люберасу — автору 30 проектов и различных очерков, касающихся устройства шведских коллегий и других государственных учреждений. Люберас набрал 148 человек в Гамбурге, Любеке, Берлине, Гессене, Саксонии, Чехии и Силезии[15].

Первоначально Петр I предполагал включить иностранцев в коллегии только на должности советника или асессора, секретаря и писаря, ограничив их численность 4 персонами. Об этом говорится в указе 11 декабря 1717 г., содержащем примерный реестр служащих всех коллегий[16]. 15 декабря в коллегии были назначены президенты и некоторые вице президенты. Президентом Коммерц-коллегии стал Петр Толстой; до этого он был послом в Турции, имел опыт в заключении торговых договоров. Вице-президентом стал Шмит, по отзыву саксонского уполномоченного Лефорта, «человек, отлично знающий торговлю и деньги и служивший по этой части в Баварии»[17].

В мае 1718 г. президенты коллегий представили в Сенат ведомости «о чинах иноземцев и русских и о жалованье оным». В Коммерц-коллегии присутствие предусматривалось в составе 10 человек, а общее число служителей насчитывало 29 персон (14 иноземцев и 15 русских). Иноземцы входили как в состав членов присутствия (вице-президент, советники, асессоры), так и канцелярских служителей (комиссары, секретарь, нотариус, фискал, переводчик, актуариус, канцелярист, копиист). Им предполагалось выплачивать ежегодно 8800 руб. Общий оклад русских служителей определялся вдвое меньшей суммой — 4223 руб. Такой высокий удельный вес иностранцев допускался еще только в

[13] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42. Л. 1–8 об.
[14] *Воскресенский Н. А.* Указ. соч. № 27; ПСЗ. Т. V. № 2967.
[15] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 428.
[16] ПСЗ. Т. V. № 3128; *Некрасов Г. А.* Указ. соч. С. 339.
[17] ПСЗ. Т. V. № 3133; *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 439.

Мануфактур-коллегии, где они также составляли половину всего персонала. Кстати, это были две самые малочисленные коллегии[18]. В последующее время штат Коммерц-коллегии комплектовался в соответствии с предложенной ведомостью. В 1720 г. состав присутствия коллегии был в основном иностранный. Кроме президента П. А. Толстого и двух русских асессоров Ивана Аленина и Ивана Мякинина, в него входили иноземцы: советники И. П. Бакон, Я. Гювит, И. Маньян, П. Гордон, асессоры Д. Виллерс и А. Кассис. Иностранцы также занимали должности секретаря (Я. Г. Гинтер), комиссара (М. Шпеерман), нотариуса (Х. В. Корнилиус), толмача (И. Акер), канцеляристов (Г. Канцлер и Г. Тиль), актуариуса (П. Толстен)[19]. В аппарате управления коллегии из «природных русских» служителей имелись дьяк Семен Киреев, два комиссара, нотариус, переводчик, толмач, канцелярист и 9 подьячих, один «средней статьи», остальные «молодые».

В исторической литературе имеются указания как на общую малочисленность иностранцев среди служащих коллегий в период их создания, так и на пребывание их в основном на канцелярских должностях, причем таких, которые не играли решающей роли в аппарате управления[20]. Приведенные материалы требуют уточнения этой точки зрения, по крайней мере для Коммерц-коллегии. Включение иноземцев как в состав ее присутствия, так и канцелярии объяснялось спецификой деятельности данной коллегии, ориентированной, главным образом, на заграничную торговлю, а потому требующей от служащих знаний иностранных языков, денежного счета и прочего. В 1722 г. Коммерц-коллегия, мотивируя необходимость в ее штате протоколиста, канцеляристов и копииста из иноземцев, подчеркивала, что «без таких немецких служителей никаким образом Коммерц-коллегии пробыть невозможно для того, что непрестанно бывают дела на немецком языке»[21].

На первом этапе работы Коммерц-коллегии опытные подьячие в ее составе исчислялись единицами или их не было вовсе. По поводу многих кандидатур возникали межведомственные споры. Например, в декабре 1719 г. Коммерц-коллегия распорядилась «взять к делам» трех

[18] В остальных коллегиях предполагалось следующее число русских и иностранных служителей: в Камер-коллегии – соответственно 61 и 26 человек; в Юстиц-коллегии – 82 и 15 человек; в Ревизион-коллегии – 25 и 9 человек; в Воинской – 24 и 10 человек; в Штатс-коллегии – 49 и 7 человек (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42. Л. 273 об.).

[19] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2791. См. также: *Козинцева Р. И.* Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции // ПИ. Кн. X. М., 1962. С. 159.

[20] *Градовский А.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 94; *Медушевский А. Н.* Развитие государственного аппарата управления России в первой четверти XVIII века // ИСССР. 1983. № 6. С. 140.

[21] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

старших подьячих из Московской Большой таможни, из Нижнего Новгорода и Вологды. Однако никого из них не удалось получить. В отношении московского подьячего Большая таможня ответила, что « без оного... в делах будет остановка немалая, а без него де в той таможне пробыть невозможно». Вологодский подьячий оказался уже определенным в дьяки к домовым делам вологодского архирея. Никаких свидетельств присылки требуемого подьячего из Нижнего Новгорода в документах Коммерц-коллегии не обнаружено. Все усилия свелись к получению трех младших подьячих из Дворцового приказа и Московской ратуши[22]. К концу 1720 г. хотя численность подьячих коллегии увеличилась до 9 человек, почти все они принадлежали к низшей категории, которая в последующее время еще более возросла. С созданием новых штатов канцелярий «молодые» подьячие оказались на должностях подканцеляристов и копиистов[23]. Таким образом, мнение А. Н. Медушевского о том, что основу аппарата управления вновь создаваемых коллегий составляли опытные специалисты — подьячие[24], не подтверждается делопроизводственными документами Коммерц-коллегии.

Нехватка грамотных и знающих людей обусловила необходимость привлечения во все звенья работы Коммерц-коллегии иностранных специалистов, которые, впрочем, как и в Мануфактур-коллегию, подбирались продуманно. Большинство иностранцев первого состава Коммерц-коллегии получили свои патенты в 1718 г. Иван-Павел Бакон был принят на русскую службу в сентябре 1717 г. Тогда же определен советником в Коммерц-коллегию[25]. Баварец по происхождению, владевший восемью языками, он являлся заметной фигурой коммерческого мира Западной Европы, вел крупную торговлю в Амстердаме и Брюсселе. Иностранные дипломаты характеризовали его как ценного и полезного работника[26]. В мае 1722 г. Коммерц-коллегия рекомендовала Бакона на пост вице-президента[27]. Однако вплоть до назначения на эту должность в 1726 г. деятельного участника создания коллегий в России Г. Фика, пост вице-президента оставался свободным. Тогда же Бакон, ссылаясь на «диференции и процессы», которые у него были с Фиком, начал добиваться отставки до истечения

[22] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2788.
[23] Об этом свидетельствует проведенное сравнение имен подьячих Коммерц-коллегии по ведомости 1720 г. и канцелярских служителей по ведомости 1724 г. (РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2791. Л. 2 об.; Д. 2807. Л. 2 об.).
[24] *Медушевский А. Н.* Указ. соч. С. 442.
[25] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 442; РГАДА. Ф. 276. Оп. 5, Д. 1817. Л. 3.
[26] *Козинцева Р. И.* Указ. соч. С. 160.
[27] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2. Л. 22 об.

срока его договора и вскоре ее получил. В 1735 г. Бакон вновь был назначен советником Коммерц-коллегии, но спустя два года в связи с общим сокращением штатов коллегий «за излишеством» получил отставку от службы[28]. Знающим специалистом показал себя Дитрих Виллерс, зачисленный на должность асессора в 1718 г. В 1722 г. Коммерц-коллегия, доказывая необходимость определения его в обер-комиссары и включения этой должности в штат, подчеркивала, что «Виллерс в знании и цене... как привозных из-за моря иностранных, так и отпускных российских за море товаров... искусен и особливо имел он труд в сочинении тарифа, по которому пошлину с товаров брать положено»[29].

Численность и состав иностранных членов коллегии в результате ухода в отставку одних, перевода в иные учреждения других[30] довольно часто обновлялся. Причем освободившиеся места замещались не всегда иностранцами. В начале 1722 г. в Коммерц-коллегию, как и в другие коллегии, был назначен новый президент. Им стал И. И. Бутурлин. Одновременно советниками Коммерц-коллегии назначены А. Новосельцев, И. А. Щербатов и И. Аленин. Последний, начав службу асессором в 1720 г., в 1734 г. стал вице-президентом и находился на этом посту до самой смерти в 1740 г. Новосельцев недолго возглавлял созданную в 1722 г. в Москве Коммерц-контору[31]. Служба же князя Щербатова, одного из образованнейших людей своего времени, знакомого с современными экономическими теориями, осуществлялась не только в России, но и за границей, куда он был отправлен в конце 1723 г. для установления непосредственных торговых связей с Испанией[32]. Миссии Ивана Щербатова придавалось большое значение. 8 ноября 1723 г. Петр I поставил задачу «возить на своих кораблях... в Гишпанию и Португалию, которая коммерция великую прибыль принести может»[33]. Однако, как известно, это новое предприятие успеха не имело. В сентябре 1726 г. Коммерц-коллегия и Главный магистрат признали, что «оное продолжение к ползе безнадежно». По возвращении из Испании И. Щербатов был направлен посланником в Константинополь, затем в 1732—1734 гг. он являлся вице-пре-

[28] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2838. Л. 76 об.; Д. 2849. Л. 7; Сб. РИО. Т. 63. СПб., 1888. С. 621—622.

[29] РГАДА. Оп. 1. Д. 2. Л. 14 об.

[30] В 1723 г. вышел в отставку Маньян; А. Кассис был переведен в Мануфактур-коллегию (см.: *Козинцева Р. И.* Указ. соч. С. 159).

[31] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2856. Л. 9, 10; Ф. 248. Оп. 16. Кн. 907. Л. 329, 334.

[32] *Козинцева Р. И.* Указ. соч. С. 161.

[33] ПСЗ. Т. VII. № 4348.

зидентом Коммерц-коллегии, а в дальнейшем президентом Юстиц-коллегии и полномочным министром в Англии[34].

Примечательными фигурами в работе Коммерц-коллегии были братья Соловьевы. Бывшие дворовые люди Меншикова, в начале XVIII в. они в качестве комиссаров ведали торговлей казенными товарами, Дмитрий — в Архангельске, а Осип — в Амстердаме. В 1712 г., как уже отмечалось, Д. Соловьев был привлечен к организации Коммерц-коллегиума, а в следующем году в его ведение была отдана вся казенная заграничная морская торговля. В 1713 г. началось следствие по обвинению братьев Соловьевых в нанесении ущерба казне, «за преступление его величества указов и за кражу пошлин и за подложные торги». Они были арестованы и заключены в тюрьму. В 1719 г. Канцелярия конфискации занималась продажей отписанного в казну их движимого имущества. Но и будучи под следствием они продолжали службу по коммерческим делам. В 1718 г. имена братьев Соловьевых встречаются среди кандидатов на должность советников Коммерц-коллегии. С 1720 г. они участвовали в работе Комиссиии для сочинения тарифа, на заседания которой их водили из тюрьмы. В 1721 г. Петр приказал освободить Соловьевых с тем, чтобы они свои «вины заслужили, а особенно Осип, в установлении торгов впредь в другие государства». В апреле 1722 г. Осип Соловьев был назначен асессором Коммерц-коллегии. В этой должности он прослужил до 1738 г., когда получил полную отставку. В 1727 г. братья Соловьевы были возведены в достоинство российских баронов[35].

Таким образом, члены присутствия Коммерц-коллегии, от президента до асессоров подбирались достаточно продуманно. Основным требованием, которому должны были отвечать как русские, так и иностранные чиновники, было знакомство с теорией, практикой и организационными принципами европейской коммерции. Это диктовалось основными направлениями деятельности Коммерц-коллегии, с момента ее возникновения ориентированной на вопросы внешней торговли.

В начале 30-х годов в организационной структуре Коммерц-коллегии произошли существенные изменения. Правительство, изыскивая возможности сокращения расходов на содержание государственного аппарата и, найдя бесполезной деятельность Мануфактур-конторы,

---

[34] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3043. Л. 22; Сб. РИО. Т. 104. Юрьев, 1898. С. 250; *Строев В.* Бироновщина и Кабинет-министров. Ч. 1 (1730–1735). М., 1909. С. 177.

[35] *Козинцева Р. И.* Указ. соч. С. 157–158; *она же.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // ИЗ. Т. 91. М., 1973. С. 270–271; РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2817. Л. 3 об.; Д. 2856. Л. 9 об.; Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. Д. 114; РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Ч. 2. Д. 300.

созданной при Сенате в 1727 г. вместо Мануфактур-коллегии, в 1731 г. объединило ее, а также Берг-коллегию с Коммерц-коллегией. Это было прямым нарушением изначальных замыслов, положенных в основу структуры петровских коллегий, и вместо последовательно разделения управления ряда ведомств в области экономики (что, кстати, в строе центральных учреждений России было проведено четче, чем в шведских коллегиях, которые, как считается, послужили образцом при организации коллегий в России) произошло их объединение. В результате отечественная промышленность оказалась подчиненной внешнеторговому ведомству.

По указу 2 октября 1731 г. в составе Коммерц-коллегии были образованы три экспедиции: «1. К коммерции принадлежащие. 2. Горная и Минеральная. 3. Фабрики и Мануфактуры»[36]. Президентом объединенного учреждения стал А. Л. Нарышкин, вице-президентом — Илья Исаев. Правда, их руководство Коммерц-коллегией продолжалось недолго. В 1733 г. ее президентом вновь стал известный деятель петровского времени барон, сенатор, бывший вице-канцлер Иностранной коллегии П. П. Шафиров, уже занимавший ранее этот пост в 1725—1726 годах. Вице-президентом Коммерц-коллегии был назначен уже знакомый нам князь И. Щербатов. Вскоре между новым президентом и И. Щербатовым вспыхнул острый конфликт, вызванный неприемлемостью для последнего методов, которыми руководствовался П. Шафиров. Конфликт, в который оказались вовлечены отдельные члены присутствия, секретари и даже канцеляристы, приобрел такие размеры, что для его разбора при Сенате была создана специальная следственная комиссия во главе с М. Г. Головкиным. И хотя в ходе следствия стали известны факты нарушения коллегиальности в работе присутствия Коммерц-коллегии и применение Шафировым по отношению к ее служителям угроз и даже побоев, императрица своей властью распорядилась прекратить дело, арестованным канцеляристам вернуться к своим делам и под угрозой наказания запретила возобновление распрей[37]. В 1734 г. вице-президентом Коммерц-коллегии вместо И. Щербатова, получившего должность президента Юстиц-коллегии, был назначен И. Аленин.

В 30-х годах состав советников Горной и Мануфактурной экспедиций был иностранным (В. Райзер, А. Свелленгребель, И. Мелиссино). Асессорами собрания состояли И. Неелов и И. Рудаковский. Руководителем Горной экспедиции стал бывший президент Берг-коллегии

[36] ПСЗ. Т. VIII. № 5860.
[37] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 16; Ф. 248. Оп. 5. Кн. 243.

А. К. Зыбин. Коммерческой экспедицией ведали советник С. Гарцын, асессоры О. Соловьев и И. Алексеев. Советник М. Шафиров и асессор В. Васильев находились в московской Коммерц-конторе. Состав последней не был постоянным, так как согласно резолюции Кабинета-министров от 10 июля 1737 г. в ней, меняясь каждые два года, находились один советник и один асессор из членов присутствия коллегии.

Состав служащих Коммерц-коллегии определялся не только направлением ее деятельности, но и характером политики абсолютистской власти в этом вопросе. Основы ее получили законодательное оформление в Табели о рангах, определившей порядок прохождения службы и получения чинов лицами, занимавшими должности административного значения и составлявшими верхушку управленческого аппарата. Вне группы чиновников, включенных в Табель рангах, находилась основная масса канцеляристов. Должность президента коллегии соответствовала чину генерал-майора, вице-президента — бригадира, советника — полковника, асессора — чину майора. Таким образом, административный аппарат коллегий составляли чиновники 1—8 классов, имевшие права потомственного дворянства. Высший слой канцелярских служителей, возглавлявшихся секретарями (нотариусы, регистраторы, актуариусы, бухгалтеры и др.), соответствовал 9—14 классам.

Общие принципы социальной политики государственной власти определили сосредотечение управления Коммерц-коллегии, обязанной, как следовало из ее регламента, «иметь попечение о всем том, что к способному учреждению, произведению и спопешеству и порядку купечества служити может», в руках дворянства. Вполне определенно на этот счет говорится в указе 31 января 1724 г., запретившем определять в секретари коллегий лиц «не из шляхетства», имея в виду возможность их продвижения в асессоры, советники «и выше». Правда, здесь же в духе Табели о рангах оговаривалось: «Буде же из подьяческого чина, кто какое знатное дело покажет и заслужит, то таким свидетельства Правительствующего Сената производить» и «давать шляхетство»[38]. В результате новоиспеченный дворянин должен был, с точки зрения правительства, с большим основанием проводить политику в интересах своего нового сословия. В 1726 г. Сенат указом во все коллегии и канцелярии еще раз подтвердил возможность выдвижения в секретари приказных людей с обязательным представлением в Сенат доношения об их освидетельствовании, «что они того дела достойны»[39].

[38] *Воскресенский Н. А.* Указ. соч. № 324.
[39] РГАДА. Ф. 276. Оп 5. Д. 2824. Л. 1.

Материалы Коммерц-коллегии позволяют выяснить, как происходило формирование ее административного аппарата, из каких слоев населения складывался штат ее канцелярских служителей, каким образом проходило их продвижение по службе, в какой мере лица недворянского происхождения проникали на должности административного значения и включались в аппарат управления. Выяснение этих вопросов поможет конкретизировать некоторые общие представления о процессе бюрократизации государственного аппарата как важного элемента оформления абсолютистского государства. Принципы комплектования присутствия Коммерц-коллегии, административного аппарата подведомственных ей учреждений и тем более их канцелярий имели свои особенности, что диктует необходимость последовательного рассмотрения поставленных вопросов в соответствии с организационной структурой Коммерц-коллегии.

К сожалению, состояние источников не позволяет с равной степенью полноты представить облик всех чиновников коллегии. Сохранившиеся ведомости, к тому же достаточно редкие, как правило, содержат лишь именной перечень членов присутствия. Сопоставление их дает возможность установить время и значительно реже продолжительность службы отдельных лиц, некоторые обстоятельства их карьеры, иногда функции. Особую ценность по полноте и богатству содержащихся в них сведений имеют сказки чиновников Коммерц-коллегии 1754—1755 годов. Возлагая на Герольдмейстерскую контору Сената учет всех чиновников 1—14 классов, правительство, как отмечал С. М. Троицкий, стремилось упорядочить их назначение на освобождавшиеся должности, что должно было способствовать укреплению всех звеньев государственного аппарата. Не меньшее значение имело и желание проверить сословную принадлежность чиновничества, чтобы иметь возможность судить о степени сосредоточения администативной власти в руках дворянства, а следовательно эффективности своей политики по обособлению дворянства от других сословий[40]. Не случайно каждый чиновник в своей сказке, помимо возраста, продолжительности службы и всех ее этапах, размера жалованья, должен был указать свое происхождение и имевшихся за ним людей и крестьян[41]. Среди сохранившихся в фонде Сената подлинных ведомостей о чиновниках, присланных в Герольдмейстерскую контору, С. М. Троицкий не обнаружил сведения о чиновниках ряда центральных учреж-

---

[40] *Троицкий С. М.* Материалы переписи чиновников в 1754—1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в. // АЕ за 1967 год. М., 1969 С. 135.

[41] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2865. Л. 1.

дений, в том числе и Коммерц-коллегии. Не обнаружены они нами и в фонде коллегии. Однако там сохранились первичные сказки чиновников, на основе которых и были составлены утраченные ведомости.

За период с конца 20-х до середины 50-х годов нами выявлены 47 фамилий административных чиновников Коммерц-коллегии, состоящих в первых восьми высших рангах Табели. Они образовывали ее присутствие в Петербурге, в Московской и Архангелогородской коммерц-конторах, были директорами портовых и пограничных таможен. Происхождение, состоятельность, образование, характер и обстоятельства продвижения их по службе имели существенные различия. Различным было и то место, которое занимала их деятельность в Коммерц-коллегии во всей истории их служебной карьеры. Для одних она являлась незничительным эпизодом, для других исчислялась десятилетиями.

На службе в Коммерц-коллегии в качестве асессоров, советников, вице-президентов и даже президента за этот период состояло 14 иностранцев. Причем по сравнению с петровским временем к концу 1720-х годов состав их почти полностью обновился: только двое начали свою службу в Коммерц-коллегии еще в первой четверти XVIII в. (И. Бакон и А. Кассис). Рост числа иноземцев в составе администрации Коммерц-коллегии произошел, как уже отмечалось, в начале 30-х годов XVIII в. В середине 50-х годов в Коммерц-коллегии и подведомственных ей учреждениях среди 14 административных чиновников оставалось только два иностранца: «лифляпский уроженец» советник Иоахим Раушерт, начавший службу обер-комиссаром Коммерц-коллегии в 1734 г., и шведский купец Христиан Фербер, в 1748 г. определенный в Коммерц-коллегию «у сочинения по остзейским портам щетов» в ранге титулярного советника, а с 1754 г. ставший асессором Архангелогородской коммерц-конторы[42]. Таким образом, к середине XVIII в. даже в Коммерц-коллегии, где удельный вес иностранцев был всегда выше, чем в других центральных учреждениях, национальные кадры получили твердое преобладание.

В исторической литературе закрепилось мнение, высказанное еще А. Градовским, о заполнении учреждений гражданского ведомства

[42] Любопытно, что назначение Х. Фербера в Коммерц-коллегию состоялось по ходатайству Коллегии иностранных дел, агентом которой он, вероятно, являлся, выполняя «для интересов здешних в Швеции услуги» и лишившись «за интересы е.и.в.» всего «имения во отечестве своем». В 1763 г. вице-президент Коммерц-коллегии Н. Неплюев добивался назначения невписавшегося в новый штат коллегии Х. Фербера «в разсуждении его иностранства и неимущества» в учреждения остзейских провинций. (РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2865. Л. 9–9 об., 37; Ф. 291. Оп. 5. Д. 21550. Л. 1271; Ф. 370. Оп. 1. Д. 23. Л. 11).

преимущественно отставными военными[43]. По материалам Коммерц-коллегии это положение не подтверждается. Среди лиц, входивших в рассматриваемое время в состав администрации Коммерц-коллегии, только в отношении восьмерых можно сказать с определенностью, что в прошлом, главным образом в петровское время, они находились на военной службе[44]. С такой же определенностью о службе исключительно по гражданскому ведомству имеются свидетельства по крайней мере о 16 членах Коммерц-коллегии, в том числе о президентах. Шафиров П. П. (президент Коммерц-коллегии в 1725—1726 и в 1733—1736 гг.), был вице-канцлером Посольского приказа, а затем Иностранной коллегии; А. И. Остерман, являвшийся в 1726—1731 гг. в отсутствии президента главой Коммерц-коллегии, был вице-канцлером, первым членом Комиссии о коммерции и первым же Кабинет-министром. А. Л. Нарышкин (1731—1733 гг.) в петровское время возглавлял Морскую академию, был президентом Штатс-конторы, а затем Камер-коллегии. П. И. Мусин-Пушкин (1736—1740 гг.) при учреждении коллегий стал президентом Штатс-контор-коллегии, а в 1736 г. одновременно с назначением главой Коммерц-коллегии ему было поручено правление Канцелярии конфискации и Коллегии экономии. В течение непродолжительного времени (1740—1741 гг.) президентом Коммерц-коллегии был К. Х. фон Менгден. Б. Г. Юсупов (1741—1750 гг.) в 30—40-х годах являлся московским вице-губернатором и губернатором, директором Ладожского канала, а с 1750 по 1759 г. и Сухопутного шляхетского корпуса. Так же как и А. Л. Нарышкин, Б. Г. Юсупов уча-

[43] *Градовский А.* Указ. соч. С. 2; *Демидова Н. Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С. 227.

[44] Президент Коммерц-коллегии в 1722—1725 гг. И. И. Бутурлин — спальник, затем стольник молодого Петра I — военную службу начал в «потешных полках» премьер-майором; во время Северной войны участвовал во многих сражениях. Девять лет провел в шведском плену, получил чин генерал-майора, а в 1721 г. произведен в «полные» генералы. До назначения в Коммерц-коллегию служил в Военной- и Юстиц-коллегиях. Прокурор коллегии Н. Самарин начал службу в 1725 г. в лейб-гвардии Преображенском полку солдатом, а в 1739 г. вышел в отставку в чине поручика и был назначен коллежским прокурором. Вице-президент коллегии М. Лунин с 1723 г. служил в артиллерии учеником; в 1730 г. определен в лейб-гвардии Измайловский полк капралом, с 1736 г. был адъютантом Густава Бирона, а в 1742 г. пожалован в прокуроры Адмиралтейств-коллегии с рангом полковника; в 1753 г. определен в Коммерц-коллегию вице-президентом. Асессоры Р. Горчаков и И. Алексеев в петровское время служили: первый — сержантом в гвардии, второй — поручиком Морского флота. Военная служба комиссара князя М. Ф. Шахаева продолжалась с 1720 по 1738 г. в драгунском полку и в Конной гвардии (РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2865. Л. 8—8 об.; 57 об., 39; Д. 2838. Л. 76 об.).

ствовал в работе следственных комиссий для суда над разными лицами (князем Д. М. Голицыным, Д. Шумахером, Б. К. Минихом, А. И. Остерманом). Все они получили прекрасное образование. Так, П. П. Шафиров, воспитывавшийся в Москве, знал латинский, польский, голландский языки, а в бытность в Турции изучил итальянский язык. Юсупов, Нарышкин, И. Щербатов и другие обучались и подолгу жили за границей.

В большинстве своем верхушка бюрократии принадлежала к титулованным сановникам (граф П. И. Мусин-Пушкин, князья Б. Г. Юсупов, С. П. Долгоруков, И. Щербатов, Р. Горчаков и др.). Необычной среди такого окружения выглядит фигура Якова Матвеевича Евреинова, не только не имевшего знатных титулов, но и являвшегося дворянином в первом поколении. Его отец, Матвей Григорьевич Евреинов, был крупнейшим представителем торгово-промышленного мира Москвы петровского времени, купцом гостиной сотни. Яков вместе с братом получил коммерческое образование за границей. В 1720 г. Петр I направил Я. Евреинова консулом в Испанию. Позднее туда прибыл князь И. Щербатов; вместе они прилагали усилия для решения одной из первоочередных — по замыслам царя — внешнеторговых задач. По возвращении на родину Я. Евреинов служил в Монетной канцелярии, а с 1742 г. в Коммерц-коллегии, сначала советником, вице-президентом, а с 1750 г. президентом. Чин коллежского советника, открывавший Я. Евреинову и его потомкам доступ в дворянское сословие, был пожалован за его службу консулом в Испании и «за бытность в чужих краях для обучения купечества и мануфактур»[45].

Показательной была и карьера «гостиного сына» Ильи Ивановича Исаева, недолгое время занимавшего пост вице-президента Коммерц-коллегии (1731—1733 гг.). Это был крупный купец, совмещавший торговлю с административной деятельностью. В 1705 г. он являлся управителем Суконного двора, а с 1711 по 1720 г. «над рижским магистратом у надсмотра тамошних коммерческих дел», то есть правительственным комиссаром рижского магистрата. В 1720 г. И. И. Исаеву совместно с обер-президентом «над магистраты» князем Ю. Ю. Трубецким было поручено проведение городской реформы. После отставки Ю. Ю. Трубецкого в 1723 г. он стал президентом Главного магистрата.

[45] *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С. 395-396; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 251; РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 940. Л. 390 об.—391.

За свою долгую и усердную службу И. И. Исаев, так же как и Я. М. Евреинов, был награжден правами потомственного дворянина[46].

Судьбы Я. М. Евреинова и И. И. Исаева могут служить иллюстрацией к новому взгляду на определение знатного дворянства, утверждаемого в первой четверти XVIII в. В 1724 г. в ответ на запрос Военной коллегии о том, какое шляхетство следует считать знатным («по дворовому числу, ото ста дворов и выше, или по регламенту о рангах до которого класса»), Петр I наложил красноречивую резолюцию: «Знатное дворянство по годности считат»[47]. Знание европейской коммерции и экономической конъюнктуры на европейском рынке, острая нужда в специалистах в этой области выдвинули Я. М. Евреинова и И. И. Исаева на высшие посты в управлении отечественной коммерцией, что сопровождалось присвоением им дворянских чинов.

Члены присутствия Коммерц-коллегии — советники и асессоры, обладавшие 6—8 рангами, — за редким исключением по своему происхождению были дворянами. Дворянский состав администрации Коммерц-коллегии, как и других государственных учреждений, не нарушался включением в нее отдельных выходцев из других сословий. В целом такая политика укрепляла позиции абсолютизма. По данным переписи чиновников середины XVIII в. среди верхушки бюрократии (1—5 ранги) природные дворяне составляли 87, 5%, среди чиновников 6—8 рангов — 76, 8%[48]. К этим цифрам близки данные по Коммерц-коллегии. Из 14 человек административного состава самой коллегии и подведомственных ей учреждений (Архангелогородской коммерц-конторы, Коммерц-коллегии комиссарства, Петербургской, Нарвской портовых таможен, Рижской обер-инспекторской канцелярии, Поташной конторы и пограничных таможен — Севской и Брянской, Белгородской и Курской, Лынской, Добрянской, Васильковской) 10 было дворянами, 1 «из подьяческих детей», 1 купец и 2 иноземца.

Из «подьяческих детей» происходил асессор Сойминов. Службу свою он начал в 1730 г. копиистом Коллегии иностранных дел. Пройдя последовательно через должности подканцеляриста, канцеляриста, бухгалтера, секретаря, в 1754 г. Сойминов был пожалован коллежским асессором и назначен директором Добрянской пограничной таможни[49].

---

[46] *Водарский Я. Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 109.

[47] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 2. Ч. 1. № 94 (ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 7).

[48] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство... С. 216.

[49] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2865. Л. 34—34 об.

К сожалению, обстоятельства служебной карьеры многих чиновников-дворян по источникам не прослеживаются. Однако, очевидно, что часть из них начинала свою службу в приказном чине, постепенно поднимаясь по служебной лестнице до протоколиста, переводчика, секретаря, составлявших верхний слой канцелярской бюрократии. Именно так складывалась карьера А. А. Навроцкого, в 1749 г. ставшего советником Коммерц-коллегии, а начавшего службу в 1708 г. в Москве младшим подьячим. Не один год он служил в Петербургской портовой таможне сначала «старым» подьячим, потом экером и контролером, а затем секретарем в Ревизион-коллегии, Сенате и Военной коллегии[50]. Также с низших чинов при Петербургской портовой таможне в 1723 г. началась карьера другого советника Коммерц-коллегии, будущего ее депутата в Уложенную комиссию 1767 г. С. С. Меженинова[51]. Из секретарей в асессоры Коммерц-коллегии в 30—40-е годы были произведены А. Красовский, В. Неронов, М. Тихомиров. Причем для последнего, обучавшегося в Шляхетском кадетском корпусе и зачисленного в Коммерц-коллегию на должность коллегии-юнкера с рангом прапорщика в 1741 г., прохождение первых ступеней службы оказалось ускоренным. В 1741 г. М. Тихомиров стал переводчиком, в 1749 г. — секретарем, а в 1753 г. — асессором. В начале 1760-х годов он наряду с С. Межениновым являлся советником Коммерц-коллегии.

Как известно, институт юнкеров при центральных учреждениях для обучения дворянских недорослей, определенных по гражданскому ведомству, был создан при Петре I. Имеющиеся в исторической литературе сведения о нем базируются в основном на законодательных документах[52]. Материалы Коммерц-коллегии позволяют проследить реальную практику функционирования в ней института юнкеров, выяснить задачи и программу их обучения. Все это поможет конкретизировать роль института юнкеров в подготовке кадров административной верхушки бюрократии.

Подобно тому, как в петровское время дворянским недорослям, избравшим военную карьеру, следовало начинать ее со службы в солдатах, так и при определении их на гражданском поприще необходимо было по силе Генерального регламента содержать таких недорослей, получавших звание «юнкеров», при коллегиях, канцеляриях и конторах «для обучения письму и арифметике и прочих приказных дел». Это общее положение в дальнейшем неоднократно повторялось

[50] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2865. Л. 54.

[51] Там же. Л. 11.

[52] *Писарькова Л. Ф.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // ОИ. 1996. № 4. С. 30—34, 37.

в указах Сената, адресованных отдельным коллегиям. «Командующим коллегии юнкерами» вменялось в обязанность рапортовать в Сенат об успехах их питомцев. 13 апреля 1722 г. Петр I в указе Сенату распорядился внести в регламент коллегий положение о коллегии-юнкерах и дополнить ими коллегии[53]. Табель о рангах число коллегии-юнкеров определила в 6—7 человек при каждой коллегии. Необходимость подготовки дворянских недорослей к гражданской службе диктовалась как остротой вопроса о кадрах в государственных учреждениях, так и стремлением абсолютизма сосредоточить высшие административные посты в руках дворянства. Не случайно Коммерц-коллегия законоположения о коллегии-юнкерах начала 20-х годов соотнесла с известным указом 31 января 1724 г. о запрещении назначать в секретари лиц, происходящих не из шляхетства[54]. За 20-е годы каких-либо следов реализации постановлений о коллегии-юнкерах нам обнаружить не удалось. Возможно, это свидетельствует о том, что тогда практического воплощения данные указы не получили. Во всяком случае, в 1737 г., когда именным указом 9 февраля вновь было велено определять в коллегии «из шляхетства недорослей», в качестве обоснования этой меры ссылались на Генеральный регламент без упоминания практики предшествующего времени в этом вопросе, которой вероятнее всего и не существовало.

Во время очередного смотра дворянских недорослей в Герольдмейстерской конторе в 1737 г. Сенат распорядился отобрать из них 62 человека, обученных грамоте и письму для определения к приказным делам в Сенат, Синод, в коллегии и канцелярии. В мае того же года в Коммерц-коллегию были назначены 6 человек, поступавших под верховный надзор президента П. И. Мусина-Пушкина[55]. Они были распределены между регистратором, актуариусом и канцеляристами разных экспедиций, которым следовало обучать их грамотному и чистому письму, приказному порядку, знанию законов и «прав государственных». Непосредственный контроль за обучением юнкеров возлагался на секретарей канцелярий. Кроме того, дважды в неделю юнкера должны были посещать созданную при Сенате школу («камору»), где они учились арифметике, геометрии, геодезии, географии, а самое главное — грамматике, для которой выделялся особый день. Секретарям коллегий, геодезисту и учителям школы вменялось в обязанность еженедельно рапортовать о прилежании и успехах их учеников «главным командирам». Послед-

[53] *Воскресенский Н. А.* Указ. соч. Т. 1. № 304, 401.
[54] Там же. № 324.
[55] Иван Корсаков, Аникей Лупандин, Федор Белоусов, Филипп Чичагов, Федор Баскаков, Парфен Нефимонов (РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—1 об.).

ним же следовало подавать ежемесячные свидетельства в Сенат. Им предоставлялось право штрафовать юнкеров за нерадивость и лень в учебе, злословие в адрес своих учителей — канцелярских служителей. Памятуя о разнице в происхождении между учителями и учениками и предписывая юнкерам, чтобы «они свою природу оказывали чрез добрые поступки и честное обхождение и учтивость ко всем канцелярским служителем», правительство в то же время остерегало последних, «чтоб никаким невежеством и ругательными словами дворян отнюдь не озлобили (под опасением нещадного наказания)»[56].

Степень начальной подготовки юнкеров для будущей учебы оказалась различной. П. Нефимонов, например, не знал даже азбуки, другие ученики, как следует из рапортов их учителей, с разным успехом овладевали умением хорошего письма, необходимого для копииста. Определенное им жалованье в 30 руб. в год соответствовало среднему размеру оклада копииста Коммерц-коллегии (от 12 до 50 руб. в год), хотя письмо их было «не само хорошее». Спустя год от начала обучения, в мае 1738 г. канцелярские служители характеризовали письмо своих учеников, как «не само лутчае, посредственное», а их самих «в действие набело не годными». Еще через год юнкеров стали использовать для списывания черновых копий документов и лишь некоторых, «яко ж и набело по нужде». Других знаний, в частности правовых норм и приказного порядка, у них не имелось[57].

Учитывая слабую начальную подготовку определяемых в коллегию юнкеров, новый президент К. Х. фон Менгден обратился в 1740 г. в Сенат с предложением об определении в Коммерц-коллегию для обучения коммерческим делам кадетов Шляхетского корпуса, дабы «нужды б не было посторонних искать, кои в оных делах неискусны» и чтобы «по обучению и вакансии могли той коллегии в члены представлены быть»[58]. В декабре 1740 г. во исполнение указа Сената в Коммерц-коллегию из Шляхетского корпуса были присланы 4 кадета: князь Александр Долгоруков, Иван Гневашев, Яков Гиршенден и Карл Ребиндер. Все они были приведены к присяге и получили ранги прапорщиков. Однако через полгода И. Гневашев по его просьбе был отослан в Военную коллегию для определения в военную службу, а А. Долгоруков отправлен дворянином посольства во Францию. Через некоторое время и юнкерам-иноземцам Гиршендену и Ребиндеру удалось добиться освобождения от службы при Коммерц-коллегии. На их место в октябре 1741 г. принят кадет Михаил Тихомиров,

[56] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–2.
[57] Там же. Л. 4–7, 28–29.
[58] ПСЗ. Т. XI. № 8267.

которому по ходатайству Коммерц-коллегии было позволено одновременно продолжать занятия в Кадетском корпусе, «ибо у него к тому склонность и желание есть и от того мог бы быть впредь лутчей от него плод»[59]. В дальнейшем, как мы уже видели, из него действительно получился изрядный «плод». В Коммерц-коллегии он ведал важными делами о портах, в том числе секретными, расходом и приходом денежной казны, контролировал перевод и распространение широко известного в Западной Европе сочинения Жака Савари «Лексикон о коммерции», признанного весьма полезным для купеческих торгов.

И все-таки в 30—40-е годы положение Табели о рангах о необходимом количестве юнкеров в коллегиях не выполнялось. За 40-е годы нам известны еще только две фамилии «дворян» Коммерц-коллегии: Никита Брылкин и Михаил Чихачев. В 1750 г. секретари коллегии в своих рапортах о них отмечали, что «оные к приказным делам прилежность имеют и ныне... по определению Коммерц-коллегии находятся: Чихачев у исправления регистратуры, а Брылкин у протоколу»[60]. Неизвестно, как сложилась дальнейшая их судьба. Среди чиновников Коммерц-коллегии середины 50-х годов, имевших оберофицерские ранги, их фамилии не значатся.

В 1750 г. был произведен новый набор юнкеров в Коммерц-коллегию: Алексей Горихвостов, Корней Еропкин, Яков и Александр Олины. В следующем году были присланы еще двое: Федор Горемыкин и Яков Поскочин. Все они были в возрасте от 12 до 17 лет[61].

Новый этап в организации подготовки дворянских недорослей к гражданской службе начался в 1752 г., когда Сенат 20 января указал «коллегии юнкерам отныне быть в коллегиях и канцеляриях по 7 человек, а в подчиненных к коллегиям местах по 4 человека». Отныне их следовало называть титулярными коллегии-юнкерами и только после определения в службу они получали звание коллегии-юнкеров с рангом прапорщика и могли продвигаться в дальнейшие чины[62]. В том же году в Коммерц-коллегию был принят седьмой титулярный коллегии-юнкер Николай Бологовский.

В январе 1753 г. Сенат особым указом еще раз напомнил «дабы... коллегии юнкеров по коллегиям обучать так, как подьячих, с самых нижних дел приказных и сего смотреть накрепко, дабы в том маны не было и под видом учения гулянья, за что будут члены коллежские жестоко наказаны, ежели по сему исполнять не будут». Вновь обратив-

[59] РГАДА. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24; Ф. 248. Оп. 16. Кн. 937. Л. 590—612.
[60] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.
[61] Там же. Д. 35. Л. 12.
[62] Там же. Л. 1—3.

шись к Генеральному регламенту, Сенат счел необходимым подчеркнуть, что обучение при коллегиях и канцеляриях «фамилиям знатным и шляхетским в укоризну не ставить, ибо кроме сего пути никто в высший градус и до министерского чина произведен быти не может». Проявляя заботу о подготовке дворянских кадров для государственного управления и стремясь поднять в глазах дворянства престиж гражданской службы, правительство не забывало о необходимости сохранения и укрепления дворянского состава армейского офицерства. В том же указе 1753 г. запрещалось, «чтоб которой фамилии одной все были во оной гражданской службе, но по препорции и воинской»[63].

Всего за период 1750—1763 гг. в Коммерц-коллегии канцелярским делам обучались 17 титулярных юнкеров. Помимо приказного искусства, продолжались их занятия в Сенатской школе, главным образом по арифметике. С 1757 г. желающим обучаться немецкому и французскому языкам было предложено трижды в неделю посещать занятия определенного в школу асессора Карла Удара. В Коммерц-коллегии таковых оказалось трое[64].

На особом положении среди титулярных юнкеров находился Михаил Евреинов, определенный по приговору Сената из недорослей в феврале 1755 г. По прошению его отца, президента Коммерц-коллегии, ему было позволено обучаться французскому языку, арифметике, геометрии и «протчим наукам, которые до юнкеров принадлежат», где он пожелает, но с обязательным ежемесячным освидетельствованием в Сенатской школе. Как значится в рапорте секретаря коллегии в феврале 1756 г., М. Евреинов иностранным языкам обучался в Академии наук, что препятствовало его присутствию «при коллежских делах». Тем не менее уже в этом году он был произведен в коллегии-юнкера в ранге прапорщика, а спустя два года в возрасте 15 лет стал секретарем. Такому быстрому прохождению начальных ступеней службы в немалой степени, видимо, способствовало положение его отца. Кстати, пребывание М. Евреинова среди молодых дворянских детей Коммерц-коллегии было прямым нарушением указа Петра от 5 ноября 1723 г., которым он запретил выбирать в советники, асессоры и коллегии-юнкера родственников президента и членов коллегий[65].

Не всем удавалось столь быстрое продвижение по службе. Иные титулярные юнкера ожидали его годами. Ярким примером может служить Корнелий Еропкин, определенный в Коммерц-коллегию в 1750 г.

---

63 РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21566. Л. 49.
64 Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 35; Л. 12; Оп. 3. Д. 961. Л. 1.
65 *Воскресенский Н. А.* Указ. соч. Т. 1. № 314.

в возрасте 16 лет. Несмотря на то, что секретари неоднократно рапортовали, что «по ево прилежности и доброму кондукту» он не только коллегии-юнкером, но «и свыше того награждения достоин», К. Еропкин оставался титулярным юнкером спустя 10 лет от начала обучения. В 1763 г. в Коммерц-коллегии находился единственный титулярный юнкер (Анфиноген Ларионов), остальные к этому времени были определены в коллегии-юнкера, а четверо[66] пожалованы в секретари.

Коллегии-юнкера выполняли различные обязанности: писали протоколы, управляли повытьем, находились «при немецких щетных делах», то есть демонстрировали умение и навыки, необходимые для функционирования управленческого аппарата коллегий. Обучение титулярных юнкеров до определения их в службу с присвоением начального ранга в зависимости от их «понятности и искусства» в среднем продолжалось 4—6 лет. В отдельных случаях, как было отмечено выше, он удлинялся, порой значительно, или сокращался. Стремление правительства превратить институт юнкеров в кадровый резерв для высшего слоя канцелярских служителей и администрации коллегий было реализовано лишь частично. Сравнительно немногим из них, несмотря на дворянское происхождение, удавалось достичь секретарской должности, а тем более стать асессором или советником. На наш взгляд, основная причина этого заключалась в характере обучения титулярных юнкеров, ориентированном на подготовку грамотных канцеляристов, каковыми они и оставались в своей массе. Выше по служебной лестнице поднимались лишь те, чье образование не исчерпывалось обучением в коллегии и Сенатской школе. Поэтому в ряду других каналов формирования административного чиновничества данный способ, упраздненный в 1763 г., хотя и имел место, но играл второстепенную роль.

Особый интерес имеет вопрос о степени участия представителей купечества во всех звеньях работы Коммерц-коллегии. Правительство, определив дворянский характер исполнительной власти в центральных учреждениях, в то же время привлекало представителей крупного купечества как специалистов для службы в учреждениях, ведавших развитием промышленности и торговли. Согласно регламенту Коммерц-коллегии участие купцов в ее работе допускалось лишь в форме консультаций и в тех случаях, когда «сия коллегия... за потребно изобрящет с знатнейшими и искуснейшими купцами в некоторых до купечества касающихся делах разговаривать и оных для того к себе призывать»[67]. Коммерц-коллегия нередко пользовалась предоставленным ей правом. Но были, по выражению Е. И. Заозерской,

[66] М. Еврсинов, Н. Бологовской, Ф. Горемыкин, А. Олин.
[67] ПСЗ. Т. V. № 3318, п. 27.

и «купцы-чиновники», в том числе в составе административного аппарата коллегий, как например, президент Главного магистрата И. И. Исаев или президент Коммерц-коллегии Я. М. Евреинов[68]. К их числу следует отнести и Льва Семенникова. Так же как и Я. Евреинов, он получил коммерческое образование за границей, куда вместе с братом Алексеем был послан «от гостей» по указу Петра I в 1716 г. После семилетнего обучения в Италии и Испании братья Семенниковы вернулись в Петербург и находились на государственной службе. Алексей в 1725 г. был назначен контролером Петербургской портовой таможни, а в 1733 г. инспектором пакгауза. Лев Семенников в 30-х годах стал асессором, а в 1742 г. одновременно с Я. Евреиновым получил чин коллежского советника и в 1744 г. был командирован в Архангельск в только что учрежденную там Коммерц-контору[69]. При всей схожести и показательности карьеры Льва Семенникова и Якова Евреинова они, так же как и Сойминов, все же являлись единственными исключениями в дворянской среде высшей бюрократии Коммерц-коллегии.

В значительно большей степени выходцы из недворянской, в том числе купеческой среды допускались на должности чиновников, составлявших верхний слой канцелярской бюрократии, имевших оберофицерские ранги (9—14 классы) и канцелярских служителей, чьи должности не вошли в Табель о рангах. Особое место среди них занимали служители портовых и пограничных таможен, находившихся под управлением и судом Коммерц-коллегии. Ей предоставлялось право предлагать Сенату «годных и заслуженных людей» на должности «обер-директоров, обер-инспекторов, пошлинных инспекторов, пошлинных сборщиков и иных таможенных служителей»[70]. Однако даже в такой специфической сфере управления абсолютизм остался верен основам своей классовой политики. Согласно определению Петра I на доклад Сената 19 января 1722 г., в обер-инспекторы, которые осуществляли «главную дирекцию» над сбором таможенных пошлин и «всякими таможенными распорядками», следовало выбирать «из

[68] *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве... С. 396; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство... С. 250—251.

[69] Идея организации при Архангелогородском порте Коммерц-конторы для «надзирания» над портовою таможнею впервые была выражена в 1727 г., но тогда она осуществлена не была. После учреждения конторы в 1744 г. в ее ведении оказались китоловные, тресковые и прочие промыслы на Белом и Северном морях. В 40—50-х годах в разное время, помимо Л. Семенникова, в конторе находились советники и асессоры Коммерц-коллегии А. А. Навроцкий, Х. Фербер, И. Остервальд, Х. Сперат (*Чулков М.* Историческое описание Российской коммерции. Т. 1. Кн. II. СПб., 1782; РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2865. Л. 37, 54; Оп. 1. Ч. 2. Д. 3052. Л. 29).

[70] ПСЗ. Т. V. № 3318, п. 13.

дворян, а в товарищи из купецких людей»[71]. В штате Коммерц-коллегии, утвержденном Сенатом в мае 1722 г., предусматривалась должность двух комиссаров «из русских купцов, которые чрез несчастие купечества лишились» с окладом по 215 руб. в год. По представлению Коммерц-коллегии Сенат утвердил в должности комиссаров Петербургской портовой таможни «из дворян Андрея Всеволоцкого, да... ис купечества Афонасья Ершова, понеже он Ершов иноземческому делу и в переводе немецких писем искусен». До этого Ершов служил в Коммерц-коллегии толмачем[72]. В 1730 г. он стал обер-цолнером Петербургской портовой таможни, то есть имел «вышнюю дирекцию и управление всех дел», а в 1736 г. в той же должности был переведен в Нарвскую портовую таможню. В 1746 г. А. Ершов просил Сенат о награждении его «за долговременную службу» рангом титулярного советника с отставкой от всех дел[73].

Согласно штату служителей портовых таможен 1723 г. для Петербургской, Кронштадской, Архангелогородской, Новодвинской и Кольской таможен требовалось 18 служителей и 78 досмотрщиков, а также 99 солдат и матросов и несколько десятков канцеляристов. В их комплектовании, помимо Коммерц-коллегии, участвовали Военная и Адмиралтейств-коллегии, Главный магистрат. На последний Сенатом была возложена обязанность присылки купцов по выборам магистратов Петербурга и «ближних мест», городов Архангелогородской губернии. Таким образом, первоначально «на первой случай» правительство пошло по привычному пути обеспечения некоторых звеньев государственного аппарата за счет феодальных повинностей городского населения. С марта по июнь 1724 г. в Коммерц-коллегию Главным магистратом было прислано более 60 петербургских купцов. Они были приведены к присяге и десять из них определены в Петербургском порту на должности инспектора, цолнеров, контролера, амбарного инспектора, контролера, стемпельмейстера и вагмейстера, остальные — в досмотрщики[74].

Однако принимая во внимание, что «содержать таможенных служителей без жалованья опасно для таможенных сборов» и что «по мнению Коммерц-коллегии в оном служении для интересу е.и.в. над-

[71] ПСЗ. Т. VI. № 3886.
[72] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8, 25.
[73] Там же. Оп. 3. Д. 171. Л. 5; Оп. 2. Д. 2838. Л. 38; Ф. 248. Оп. 16. Кн. 943. Л. 555–571.
[74] Стемпельмейстер ведал клеймением товаров и сбором соответствующих пошлин; вагмейстер наблюдал за взвешиванием товаров и сбором пошлин (РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 об.–5, 11–11 об.).

лежит быть бесперemенным, которые б торгов и промыслов собственных не имели», Сенат указом 19 февраля 1724 г. распорядился публиковать листы о найме служителей в портовые таможни с указанием положенного им жалованья[75]. Такие листы были выставлены на рынках, гостиных дворах, таможнях и других местах Петербурга, Москвы, Архангельска, Риги, Выборга, Нарвы и Ревеля. Купцы довольно активно откликнулись на призыв о службе в таможнях. Уже в марте 40 купцов разных городов изъявили желание быть служителями в Петербургской портовой таможне. В течение года (до марта 1725 г.) с аналогичной просьбой обратились в Коммерц-коллегию более 200 человек, главным образом посадские люди —180 человек[76]. Среди них преобладали жители Москвы, Петербурга, Новгорода и Вологды — (соответственно, 66, 21, 16 и 12 человек). Такая география объяснялась знакомством купцов этих мест с порядками в портовых таможнях, как на опыте собственных торгов, так и в результате службы там в качестве выборных служителей. Так, новгородские купцы, обосновывая свою просьбу, подчеркивали, что они «люди посацкие и ко оным делам заобычаны и грамоте умеющие»[77]. Большинство посадских намеревалось служить в качестве досмотрщиков, но были и такие, кто претендовал на должности, требующие специальных знаний: вагмейстеров, степельмейстеров, ундер- и обер-цолнеров.

Этот факт свидетельствует о том, что часть купцов разных городов (в данных материалах упомянут 41 город), лишившаяся собственных торгов, готова была начать служебную карьеру в качестве оплачиваемых служителей государственных учреждений, с деятельностью которых они были хорошо знакомы. Старинный же способ обеспечения низших звеньев государственного управления за счет натуральных повинностей городского населения как наносящий урон их торгам и промыслам, вызывал постоянное недовольство купечества, особенно его зажиточной верхушки, с которой правительство из собственных фискальных соображений предпочитало иметь дело. В отличие от внутренних таможен, где на протяжении всей истории их существования, служителями являлись выборные посадские люди, портовые таможни в связи с тем значением, которое абсолютистская власть придавала внешней торговле в целом и ефимочным сборам в частности, с 20-х годов XVIII в. начинают комплектоваться оплачиваемыми служителями под ведомством Коммерц-коллегии.

[75] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 163.

[76] Другие категории населения были немногочислены: 2 дворцовых крестьянина с. Покровского, 7 разночинцев, 19 иноземцев.

[77] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2811. Л. 1—10, 164—165; Д. 1816. Л. 1—2; Д. 2818.

В 1731 г., когда сбор внутренних пошлин при портовых и пограничных таможнях был также передан в ведомство Коммерц-коллегии, последней следовало позаботиться об определении для этих целей по одному инспектору и цолнеру «ис купечества московского и других городов, кои торговали или торгуют при портах». Причитающееся им жалованье выплачивалось из собранных «по примеру портовому с платежного рубля по 4 копейки со всех пошлин ефимочных и внутренних». Правда, документы свидетельствуют о том, что этот указ был осуществлен только относительно Петербурга. Так, в 1736 г. в числе служителей Петербургской таможни внутреннего сбора, находившихся на жалованье, имелись контролер, 32 досмотрщика и 15 канцелярских работников. Среди них купцов насчитывалось 29 человек (более 60%), выходцев из канцелярской среды — 6 человек, из разночинцев («попов сын», «солдатский сын», «сторожев сын» и т. д.) — 7 человек[78].

Организация внутреннего сбора пошлин в Архангельске, и в пяти пограничных таможнях (Севской, Брянской, Курской, Смоленской, Торопецкой) осталась прежней. Особых управителей, определенных от Коммерц-коллегии, в них не было, а сборы осуществляли по-прежнему «ис купечества бурмистры и ларешные погодно с переменою» под смотрением инспекторов таможен[79]. По данным 1736 г., в Севской пограничной таможне (всего 61 служитель) «у внутреннего таможенного и кабацкого и у канцелярских сборов», помимо бурмистра, двух ларешных, «бывают ис купечества... целовальников 50 человек и больше погодно с переменою без жалованья». На службе в Курской пограничной таможне (всего 35 человек) находились «по выбору курских купцов» бурмистр, ларешный, два сторожа и 25 целовальников. В Смоленской таможне местного купечества в это же время насчитывалось 107 человек (из общего числа 108), в Брянской — четверо из девяти. В итоге пограничные таможни по-прежнему комплектовались главным образом на основе государственных повинностей посадских людей[80].

Когда в течение непродолжительного времени (с 30 июля 1739 г. по 24 сентября 1740 г.) сбор внутренних пошлин при портовых и пограничных таможнях вновь находился в ведении Камер-коллегии, во всех таможнях, в том числе Петербургской, вместо должности цолнера и контролера вновь следовало быть бурмистрам и целовальникам, выбираемым из местного купечества «погодно с переменою». Только нарвскому магистрату в связи с предоставленным ему еще Петром I

[78] Относительно 6 человек данные о происхождении отсутствуют (РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2838. Л. 31).
[79] Там же. Д. 2844. Л. 1–5.
[80] Там же. Д. 2838. Л. 73 об., 75–75 об., 99–100, 102–102 об., 104–104 об.

«городским привилегиям» удалось оградить местных купцов от этой повинности. Как следует из рапорта Нарвской гарнизонной канцелярии от 22 июля 1740 г., сборы при нарвской таможне «и напред сего и поныне» содержали «из охочих людей на определенном коронном жалованье». Однако в связи с общим принципом комплектования внутренних таможен «охочие» служители нарвской таможни были заменены выборными, но не из числа местного, а торопецкого, великолуцкого и псковского купечества[81].

В 30—40-х годах в портовых таможнях только высшие должности обер-инспекторов и директоров замещались дворянами, как то предписывал еще петровский указ. Все остальные многочисленные служители портовых таможен комплектовались за счет лиц недворянского происхождения: купечества, выходцев из среды канцеляристов («подьяческие дети»), дворцовых служителей, отставных солдат и других разночинцев, иноземцев и даже крестьян (табл. 1).

На службу в портовые таможни, главным образом Петербургскую, привлекались солдаты и особенно матросы. Среди этих пестрых по своему сословному происхождений лиц заметно преобладали представители купечества, составлявшие треть всех служителей пяти портовых таможен (32, 8%). Из них в основном состояла не только самая многочисленная категория служителей любой таможни — досмотрщиков или безухеров, обязанных до отплытия корабля в обратный путь «бессходно» находиться на них для наблюдения, «чтоб без платежа пошлин товары с кораблей не свозили», но и служители, на которых лежали широкие и ответственные обязанности, в том числе обер- и ундер-цолнеры, контролеры, инспектора, вагмейстеры и стемпельмейстеры. К примеру, в рассматриваемое время обер-цолнерами Петербургской и Нарвской портовых таможен были петербургские купцы Петр Томилин и ранее упоминаемый Афонасей Ершов, инспектором и контролером петербургского пакгауза — также уже знакомый нам Алексей Семенников и купец Тимофей Лофтус, ундер-цолнером Архангелогородской портовой таможни — купец Данила Бурмашов, вагмейстером и стемпельмейстером Нарвской таможни — выборгский купец Томас Томасин, штурманом в Кронштадской таможне служил купец Григорий Свешников. Этот список может быть продолжен. Наряду с купцами среди служителей портовых таможен, от которых требовались знания в области денежного счета, весовых мер и другие специальные знания, имелись иноземцы (экер, стемпельмейстер и т. д.). Но общее их число, в том числе

[81] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2844. Л. 1–2; Оп. 3. Д. 4866. Л. 1, 7, 14 об., 17, 21, 27, 28, 33.

и на подобных должностях было не велико (5—6%). Остальные категории населения, в целом также немногочисленные, в основном являлись канцелярскими работниками и досмотрщиками.

Таблица 1

Сословный состав служителей портовых таможен за 1736 г. *

Происхождение	Таможни					Всего
	Петербургская	Кронштадская	Нарвская	Выборгская	Архангелогородская	
Дворяне	1	–	1	–	–	2
Купцы	54	3	5	10	28	100
Канцеляристы и подьяческие дети	11	–	1	1	12	25
Дети священно- и церковнослужителей	11	–	–	–	–	11
Дворцовые служители и отставные солдаты	6	–	–	–	–	6
Прочие разночинцы	–	1	–	–	3	4
Иноземцы	11	–	4	–	2	17
Солдаты	16	1	–	–	7	24
Матросы	56	4	–	–	–	60
Крестьяне	2	–	–	–	18	20
Нет данных	21	3	2	–	10	36
Всего	189	12	13	11	80	305

* РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2838. Л. 18 об., 19 об.–20, 21–30, 38–40 об., 48–52 об.

Обращает на себя внимание редкость крестьян среди служителей таможен, которые комплектовались почти исключительно городскими жителями. Только в Архангелогородской портовой таможне крестьяне составляли заметную часть (22, 5%), преимущественно среди досмотрщиков. Причин тому было несколько. Во-первых, таможенная служба хорошо знакома была именно городскому населению и в первую очередь купечеству, что определяло предпочтение, оказываемое ему со стороны портовой администрации. К тому же крестьяне обладали меньшей свободой передвижения и распоряжения собой. Во-вторых, существенным препятствием их службы в таможнях являлось слабое распространение грамотности среди крестьянского населения. Видимо, не случайно именно крестьянство Севера, среди которого грамотность была выше, а само оно давно занималось торговой деятельностью, в значительно большей степени, чем в других районах, включалось в таможенную службу.

Важное значение для характеристики социального облика российского чиновничества имеют сведения о наличии у них «крещеной собственности», что позволяет судить о значении службы в материальном обеспечении различных разрядов бюрократии. Подобные данные имеются среди материалов переписи чиновников 1754—1756 годов. За более ранее время в фонде Коммерц-коллегии сохранилась единственная ведомость «о судьях и приказных служителях» московской Коммерц-конторы с указанием на принадлежавшие им деревни и крепостных крестьян. Эта ведомость была составлена в конце 1738 г. в ответ на полученный из Сената указ. Членами присутствия в ней значатся советник Иван Алексеев и асессор Василий Васильев. Первый из них в 20-х годах был консулом во Франции, в Коммерц-коллегию был зачислен в 1731 г. асессором, вскоре произведен в коллежские советники, а в 1741 г. — за год до смерти — в статские советники[82]. Гражданская служба дала И. Алексееву более высокие чины, чем военная, где он был в чине поручика флота. Однако основной доход он получал не от службы: ему принадлежало свыше десятка сел и деревень в разных уездах Новгородской и Нижегородской губерний с более чем 2 тысяч душ мужского пола. В отличие от этого крупного помещика, асессор В. Васильев владел лишь небольшим сельцом с 15 душами мужского пола. Третьим душевладельцем среди чиновников и служителей Коммерц-конторы был канцелярист Андрей Ключарев, имевший в Саранском уезде 111 душ[83]. Кто он был по своему происхождению — сказать трудно, поскольку только в 50-х годах чиновникам недворянского происхождения было запрещено владеть землей и крестьянами. Однако количество принадлежавших ему крепостных говорит в пользу его дворянского статуса. Остальные 14 канцелярских служителей деревень и крестьян за собой не имели.

Материалы переписи 1754—1755 годов свидетельствуют, что большинство чиновников ведомства Коммерц-коллегии владели крестьянами и дворовыми людьми (86%) (табл. 2). Правда, из 36 чиновников, в отношении которых имеются соответствующие данные, половина (50%) владела только дворовыми. Причем, если среди лиц, составлявших высшую бюрократию, имелись крупные душевладельцы, собственники нескольких сот крепостных, то «крещеная собственность» низшего сдоя чиновничества, как правило, состояла из нескольких дворовых людей, которыми выходцы из непривилегированных слоев общества спешили обзавестись по получении личного дворянства.

[82] РГАДА. Ф 276. Оп. 7. Д. 20; Оп. 5. Д. 2838. Л. 76 об.; Оп. 7. Д. 12, 28, 43.
[83] Там же. Оп. 7. Д. 20. Л. 4, 6, 7.

Таблица 2

Душевладение чиновников Коммерц-коллегии
по данным середины 50-х годов XVIII в.

Ранги	Количество крепостных (чел.)								
	более 500	300-500	200-300	100-200	50-100	менее 50	только дворовые	крестьян и дворовых нет	нет данных
1-8	1	2	–	1	2	–	3	2	3
9-14	–	–	2	–	2	5	13	3	13

Материалы переписи середины 50-х годов зафиксировали 52 чиновника ведомства Коммерц-коллегии, что более чем вдвое превышает данные, приведенные С. М. Троицким, без учета сведений о чиновниках местных учреждений коллегии[84]. Из этих 52 чиновников к высшей бюрократии принадлежали двое, членами присутствия (6-8 ранги) были 12 человек, а остальные 38 человек имели канцелярские чины 9—14 рангов.

В исторической литературе уже отмечалось отсутствие данных для середины XVIII в. о численности канцеляристов, чьи должности не вошли в Табель о рангах, что затрудняет определение общей численности бюрократии в России в это время[85]. Однако сведения о канцелярских служителях Коммерц-коллегии и подчиненных мест имеются за 1729 и 1736 годы. Эти данные были собраны в связи с проводимым Сенатом учетом подьячих, «обретающихся у всяких дел», и их детей мужского пола. По материалам 1729 г., число актуариусов, канцеляристов, подканцеляристов, копиистов Коммерц-коллегии, Петербургской и Архангелогородской портовых таможен, Починковской конторы, ведавшей управлением казенных поташных заводов, составляло 66 человек. В 1736 г. в Коммерц-коллегии, московской Коммерц-конторе и Починковской конторе насчитывалось 98 канцелярских служителей[86]. Приведенные данные не вполне сопоставимы, поскольку учтен разный состав подведомственных учреждений. Однако несомненно существенное возрастание численности канцелярских служителей, что было связано с объединением Коммерц-коллегии с Берг-коллегией и Мануфактур-конторой в 1731 г. Так, число канцеляристов собственно Коммерц-коллегии за это время возросло более чем вдвое

[84] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство... С. 171—172.

[85] Там же. С. 176.

[86] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2826. Л. 4 об.—10, 12—14, 17—22; Д. 2838. Л. 6—17 об., 68—71 об., 90—97.

(с 16 чел. в 1729 г. до 34 чел. в 1736 г.) и значительно превысило численность чиновников, имевших офицерские ранги (16 чел.)[87].

Итак, основную массу служащих Коммерц-коллегии, так же как и бюрократии в целом, составляли канцеляристы, категория которых к середине XVIII в. достаточно четко определилась и отграничилась от других податных и неподатных разрядов населения. По наблюдению Н. Ф. Демидовой, основным источником ее формирования являлись приказные люди XVIII в. и их потомки[88]. Сказки канцелярских служителей ведомства Коммерц-коллегии 1736 г. дают возможность конкретизировать это положение.

Из 69 канцеляристов, сказки которых содержат сведения об их происхождении, почти половина (47,8%) происходила из «подьяческих детей», вторую по численности группу составляли дети церковно- и священнослужителей (18,8%). Выходцев из семей отставных военных нижних рангов насчитывалось 15,9%. Незначительной и все-таки вполне ощутимой была прослойка представителей посадского мира (11,6%). Случайным среди канцелярских служителей выглядит единственный крестьянин, по роду занятий давно порвавший со своей средой. Несмотря на большую сословную пестроту, в группе канцеляристов можно выделить три категории населения, из которых она рекрутировалась: потомки приказных людей, разночинцы и городские тяглецы.

Подведем некоторые итоги. Сфера деятельности Коммерц-коллегии, ориентированная сугубо на вопросы внешней торговли, определила состав подведомственных ей учреждений, ядром которых являлись портовые и пограничные таможни, а также состав ее чиновников, избиравшихся из лиц, знакомых с европейской коммерцией. Это обстоятельство обусловило также значительно более высокий, чем в других центральных учреждениях, удельный вес иностранцев. Привлечение иностранных специалистов на службу в Коммерц-коллегию было вызвано также острой нехваткой, которую испытывали все звенья ее административного и управленческого аппарата в грамотных и знающих работниках в период организации и первого десятилетия существования Коммерц-коллегии. Высокий удельный вес иностранцев в составе присутствия Коммерц-коллегии в 30-е годы XVIII в., когда данный фактор уже не имел большого значения, объяснялся общим характером состава лиц, определявших государственную политику России в это время. В 40-е годы происходило вытеснение иностранцев

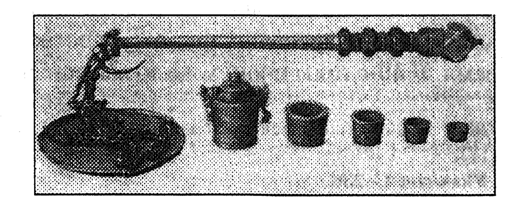
[87] РГАДА. Оп Д. 2856. Л. 9—9 об. См. так-же: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство... С. 177.

[88] Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 236.

с административных постов, и к середине XVIII в. национальные кадры получили твердое преобладание.

В соответствии с основами социальной политики абсолютизма административный аппарат Коммерц-коллегии в основном комплектовался за счет дворянства, хотя наблюдалось и проникновение на административные посты, дающие права потомственного дворянства, выходцев из иных сословий (подьяческих детей, купцов). Особую роль в функционировании всех звеньев Коммерц-коллегии играли купцы. Помимо использования их в качестве консультантов по отдельным вопросам, имели место и отдельные случаи проникновения купцов в состав высшей бюрократии Коммерц-коллегии, советников, вице-президентов и даже президентов. Но особое значение купцы имели в деятельности портовых и пограничных таможен, занимавших важное место в системе подчиненных Коммерц-коллегии ведомств. В отличие от внутренних таможен, обслуживавшихся за счет повинностей городского населения, портовые и пограничные таможни комплектовались за счет найма лиц в основном недворянского происхождения. Ведущую по численнести группу среди них составляли купцы, использовавшиеся на самых различных должностях, в том числе и требующих специальных знаний.

Широкий отклик, который вызвал среди городского населения призыв к службе в портовых таможнях, в течение всего рассматриваемого времени не испытывавших недостатка в служителях, свидетельствует об имевшемся резерве, за счет которого могли бы рекрутироваться и служители внутренних таможен, а также осуществляться различные казенные службы. Таким образом, упорное нежелание правительства вопреки многочисленным жалобам и требованиям купцов и очевидным пагубам казенных служб интересам купеческого сословия изменить принципы комплектования низших звеньев государственного аппарата объяснялось не объективными трудностями поиска необходимых служителей, а исключительно фискальным расчетом. В этом с очевидностью проявлялся характер социальной политики абсолютизма, игнорирующего одно из основных требований купечества.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Регламент Коммерц-коллегии и его редакции

Характерными чертами чиновничье-бюрократической системы управления, свойственной абсолютистскому государству, являлись четкое определение функций и подробная регламентация деятельности составлявших ее учреждений. Это объясняет то внимание, которое Петр I уделял разработке регламентов центральных коллегий. Согласно указу от 28 апреля 1718 г. написание проектов регламентов коллегий следовало производить «на основании шведского устава», а также с учетом собственно российской ситуации[1]. Анализ текста регламента Коммерц-коллегии, выявление его редакций и всех подготовительных материалов позволит раскрыть замыслы правительства, выявить степень участия разных лиц и учреждений в разработке основных направлений деятельности коллегии, а также рассмотреть вопрос о творческой переработке шведских узаконений. Относительно регламента Коммерц-коллегии такая работа во всем ее объеме предпринимается впервые. До недавнего времени единственным автором, не ограничившимся общими замечаниями в отношении регламента Коммерц-коллегии и тех влияний, которые он испытал в процессе своего создания, оставался П. Н. Милюков. Правда, произведенный им анализ регламента Коммерц-коллегии в двух редакциях 1719 и 1724 г. ограничивался внешней, формальной стороной, касающейся соотношения нумераций статей, их пропусков и добавлений во второй редакции, а также выяснением влияний иностранных источников[2]. Кроме того,

---

[1] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Т. 1. М.; Л., 1945. № 49.

[2] *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 427—434, 449—450.

Милюкову не была известна редакция регламента 1721 г., впервые выявленная Н. А. Воскресенским[3].

В новейшем исследовании шведского историка К. Петерсона, посвященном административной и судебной реформам Петра I, произведено сравнение текстов инструкции Коммерц-коллегии 1719 г. и проекта инструкции шведской Коммерц-коллегии 1712 г., ранее не известного ни П. Н. Милюкову, ни последующим исследователям[4].

Известно, что Петр I привлек большой круг людей к подготовке реформы центрального управления. Особую роль среди иноземцев, поступивших в этот период на русскую службу и оказавших заметное влияние на ход реформы, сыграли шотландец по происхождению А. -Х. фон Люберас и голштинец Г. Фик. Характер их участия и влияние на осуществление замыслов Петра I был различным. А. -Х. Люберас, помимо рекрутирования иностранных кадров для коллегий, написал «до тридцати различных пиес», включавших общий план устройства коллегий, проекты регламентов каждой из них, правила для их открытия и функционирования. По мнению П. Н. Милюкова, эти проекты сыграли свою роль в общем ходе устройства коллегий. В то же время Люберас не принимал личного непосредственного участия в этом устройстве, за исключением Берг- и Мануфактур-коллегии, вице-президентом которой он стал в 1719 г.[5] Э. Берендтс, вслед за Милюковым рассмотревший записку Любераса об устройстве коллегий в России, пришел к выводу, что эта записка во многом послужила образцом для реформы Петра I, а самого автора следует причислить к числу «способнейших сподвижников» великого преобразователя[6].

Иные оценки дают исследователи деятельности Г. Фика. В отечественной историографии сама его личность оценивалась как «довольно сомнительная по характеру»[7]. После поступления на русскую службу в 1715 г. Фик был отправлен Петром I в Швецию для сбора материала к предстоящей реформе. Привезенные им через год сведения об устройстве шведских коллегий составили, по его собственному заявлению, «несколько сот регламентов и разных ведомостей». С мая 1718 г. в его руках сосредоточилось все дело учреждения коллегий[8]. Используя

[3] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 3. Ч. 2. № 88 (ОР РНБ. Ф. 1003. № 10. Л. 443–454).

[4] *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judisial Reforms. Stockholm, 1979. P. 262–268.

[5] *Милюков П.* Указ. соч. С. 428–429.

[6] *Берендтс Э.* Барон А.-Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891. С. 20.

[7] *Берендтс Э.* Указ. соч. С. 4.

[8] *Милюков П.* Указ. соч. С. 426–427, 438–440.

шведские узаконения, Фик составил первоначальные проекты регламентов ряда коллегий (Главного магистрата, Камер-коллегии, Штатс-контор-коллегии, возможно, Коммерц-коллегии), а также Генерального регламента. К сожалению, мы не можем судить о том, что представлял собой первоначальный проект регламента Коммерц-коллегии, поскольку, как свидетельствует Н. А. Воскресенский, специально занимавшийся поиском в архивах и подготовкой к публикации материалов, относящихся к работе над законодательными актами петровской эпохи, этот проект, другие материалы, сопутствующие выработке первой редакции регламента, а также подлинный его текст, утвержденный Сенатом 3 марта 1719 г., обнаружить в архивах не удалось.

П. Н. Милюков, выясняя источники первой редакции регламента Коммерц-коллегии (инструкции 1719 г.), предполагал, что автором окончательного текста был Фик, использовавший как инструкцию шведской Коммерц-коллегии 1651 г., так и проект регламента Любераса[9]. Н. А. Воскресенский, не отрицая участия Фика в выработке редакции регламента 1719 г., считал его автором не окончательного текста, а первоначального проекта[10], как это было с регламентами других коллегий. Косвенным аргументом в пользу этой точки зрения могут служить наблюдения, сделанные Воскресенским об участии Фика в выработке других регламентов, написание первоначальных проектов которых с несомненностью связано с именем голштинца. Характеризуя проект Генерального регламента, написанный Фиком, Н. А. Воскресенский замечает, что он «оставляет впечатление чернового наброска, работы поверхностной, беспорядочной, составленной наспех лицом, теоретически как бы не подготовленным и при том не обладавшим знанием конкретных условий русской государственной жизни». В итоге такой проект оказывался далеким не только от иностранного источника, но и от окончательного текста закона, выработанного с участием русских учреждений в процессе его дальнейшего и порой неоднократного редактирования (Генеральный регламент имел, например, 12 редакций). Это наблюдение над текстами редакций Генерального регламента Воскресенский считает возможным распространить «и на другие русские законодательные акты, первоначальные проекты которых были написаны также Фиком и также на основании шведского источника»[11].

[9] *Милюков П.* Указ. соч. С. 449–450.

[10] *Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. 1945. Рукопись (ОР РНБ. Ф. 1003. № 14. С. 567).

[11] Там же. С. 554-566.

Итак, располагая лишь окончательным текстом регламента 1719 г., мы можем лишь догадываться об обстоятельствах и характере тех изменений, которые претерпел его первоначальный проект. Участие Фика на той или иной стадии работы над регламентом нам представляется несомненным. Тем более, что документально известно о его сопричастности к работе над новой редакцией регламента 1721 г., о чем речь пойдет ниже.

Среди сопутствующих выработке регламента 1719 г. материалов П. Н. Милюков называл шведскую инструкцию Коммерц-коллегии 1651 г. и проект регламента Любераса. Сопоставив их с окончательным текстом инструкции 1719 г., историк пришел к выводу о том, что немногое из шведской инструкции перешло в проект Любераса и немногое из обоих документов попало в русскую инструкцию Коммерц-коллегии. Тем не менее, П. Н. Милюков считал возможным говорить «о двойном и параллельном влиянии на нее шведской инструкции и проектов Любераса»[12].

Исследование Н. А. Воскресенского, на наш взгляд, позволяет считать влияние этих двух материалов не прямым, а опосредованным первоначальным проектом Г. Фика, который представлял шведские узаконения русским законотворческим учреждениям не в подлиннике, а в собственном изложении. До 40-х годов XVII в. в Швеции финансовые вопросы, управление мануфактурами, фабриками, горными заводами и торговлей сосредоточивалось в Камер-коллегии. В 1649 г. от нее отделилась Горная коллегия, а в 1651 г. с утверждением инструкции — Коммерц-коллегия. Она состояла из президента, вице-президента, двух асессоров с канцелярией. В ведении Коммерц-коллегии находилось управление торговлей, надзор за сбором таможенных пошлин, торговыми весами и мерами, а также мануфактурной промышленностью. В 1676 г. при Карле XI Коммерц-коллегия вновь была присоединена к Камер-коллегии[13].

Коммерц-колдегия, по свидетельству шведского историка, обретает самостоятельность в 1711 г., но только в октябре 1723 г. ей была дана новая инструкция[14].

А.-Х. фон Люберас в записке о государственной системе Швеции и тех изменениях, которые, по его мнению, следовало сделать при перенесении этой системы в Россию, считал для нее непригодным регламент шведской Коммерц-коллегии 1651 г. Учитывая природные богат-

[12] *Милюков П.* Указ. соч. С. 449.

[13] *Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. 1. История государственного хозяйства Швеции до 1809 г. СПб., 1890. С. 218—228.

[14] *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 363.

ства России, Люберас проектировал учреждение самостоятельных Коммерц- и Мануфактур-коллегий, находя неуместным соединение заведывания торговлей и промышленностью в одной коллегии. В задачи Коммерц-коллегии, по мнению Любераса, должны входить забота о внешней и внутренней российской торговле, решение вопросов внутренней таможенной политики, о пакгаузах, купеческих фирмах, учреждение коммерческого суда и «общенародного кредита»[15]. Особый коммерческий суд отсутствовал в Швеции, а торговые споры входили в сферу городского права.

Эти задачи Коммерц-коллегии, как их представлял Люберас, в целом соответствовали замыслам Петра I. В одном из проектов он определил функции Коммерц-коллегии следующим образом: «Всех торгов, всякой пошлины распоряжается, торговых судит, а деньги через рентмейстера отсылать в статс-контору»[16].

В краткой записке Петра, так же, как и в проекте регламента Любераса, выделяются три основных аспекта деятельности планируемого учреждения: торговля, пошлины, суд. Причем, не делается различий между внешней и внутренней торговлей, как между внутренними и внешними пошлинами и сферой торгового суда. Однако в окончательном тексте инструкции Коммерц-коллегии, апробированном Сенатом 3 марта 1719 г., преобладающей идеей стала внешнеторговая ориентация деятельности Коммерц-коллегии. Этим сюжетам посвящены 17 из 28 статей инструкции. Причем определение главного «дела и смотрения» Коммерц-коллегии, заключающегося в «двух важных вещах», а именно: «в морском хождении и купечестве», из которых особо выделялось строение купеческих кораблей и наблюдение за всем тем, что касается до состояния корабельщиков, штурманов, боцманов и матросов, явно напоминает основные направления деятельности создаваемого в 1715 г. (то есть еще до поступления Фика на русскую службу и тем более до представления Люберасом осенью 1718 г. проектов инструкций и регламентов) Коммерции-коллегиума. Тогда глава нового учреждения Ф. М. Апраксин признавал в качестве его главной задачи обеспечение увеличения пошлинных поступлений через рост внешнеторговых оборотов и строительство в Петербурге торговых судов для достижения самостоятельной заграничной торговли России[17]. Что касается внутренних таможенных пошлин, то их сбор,

[15] *Берендтс Э.* Барон А.-Х. фон Люберас и его записка... С. 13—14.

[16] *Берендтс Э.* Несколько слов о «коллегиях» Петра Великаго. Речь, произнесенная на годичном акте Демидовского юридического лицея 30 августа 1895 г. Ярославль, 1896. С. 22.

[17] См. Гл. 1.

вопреки предложениям Любераса и ранней записке Петра I, неизменно оставался в ведении Камер-коллегии. Вопросы же внутренней торговли и торгового суда отечественных купцов, присутствовавшие в инструкции 1719 г., с утверждением в 1721 г. регламента Главного магистрата из последующих редакций инструкции Коммерц-коллегии, несмотря на возражения Фика, были исключены. В итоге Коммерц-коллегия в своей деятельности сосредоточилась на вопросах внешней торговли, внешнеторговых пошлин, портовых таможен и суда над иностранным купечеством.

Такое направление деятельности Коммерц-коллегии свидетельствует, на наш взгляд, о том, что если отдельные идеи Любераса, в частности о раздельном существовании Коммерц- и Мануфактур-коллегий, и повлияли на организационные принципы нового учреждения, то нельзя и не видеть существенных различий между его проектом регламента и тем текстом, который был утвержден Сенатом в 1719 г. Причем, как будет показано ниже, эти различия в последующих редакциях еще более усиливались.

Новый свет на обстоятельства выработки инструкции 1719 г. и некоторые ее источники проливает работа К. Петерсона. Среди делопроизводственных документов шведской Коммерц-коллегии, хранящихся в Стокгольме, им обнаружен текст неутвержденного проекта инструкции, датированный 18 сентября 1712 г. По замечанию шведского историка, хотя эта инструкция и была только проектом, но тем не менее служила основным руководством для деятельности шведской Коммерц-коллегии вплоть до 1723 г., когда была составлена и утверждена новая инструкция. Петерсон предполагает, что проект инструкции 1712 г. был скопирован Г. Фиком во время его посещения Стокгольма в 1716 г., и именно этот текст был им положен в основу русской инструкции 1719 г. «Русская инструкция так сильно ориентирована на шведский прототип, — пишет автор, – что... в основных своих частях является ничем иным, как переводом шведского текста, это касается мореходства и торговли. Третья же часть, посвященная мануфактурам и вопросам управления, перешла в Берг- и Мануфактур-коллегию»[18].

В подтверждение этой мысли К. Петерсон приводит тексты шести (из 28) статей русской инструкции и сравнивает их с аналогичными статьями из проекта шведской инструкции[19]. Несмотря на их малое число, оба текста настолько схожи, что хотя бы в отношении их действительно следует признать прямое и непосредственное использование

[18] *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and... P. 364–365.
[19] Ibid. P. 365–368.

шведского источника. Этот вывод Петерсон распространяет и на новую редакцию инструкции 1724 г. (редакция 1721 г., видимо, ему была не известна), которая, по его мнению, ошибочному, как будет показано в дальнейшем, лишь внесла более подробную разработку вопросов деятельности коллегии[20].

Однако на тексте инструкции 1719 г. рано ставить точку для решения вопроса о выработке регламента Коммерц-коллегии и роли в ней шведских источников. Следует более пристально присмотреться к приведенным Петерсоном статьям и проследить их дальнейшую судьбу. Большинство из них посвящены общим функциям Коммерц-коллегии в отношении торговли (ст. 15, 16) и вопросам городского управления (ст. 17, 18, 20). Из них только одна (о составлении и исправлении торговых уставов — ст. 16) почти в том же виде сохранилась и в редакции 1724 г., большинство же статей исчезло сразу же после выведения магистратского правления из-под управления Коммерц-коллегии. Обращает на себя внимание ст. 17, смысл которой совершенно не соответствовал условиям и характеру строя российских городов и целиком ориентировался на шведские образцы. В ней речь шла об обязанностях коллегии по исправлению в соответствии с новыми условиями привилегий, данных городам. Поскольку подобных «вольностей» российские города не имели, то и вносить исправления было не во что. Характерно, что в первоначальный проект регламента Главного магистрата, написанный Г. Фиком, была включена целая глава, посвященная этому же сюжету, удаленная в ходе дальнейшего редактирования[21]. Создается впечатление, что инструкция Коммерц-коллегии «за отлучением царского величества в поход» не прошла, подобно проектам регламентов других коллегий, тщательного обсуждения и редактирования. 3 марта 1719 г. она была утверждена Сенатом, который в тот же день распорядился послать в коллегию копию инструкции, «чтоб в управлении дел остановки не было»[22]. В марте 1721 г. в связи с опубликованием регламента Главного магистрата, к которому отходила часть функций Коммерц-коллегии, касающихся магистратского правления, Коммерц-коллегия обратилась в Сенат за утверждением выправленной ею инструкции. В свою очередь Сенат направил присланную инструкцию в Камер-коллегию для рассмотрения и составления «мнения» по вопросам, «до нее касающимся». Замечания Камер-коллегии, написанные советником этой коллегии Г. Фиком,

[20] *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and... P. 368.

[21] См. Гл. 4, § 1.

[22] ПСЗ. Т. V. № 3317.

в июне того же года были присланы в Сенат, который 17 ноября утвердил новый регламент Коммерц-коллегии[23].

Таким образом, с 18 марта по 17 ноября 1721 г. происходила выработка нового регламента коллегии. Сравнение пересмотренного Коммерц-коллегией текста, предложений Фика и окончательного текста редакции позволяет выяснить характер вносимых изменений.

Часть предложенных Коммерц-коллегией поправок была связана с дальнейшим ходом реформы центрального управления, вызвавшим необходимость в более четком разграничении функций между коллегиями. В связи с выведением магистратов из-под ведения Коммерц-коллегии из сферы влияния последней были изъяты вопросы городской жизни (учреждение гильдий, организация полиции и пр. ст. 19—21). Коммерц-коллегия предлагала также исключить из ее регламента статьи об организации внутренней торговли: об учреждении ярмарок (ст. 18), о наблюдении над шлюзами и дорогами, «того ради, что Коммерц-коллегиум внутрь государственным торгам... смотрение не имеет» (ст. 22)[24].

Иное мнение выразил Г. Фик. Он считал, что «вышнему надзиранию» Коммерц-коллегии по-прежнему должны подлежать все вопросы городского устройства, «а магистрату надлежит токмо оные дела подтвердить и в действо произвесть». Даже в случае передачи Главному магистрату всей «дирекции» над городами, по мнению Фика, решение по коммерческим вопросам он мог принимать только с согласия Коммерц-коллегии. Тем самым умалялась независимость магистратского правления от других центральных ведомств. Основанием этому служило убеждение, что «главное дело и должность» Коммерц-коллегии состоит в попечении над внутренними торгами и всеми касающимися до них учреждениями и «регулами», поскольку внешние и внутренние торги, «яко тело и душа, неразлучимы суть»[25].

Как легко заметить, последнее, вполне справедливое замечание Фика, и то как он понимал задачи Коммерц-коллегии (отметим, что в этом он был близок идеям записки Любераса), вытекало из текста инструкции 1719 г., автором которой он, вероятно, и был, но полностью расходилось с мнением на сей счет самой коллегии. Окончательный текст инструкции в редакции 1721 г., утвержденный Сенатом, исходил из замечаний Коммерц-коллегии. Отныне ее участие в рассмотрении вопросов, в том числе и связанных с внутренней торговлей,

[23] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 3. Ч. 2. № 88. С. 431—436, 443—454.
[24] Там же. С. 441.
[25] Там же. С. 436.

переданных в ведение магистратского правления, ограничивалось советами и то лишь в том случае, если Главный магистрат хотел бы эти советы выслушивать (ст. 20). Одновременно инструкция разграничивала ведение шлюзами между местной администрацией в лице губернаторов и воевод, городовыми магистратами, Камер- и Коммерц-коллегиями. За последней оставалось составление ведомостей о направлениях грузопотока и ассортименте товаров, проходящих через шлюзы (ст. 21)[26]. В итоге Сенат поддержал мнение Коммерц-коллегии о сугубо внешнеторговой ориентации ее деятельности.

В таком же духе осуществлялось разграничение компетенции Коммерц-коллегии и магистрата в области суда. В компетенции коллегии оставался лишь суд по внешнетаможенным вопросам, остальные купеческие «тяжбы» разбирались в магистратах[27]. Если по инструкции 1719 г. Коммерц-коллегия заведывала «всякими пошлинами всего государства, которыя до купечества надлежат», то регламент 1721 г. в соответствии с единодушным мнением Коммерц-коллегии и Фика, сохранил под ее управлением только портовые и пограничные таможни с собираемыми на них пошлинами. Что касается внутренних таможенных пошлин, то их сбор сосредоточивался в Камер-коллегии, а Коммерц-коллегии поручалось составление Торгового устава. Функции Коммерц-коллегии в отношении портовых и пограничных таможен были подробно детализированы: определена должность фискала для наблюдения над таможенными служителями при сборе пошлин, установлен порядок апелляции по искам на таможенных служителей, периодичность отчетности в собранных пошлинах (ст. 12).

В замечаниях на представленный Коммерц-коллегией проект нового регламента Фик обратил внимание Сената на то, что «коммерция и морские таможенные дела никогда в приращении не будут, ежели помалу непременные таможенные служители не определены и жалованьем не снабжены бывают... ибо высокому интересу е.и.в. при морских пошлинах учинился по прежнему маниру десятократной ущерб, нежели жалованья таких служителей»[28]. Таможни, как внешние, так и внутренние, комплектовались на основе ежегодного набора посадских людей во исполнение возложенной на них казенной повинности. Таможенная служба, как и любые другие казенные повинности, осуществлявшаяся без какого бы то ни было вознаграждения, сопровождалась немалыми материальными издержками для самих служителей, а потому не могла не вызывать подозрений в утайке ими части

[26] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 3. Ч. 2. С. 450.
[27] Сравни ст. 8 и 24—25 редакции 1719 г. со ст. 11 и 23 редакции 1721 г.
[28] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 3. Ч. 2. С. 435.

пошлин. Кроме того, кратковременность службы и незаинтересованность в ней посадских людей препятствовали созданию обученных кадров в такой области государственного хозяйства, которой правительство отводило все большую роль в денежных накоплениях. Г. Фик понял значение портовых и пограничных таможен и пошлин в условиях проводившейся экономической политики меркантилизма и увидел острую нужду, испытываемую казной, в иностранной серебряной монете; используя практику других стран, он предложил изменить принцип комплектования внешних таможен.

Однако ни Коммерц-коллегия, ни Сенат не откликнулись на его предложение. Инструкция 1721 г. по-прежнему предусматривала функционирование всех таможен за счет натуральных повинностей городского населения (ст. 12). В дальнейшем Сенат все же изменил принцип комплектования портовых таможен. Хотя регламент 1724 г., утвержденный Петром I 31 января, подтвердил положение инструкции 1721 г., сенатский указ 19 февраля того же года провозгласил переход к найму оплачиваемых служителей в портовые таможни. О его практическом исполнении мы уже писали.

Наиболее подробно как Коммерц-коллегия, так и Г. Фик высказались по поводу тех мер, которые согласно инструкции 1719 г. предлагалось разработать коллегии для поощрения морской торговли на отечественных кораблях. В целях «лутчаго возбуждения охоты к торгу подданных русских людей» Коммерц-коллегия предложила: 1) беспошлинное строительство кораблей при условии употребления на них до двух трети «эквипажев из русской нации»; 2) 5%-ю пошлину с покупки корабля иноземцем; 3) увольнение четвертой части пошлин как с приходящих, так и отходящих товаров при наличии от 10 до 20 пушек на корабле и до трети при большем их числе; 4) регистрацию построенных кораблей в таможнях[29].

Фик также согласился, что «убавление пошлины с построенных в здешнем государстве торговых кораблей весма потребно есть». Но в отличие от Коммерц-коллегии он считал необходимым поощрение строительства кораблей льготами в пошлинах независимо от наличия или отсутствия пушек, так как размер морских пошлин всегда зависел не от вооружения корабля, а от его размера и грузоподъемности. Наибольшие же пошлинные льготы, по его мнению, следовало давать иноземцам, торгующим на кораблях, купленных в России, «понеже здешняя нация лутчей авантаж иметь не может, нежели когда за лес, железо и пенек чужие денги и серебро получают, при том же и многие здешние обыватели чрез

[29] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 3. Ч. 2. С. 437–438.

оную работу пропитатися могут и в строении кораблей обучены бывают»[30]. Заметим, что программа коммерческого судостроения, выдвинутая правительством Петра I, преследовала иные задачи, а именно: ликвидацию зависимости страны от иностранного торгового капитала. Осуществление ее предполагало создание собственного торгового флота. Поэтому от Коммерц-коллегии требовалась разработка мер, поощрявших частную инициативу в торговом кораблестроении не ради пополнения состава иностранных торговых флотов, а во имя развития самостоятельной заграничной коммерции отечественных купцов[31].

В окончательном тексте редакции регламента 1721 г. Сенат в целом утвердил поправки, предложенные Коммерц-коллегией, учтя единственное замечание Фика о предоставлении пошлинных льгот всякому отечественному кораблю независимо от его вооружения («бес пушек четвертую, а с пушками третью часть» от положенной в тарифе пошлины). Сами льготы распространялись только на российских купцов. Иноземцы, торгующие на купленном в России корабле, помимо 5%-й пошлины с его покупки (взимаемой ефимками), обязаны были полностью заплатить все причитавшиеся по Торговому уставу пошлины (ст. 3–6)[32].

В последующие годы внешнеторговая ориентация деятельности Коммерц-коллегии получила дальнейшие определение и регламентацию[33]. Своеобразным руководством в работе Коммерц-коллегии стал адресованный ей именной указ от 8 ноября 1723 г.[34] В нем Петр определил направление внешнеторговой деятельности этого центрального учреждения. Таковыми должны были стать торговля с Францией, Испанией и Португалией, в новозавоеванных у Персии землях и остзейских областях, развитие архангельского китового промысла и организация купеческих компаний для заграничного торга. Предложенная Петром I внешнеторговая программа свидетельствовала о его стремлении к проникновению России на новые рынки, особенно богатые драгоценным металлом. Одним из средств достижения этой крайне трудной цели должно было стать решение также возложенной на Коммерц-коллегию задачи по организации обучения купеческих детей «в чужих краях» и в прибалтийских городах, а также обучение ком-

---

[30] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 3. Ч. 2. С. 433–434.

[31] В дальнейшем, правда, несмотря на развернувшееся в России частное коммерческое судостроение, в основном оно ориентировалось на иностранного покупателя. См.: *Огородников С. Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 234; *Репин Н. Н.* Коммерческое судостроение в России в XVII–XVIII вв. // ВИ. 1978. № 1.

[32] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 3. Ч. 2. С. 444–445.

[33] Там же. Т. 1. № 130, 169, 178.

[34] ПСЗ. Т. VII. № 4348.

мерции «определенных из дворянских детей». Петр I прозорливо понял, что без знаний и практического опыта западноевропейской коммерции российским купцам не удасться пробиться на заграничные рынки. Привлечение к обучению коммерции дворянских детей продолжало линию указа о единонаследии 1714 г., имевшего одной из своих целей побудить младших сыновей в дворянских семьях «искать хлеба службою, учением, торгами и прочим»[35].

Новый этап работы над регламентом Коммерц-коллегии начался с мая 1722 г. и был связан с указом Петра I о составлении регламентов всех коллегий по образцу изданного 5 апреля того же года Адмиралтейского регламента[36]. Руководители Коммерц-коллегии, как, впрочем, и Мануфактур-коллегии, подошли к исполнению петровского указа весьма мудро и осторожно, чего, например, нельзя сказать о чиновниках Вотчинной коллегии, перенесших в составленный ими проект регламента все мелкие указания Адмиралтейского регламента не только относительно канцелярского порядка коллегии, но и таких областей хозяйственной деятельности, с которыми Вотчинная коллегия не сталкивалась[37]. Напротив, в новую редакцию регламента Коммерц-коллегии, утвержденную Петром 31 января 1724 г., из Адмиралтейского регламента были включены только вступительные параграфы (2—6)[38]. Они касались общих принципов и порядка работы коллегий, должностей президента и вице-президента.

Постатейное сравнение текста редакции 1724 г. с редакциями 1719 и 1721 г. свидетельствует о том, что работа, проделанная в период подготовки редакции 1721 г., не была отброшена, на что, казалось бы ориентировало буквальное прочтение петровского указа от 11 мая 1722 г. Именно регламент 1721 г. лег в основу новой редакции 1724 г. Большинство редакционных правок, придавших деятельности Коммерц-коллегии отчетливую внешнеторговую ориентацию, было сохранено и в последней редакции практически без изменений (вопросы суда — ст. 16, таможенных пошлин и таможенного контроля — ст. 8, 9, 17, 20, 21, строительства отечественных кораблей — ст. 10, поощрения «к морскому хождению в российские гавани» — ст. 14 и др.).

Из шести статей редакции 1719 г., опущенных в новом регламенте 1724 г. (5, 15, 17, 19, 20, 21), четырех не было уже в редакции 1721 г. (5, 17, 20, 21). Их исключение было связано с более последовательным разделением функций между центральными коллегиями (Коммерц-,

[35] ПСЗ. Т. V. № 2789.
[36] Там же. Т. VI. № 4008.
[37] *Бабурин Д.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939. С. 80.
[38] *Милюков П.* Указ. соч. С. 452.

Адмиралтейств-, Камер-коллегиями и Главным магистратом). В регламенте 1724 г. по сравнению с первой редакцией 1719 г. появились 10 новых статей. Пять из них (2—6), как уже говорилось, были взяты в соответствии с требованием Петра из Адмиралтейского регламента. Три статьи, в том числе 11—12 (о продаже новопостроенных кораблей иноземцам и их записке в таможнях) и ст. 8 (о дирекции над пошлинами) вошли из редакции 1721 г., куда они попали после тщательного обсуждения этого вопроса чиновниками Коммерц- и Камер-коллегий. Источником ст. 9 «о искании прибыли» послужил указ Петра I Сенату от 10 мая 1723 г. о внесении в регламенты Камер- и Коммерц-коллегий положений об изыскании мер к увеличению сборов и прибылей государственных «без тягости людской»[39]. Статьи 31 «О привозе товаров к портам» и 32 «О наложении пошлин на товары, которые делаются и впредь делаться будут в России на фабриках и мануфактурах», были включены в новую редакцию регламента в соответствии с правительственным курсом, направленным на переориентацию внешней торговли на Балтику и разграничение сфер влияния морских портов на внутреннем рынке, а также на поощрение развития отечественной промышленности через дифференцированную систему таможенных пошлин, что нашло выражение во внешнетаможенном тарифе 1724 г.

Таким образом, новая редакция регламента Коммерц-коллегии вобрала в себя не только разработанные на предыдущем этапе положения, но и нормы текущего законодательства, соответствующие проводимой правительством политике. Регламент Коммерц-коллегии, особенно в последних двух редакциях, сосредоточивал ее деятельность на вопросах заграничной торговли. Такая ориентация свидетельствует о стремлении правительства превратить Коммерц-коллегию в орудие осуществления политики меркантилизма. В общем виде это стремление было выражено Петром I в уже упоминаемом указе 1723 г., адресованном Коммерц-коллегии: «Тщиться по всякой возможности, дабы более наши товары на деньги продаваны были, нежели на товары менены». Накоплению денежных богатств как главного средства обеспечения благосостояния и процветания государства, что являлось основной идеей теории меркантилизма, должна была быть подчинена деятельность Коммерц-коллегии по законодательным установлениям 1720-х годов.

Выясняя источники последней редакции регламента Коммерц-коллегии, нельзя обойти вопроса возможного влияния на нее аналогичных иностранных материалов. Шведская инструкция 1712 г., как мы убедились, действительно была использована при написании первой редак-

[39] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. № 169.

ции регламента (1719 г.). Однако в дальнейшем в связи со значительной ее переработкой при подготовке двух следующих редакций (1721 и 1724 г.) влияние этой шведской инструкции становится почти незаметным. Остается еще одна инструкция, утвержденная на сейме в Стокгольме 16 октября 1723 г., когда Коммерц-коллегия, выделившись из состава Камер-коллегии, вновь стала самостоятельным учреждением[40]. Коммерц-коллегия организовывалась в составе президента, двух коммерции советников, четырех асессоров и двух комиссаров «с надлежащим числом канцелярских служителей», что более чем вдвое превышало состав коллегии 1651 г. Под управлением Коммерц-коллегии, как и в XVII в., по-прежнему находилась мануфактурная промышленность. В целях ее развития на коллегию возлагалась забота об обеспечении предприятий работниками, обучении их детей, в том числе и за границей, привлечении частных капиталов через различные привилегии к промышленному строительству. В целом, этой стороне деятельности шведской Коммерц-коллегии в инструкции уделено значительное внимание. Напротив, вопрос, занимающий одно из центральных мест в регламенте российской Коммерц-коллегии, а именно: организация сбора и контроль за внешнеторговыми таможенными пошлинами, был вовсе выведен из-под ее ведения и находился среди функций Камер-коллегии. За Коммерц-коллегией оставалось лишь «смотрение за поведением морских таможенных служителей», чтобы они не причиняли купцам «ни малейшаго притеснения и помехи в отправлении торговых их надобностей и дел». Освобождение шведской Коммерц-коллегии от сбора таможенных пошлин, на наш взгляд, делало ее более свободной в изыскании мер, направленных на обеспечение интересов торговли и купечества, позволяло лучше видеть перспективу социально-экономической политики, а не подходить к ее оценке с узких фискальных позиций. В то же время по целому ряду вопросов оба регламента были близки друг другу. И в том и в другом, например, предусматривалось изыскание мер, способствующих строительству судов и распространения мореходства на собственных кораблях, обеспечение безопасности морской торговли посредством организации через Адмиралтейство конвоя, ведение переписки с зарубежными представительствами о состоянии иностранной торговли, совместное с Камер-коллегией наблюдение за строительством и содержанием таможен и пакгаузов, предоставление льгот морским служителям «для придания охоты», учреждение консульской службы и т. д. Однако, в этом, как нам кажется, не следует видеть непосредственного заимствования положений шведского регламента, так как все

[40] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 317. Л. 158–184.

указанные сюжеты присутствовали и в ранних редакциях регламента российской Коммерц-коллегии. К тому же, совпадая по общему характеру, эти вопросы отличались по наполненности содержания и детализации. Последняя была более ярко выражена в российском регламенте, который, в отличие от шведской инструкции, только обрисовывавшей внешние контуры направления деятельности Коммерц-коллегии и предоставлявшей ей возможность самостоятельной разработки конкретных мер в рамках очерченных полномочий, подробно детализировал возлагавшиеся на нее вопросы. Близость же некоторых сюжетов объясняется схожестью задач внешнеторговой деятельности, которые у шведской Коммерц-коллегии составляли только часть ее функций, а у российской охватывали весь круг ее обязанностей.

Отмечая существенные различия в круге деятельности шведской и российской Коммерц-коллегий, как его определяли соответствующие инструкции и регламенты, нельзя не признать близость устройства и принципов функционирования этих учреждений, базировавшихся на общих основаниях бюрократической системы. Трудно возразить и на утверждение об ориентации на шведские бюрократические образцы при проведении государственных преобразований в России[41]. Но организованные на воспринятых у Западной Европы рациональных принципах управления петровские учреждения функционировали все же в иных условиях, что сказалось в направлениях их деятельности, закрепленных уже в нормативных документах.

В конце 20—начале 30-х годов XVIII в. в структуре учреждений, ведавших экономической политикой правительства, произошли значительные изменения: вхождение в состав Коммерц-коллегии Мануфактур-конторы и Берг-коллегии отражало перемещение правительственного курса экономической политики в сторону иностранной торговли[42]. Определение направлений деятельности созданных в составе объединенного учреждения экспедиций было возложено на саму Коммерц-коллегию[43]. Сравнение составленного ею «расписания» Коммерческой экспедиции, то есть перечня вопросов, подлежащих ее ведомству, с кругом дел, находившихся в ведении Коммерц-коллегии с начала ее учреждения, свидетельствует о дальнейшем развитии внешнеторговой ориентации основной ее деятельности. Этим сюжетам в «расписании» посвящены семь пунктов из десяти. К их числу относились портовые и погра-

[41] *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

[42] *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 117.

[43] ПСЗ. Т. VIII. № 5860.

ничные торги и таможенные сборы, организация заграничной торговли, покупка при портах и отдача на денежные дворы золота и серебра. В наследство от нерешенных старых дел осталась и забота о непроданных товарах бывших Испанской и Французской экспедиций. Провал планов налаживания торговых связей с этими странами определил более общее направление заграничной отпускной торговли России: «куда случится». В связи с вхождением Берг- и Мануфактур-коллегий в состав Коммерц-коллегии расширился перечень казенных товаров, экспорт которых сосредоточивался в ее руках. К поташу и смольчугу прибавились медь, железо и «всяких зделанных на заводах медных и чугунных разного звания припасов или товаров», продукция казенных мануфактур, ревень, заготовкой которого ведал Сибирский приказ, икра и клей, поставлявшиеся совместно с Камер-коллегией[44]. В «расписании» 1731 г. не упомянут надзор Коммерц-коллегии за посылкой за границу купеческих детей, чему, правда, без особого результата уделялось внимание в 20-е годы.

По регламенту 1724 г. ведению Коммерц-коллегии подлежали таможенные судебные дела купцов (выгрузка и погрузка товаров, их хранение, утайка от досмотра и пр.), а остальные дела, «до купечества касающиеся» (споры между купцами, как российскими, так и иностранными) находились в ведении магистратов. После ликвидации в 1727 г. Главного магистрата дела, возникающие между иностранными купцами, а также иски российских купцов на иноземцев следовало рассматривать в Коммерц-коллегии. Иски же, возбуждаемые иноземцами против российских купцов, учитывались в ратуше, созданной в Петербурге вместо Главного магистрата для суда местного купечества[45]. Расписание 1731 г. подтвердило сосредоточение суда над иностранным купечеством в Коммерц-коллегии. Из вопросов иного характера в ведении экспедиции по коммерции сохранились покупка сукна для армии, а также сбор с русских купцов и иноземцев казенных недоимков. Таким образом, основной круг вопросов, очертанных в программе на будущее, был по-прежнему связан с внешней торговлей и интересами казны.

Утвердившаяся у власти Елизавета Петровна провозгласила возврат к принципам и основам политики своего отца. Берг- и Мануфактур-коллегии вновь были восстановлены и обрели самостоятельность. Коммерц-коллегия в своей деятельности по-прежнему должна была руководствоваться регламентом 1724 г.

* * * * *

---

[44] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2849. Л. 2—2 об.

[45] ПСЗ. Т. VII. № 5142, 5166.. 5. Д. 2856. Л. 9—9 об. См. также: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство... С. 177.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Организация и состав комиссий о коммерции

Для понимания характера экономической политики абсолютизма и взаимоотношения государственной власти с купечеством в 1720—1760-е годы важно рассмотреть деятельность комиссий о коммерции, создаваемых специально для изыскания мер по развитию отечественной коммерции и улучшению положения купечества, выяснить стоявшие перед ними задачи, их структуру и организационные принципы.

В XVIII в. создание комиссий для решения внутриполитических проблем, разработки курса экономической политики в той или иной области было обычным явлением. Только за 30-е годы было создано почти 40 комиссий (31 — центральная и 8 — губернских)[1]. Такое их количество может свидетельствовать о неспособности центральных учреждений в лице коллегий и контор, ориентированных на оперативное исполнение текущих дел, поступавших из высших органов власти и управления, к решению не только стратегических задач государственной политики, но и к разработке на определенном этапе ее конкретного курса.

Впервые идея создания специальной комиссии, «чтоб... купечество разсмотреть» и предложить меры к развитию внешней торговли, была выражена в известной докладной записке «О государственных нуждах», представленной членами Верховного тайного совета Екатерине I 18 ноября 1726 г.[2]. В ней в ряду мер, направленных на укрепление государственных финансов и положения крестьян, обращалось внимание

---

[1] РГАДА. Ф. 248. Кн. 624. Л. 235—298 об.

[2] *Меншиков А., Остерман А., Макаров В.* Докладная записка о государственных нуждах // 200-летие Кабинета е.и.в. 1704—1902. СПб., 1911. Приложение 10.

на необходимость поощрения торгово-промысловой деятельности разных слоев населения. Исследователи уже обращали внимание на то, что подчеркнутая верховниками «скудость» крестьянства объяснялась ими ростом сборов в пользу государства и злоупотреблениями многочисленной государственной администрации, что отражало стремление господствующего класса к перераспределению в свою пользу доли ренты с крестьян[3]. Через призму крестьянских и стоящих за ними помещичьих интересов, а также фискальных потребностей казны рассматриваются в записке и купеческие проблемы.

В частности, верховники в общих чертах наметили те вопросы, которыми, по их мнению, могла бы заняться предполагаемая комиссия. Высказав популярную для современных им экономических воззрений мысль о торговле как источнике богатства государства и подчеркнув имеющиеся у России возможности в обеспечении активного баланса внешней торговли, авторы записки особое внимание уделили обоснованию необходимости отмены ограничений в торговле через Архангельск. Планируемая комиссия могла бы рассмотреть, «не полезнее ли будет е.и.в. и государству купечеству дать волю туда в своих российских портах торговать, куда ему способно». По мнению верховников, эта мера, а также отмена запрета крестьянам ткать узкие холсты приведут к росту сбыта крестьянами продуктов собственного хозяйства и благоприятно скажутся на их податных возможностях.

Кроме вопроса о представлении купечеству свободы выбора направления своей торговой деятельности, той же комиссии предлагалось рассмотреть возможность увеличения податного обложения городских тяглецов. В этом предложении отразился поиск верховниками источников компенсации казенных убытков в случае снижения для крестьян размера подушной подати. Одновременно в целях экономии государственных средств планировалось заменить находившихся на жалованьи у различных сборов солдат и отставных офицеров выбираемыми от магистратов посадскими людьми, взыскивая с магистратов случавшиеся по окладу недоборы[4]. В итоге предлагалась прямо противоположная петровскому законодательству мера, увеличивавшая казенные службы посадских людей. О тяжести этой формы государственной повинности для городского гражданства и борьбе посадского люда за ее отмену или хотя бы смягчение речь пойдет ниже.

И, наконец, в ряду мер, затрагивавших интересы посадских людей, предполагалось вывести войска из сельской местности в города. Обра-

[3] *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 40–45.

[4] Там же. С. 49, 52.

щая внимание на то, что наибольшее облегчение от этого получат крестьяне, верховники считали, что «гражданству тягости никакой не будет, потому что солдаты будут жить особыми слободами и в одном месте»[5]. Забегая вперед, укажем, что уже в феврале 1727 г. по распоряжении самого Верховного тайного совета полки были переведены на постой в города, а спустя три года строительство для них особых слобод было запрещено. В итоге постойная повинность, усугубленная условиями ее отбывания, превратилась в настоящий кошмар как для рядового, так и для состоятельного купечества, о чем свидетельствовал непрекращавшийся поток жалоб, поступавших как в Комиссию о коммерции, так и в Главный магистрат[6].

Таким образом, социальные аспекты положения купечества не учитывались верховниками при изыскании средств к его «поправлению». Это свидетельствует о том, что купечество и коммерция интересовали правительственные верхи главным образом с фискальной точки зрения.

В записке заметно стремление ее авторов ограничить деятельность купцов торговой сферой: «ежели бы купцы все деньги употребляли в торг, то б из того таможенному сбору происходило пополнение и объему купечеству пожиток». В этом проявилась защита ими интересов дворянского промышленного предпринимательства. Комиссии, по их мнению, следовало «разсуждение иметь», не лучше ли будет купечеству запретить покупать деревни.

Специально в рассматриваемой записке ее авторы остановились на распространении коммерции в Петербурге, беспокоясь, чтобы она не страдала от свободной торговли в других портах. В частности, они предлагали будущей комиссии рассмотреть возможность введения в Петербурге по примеру других государств «для приласкания туда людей и купечества» добрых порядков, вольностей и привилегии[7]. Этот вопрос в дальнейшем найдет отражение в работе комиссии и будет нами рассмотрен особо.

Учредительный указ об организации в Петербурге «особливой» комиссии «для поправления и разсмотрения» купечества последовал 17 марта 1727 г. Первое время в документах, адресуемых ей, она так и называлась: «Комиссия, учрежденная к разсмотрению о купечестве», или сокращенно — Комиссия о купечестве. В данном случае под купечеством в традиционной трактовке этого термина подразумевалась торговля. Не случайно вскоре за ней закрепилось новое название — Комиссии о коммерции. Учитывая, что понятие «коммерция»

---

[5] *Троицкий С. М.* Финансовая политика... С. 55.

[6] Подробнее об этом см. гл. 9.

[7] *Меншиков А. и др.* Указ. соч. С. 50.

толковалось в это время очень широко и включало как собственно торговлю, так и промышленность, транспорт, денежное обращение, кредит, новое название лучше отражало основные направления деятельности комиссии.

Руководство комиссией верховники поручили вице-канцлеру, барону А. И. Остерману, так как «за способнее его к такому делу другой персоны не изобрели»[8]. В состав комиссии также вошли представители Сената — князь А. М. Черкасский и Ф. В. Наумов, Коммерц-коллегии — Осип Соловьев, Главного магистрата — Иван Стрежнев и «от шляхетства» Семен Карпов и Михаил Павлов. Работая в комиссии, им следовало продолжать находиться «при прежних своих местах»[9]. В мае все члены комиссии, за исключением С. Карпова, который из-за болезни остался в Москве, были приведены к присяге и приступили к работе.

Все это были лица, хорошо известные не только своей государственной службой, но и торгово-промышленной деятельностью. Личности Остермана и Черкасского нет необходимости характеризовать. С начала 30-х годов они стали первыми членами Кабинет-министров и руководителями всей внутренней и внешней политики России. О Соловьеве и Стрежневе, купцах по происхождению, давно и прочно связавших свою судьбу со службой в сфере коммерции и купеческих дел, мы уже упоминали. Федор Наумов до того, как стать сенатором, служил в Кригс-комиссариате, в Военной коллегии, Ревизион-коллегии, был членом Комиссии по составлению нового уложения (1720—1723 гг.), а с 1723 г. служил в Камер-коллегии. Летом 1727 г. он был направлен Верховным тайным советом на Украину для проведения выборов гетмана, и с тех пор участия в работе комиссии не принимал. «Московский царедворец» Михаил Павлов состоял обер-директором Московской акцизной каморы, являлся активным участником промышленного предпринимательства[10].

Еще одной приметной фигурой в комиссии был ее секретарь Иван Кирилов, в октябре 1727 г. пожалованный в обер-секретари Сената. Обладая широкими историко-экономическими знаниями, результатом которых стало изданное им первое экономико-статистическое описание России, и незаурядными организаторскими способностями, позволившими ему в 30-х годах стать руководителем Оренбургской экспедиции, И. К. Кирилов, по мнению Р. И. Козинцевой, во многом определил осо-

[8] Сб. РИО. Т. 56. С. 538.
[9] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 3.
[10] *Козинцева Р. И.* От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 185—187.

бую эффективность в работе Комиссии о коммерции по сравнению с другими комиссиями, существовавшими в то же время и позднее[11].

Столь представительный состав Комиссии о коммерции был связан с тем высоким статусом, который имела комиссия в ряду центральных учреждений, что не могло не сказаться на продуктивности ее деятельности. Предоставленное ей указом Верховного тайного совета право требовать и получать необходимые для нее ведомости и «персоны» из всех мест, вплоть до Сената, выполнялось незамедлительно, независимо от ранга «персоны», требовавшейся комиссии. Так, в 1728 г. из Петербургской портовой таможни вместе с ведомостями и тарифом для работы по его пересмотру «на время» были востребованы канцелярист С. Меженинов (будущий советник Коммерц-коллегии и ее депутат в Уложенной комиссии 1767 г.) и копиист. Тогда же на месяц был вызван в комиссию вице-президент Коммерц-коллегии Г. Фик для участия в обсуждении присланных от него проектов[12]. Одновременно Комиссия о коммерции свободно распоряжалась собственными членами, направляя их в случае необходимости в разные места, лишь уведомляя при этом те учреждения, при которых им, кроме комиссии, полагалось быть.

О высоком статусе Комиссии о коммерции среди центральных учреждений свидетельствует как форма документов, которыми коллегии общались с комиссией (не промемориями, как между равными по рангу, а доношениями, как нижестоящие), так и постоянное их обращение к ней за решением по тому или иному вопросу, находившемуся в их сфере деятельности. Комиссия же, запросив, например, у Коммерц-коллегии необходимые сведения и получив ее «мнение», выносила решение самостоятельно, оформляя его или в виде доношения и формуляра указа в Верховный тайный совет, а позднее Кабинет министров, или в виде указа в Коммерц-коллегию. Сенат в таком случае участвовал лишь в качестве посредника при передаче челобитных и доношений разных лиц и учреждений в Комиссию о коммерции, а также требуемых ею справочных материалов. К примеру, хотя портовые таможни были в ведении Коммерц-коллегии, вопрос о принятии на службу в Петербургскую портовую таможню в качестве бухгалтера иноземца Тимермана Сенат в 1732 г. передал для рассмотрения Комиссии о коммерции. Последняя, признав полезными услуги Тимермана, собственным указом предписала Коммерц-коллегии определить его в службу, осуществив через год ревизию его счетов[13].

---

[11] *Козинцева Р. И.* От таможенного тарифа 1724 г.... С. 187.
[12] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 20, 25, 26, 37.
[13] Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 618. Л. 1–2, 31–32.

Все это говорит о том, что Комиссия о коммерции в эти годы своего существования занимала особое место в ряду центральных учреждений. По полноте распорядительных функций в обозначенной для нее сфере экономической политики комиссия фактически становилась вровень с Сенатом. Ее самостоятельность проявлялась не только при решении текущих дел, но и при внесении проектов поправок и дополнений в действующие нормативные акты (Таможенный тариф, Пошлинный устав и другие)[14]. В то же время она оставалась совещательным органом, и ее рекомендации не были обязательны для правительства.

Несмотря на высокий статус комиссии, представительность ее состава и важность рассматриваемых в ней вопросов, до сих пор не ясным остается верхняя хронологическая грань ее деятельности. Составитель систематического каталога по делам Комиссии о коммерции Н. Кайданов полагал, что комиссия просуществовала до 1749 г.[15] Действительно, один из реестров дел Комиссии о коммерции обозначен в границах 1686—1749 гг.[16] Однако в него наряду с материалами собственно комиссии внесены и некоторые близкие по характеру дела из архива Коммерц-коллегии, в котором находились и документы Комиссии о коммерции. О том, что комиссия прекратила свою деятельность уже в 30-е годы, имеется ряд свидетельств. А. И. Остерман в записке «О состоянии и потребностях России», составленной им в конце 1740 г. для представления Анне Леопольдовне, вспоминает о «бывшей в прежния времена Комиссии о коммерции, в которой я и князь Черкасской присутствовали»[17]. В доношении Коммерц-коллегии в Сенат от 29 ноября 1739 г. Комиссия о коммерции также называлась «бывшей». Все ее дела до 1744 г. находились в сенатском архиве, а затем поступили в Коммерц-коллегию[18].

Делопроизводственные документы Комиссии о коммерции свидетельствуют о том, что годом, завершившим, если и не всю деятельность, то по крайней мере наиболее активный и плодотворный период работы комиссии, был 1732 г. Основная масса дел, включенных в упомянутый выше реестр, датируется 1727—1732 гг. (90 из 118), а в их пределах — 1727—1729 гг. (66 дел). Разумеется, этот реестр не вобрал в себя всего архива первой Комиссии о коммерции, однако он верно

---

[14] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 191. Л. 283—284, 285—285 об., 347—350.

[15] *Кайданов Н.* Систематический каталог делам Комиссии о коммерции и о пошлинах... СПб., 1887. С. 1.

[16] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 103. Л. 4—14.

[17] Мнение графа А. И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году // Памятники новой русской истории. Т. 3. СПб., 1873.

[18] *Козлова Н. В.* К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1987. № 6. С. 48.

отразил периоды большей или меньшей интенсивности ее деятельности. Лишь единичные дела имеются за 1733 г. (1), 1738 г. (3), 1742 г. (4) и 1749 г. (7). Большинство из них удалось разыскать в фонде Комиссии о коммерции. Знакомство с ними показало, что их происхождение связано с Коммерц-коллегией, где возникала необходимость в обращении к материалам комиссии, относящимся к первым годам ее деятельности. Так, под 1742 г. числятся: «Ведение... о санктпетербургском купечестве», представляющее собой экстракт доношения петербургских купцов от 1727 г. в Комиссию о коммерции; «Табели, сочиненные в Комиссии о коммерции из присланных ведомостей разных провинций о товарах за 724, 725, 726 гг.». Среди материалов реестра под 1749 г. упомянуты «проекты агента Фонденбурга о восстановлении коммерции», являющиеся копиями проектов, написанных в 1720-х годах (до 1727 г.)[19].

Таким образом, у нас нет никаких свидетельств деятельности комиссии в 40-х годах. С большой долей уверенности можно считать хронологическими рамками работы первой Комиссии о коммерции 1727—1732 гг. На это указывает и тот факт, что уже в 1733—1734 гг. вопросы торговой деятельности иноземцев в России и другие, прежде рассматривавшиеся в Комиссии о коммерции, Сенат адресует Коммерц-коллегии, к управлению которой пришли новые президент и вице-президент[20]. Примечательно также, что именно в 1732 г. секретарь комиссии И. К. Кирилов был назначен руководителем Оренбургской экспедиции. Это обстоятельство не могло не означать фактическое прекращение деятельности комиссии.

История создания и характеристика основных направлений деятельности воссозданной в 1760 г. Комиссии о коммерции достаточно подробно рассмотрены в статье Н. В. Молодцовой[21]. Поэтому, останавливаясь лишь на наиболее важных моментах организации и состава второй Комиссии о коммерции, мы сосредоточим внимание на выяснении общих черт и на отличительных особенностях этой комиссии от ее предшественницы. Если в 20-х годах XVIII в. авторами предложения о создании Комиссии о коммерции были члены Верховного тайного совета, в ведении которого находилась внутренняя и внешняя политика государства, то в конце 50-х годов вопрос об ее учреждении был выдвинут генерал-фельдцейхмейстером, сенатором и графом П. И. Шуваловым, определявшим внутреннюю политику абсолютизма

[19] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 430, 630, 27.
[20] Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 917. Л. 601—602; Кн. 918. Л. 58—59.
[21] *Молодцова Н. В.* Комиссия о коммерции 1760—1762 гг. // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1994. № 6.

середины столетия. Уже этот факт свидетельствует о неизменности того исключительного места, которое отводилось коммерции и в первую очередь внешней торговле при разработке экономического курса политики правительства.

Суть предложений П. И. Шувалова, представленных им в Сенат 5 мая 1758 г., сводилась к следующему. Вместо существовавшей при Сенате Комиссии о пошлинах, большинство дел которой уже были завершены, учредить Комиссию о коммерции для изыскания способов, «каким образом с казенною и общею ползою коммерцию российского купечества распространить в чужестранные области»[22]. Кроме этой расхожей идеи о необходимости развития внешней торговли ради приумножения доходов государства, граф высказал и другую, не менее популярную для экономических «прожектов» еще со времен Петра I, мысль об огромных, неосвоенных возможностях России в области коммерции, о преимуществах нашего отечества перед другими странами по богатству и разнообразию произраставших в нем продуктов.

Основные усилия Комиссии о коммерции, по представлению П. И. Шувалова, должны были сосредоточиваться на вопросах внешней торговли, организации прямых торговых связей казны и российских купцов с иностранными государствами. Для достижения этой давней цели предлагались также хорошо известные, хотя до сих пор и не всегда успешно претворявшиеся в жизнь меры. Среди них: учреждение при главных российских портах купеческих контор с целью распространения заграничной торговли; организация купеческих компаний, консульской службы; налаживание заграничного обучения коммерции сыновей купцов; строительство торговых кораблей. Предлагалось также рассмотреть возможность и меры по переводу некоторых иногородних купцов для торгу к Петербургскому порту. Опыт таких переводов хорошо был известен правительству. Для обеспечения активного торгового баланса полезным признавался учет фабрик, «необходимо нужных» для государства, то есть тех, изделия которых могли бы быть реализованы на внешнем рынке, а также, удовлетворив внутренние потребности, избавили бы от необходимости ввоза иностранных товаров. И, наконец, Комиссия о коммерции призвана была решить, остаться ли казенным товарам «в казенном содержании или в вольной продаже».

Как видно из этого перечня вопросов, предложения П. И. Шувалова не содержали ничего нового по сравнению с тем, что в предшествующие десятилетия не раз выдвигалось правительством в качестве конкретных

[22] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 137. Л. 1—1 об.

мер своей экономической политики, сориентированной на идеи теории меркантилизма. Некоторые элементы фритредерства, проявлявшиеся, в частности, в признании пагубности для торговли казенных регалий и в практических шагах по их ликвидации, присутствовали в политике государственной власти, начиная с последних лет правления Петра I. Отразились они и в деятельности первой Комиссии о коммерции на этапе претворения экономического курса верховников[23].

Новая постановка П. И. Шуваловым вопроса казенных регалий, частично восстановленных в 30-х годах XVIII в., в сочетании с отменой внутренних таможен и последовавшей вскоре ликвидацией таможенных границ между Россией и Украиной, между Областью Войска Донского и центральными районами была направлена на активизацию торговой деятельности представителей всех сословий, на развитие внутреннего рынка. В отличие от своих предшественников и современников, рассматривавших торговлю лишь как источник обогащения казны, П. И. Шувалов предлагал развивать коммерцию, рассчитывая получаемые от нее дополнительные доходы направлять на уменьшение подушной подати. Таким образом, его предложение об учреждении Комиссии о коммерции было подчинено основной идее, проходящей через все проекты графа. Эта идея заключалась в замене прямого налога косвенным, что должно было увеличить доходы казны, не приводя к «отягощению народному», способствовать более равномерному распределению податного бремени на разные слои населения[24]. Согласование мер, направленных на развитие коммерции, с социальными аспектами политики отличало программу деятельности второй Комиссии о коммерции, начертанную П. И. Шуваловым, от задач, поставленных перед ее предшественницей верховниками. Уменьшение прямых налогов за счет доходов от торговли предусматривалось им для всего тяглого населения, а не только крестьянства, как предлагалось в записке 1726 г.

Сенат утвердил предложение П. И. Шувалова, постановив представить именные списки присутствующих[25]. Через несколько дней, 8 мая 1758 г. Сенат приобщил к докладу об учреждении Комиссии о коммерции доношение куратора Московского университета И. И. Шувалова об обучении в университете купеческих сыновей коммерции и иностранным языкам. Такая практика существовала в некоторых западноевропейских университетах. В Венском университете, например, коммерче-

---

[23] См. гл. 5.

[24] *Корякина Е. П.* Программа социально-экономических преобразований П. И. Шувалова. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М.,1992. С. 10—11, 15—16.

[25] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 197. Л. 4—5.

ские дисциплины читал придворный бухгалтер[26]. Будущей комиссии следовало рассмотреть, «какие тем купецким детям выгоды ученить и с каким основанием их содержать»[27]. Хотя практических шагов по обустройству Комиссии о коммерции сделано не было, Сенат и в ноябре того же года продолжал выносить решения о рассмотрении в ней поступавших к нему материалов по вопросам коммерции[28].

Вновь вопрос о так и не созданной Комиссии о коммерции возник в Сенате 28 апреля 1760 г. в связи с представлением ему секретарем Сената Ф. Сукиным «Рассуждения о российской коммерции» и доклада об улучшении рижского торга. Считая, подобно Шувалову, торговлю, особенно внешнюю, главным источником богатства государства и его подданных, Ф. Сукин стремился обратить внимание правительства на необходимость создания более благоприятных условий для развития торговли в России. В своем «Рассуждении» он предлагал меры по исправлению вексельного кредита, улучшению брака товаров, затрагивал вопрос о введении таксы за транспортировку товаров между Кронштадтом и Петербургом[29]. При обсуждении его доклада он напомнил Сенату об имевшемся предложении относительно Комиссии о коммерции, после чего Сенат постановил вновь вернуться к этому вопросу в присутствии П. И. Шувалова, как его инициатора. Наконец, после повторного слушания в Сенате предложения П. И. Шувалова 9 октября появился указ о ликвидации Комиссии о пошлинах и учреждении Комиссии о коммерции[30].

Первый приговор Сената 1758 г. не получил указной силы, возможно, из-за незавершенности работы Комиссии о пошлинах, отставка которой предусматривалась с созданием Комиссии о коммерции. Только в сентябре 1760 г. члены Комиссии о пошлинах сообщили в Сенат об окончании имевшихся у них дел и запросили указ, подводивший итог их работе[31]. Таким образом, новая комиссия, создаваемая при Сенате, являлась как бы непосредственной преемницей отныне ликвидированной Комиссии о пошлинах, материалы и дела которой, служащие к распространению коммерции, передавались ей. Преемственность двух комиссий проявлялась также в принципах комплектования и частично

[26] *Тимофеев А. Г.* История Петербургского коммерческого училища. Т. 1 (1772–1840 гг.). СПб., 1901. С. 10.
[27] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 197. Л. 6–7.
[28] Там же. Л. 91–91 об.
[29] *Троицкий С. М.* Новый источник по истории экономической мысли в России в середине XVIII в, («Рассуждение о российской коммерции секретаря Сената Ф. И. Сукина») // Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 224–227.
[30] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 197. Л. 92; ПСЗ. Т. XV. № 11117.
[31] Там же. Л. 54.

персональном составе их членов. Комиссия о пошлинах занималась вопросами, выходившими за рамки ее непосредственных задач, связанных с обеспечением осуществления таможенной реформы середины столетия. Так, в ней при деятельном участии советника Коммерц-коллегии С. С. Меженинова, вошедшего позднее в состав Комиссии о коммерции, был разработан проект новой инструкции Коммерц-коллегии, призванной заменить регламент 1724 г.[32] В Комиссии о пошлинах рассматривался вопрос о дозволении иностранным купцам перевозить товары из Кронштадта в Петербург на своих судах и протесты против этого членов русской перевозной ластовой компании. В дальнейшем этот вопрос обсуждался уже на заседаниях Комиссии о коммерции. Возможно, что практика обсуждения различных, связанных с коммерцией вопросов в Комиссии о пошлинах послужила дополнительным аргументом для создания комиссии уже с более широкими задачами. Даже разработанные в Комиссии о пошлинах новые тарифы (Астраханский, Оренбургский, Сибирский) вновь будут рассматриваться в Комиссии о коммерции. Все это свидетельствует о несомненной близости направлений деятельности двух комиссий.

О том, что учреждаемая новая Комиссия о коммерции должна была стать центром выработки практических мероприятий социально-экономической политики правительства с традиционным приоритетом вопросов внешней торговли, свидетельствует содержавшееся в указе Сената от 9 октября 1760 г. распоряжение о передаче ей не только архива бывшей Комиссии о коммерции, но и соответствующих дел из Коммерц-коллегии, Комиссии о пошлинах и Сената. Тем же указом в сферу деятельности комиссии вносилось и рассмотрение коллективных и индивидуальных проектов, могущих служить «к распространению коммерции»[33].

Опираясь на практику своей предшественницы, новая Комиссия о коммерции сочла полезным повторить сенатский указ 1727 г. о поощрении купцов к обращению в комиссию с предложениями и заявлениями о «помешательствах» и недостатках, которые препятствуют коммерции, мануфактурам и купечеству приходить «в цветущее состояние». 23 ноября 1760 г. такой указ был напечатан и разослан для обнародования во все города и присутственные места[34].

Характер передаваемых из Сената для рассмотрения в Комиссию о коммерции материалов дает представление о тех вопросах, которые — с точки зрения правительства — относились к ее деятельности.

---

[32] Подробнее см. гл. 6.
[33] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 103. Л. 3 об.
[34] ПСЗ. Т. XV. № 11146.

Согласно реестру 17 ноября 1760 г., сопровождавшему передачу дел из Сената, Комиссии о коммерции отсылались разнообразные доношения, челобитные, рапорты и ведомости, поступившие в Сенат из Главного магистрата, Мануфактур-коллегии и от отдельных купцов. В них затрагивались как вопросы внешней торговли и таможенной политики, торговых прав купцов и промышленников, состояния фабрик и мануфактур и имевшихся у них привилегий, так и вопросы социального положения купцов и магистратского правления[35]. В итоге в ведении Комиссии о коммерции оказывалось практически все, что касалось купцов, промышленников и сфер их деятельности.

В этом же русле планировала свою работу и сама Комиссия о коммерции. Уже на заседании 11 ноября были сформулированы вопросы, с которыми комиссия обратилась в Главный магистрат и Мануфактур-коллегию. Содержание затребованных ею ведомостей позволяет судить о характере интересующих новое центральное учреждение сведений, а следовательно, о перспективах направлений ее работы в социально-экономической области.

В ведомости Главного магистрата должны были быть включены сведения четырех типов: 1) о численности, составе купцов и цеховых ремесленников с указанием записавшихся в купечество иностранных и российских подданных; 2) об их хозяйственной деятельности (характер и направление торгов: к портам или на границах, внутренние; число принадлежащих купцам кораблей и лихтеров; сведения об имеющихся на них шкиперах, их социальной принадлежности и степени обученности); 3) о социальном положении купцов (казенных службах и условиях их отбывания, о купцах-банкротах и находящихся в долговых кабалах; о собираемых с купцов сверх подушных и пошлинных денежных сборах); 4) вопросы городской экономики, образования и здравоохранения (ярмарки и привозимые на них товары; имеющиеся в городах школы и госпитали)[36]. Содержание предложенных Главному магистрату вопросов свидетельствует о хорошей осведомленности только что созданной комиссии в проблемах, волновавших купцов и определявших их непосредственные условия существования и взаимоотношения с государственной властью. Это была первая попытка целенаправленного сбора государственным учреждением сведений относительно коммерции и купечества. В известном смысле этот перечень вопросов можно рассматривать как прообраз будущей анкеты третьей Комиссии о коммерции, разосланной в 1764 г. городовым ма-

[35] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 196. Л. 274–279.
[36] Там же. Д. 188. Л. 7–8.

гистратам и ратушам[37]. Из ее пяти пунктов три были сформулированы уже в 1760 г.

В Мануфактур-коллегию, как и в Главный магистрат, было направлено 12 вопросов[38]. Они касались как истории возникновения мануфактур и фабрик (год основания, место расположения, предоставление ссуд и их возврат, передача казенных предприятий в частные руки), вида и объема производства, реализации готовой продукции, так и состояния рабочей силы, источников ее происхождения, имеющихся в работниках и инструментах недостатков. Комиссия также запрашивала образцы продукции с указанием ее себестоимости и продажной цены. Кроме того, ее интересовало социальное положение содержателей фабрик, наличие у них освобождения от гражданских и полицейских служб. Главный смысл производимого опроса был выражен в п. 11, в котором заключался вопрос о возможностях отечественных предприятий полностью удовлетворить внутренние потребности в производимых товарах и «с излишком», чтобы отпускать за море. Таким образом, развитие отечественной промышленности, как и в предшествующие десятилетия, по-прежнему должно было обеспечивать решение внешнеторговых задач. Вопросы, которые Комиссия о коммерции направила в Главный магистрат и Мануфактур-коллегию, дополнялись требованием присылать имеющиеся там проекты и предложения, что указывает на особое внимание нового учреждения к интересам и запросам торгово-промышленных слоев населения.

В соответствии с планируемыми основными направлениями деятельности в составе Комиссии были организованы три экспедиции: по коммерции, по мануфактурам и фабрикам, по внутреннему купечеству или по магистрату. Для рассмотрения соответствующих им вопросов выделялись особые дни присутствия — вторник, среда и пятница[39].

До получения сведений, справок, выписок, необходимых для составления плана, по которому можно было определить «о чем после чего разсуждать», согласно указу Сената основные усилия комиссии следовало сосредоточить на «точном исполнении» прежних законодательных установлений в торгово-промышленной сфере и представлении в Сенат «разсуждений» относительно тех из них, которые не согласовывались с современной ситуацией. Это еще раз указывает на то, что правительство не предполагало замыкать деятельность Комиссии

[37] *Рафиненко Л. С.* Ответы сибирских городов на анкету Комиссии о коммерции как исторический источник // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 17.
[38] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 9—10.
[39] Там же. Д. 188. Л. 3—3 об., 71, 117.

о коммерции на сугубо текущих делах, а связывало ее с разработкой новых законоположений в соответствии с современным взглядом на экономические проблемы.

Согласно указу об учреждении комиссии ее главным директором назначался обер-прокурор Сената, действительный камергер граф И. Г. Чернышев. К тому времени он являлся владельцем двух медных заводов, принадлежавших ранее казне и полученных им в 1757 г. по ходатайству И. И. Шувалова. По словам его биографа, И. Г. Чернышев главным образом вращался при дворе, будучи назначаем императрицей исполнять разные экстренные поручения. В апреле 1761 г. он получил новое назначение и в качестве второго полномочного министра со стороны России отбыл на Аугсбургский конгресс, после чего к работе Комиссии о коммерции уже не возвращался.

Обязательным членом присутствия стал президент Коммерц-коллегии Я. М. Евреинов. Определение остальных членов комиссии передавалось на усмотрение ее главного директора. В конце октября Сенат утвердил представленных им кандидатов. Это были советник Ф. Безсонов, надворные советники А. Суровцев, Д. Лодыгин, М. Одар, а также купцы и фабриканты — московские Б. Струговщиков, М. Ситников, тульский Л. Лугинин, ярославский И. Затрапезнов, тобольский Г. Шепырин[40]. На основании указа Сената от 28 ноября 1760 г. все они были приведены к присяге по форме, разработанной еще для комиссии 1727 г.

В отличие от Комиссии о коммерции 20—начала 30-х годов в состав новой комиссии, помимо чиновников различных учреждений были включены представители торгово-промышленного мира, составившие почти половину членов ее присутствия. В первой же комиссии купцы заседали лишь как представители учреждений, связанных с ее работой: О. Соловьев — Коммерц-коллегии, И. Стрежнев — Главного магистрата. Этим Комиссия о коммерции начала 1760-х годов существенно отличалась от своей предшественницы, хотя практика привлечения крупных купцов в качестве консультантов по важнейшим экономическим вопросам, а также для разработки законоположений в области торгово-промышленной политики правительства имела давние традиции. Допускалось и непосредственное использование купцов как специалистов на службе в учреждениях, ведавших управлением промышленности и торговли, городским тяглым населением. Принципы, на которых они привлекались к государственной службе, были различны. В ряде случаев, когда правительство в своей законотворческой

[40] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 46. Л. 1—1 об.; Русский биографических словарь. Чаадаев—Швитков. СПб., 1905. С. 318.

работе пыталось опереться на сословное представительство, это было выборное начало, правда, обычно очень плохо реализуемое. Первые реальные следы участия депутатов купечества в работе Уложенных комиссий, почти без перерыва существовавших в течение всего XVIII столетия, относятся к началу 60-х годов. Сенатский указ от 29 сентября 1761 г. распорядился о производстве выборов по одному купцу от каждой провинции. В екатерининской Уложенной комиссии имелось уже 208 городских депутатов.

Значительно чаще, включая представителей купечества в состав комиссий, правительство прибегало к прямому назначению лиц, хорошо известных своей торгово-промышленной деятельностью и знакомством со службой в сфере коммерции и купеческих дел. Мы уже упоминали, как в 1712 г. к работе «Коллегиума для торгового дела» были привлечены 12 московских купцов. Некоторые из них в дальнейшем участвовали в работе Комиссии для сочинения внешнеторгового тарифа 1724 г., Главного магистрата и Комиссии о коммерции.

При организации в 1730 г. Комиссии о монетном деле Сенат рекомендовал включить в нее «искусных и знающих людей» от дворянства, купечества и представителей центральных учреждений. В итоге, помимо дворян и чиновников Монетной конторы и Коммерц-коллегии, в комиссию вошли представители крупного московского купечества — И. Семенников, Яков и Аврам Евреиновы и В. Щеголин[41]. В состав Комиссии о пошлинах, непосредственно, как мы видели, предшествовавшей организации второй Комиссии о коммерции, помимо президентов Камер- и Коммерц-коллегии, обер-президента и президента Главного магистрата, трех коллежских асессоров и советника входили крупные купцы и предприниматели Иван Баташев и Ларион Лугинин[42]. Последний после ее роспуска в 1760 г. перешел в новоучрежденную Комиссию о коммерции, закрепив, таким образом, преемственность между ними.

Чиновный состав Комиссии о коммерции был укомплектован из числа членов Коммерц- и Мануфактур-коллегии. В феврале 1761 г. вместо уволенного на год по болезни советника Ф. Безсонова в Комиссию был определен коллежский советник Архангелогородской Коммерц-конторы С. С. Меженинов. Дворянин по происхождению, он начал службу в 1723 г. с низших приказных чинов. Постоянным местом его службы от ее начала до 1740 г., когда он стал асессором Мануфак-

[41] *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х—начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 230—231. См. также: *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 66.

[42] *Волков М. Я.* Таможенная реформа 1753—1757 гг. // ИЗ. Т. 71. М., 1962. С. 139.

тур-коллегии, была Петербургская портовая таможня, где он являлся канцеляристом, контролером (с 1729 по 1736 г.), а потом директором. В 1728 г. «в приказном чине» С. Меженинов принимал участие в работе Комиссии о коммерции по пересмотру портового тарифа. В 1752 г. из асессоров Мануфактур-коллегии определен в том же чине в Коммерц-коллегию[43]. Через два года принял деятельное участие в написании новой инструкции Коммерц-коллегии, призванной заменить регламент 1724 г. В январе 1757 г. П. И. Шувалов рекомендовал советника Коммерц-коллегии С. С. Меженинова, а также директоров таможен Самойлова и Черкасова как «знающих в коммерческих делах... и надежных в сем деле людей» для составления таможенной инструкции[44]. Об авторитете Меженинова свидетельствует тот факт, что именно он являлся депутатом Коммерц-коллегии в Уложенной комиссии 1767 г.

После отбытия в апреле 1761 г. надворного советника Коммерц-коллегии Д. Лодыгина по заданию комиссии на Днепр для экономических «примечаний» состав членов присутствия был пополнен за счет секретаря комиссии М. Красильникова, получившего соотвенно чин коллежского асессора.

Купцы, назначенные в Комиссию о коммерции, были крупными торгово-промышленными предпринимателями, владельцами суконных и полотняных мануфактур, участниками заграничной торговли. Это определяло сложность их положения в комиссии, работа в которой, как и в любом бюрократическом учреждении, была сопряжена с рассмотрением массы текущих канцелярских дел, требующих незамедлительного решения с подачей еженедельных рапортов в Сенат генерал-прокурору о заседаниях, присутствующих членах и решенных делах, о приходе и выходе присутствующих в указное время. Не получая в отличие от заседавших вместе с ними чиновников-дворян рангов или хотя бы жалованья, представители торгово-промышленного городского сословия болезненно реагировали на оторванность от собственных торговых промыслов и предприятий. Отсюда проистекало их стремление освободиться от тягостной службы.

Первому среди купцов, назначенных к заседанию в Комиссии о коммерции, это удалось тобольскому купцу Г. Шепырину. По причине его болезни Тобольский магистрат предложил новую кандидатуру И. Д. Ширкова, который в это время находился «за купечеством» в Москве. Сибирский губернатор Соймонов писал о нем в контору Сената, что он «неподозрительной, грамоте читать и писать достаточно

[43] РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2865. Л. 11; Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 20, 25.
[44] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 36. Л. 23 об.

умеющий и знающий в сибирских и китайских торгах и за купечеством в кяхтинском форпосте и в протчих сибирских городех почасту обращающийся»[45]. Разысканный Главным магистратом в Москве и отправленный в Петербург И. Ширков прибыл в комиссию в конце марта 1761 г. Спустя месяц он уже просил уволить его от присутствия в комиссии, так как из-за длительной от дома «отлучки в произведении торгу своего может помешательство иметь». Поскольку к тому времени, когда Ширков смог приступить к работе в комиссии, обсуждение сибирского тарифа, ради которого, возможно, и был привлечен представитель сибирского купечества, было уже закончено, то комиссия своей властью удовлетворила его просьбу[46].

Подобные попытки «отбыть» от тягостной службы или, по крайней мере, получить временное увольнение предпринимали и другие купцы, входившие в состав Комиссии о коммерции. Одним, как например, тульскому купцу Л. Лугинину или московскому М. Ситникову, это удавалось[47]. Другим, подобно ярославцу И. Затрапезнову, просившему об отсрочке по март 1761 г. явки в комиссию, было отказано. Причем, как следует из «мнения» И. Затрапезного на прошение М. Ситникова об отставке «за старостию и болезнью» (судя по протоколам его более чем двухмесячное отсутствие в комиссии действительно объяснялось болезнью), купцы не выступали в принципе против купеческого представительства в комиссии. Более того, И. Затрапезнов соглашался на увольнение Ситникова только при условии увеличения численности представителей торгово-промышленных кругов до 6 человек, что восполнило бы «с пополнением» урон комиссии от увольнения Ширкова, отпуска Лугинина и возможного освобождения Ситникова. Признавая учреждение комиссии «единственно для пользы купечества в коммерции и размножении и распространении фабрик и приведения их в цветущее состояние», Затрапезнов считал необходимым присутствие в ней «доволному числу членам ис купечества и фабрикантов»[48]. Практическое знание проблем и непорядков коммерции ценилось купцами очень высоко. В частности, это был основной аргумент в заявке петербургских купцов на участие их представителей в работе Комиссии о коммерции. Идея купеческого

---

[45] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 29.
[46] *Молодцова Н. В.* Указ. соч. С. 21–22.
[47] Л. Лугинин был отпущен с ноября 1760 г. по май 1761 г., М. Ситников — в июне 1761 г. (РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 258).
[48] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 381–382.

представительства в администрации экономических коллегий звучала также в ряде записок начала 60-х годов XVIII в.[49]

Таким образом, проявляя стремление к участию в разработке и осуществлении той области государственной политики, которая прямо затрагивала их социально-экономические интересы, купцы не считали приемлемыми для себя те принципы, на которых их привлекали к такому участию. Оно осуществлялось на старой основе тягла. Введенные в состав ряда государственных учреждений купцы по-прежнему оставались в тяглом состоянии со всеми вытекавшими из него обязанностями. Служба купцов в комиссии не ограничивалась какими-либо сроками, так что положение их было довольно сложным.

Некоторым симптомом постепенного свертывания деятельности Комиссии о коммерции, во всяком случае в планах правительства, может служить начавшийся с конца мая 1761 г. перевод части канцелярских служителей в другие учреждения. До середины сентября Сенат затребовал из комиссии искусного «в переводах» коллежского секретаря Якова Трусова, регистратора Матвея Кострицкого и двух копиистов[50].

Продолжалось сокращение численности купеческого состава Комиссии. По указу Сената от 22 ноября 1761 г. от присутствия в ней был уволен ратсгер Борис Струговщиков, которому следовало по-прежнему быть в Главном магистрате. В декабре Сенат удовлетворил прошение Лариона Лугинина и отпустил его в бессрочный отпуск в отцовский дом в г. Тулу. Тем же указом от 12 декабря ему и оставшемуся в составе комиссии И. Затрапезнову — были пожалованы шпаги. Это была не только награда за их «тщательные труды и беспорочную на своем коште е.и.в. службу», но и средство возвышения их социального положения и веса в обществе, «чтоб они за то пред протчими своею братьей авантаж иметь могли... дабы на то и другия смотря, охотнее и ревностнее в поручаемых должностях службу свою продолжать могли»[51]. О реальной ценности в сознании купцов подобных знаков отличия свидетельствовали их записки и доношения.

Указом от 8 января 1762 г. самостоятельность Комиссии о коммерции уничтожалась, она присоединялась к Коммерц-коллегии, а оставшимся членам присутствия (Евреинову, Меженинову, Красильникову, Затрапезнову) предписывалось оставаться до окончания рассмотрения Банкротского устава и вопроса о Боровицких порогах. Последние журнальные записи комиссии касались полученных из Сената указов о кончине Елизаветы Петровны, о титулах императора Пе-

---

49 См. гл. 9.

50 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 33. Л. 42, 65.

51 Там же. Л. 88 об.

тра III, о пожаловании графа Ивана Воронцова в сенаторы и генерал-поручики[52]. Окончательная ликвидация комиссии произошла по указу 8 июля 1762 г.[53].

Одна из причин ликвидации Комиссии о коммерции, вероятно, заключалась в выявившейся в процессе ее деятельности невозможности использования купеческого представительства на службе абсолютистского государства в тех формах, в каких оно сложилось в предшествующие десятилетия. Потребности дальнейшей бюрократизации государственного аппарата, как важного условия укрепления абсолютистской власти, не оставляли места для сословно-совещательных органов. Двойственный характер состава Комиссии о коммерции, неопределенность статуса купеческих представителей, испытывавших неудобства из-за необходимости отрываться от экономической деятельности, а потому стремившихся освободиться от обременительной для них службы, делали подобные учреждения не слишком надежными в осуществлении возложенных на них задач. О том, что не сама Комиссия о коммерции стала ненужной в центральном звене управления, а ее состав мало согласовывался с эволюцией абсолютистского государства, свидетельствует факт воссоздания ее в 1763 г., но уже исключительно на чиновничьей основе.

[52] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 703.

[53] Там же. Оп. 1. Д. 495. Л. 118 об.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Создание Главного магистрата. Характеристика его служителей

§ 1. ГЛАВНЫЙ МАГИСТРАТ В 20-Х ГОДАХ XVIII В.

Организация и состав Главного магистрата как центрального учреждения, в ведении которого находилось управление городами и посадским населением, имели существенные особенности по сравнению с другими петровскими коллегиями. В отличие от Коммерц-коллегии, идея создания которой прочно утвердилась за несколько лет до начала проведения реформы центрального управления и делались попытки практической реализации этой идеи, организация Главного магистрата впервые осуществлялась уже в ходе преобразования городского управления.

Первоначально, еще во время обсуждения вопроса о создании Коммерции-коллегиума в 1712 г. на него возлагалась задача не только исправления торгового дела, но и приведения купечества «в добрый порядок против европейских государств — ради лучшей государственному интересу пользы»[1]. В дальнейшем поступающие указания на недостатки ратушного самоуправления торгово-промышленного класса, фактически сведенного на нет областной реформой 1708 г., возможно, подтолкнули Петра I на преобразование городского управления[2].

Задача установления магистратского правления «по всем городам» и разработки магистратских правил по примеру рижского и ревельского магистратов была поставлена Петром I в 1718 г. [3] Высшей инстанцией для еще не созданных городовых магистратов признавалась Коммерц-коллегия: «Сей коллегии полная власть дается во всем госу-

---

[1] Цит. по: *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 132.

[2] Там же. С. 130—132.

[3] ПСЗ. Т. V. № 3208, п. 8.

дарстве на магистрате каждого города... взыскивати»[4]. Согласно регламенту Коммерц-коллегии 1719 г. ей предоставлялись торгово-промышленные, судебные, полицейские и фискальные права по отношению к городскому тяглому населению. Одновременно над посадскими людьми сохранялась власть воевод, о чем говорилось в «инструкции, или наказе воеводам» от января 1719 г.[5] Спустя год города были выведены из-под управления Коммерц-коллегии. Указом от 13 февраля 1720 г. князь Ю. Ю. Трубецкой был назначен «обер-президентом над магистраты», а обер-инспектор рижского магистрата купец И. И. Исаев — президентом петербургского магистрата и «товарищем» Трубецкого[6]. Столичный магистрат, половину состава которого планировалось заполнить за счет иноземцев[7], передавался под управление обер-президента, получал название Главного и становился руководителем городовых магистратов[8].

Одновременно началась работа по составлению инструкции обер-президенту. Написание ее проекта было поручено Г. Фику. Я. Е. Водарский, подробно рассмотревший все стадии работы над инструкцией и проанализировавший различные поправки, вносимые в первоначальный проект Фика, убедительно доказал наличие пяти редакций инструкции, окончательно утвержденной Петром I уже как регламент Главного магистрата 16 января 1721 г. Непосредственное и самое деятельное участие в разработке регламента принимали Сенат и его обер-секретарь А. Я. Щукин, а также сам Петр I. Отдельные поправки были внесены Ю. Ю. Трубецким. Ни «товарищ» обер-президента И. Исаев, ни другие купцы к обсуждению проекта регламента допущены не были[9]. Таким образом, регламент Главного магистрата был подготовлен чисто бюрократическим путем без привлечения выборных представителей тех слоев общества, интересы которых была призвана обеспечить деятельность этого центрального учреждения.

Широко известен указ Петра I 1718 г., намечавший порядок разработки регламентов коллегий. Работу над ними следовало начинать с составления проекта на основе шведского законодательства («шведский регламент... с русским сводить»). Затем происходило обсуждение про-

[4] ПСЗ. Т. V. № 3318.
[5] Там же. № 3294.
[6] Там же. № 3520.
[7] Там же. Т. VI. № 3708.
[8] Подробнее об истории создания Главного магистрата см: *Водарский Я. Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 108–112.
[9] *Водарский Я. Е.* Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) // ПИ. Т. X. М., 1962. С. 195–201.

екта в Сенате и утверждение сенатского доклада. В итоге окончательный текст регламента, пройдя через несколько редакций, в большей или меньшей степени отличался от своего иностранного оригинала. Исследование проекта регламента Главного магистрата и его редакций, осуществленное Я. Е. Водарским, выявило существенные отличия окончательного текста регламента от первоначального проекта Фика. Наибольшие изменения касались прав и привилегий российских городов.

Из проекта в процессе редактирования были удалены целые главы, посвященные предоставлению российским городам привилегий, определению их собственности и доходов[10]. Включая эти главы, Фик опирался на шведское городское право, предусматривавшее половину отчислений от всех городских сборов (судебных, торговых, поземельных и пр.) в пользу короля, а половину — в городскую казну[11]. Для шведского городского устройства также характерным было предоставление отдельным городам определенных привилегий. Такими привилегиями, в частности, владели остзейские города Рига, Ревель, Нарва и другие. Включая в проект регламента соответствующие разделы, Фик руководствовался указаниями Петра I, предписывавшего при проведении городской реформы ориентироваться на образцы рижского и ревельского магистратов.

На основании капитуляции, заключенной фельдмаршалом Б. П. Шереметевым с г. Ригой после ее завоевания в 1710 г., за магистратом были сохранены его судебные и полицейские права, статьи доходов и содержания. Эти права и доходы складывались на протяжении XVII в. Еще в 1621 и 1630 гг. шведский король Густав Адольф пожаловал рижскому магистрату и жителям пригородок Лемсал и волости в Лифляндии Киргольм и Икскел, а король Карл Густав в 1658 г. добавил к ним волость Неэрмилен со всеми мызами, пашнями, рыбными ловлями, мельницами, кирпичными сараями и другими угодьями[12]. В 1675 г. доходы, получаемые с этих волостей, а также половина портовых сборов были объединены в одну городскую казну под управлением выбранных на трехлетний срок представителей магистрата, Большого и Малого гильда в составе 24 человек. Из них половина, являясь ординарными особами, осуществляли ежедневное правление, остальные привлекались для совета при решении важных дел. Из этой

[10] *Водарский Я. Е.* Проект регламента... С. 199.

[11] О шведском городском праве можно судить по «Градскому Уложению королевства шведского», составленному неизвестным автором на основе действующего шведского законодательства. По мнению Н. Воскресенского, автором этого документа был Г. Фик (ОР РНБ. Ф. 1003. № 7. С. 144–176).

[12] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 341. Л. 146, 149, 150, 154–154 об.

городской казны выплачивалось жалованье магистратским чинам (4 бургомистрам и 14 ратсгерам), канцелярским служителям и находившимся на магистратском содержании духовным лицам, двум докторам медицины, профессорам гимназии, городским инженерам и школьным учителям. Размер средств, отчисляемых на содержание магистрата, договором, заключенным в 1679 г. между магистратом и мещанством города, был определен в 10500 ефимков. Годовое жалованье бургомистра составляло от 300 до 1000 ефимков, ратсгера — от 200 до 660 ефимков, алдермана Большого гильда — 299 и алдермана Малого гильда — 194 ефимка. На общегородском содержании находились также инспектор, ректор, учителя и служители латинской школы, пасторы, городские музыканты, лекарь, нотариусы, ревизор и землемер, весовщик, сталмейстер и др. Священно- и церковнослужители, кроме денежного жалованья, получали хлебное довольствие, другим предоставлялись квартиры[13].

Итак, рижское мещанство, имея в своем распоряжении закрепленные источники городских доходов, обеспечивало содержание магистрата и функционирование всего городского хозяйства.

Исключение из проекта регламента Главного магистрата главы «О наследственных городовых маетностях и собственных доходах» свидетельствовало о том, что следование остзейским городским образцам имело чисто внешний, формальный характер. Удаление из подготавливаемого регламента упоминания о городских доходах имело принципиальный характер. Оно означало, что в отношении правительства к посаду преобладал фискальный интерес. Отказ поступиться частью бюджетных доходов в интересах развития городской жизни превращал многочисленные статьи регламента, возлагавшие на магистраты заботу о торгово-промышленном процветании городов, об организации здравоохранения и просвещения в пустую декларацию. О фискальных целях магистратской реформы свидетельствует и выраженная в регламенте Главного магистрата забота правительства о бездоимочных платежах посадского населения, ответственность за сбор которых в качестве первостепенной обязанности возлагалась на городские органы управления.

Податные тягости посадских людей российских городов усугублялись тем обстоятельством, что в отличие от шведского законодательства, предусматривавшего участие всех жителей города, в том числе и шляхетства, имеющего торги, в платежах податей «по пропорции их пожитков», регламент Главного магистрата по-прежнему освобождал

[13] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 341. Л. 8, 51, 28–31, 13, 38.

чиновничье-дворянское сословие от общепосадских платежей и повинностей.

Реальные доходы посадских обществ русских городов складывались из предоставляемого им права самообложения на общемирские нужды (строительство общественных зданий, гостиных дворов, принятие противопожарных мер, благоустройство города и пр.) и так называемых приборных сумм. Последние состояли из собранных сверх оклада пошлинных сборов. Оставляя приборные суммы в распоряжении города, правительство тем самым избегало финансовых затрат на общегородские нужды и, кроме того, как ему казалось, стимулировало заинтересованность посадов в возрастающем поступлении возложенных на магистраты таможенных, кабацких и канцелярских сборов. При этом правительство ограничивалось бюрократическим методом воздействия на посадские общества, так как средства, обеспечивающие действительное увеличение сборов через оживление экономической жизни городов, должны были изыскивать местные органы городского управления, которые не обладали для этого необходимой финансовой базой. В итоге создавалась иллюзия, что маломощные посады без финансовой помощи правительства смогут обеспечить хозяйственное развитие городов и бездоимочные бюджетные поступления казны. Положение усугублялось еще и тем, что правительство всячески ограничивало посадские общества в самостоятельном использовании средств мирской кассы. В конце 1730-х годов расходование приборных сумм впредь дозволялось производить не иначе, как по указу, а с 1745 г. их и вовсе следовало сохранять на случай возникавших недоимок по общепосадским сборам[14]. В результате правительство в фискальных интересах лишало город даже такого ненадежного дохода. Таким образом, условия деятельности и функции органов городского управления, определяемые в регламенте Главного магистрата, значительно отличались от их шведских прообразов.

Обеспечив свои финансовые интересы, правительство было готово пойти на некоторые уступки посадскому населению в целом и зажиточной городской верхушке в особенности. По проекту Фика отдельный суд для посадских предполагался только в городе. Высшими над ним инстанциями определялись провинциальный и надворный суды, Юстиц-коллегия. Обер-президент Главного магистрата находился в подчиненном положении по отношению к коллегиям[15]. Эта схема су-

[14] ПСЗ. Т. XII. № 9208. Законодательство XVIII в. о приборных суммах и его практическое применение подробно рассмотрено в работе: *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII ст. М.,1903. С.504–520,537–557.

[15] *Водарский Я. Е.* Проект регламента... С. 199.

дебных инстанций, в ведении которых находился городской торгово-промышленный люд, в целом соответствовала устройству шведских городских судов. Отличие состояло в том, что в Швеции отсутствовали провинциальные магистраты, а высшей над городским магистратом судебной инстанцией являлся надворный суд[16]. При редактировании проекта Фика обер-секретарь Сената А. Я. Щукин изменил планируемую схему городской судебной системы: городовой магистрат — провинциальный и губернский магистраты — обер-президент. Последний подчинялся непосредственно Сенату, как и главы других коллегий. В результате посадские люди получали свой сословный суд, что, несомненно, в большей мере соответствовало их интересам[17].

В соответствии с основным назначением магистратов регламентом определялся круг лиц, выбираемых в него в качестве судей. Основное условие, которому должны были соответствовать бургомистры и ратманы, заключалось в принадлежности их к первостатейным и пожиточным членам посада. Причем окончательное утверждение их в должности происходило после санкции Главного магистрата, производившего освидетельствование достоинства выбранных лиц. Согласно мнению Я. Е. Водарского, передавая магистратское управление в руки верхушки посадского населения, «менее опасной для дворянства, чем беднота», правительство шло на компромисс и удовлетворяло требования растущей буржуазии при сохранении за собой всей полноты власти[18]. На наш взгляд, создание сословного суда, как и городовых магистратов, независимых от местной администрации, отвечало общепосадским интересам. Предоставление же магистратских должностей верхушке посада определялось не страхом перед беднотой или необходимостью компромисса с «растущей буржуазией», а фискальными целями проводимой реформы. Поскольку материальная ответственность за выполнение посадом податных повинностей возлагалась на магистратское присутствие, а реальной она могла быть только у зажиточной части посада, то правительство в собственных интересах допускало к выборам лишь надежных в финансовом отношении лиц. К тому же состоятельная верхушка посадских людей в лучшей степени удовлетворяла еще одному непременному требованию, предъявляемому центральной властью к магистратским судьям — умению читать и писать[19].

Характер деятельности магистратов, сориентированной на исполнение присылаемых из центра распоряжений и связанной к тому же

[16] ОР РНБ. Ф. 1003. № 7. С. 177.
[17] *Водарский Я. Е.* Проект регламента... С. 199.
[18] *Там же.* С. 200, 207.
[19] По этому вопросу см. раздел II, гл. 10, § 1.

с материальной ответственностью, не позволяет расценивать предоставление управления посадом городской верхушке в качестве «удовлетворения требования растущей буржуазии». Сама купеческая верхушка в 20-х годах XVIII в., хотя и робко, но все же выступала за расширение деятельности местных органов городского управления, о чем речь пойдет в соответствующем разделе. В существующем же виде городские магистраты не слишком заинтересовывали крупных купцов в личном участии в их работе. Этот вывод, помимо материалов о составе сибирских магистратов 40—80-х годов XVIII в.[20], подкрепляется наблюдением о наличии у мануфактурных компанейщиков и откупщиков освобождения от общепосадских служб. Причем если посадские люди в целом добивались отмены служебных льгот, то обладавшие ими лица, в числе которых были наиболее состоятельные купцы, доказывали необходимость их сохранения.

К примеру, при организации московского магистрата, как показано в исследовании А. В. Муравьева, вновь был поднят вопрос о привлечении компанейщиков к общепосадским службам[21]. Это говорит о том. что участие в магистратском правлении самим посадским людом рассматривалось в качестве очередной повинности.

В отличие от российских шведские магистраты комплектовались по другим принципам. Материальная сторона не принималась во внимание при решении вопроса о магистратском членстве. Во всяком случае при достаточно подробной разработке в шведском законодательстве вопроса о составе магистратов в городах разного масштаба с указанием лиц, не допускаемых до занятия выборных должностей (иностранцев, лиц, не имеющих своего дома в городе, ближайших родственников), в нем ничего не говорилось о материальном цензе для магистратских судей. Отсутствие подобного положения, на наш взгляд, объясняется иными, в том числе и финансовыми, условиями деятельности шведских органов городского управления.

Согласно шведскому законодательству комплектование магистратов Стокгольма и других крупных городов производилось по личному определению короля. Бургомистры и ратманы малых городов выбирались местным мещанством и по представлении воеводой, который мог отвести любого кандидата, бургомистры утверждались королем, а ратманы определялись воеводой. Таким образом, в формировании

---

[20] *Рафиенко Л. С.* Социальный состав сибирских магистратов в 40—80-х годах XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1967. Вып. 1. С. 97.

[21] *Муравьев А. В.* Образование московского магистрата // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1963. № 3. С. 67.

шведских магистратов ведущая роль принадлежала верховной власти и воеводам[22].

Регламент Главного магистрата установил совсем иной порядок определения магистратских чинов. Царь назначал только служителей Главного магистрата (обер-президента, президента, бургомистров и ратсгеров), члены же губернских, провинциальных и городовых магистратов избирались собранием выборщиков, составлявших общественные приговоры и скреплявшие их собственными подписями. Тем самым наряду с выбранными ими лицами они несли материальную ответственность за все обязательства посада перед центральной властью. Общественные приговоры вместе с выбранными бургомистрами и ратманами направлялись в Главный магистрат, который их утверждал. Воеводам и губернаторам запрещалось вмешиваться в ход выборов. Последнее обусловливалось стремлением собрать «рассыпанную храмину» и сосредоточить управление и суд посадских людей в магистратах, что отвечало требованиям городского торгово-промышленного люда.

Особое внимание сенаторов при обсуждении проекта Фика привлекла глава 13 «О власти магистратской», в которой предлагалось членам магистратов за их «заслуги» давать дворянское звание. Внесенная сенаторами поправка предусматривала лишь возможность перевода членов магистратов в разряд гостей и гостиной сотни. При повторном обсуждении проекта сенаторы вернулись к первоначальному варианту текста, сохранив однако промежуточную стадию пожалования в гости и гостиную сотню, которая в окончальном варианте была вычеркнута Петром I[23].

Исключение возможности вступить в привилегированные разряды купечества в качестве поощрения добросовестной службы в городских органах управления, видимо, объясняется теми изменениями, которые городская реформа внесла в структуру посадского населения. Разделенное на две гильдии городское гражданство включило в себя ранее находившиеся вне посада старинные разряды гостей и гостиной сотни. В дальнейшем эти звания, не сопряженные с былыми привилегиями, имели исключительно почетный характер.

Колебания, допущенные сенаторами по вопросу награждения членов магистратов дворянскими правами, как и стремление ограничиться формальным поощрением их, возможно, отражали имеющиеся между высшими сановниками России разногласия по вопросу о приоритете «выслуги» и «породы». Окончательная редакция Петра I

---

[22] ОР РНБ. Ф. 1003. № 7. С. 145.
[23] *Водарский Я. Е.* Проект регламента... С. 201–202, 203.

в большей мере соответствовала духу принятой через год Табели о рангах, открывшей лицам недворянского происхождения через личные достоинства и заслуги доступ в ряды «благородного сословия». Строго говоря, в награждении магистратских чинов за особые заслуги дворянством не было уступки купечеству, хотя субъективно отдельные представители его верхушки к этому стремились. Не следует забывать, что позиция дворянства от вступления в его ряды некоторых представителей торгово-промышленного мира укреплялась и наоборот ослаблялись силы, могущие в дальнейшем стать оппозицией феодальному классу.

Сравнение окончательной редакции регламента Главного магистрата с первоначальным проектом Фика, ориентированным на положение западноевропейских городов, хотя и с учетом российской ситуации, а также с городским законодательством Швеции, подтверждает уже неоднократно высказывавшееся в исторической литературе наблюдение о творческом характере петровского законодательства, преломляющего иностранные образцы к российским условиям. Созданные в результате реформы 20-х годов органы городского управления только по названию напоминали шведские магистраты. Принципы же их устройства, условия и направление деятельности, зафиксированные уже в регламенте, имели существенные отличия. С точки зрения перспектив развития городской жизни отличия эти были не в пользу российских городов.

Создание Главного магистрата началось с организации его канцелярии, которая возникла при обер-президенте Ю. Ю. Трубецком вопреки первоначальным планам Петра I. Указом Сената от 3 сентября 1720 г. к делам был определен дьяк Ф. Богданов с несколькими подьячими и солдатами, а из Штатс-контор-коллегии выдано 500 руб. на канцелярские расходы[24]. В ноябре 1720 г. в коллегии, канцелярии, губернии и провинции был разослан указ об учреждении Канцелярии магистратских дел, в которой сосредоточивалось ведение всего «купеческого копуса»[25]. В это время в штате канцелярии, кроме дьяка Ф. Богданова, состояло 19 подьячих и 4 сторожа[26].

В декабре 1720 г. на заседании Сената Петр объявил указ о создании магистрата в Петербурге и разработке инструкции для городовых магистратов[27]. В связи с этим спустя почти год после назначения И. Исаева президентом столичного магистрата, в январе 1721 г. он был

[24] *Водарский Я. Е.* Из истории создания... С. 110.
[25] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21447. Л. 2.
[26] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4. Л. 3.
[27] ПСЗ. Т. VII. № 4624.

вызван из Риги «для сочинения формы о магистрате». В конце марта, явившись в Сенат, Исаев приступил к своим обязанностям[28].

На первом этапе городской реформы первоочередной заботой Ю. Ю. Трубецкого и И. И. Исаева было укомплектование штата Главного магистрата («полному» магистрату полагалось иметь 4 бургомистров и 8 ратманов, а также 60 канцелярских служителей) и обеспечение создания городовых магистратов. Несмотря на суровое предупреждение и угрозу каторжными работами в адрес обер-президента и его «товарища» («ежели в Петербурге... магистрата и цехов не учините в пять месяцев или в полгода») городская реформа как в центре, так и на местах растянулась на несколько лет.

Одна из причин этого заключалась в крайней медлительности Сената в решении вопроса об укомплектовании штата Главного магистрата членами присутствия и канцелярскими служителями. В течение 1721 г. из 12 членов присутствия, требуемых «полному» магистрату, назначение в качестве бургомистров получили лишь двое. Это были бывший морского флота галерной эскадры поручик, грек Павел Арколео и рижский бургомистр Бенкендорф[29]. В течение 1720—1721 гг. Трубецкой и Исаев 5 раз просили Сенат об увеличении штата и определении жалованья служителям. Трижды в 1721 г. Главный магистрат посылал доношения о назначении на должность переводчика курляндского шляхтича Федора Фонбрынкина, замечая, что «на немецком и шведском языках дел... уже есть довольно, которым без переводчика в следовании чинится остановка, а челобитчикам волокита». Наконец, в июне 1721 г. Фонбрынкин указом из Сената был определен переводчиком и приведен к присяге[30].

Начиная с февраля 1720 г. Ю. Ю. Трубецкой тщетно добивался определения жалованья служителям. В апреле 1721 г. уже совместно с И. Исаевым в доношении в Сенат он писал, что служители «от всеконечной скудости и неимения дневной пищи врознь разбрелись, а ныне наипаки оставшие... просят о свободном увольнении»[31]. В предотвращении «дабы и достальные от неимущества и нищенства врознь не разбрелись», 18 ноября того же года Сенат распорядился «дьяком и подьячим и протчим служителям... жалованье учинить оклад деньги и хлеб по... указу 1715 г., а переводчику против других коллежских переводчиков». Трубецкому, Исаеву, Арколео и Бенкендорфу оклады

[28] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21447. Л. 5 об.
[29] Там же. Л. 114, 180, 181. См. также: *Водарский Я. Е.* Из истории создания... С. 112.
[30] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 14. Л. 17; Оп. 1. Ч. V. Д. 21447.
[31] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 14. Л. 15.

установлены не были. К концу 1721 г. в канцелярии Главного магистрата имелись 3 дьяка, 5 канцеляристов или старших подьячих, 34 младших подьячих и переводчик[32].

По своему сословному происхождению среди лиц, составлявших присутствие Главного магистрата на первом этапе его существования (1720—1727 гг.) преобладали купцы, принадлежавшие к верхушке торгово-промышленного мира Москвы и Петербурга. Из 14 членов администрации коллегии — купцов было 9 человек (кроме них 2 дворянина, 3 иноземца)[33]. Среди них «товарищ» обер-президента Ю. Ю. Трубецкой, а после его отставки президент Главного магистрата «гостиный сын» Илья Иванович Исаев, назначенный бургомистром торговый агент казны Дмитрий Соловьев и определенные в ратсгеры московской ратуши бургомистр Никита Вихляев, московские купцы Иван Стрежнев, Василий Горской, Иван Семенников, Иван Корыхалов, устюжанин Иван Устинов и некий Оконнишников.

Верховное управление магистратом неизменно оставалось в руках представителей титулованного дворянства (в 1723 г. князя Ю. Ю. Трубецкого сменил князь А. Г. Долгоруков). Контролирующая должность прокурора также замещалась только из числа дворян[34].

Купеческий состав Главного магистрата от президента до ратсгера, как правило, подбирался не только с учетом социального положения купца, его принадлежности к посадской верхушке, но и знакомства с деятельностью выборных посадских учреждений. Наиболее значительной фигурой и, видимо, наилучшим образом осведомленным в характере стоявших перед новым учреждением задач был И. Исаев, совмещавший занятие торговлей с административной деятельностью. Сохранилась челобитная его отца, московского гостя Ивана Исаевича Исаева, составленная им на имя Петра I в 1698 г. в Воронеже «у корабельного строения» и подписанная «по приказу отца» Илюшкой Исаевым[35]. В дальнейшем, уже в Архангельске на него обратил внимание Петр I. Правительству хорошо была известна деятельность Исаевых в качестве суконных промышленников, поставлявших сукно на нужды армии во время Северной войны. После занятия русскими войсками Риги Петр назначил Илью Исаева в 1711 г. обер-инспектором рижско-

---

[32] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 14. Л. 181; *Водарский Я. Е.* Из истории создания... С. 11.
[33] Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Л. 458; Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 82. Л. 19 об.—20; Д. 14. Л. 36.
[34] В 20-х годах XVIII в. ими были М. Ф. Воейков и Ф. А. Борятинский, которые до определения в Главный магистрат находились на военной службе, первый — в чине майора, второй — поручика (РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 14. Л. 36; Оп. 1. Ч. 4. Д. 21447. Л. 276).
[35] ОР РНБ. Ф. 1003. № 7. С. 3—4.

го магистрата. В должности обер-инспектора И. Исаев выполнял функции «первого надсмотрщика купецких дел» и президента магистрата[36]. В его обязанности также входило попечение за развитием через Ригу русской торговли и за установлением казенной продажи некоторых отпускных товаров. Позднее рижский опыт И. Исаева Петр решил использовать при проведении городской реформы, тем более, что создание городовых магистратов планировалось «на основании рижского и ревельского магистратов».

Против назначения Исаева президентом петербургского, а в итоге Главного магистрата, выступил Г. Фик, доказывавший, что отсутствие у Исаева знаний в области юстиции, полиции и т. п. не позволит ему разобраться в магистратских делах. Однако этот протест Петр оставил без внимания[37]. В преддверии ликвидации Главного Магистрата в апреле 1726 г. И. Исаев назначается президентом рижского магистрата и «у сборов обер-инспектором». В том же году совместно с Дмитрием и Осипом Соловьевыми он был привлечен к работе по пересмотру внешнеторгового тарифа, а в 1731 г. после слияния Коммерц-, Берг-коллегий и Мануфактур-конторы становится вице-президентом реорганизованного учреждения. За свою долгую и усердную службу И. И. Исаев в 1741 г. был награжден званием действительного статского советника, что давало права потомственного дворянства.

Хорошо были известны правительству не только в качестве крупных купцов, имевших собственные предприятия и промыслы, но и по их службе на государственном поприще и другие члены Главного магистрата. Купец гостиной сотни Иван Стрежнев еще в 1712 г. участвовал от московских купцов в работе «Коллегиума для торгового дела», организовывавшегося по указу Петра I Дмитрием Соловьевым. В дальнейшем Стрежнев неоднократно привлекался к работе над проектами торговых договоров, таможенного тарифа 1724 г. и другими вопросами. Московский купец Василий Горской в 1722 г. вместе со И. Стрежневым баллотировался в президенты первого состава московского магистрата. Но в связи с определением их ратсгерами в Главный магистрат их кандидатуры утверждены не были.

Иностранцы в составе присутствия Главного магистрата в 1720–1727 гг. составляли меньшинство. Двое из них — Павел Арколео и Бенкендорф — являлись бургомистрами, третий — Самоил Гарцын — ратсгером. Грек П. Арколео после приезда в Россию в 1706 г. служил на флоте и в других местах. В 1708 г. он подал Петру I «пункты о сборе

---

[36] *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 40.
[37] *Водарский Я. Е.* Из истории создания... С. 109.

денежной казны с некоторых званей, которые до того времени сбирать не узаконены были». Из челобитной Арколео 1730 г. следует, что его предложение было принято с пользой для казны, а автор его остался «ничем не пожалован». Возможно, именно своим финансовым «прожектам» Арколео обязан назначению бургомистром в Главный магистрат, в должности которого он находился вплоть до его ликвидации. В дальнейшем Арколео служил асессором в Ревизион-коллегии и безуспешно добивался места советника в Коммерц-коллегии, предлагая свои услуги в качестве смотрителя над Петербургской портовой таможней[38]. Другой иноземец – Самоил Гарцын – после ликвидации Главного магистрата с 1729 по 1733 г. был советником Коммерц-коллегии.

Итак, целый ряд членов присутствия Главного магистрата первого периода его существования не были новичками на чиновничьем поприще и продолжали служить по гражданскому ведомству и после роспуска Главного магистрата, входя в административный аппарат центральных и высших учреждений. Трое из них, принадлежа к купечеству, представляли знакомый нам по Коммерц-коллегии слой купцов-чиновников. Формально их число в составе присутствия Главного магистрата было значительно больше, чем даже в Коммерц-коллегии, где в силу специфики направления ее деятельности купцы занимали особое по сравнению с другими коллегиями место. Однако статус членов Главного магистрата существенно отличался от положения чиновников административного аппарата других коллегий. Согласно Табели о рангах 1722 г. президент, вице-президент, советники и асессоры коллегий соответствовали чинам генерал-майора, бригадира, полковника и майора. Члены же присутствия Главного магистрата (президент, бургомистры и ратсгеры) официальных чинов не имели, хотя и были внесены в Табель о рангах.

Находясь на службе в Главном магистрате, купцы не приобретали, подобно служащим других коллегий, соответствующих их должности чинов и свойственных им дворянских привилегий. Согласно регламенту Главного магистрата им лишь дозволялось просить верховную власть о награждении за особые заслуги на государственной службе дворянским достоинством. В итоге хотя формально Главный магистрат в своих правах был уравнен с прочими коллегиями, однако члены его, не имея рангов, какими обладали другие коллежские служащие, «в случае никакова присутствия своих мест знать не могли».

Статус административных служащих Главного магистрата, комплектовавшихся из числа купцов, но не включенных в состав чиновни-

[38] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 909. Л. 188–193.

чества, обусловливался политикой правительства по сосредоточению административной власти в руках чиновного дворянства, формирование которого происходило под контролем верховной власти. Допуская купцов в состав одной из центральных коллегий, абсолютистская власть исключала их из числа постоянных кадров бюрократии.

Особый статус членов Главного магистрата проявлялся и в их материальном положении. В июле 1722 г. Главный магистрат представил в Сенат доношение, в котором требовал определения жалованья служащим, исходя из размера окладов членов присутствия других коллегий. Необходимость этого он мотивировал отсутствием у них других источников доходов: «понеже хотя и не все ис купечества, токмо поместей и вотчин против других не имеют, к тому ж и от купеческих промыслов, от которых пропитание себе имели, весьма отбыли». Тем не менее в течение первого периода существования Главного магистрата штат его утвержден не был, а членам присутствия жалованье не определено. Правда, некоторым из них в отдельные годы по особым указам Сената выплачивалось от 100 до 500 руб. Но это были либо иностранцы (П. Арколео, С. Гарцын), либо лица, подобно Д. Соловьеву, давно привлекавшиеся к государственной службе[39]. В отличие от бургомистров и ратсгеров, секретарям и канцелярским служителям во все годы существования Главного магистрата жалованье выплачивалось наравне с другими коллегиями.

В феврале 1722 г. в Москве наряду с конторами других коллегий была создана контора Главного магистрата. В 1726 г. единственным членом ее оставался ратсгер И. Семенников. В том же году указом Сената московская контора была ликвидирована, а ее служащие переведены в Петербург[40]. К этому времени в самом Главном магистрате оставалось «самое малое число» служащих. Из 14 членов присутствия 1722—1724 гг. кроме И. Семенникова, в 1726 г., судя по подписям протоколов заседаний, оставалось четверо (Арколео, Соловьев, Стрежнев, Корыхалов). Сокращение числа членов Главного магистрата началось еще в 1725 г., когда бургомистр Бенкендорф был возвращен в Ригу. Через год И. Исаев был назначен президентом рижского магистрата и обер-инспектором над таможенными сборами с предписанием немедленно отправиться к новому месту службы[41]. Обер-президент князь А. Г. Долгоруков, став сенатором, еще раньше отошел от участия в делах Главного магистрата.

---

[39] РГАДА. Кн. 935. Л. 456; Ф. 291. Оп. 1. Ч. 6. Д. 21837. Л. 24 об.–25; Оп. 1. Ч. 5. Д. 21476. Л. 342.
[40] ПСЗ. Т. VII. № 4933.
[41] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21476. Л. 159; Д. 21486. Л. 158.

На падение значения Главного магистрата, предшествовавшее его уничтожению, обратили внимание российские купцы, «санкт-петербургские жители», писавшие в 1727 г. в только что созданную Комиссию о коммерции. Умаление силы «голоса» Главного магистрата купцы связывали с отсутствием в его составе «высоких министров»[42].

Особенности комплектования Главного магистрата определялись, как будет показано в дальнейшем, направлением его деятельности и тем местом, которое он занимал в системе центральных государственных учреждений. Они соответствовали взгляду абсолютистской власти на роль и функции городов и городского населения. Постепенное сокращение числа членов Главного магистрата, сопровождавшееся свертыванием работы, подготавливало его уничтожение. В постановлении Верховного тайного совета от 15 июля 1727 г. отмечалось: дела «в трех коллегиях, которые касаются до купечества, а именно, Коммерц, Мануфактур и Магистрат, лучше всего соединить в одном присутственном месте». В итоге планировалось подчинение внешнеторговому ведомству, каким по своим основным функциям являлась Коммерц-коллегия, не только отечественной промышленности, но и городского центрального и местного управления. В окончательном варианте реорганизация центральных учреждений, осуществлявших экономическую политику абсолютизма, приняла несколько иной вид. Указом от 24 февраля 1727 г. городовые магистраты были подчинены губернаторам и воеводам с предоставлением последним прав высшей судебной инстанции под ведомством Юстиц-коллегии. Тем самым сословный суд посадских людей сохранялся только на самом нижнем уровне городовых ратуш, заменивших вскоре магистраты. В результате Главный магистрат стал лишним в системе государственного управления и указом от 19 августа 1727 г. был ликвидирован. Для суда петербургского купечества сохранялась ратуша с одним бургомистром и двумя бурмистрами, ежегодно выбираемыми местным купечеством.

Колебания правительства в отношении подчиненности выборных органов городского управления местной администрации отражали основную тенденцию политики по усилению воеводской власти на местах как олицетворение бюрократического начала. В XVII в. эта линия политики правительства выражалась в неоднократных попытках ограничения функций и ликвидации губных изб[43], в следующем столе-

[42] *Козлова Н. В.* К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1987. № 6. С. 53.

[43] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37.

тии — в ликвидации время от времени независимости городовых магистратов и ратуш от провинциальных и губернских канцелярий.

§ 2. ПРОЕКТ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XVIII В.

Реорганизация в 1727 г. центрального и местного городского управления вызвала протест со стороны купечества. Особенно активными в этом вопросе были петербургские купцы, обратившиеся в том же году в недавно созданную Комиссию о коммерции с рядом предложений, направленных на «учреждение здешнему месту великой помощи и распространения». Главная причина «умаления купечества», по мнению челобитчиков, происходит от отсутствия полноценного магистрата или ратуши. Подчеркнув это обстоятельство, купцы предлагали восстановить магистрат в полном составе и обеспечить ему возможность защиты с тем, чтобы они могли быть «помалу в доброе состояние приведены». Конкретизируя последнее положение, купцы, во-первых, потребовали сосредоточить все судебные вопросы купцов в ратуше и «ни в которые коллегии и канцелярии купецких людей не брать и изневаги никакой не чинить». Во-вторых, на содержание магистрата и выплату жалованья служащим пожаловать ему «некоторые доходы», а именно: оброчные сборы (от торговых бань и пр.), поземельные деньги с лавок, амбаров и т. д.[44].

Быстрая реакция именно петербургских купцов на ликвидацию Главного магистрата объясняется тем, что судебные функции по отношению к посадскому населению северной столицы непосредственно осуществляло центральное учреждение, являвшееся высшей судебной инстанцией для всего посадского люда. Замена Главного магистрата местной ратушей под ведением губернских властей при условии отсутствия своего ведомства в центральном звене управления означала усиление произвола местной и центральной администрации по отношению к городскому тяглому населению («в разные команды своевольные купецким людем волокиты и под арестом держание»)[45].

Думается, что не без влияния обращения петербургских купцов Комиссия о коммерции в начале 30-х годов XVIII в. приступила к «сочинении» проекта, «каким образом сего города гражданство, учредя магистрат и удовольствуя доходами, в такой порядок привесть, как

[44] *Козлова Н. В.* Попытка городской реформы в России в 30-х годах XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1991. № 4. С. 30—31.
[45] Там же. С. 31.

протчия европския купечеством городы распространяютца и государству пользу приносят». Во всяком случае представленный императрице в марте 1732 г. доклад Комиссии о коммерции «О утверждении здесь (в Санкт-Петербурге — *Н. К.*) порядочного магистрата и о утверждении привилегией» во многом повторял требования петербургского купечества. Более того, внося в первый пункт своего доклада положение об учреждении магистрата, члены Комиссии о коммерции особо подчеркивали просьбу о том всего купечества[46].

Практика предоставления некоторым городам определенных привилегий была характерна для шведского городового устройства. В 1710 г. после занятия русскими войсками Прибалтики были подтверждены привилегии Риги, Ревеля, Нарвы, полученные ими от шведского правительства. Особыми привилегиями, дарованными королевой Христиной еще в 1642 г., владели и жители бывшего шведского города Ниеншанца (Канцы), расположенного в Ингерманландии. Еще Карл XI повелел основать здесь, где «Ладожское озеро выпадает в большое море», «купецкий и торговый город»[47]. В XVII в., являясь таможенной заставой на пути в Стокгольм, Ниеншанц играл важную роль в торговых связях Русского государства со Швецией. В частности, новгородские купцы в своей заграничной торговле уже тогда ориентировались не на Архангельск, а на, «свейское» побережье Балтийского моря. В дальнейшем вблизи бывшей шведской крепости вырос Петербург[48]. Не случайно петербургские купцы в обоснование выдвинутых ими требований ссылались на привилегии бывшего г. Канцы.

По мнению Комиссии о коммерции, опиравшемуся на требования петербургских купцов, исключительное значение для деятельности магистрата по развитию различных сфер городского хозяйства должны были иметь доходы, передаваемые магистрату «на жалованье, на школы, на публичные строения и на другие расходы». За образец вновь были взяты рижский, ревельскнй и нарвский магистраты. В докладе, представленном императрице, вопрос о магистратских доходах был поставлен лишь в общем плане необходимости их определения без конкретного указания на их источники. Но сам факт заострения внимания Комиссии о коммерции на обеспечение деятельности петербургского магистрата реальными доходами принципиально отличал разработанные ею привилегии от регламента Главного магистрата 1721 г.

---

[46] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Л. 429–508.
[47] Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 430. Л. 18.
[48] *Бахрушин С. В.* Торги новгородцев Кошкиных // УЗ. МГУ. Вып. 41. История (Т. 1). М., 1940. С. 37.

Предложенный Комиссией о коммерции проект организации петербургского магистрата охватывал разнообразные вопросы условий, характера и направления деятельности этого органа городского управления, социального положения и хозяйственной деятельности петербургских купцов. Принципы, положенные в его основу, значительно отличались от тех, на которых базировалась городская реформа 1720-х годов. Это свидетельствовало о том, что в начале 1730-х годов была сделана попытка не просто возвращения к городскому устройству петровского времени, но частичного пересмотра фискально-бюрократического характера городской политики государственной власти. Это проявилось в предусмотренной в привилегии передаче вновь восстанавливаемому в прежнем составе петербургскому магистрату, долженствующему как и раньше стать Главным, фиксированных доходов, расход средств от которых определялся исключительно на местные нужды общественной жизни города, в освобождении петербургского тяглого населения от ряда обременительных повинностей (постойной, казенных служб); в разработке мер по обеспечению правовой защиты хозяйственной деятельности горожан и в итоге повышению их благосостояния. Совпадение направлений планируемой реформы с запросами петербургского купечества, свидетельствует, во-первых, о заинтересованности купцов в разработанной привилегии, а, во-вторых, о проявившемся намерении у некоторых правительственных чиновников при выработке городской политики в большей мере опираться на нужды и предложения купцов[49].

Особое внимание со стороны Комиссии о коммерции по отношению к Петербургу и его купечеству объясняется той ролью, которую северная столица играла во внешней торговле России и тем местом, которое внешняя торговля занимала в экономической политике правительства с начала XVIII в.

18 марта 1732 г. императрица одобрила представленный Комиссией о коммерции доклад «О учреждении порядочного магистрата и о утверждении привилегией», повелев сочинить на его основе «надлежащей» регламент. Для его составления Комиссия о коммерции затребовала дополнительные ведомости из Риги и Ревеля с тем, чтобы использовать из них положения, подходящие «к здешнему месту». Признавая, что эта работа потребует немалых усилий, Комиссия о коммерции тем временем в июне того же года заготовила формуляр указа для оповещения о «высочайшей милости». В основу формуляра лег доклад импера-

[49] Более подробную характеристику этого вопроса см.: *Козлова Н. В.* Попытка городской реформы в России в 30-х годах XVIII в. С. 32—34.

трице, отдельные пункты которого были переработаны, а другие отменены. Этот формуляр Комиссия о коммерции предлагала, напечатав на русском и иностранных языках, разослать при указах из Сената как внутри России, так и за рубежом, «дабы, уведав такую милость и призрение, кто пожелает на жительство сюда надежнее ехали»[50].

Сравнение привилегии по формуляру указа с ее изложением в докладе Комиссии о коммерции позволяет выяснить характер изменений, внесенных при доработке первоначального проекта.

По примеру рижского магистрата «для гражданской пользы» предлагалось в состав петербургского магистрата включить архитектора, доктора, лекарей, аптекарей, адвокатов. Тем самым деятельность магистрата в области здравоохранения, строительства, благоустройства и, прочих сферах приобретала реальные очертания. Принципиально новым положением было предоставление выборным и утверждаемым императрийцей магистратским членам рангов в соответствии с Табелью о рангах с личными пожизненными правами шляхетства и разрешением покупать деревни на расстоянии ста верст от Петербурга. Награждение магистратских членов рангами означало бы повышение статуса Главного магистрата, включение купцов, находившихся на службе, в состав чиновничества. Правда, предоставляемые им ранги были «перед коллежскими ниже» (бургомистры в ранге 8 класса, что соответствовало коллежскому асессору, ратсгеры — 9 класса) и не сопровождались приобретением прав потомственного дворянства. Этим же объяснялись и ограничения в покупке населенных земель, право которой ориентировалось не на дворянские привилегии, а предлагалось «по примеру гостей». Учитывалось также то, что постоянная служба в магистрате неизбежно отрывала бы купцов от собственных торгов, являвшихся единственным источником их материального достатка.

В целях «размножения» «фабрик и заводов» Комиссия о коммерции в дополнение к предусмотренному в привилегии свободному их заведению и отведению для этого мест предлагала все промышленные предприятия в Петербурге и в уезде на расстоянии ста верст от города передать в ведение магистрата. Тем самым управление всей хозяйственной жизнью столицы и окрестностей сосредоточивалось в руках магистрата. Это позволяло бы непосредственно магистрату решать вопросы и регулировать противоречия, возникавшие между людьми, занятыми в различных хозяйственных сферах.

Одновременно с составлением формуляра привилегии Комиссия о коммерции составила табель доходов магистрата, оставляемых

---

[50] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Л. 429–430.

в пользу граждан, а также штат планируемых расходов. В соответствии с пожеланиями купцов комиссия предлагала передать на содержание петербургскому магистрату доходы от пивного и медового откупа, конских пошлин, клеймения хомутов, поземельных сборов с лавок, амбаров, шалашных мест, площадок, кузниц и других оброчных мест, с торговых бань и казенных постоялых дворов. По окладной книге 1724 г. все перечисленные сборы составляли 39, 6 тыс. руб., а по фактическому 8-летнему сбору 35, 7 тыс. руб.[51] Почти половина этих средств согласно штату расходов магистрата назначалась на выплату жалованья служащим (16, 1 тыс. руб.). Оставшаяся сумма, предназначенная на «новый расход для государственной и градской пользы», распределялась между статьями расходов. Первая включала школы, госпитали, «смирительный дом», богадельни и «сиротопитательницы» (10 тыс. руб.). Вторая шла на содержание публичных строений, гостиных и мытных дворов, на постройку и починку мостов и пристаней, каменных фонарей (3 тыс. руб.). Третья предназначалась на возведение новых общественных зданий, а следовательно должна была ежегодно отчисляться до завершения строительства гостиного двора, таможни, биржи, школьного дома с библиотекою, каналов на Васильевском острове (18 тыс. руб.). Определение этих трех статей расходов как «новых» свидетельствует о том, что, несмотря на провозглашение заботы о них в регламенте Главного магистрата, отчислений на развитие городского хозяйства, образование и здравоохранение до сих пор не производилось. Конкретное определение средств, хотя и незначительных, но обеспеченных реальными доходами, для собственной «градской пользы» означало бы шаг вперед по сравнению с петровским регламентом по пути развития городской жизни.

Общая величина планируемых расходов (47, 1 тыс. руб.) превышала реальную сумму доходов более чем на 11 тыс. руб. Поиск недостающих средств (почти 25% всех расходов) Комиссия о коммерции возлагала на Главный магистрат. Достичь этого можно было за счет ряда сборов, также передаваемых в пользу магистрата: от печати градской и записи в гражданство, от покупки и продажи дворов, десятой части капитала лиц, выбывавших из гражданства, выморочных имений.

В августе 1732 г. формуляр привилегии, табель и штат были переданы в Сенат для рассмотрения и последующего доклада императрице. О надеждах Комиссии о коммерции на их утверждение свидетельствует высказанная ею просьба о незамедлительном определении членов и служащих Главного магистрата с тем, чтобы еще до 1733 г.

[51] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Л. 506.

они могли бы приступить к своим обязанностям на основании привилегии. Однако надеждам Комиссии не дано было сбыться. Сохранилась журнальная запись от 31 августа 1732 г. о слушании в Сенате доношения Комиссии о коммерции. 15 октября того же года Сенат направил на подпись императрице формуляр указа о пожаловании Петербургу привилегии в целях «приведения его в цветущее состояние», выразив свое согласие с содержанием переданных ему Комиссией о коммерции материалов. Это доношение Сената является последним среди сохранившихся документальных свидетельств попытки учреждения в Петербурге магистрата.

В чем же заключались причины нереализованности городской реформы в 30-х годах XVIII в.? Их было несколько. Главная, думается, состояла в невозможности организации магистрата в Петербурге с наделением его функциями Главного, то есть центрального учреждения по отношении к городским органам управления без создания соответствующей системы на местах. При оставлении в неизменном виде местной системы городского управления (а о необходимости ее изменения при разработке реформы вопрос даже не поднимался) Главный магистрат становился лишним. В то же время существование магистрата в Петербурге в том виде, как это планировалось, при сохранении прежней зависимости от местной администрации в лице губернатора было невозможно. Именно поэтому петербургский магистрат, обладая рядом привилегий как местный орган городского управления, одновременно, по мнению Комиссии о коммерции, должен был стать центральным учреждением, обеспечивавшим ему независимую от местной администрации и других центральных коллегий деятельность. Итак, половинчатость и противоречивость, свойственные проекту городской реформы в том виде, как она задумывалась, предопределили, на наш взгляд, невозможность ее осуществления. Половинчатость же реформы обусловливалась характером экономической политики правительства, все более ориентировавшейся на решение внешнеторговых задач. Учреждение в Петербурге магистрата по шведскому образцу, как и отмена некоторых тяжелых повинностей местного посадского населения должны были явиться дополнительным стимулом записи в петербургское гражданство отечественных и иностранных купцов. Характерно, что необходимость отмены принудительных казенных служб Комиссия о коммерции объясняла тем, что «без того иноземцы не могут надежно в гражданство записываться»[52]. Запись же «в гражданство» обеспечивала иностранным купцам освобождение от ограничения

[52] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Л. 435–443.

их торговой деятельности на внутреннем рынке России, что при условии большей «капиталистости» по сравнению с отечественными купцами и свободы от казенных служб открывало перед ними большие возможности.

В итоге не на обеспечение условий развития городской жизни в целом, а на превращение северной столицы, ставшей к концу 1720-х годов главным портом страны, в европейски организованный город («как протчия европския... городы») в интересах поощрения внешнеторговой деятельности верхушки отечественных купцов и иностранных коммерсантов в целях наращивания внешнеторговых оборотов России была направлена подготовленная Комиссией о коммерции реформа.

Невозможность ее осуществления в том виде, в каком она предлагалась при явной заинтересованности государственной власти в усилении внешнеторговых связей России свидетельствует о том, что в рассматриваемое время правительство не намеревалось отступать от существующей системы городского управления. Причина этого заключалась в характере финансовой политики абсолютистского государства[53]. Финансовые расчеты воспринимались, как известно, дворянским правительством крайне болезненно при необходимости поступиться частью, какой бы незначительной она ни была, казенных доходов, если речь шла не об интересах «благородного» сословия. Отметим также, что с конца 1720-х годов правительство стремилось к сокращению расходов на содержание государственного аппарата, что выразилось в ликвидации одних и слиянии других учреждений (хотя финансовые соображения являлись не единственной причиной проводившейся реорганизации центрального и местного государственного управления). Поэтому общая направленность проекта городской реформы в целом шла вразрез с проводившейся политикой по реорганизации государственного аппарата. Такое противоречие, надо сказать, было вызвано не только конкретной ситуацией. Еще П. Н. Милюков обратил внимание на то, что «примитивное управление Московского государства, при всех своих недостатках, имело то незаменимое для казны достоинство, что обходилось чрезвычайно дешево. Напротив, образцовые шведские учреждения оказались для бедной страны, отягощенной сверх сил высокими налогами, чересчур дороги. Поэтому, уже при самом введении их, пришлось сделать в них такия значительные

[53] О продворянском характере финансовой политики правительства см.: *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке; *Спасский И. Т., Юхт А. И.* Финансово-денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века. Часть вторая. М., 1987. С. 109–131.

упрощения, что они потеряли, в сущности, всю свою цену»[54]. Вероятно, эти соображения учитывались и в 30-х гг. XVIII в.

Итак, планируемая городская реформа в отношении Петербурга не была осуществлена ни в целом, ни в частностях. Когда в январе 1739 г. 50 петербургских купцов обратились с доношением в Кабинет министров, вновь требуя восстановления магистрата, они обращали внимание правительства, что «торговать в старом гостином дворе на С.-Петербургском острове не мочно за ветхостию от опасения всегда, дабы не подавило людей и товаров... не погубило». Купцы также снова просили быть пожалованными «вотчинами, лавками и амбарами и об отводе... для строения места на Адмиралтейском и Васильевском островах». Еще раз вопрос о предоставлении петербургскому купечеству привилегии как необходимом условии «приведения коммерции сего города в цветущее состояние» был поднят купцами северной столицы и других российских городов, торгующими в Петербургском порту, в начале 1760-х годов. Продемонстрировав хорошую осведомленность о подготовленном в Комиссии о коммерции еще в 1732 г. «Положении» об учреждении магистрата и о привилегии «здешнему купечеству», челобитчики выразили недоумение, почему «по оному высочайшему соизволению такого учреждения в действо поныне не произведено»[55]. Наконец, учрежденная при императорском дворе третья Комиссия о коммерции в 1764 г., видимо, в ответ на челобитную купцов запросила Коммерц-коллегию, в архиве которой вновь оказались материалы прежних комиссий, о присылке рассматриваемого в 1732 г. дела о санкт-петербургском купечестве[56].

Разработанный Комиссией о коммерции проект привилегии Петербургу, не реализованный для северной столицы, все же был непосредственно использован уже в середине 1730-х годов при написании привилегии новому городу Оренбургу. Высочайшая резолюция о строительстве города «при устье реки Орь» последовала 1 мая 1734 г. в ответ на проект обер-секретаря Сената И. К. Кирилова[57]. Основание города при впадении р. Орь в Яик (Урал) связывалось им как с необходимостью защиты владений Киргис-Кайсакской орды, частично вошедших в состав России в 1731 г., так и со стремлением к развитию торговых связей со Средней Азией. В связи с широкими задачами, воз-

[54] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Часть первая. СПб., 1896. С. 154–155.

[55] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Л. 523–529; Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 100; *Чулков М.* Историческое описание российской коммерции. Т. IV. Кн. 4. М., 1786. С. 537.

[56] РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 1121. Л. 1–17.

[57] ПСЗ. Т. IX. № 6571.

лагавшимися на Оренбург, он изначально планировался не просто как военная крепость, в перспективе могущая стать форпостом для расширения русских границ на Восток, но и как крупный в будущем центр восточной торговли. В интересах «умножения жителей» новому городу была пожалована привилегия. Необходимость ее составления отмечалась уже в ранее упоминаемой резолюции от 1 мая 1734 г.

Быстрота, с которой привилегия Оренбургу была составлена[58], объясняется наличием уже готового, обсужденного Комиссией о коммерции и одобренного Сенатом, но оставшегося не реализованным проекта привилегии Петербургу. Идея предоставления жителям нового города привилегии принадлежала самому И. К. Кирилову. Об этом он писал в своем проекте 1734 г. Вполне вероятно, что он же был инициатором использования для ее составления текста ранее разработанного проекта. До назначения руководителем Оренбургской экспедиции он, как мы уже знаем, являлся не только обер-секретарем Сената, но и секретарем Комиссии о коммерции, в работе которой принимал самое непосредственное участие, а следовательно был хорошо знаком с материалами несостоявшейся городской реформы.

Состав и содержание Оренбургской привилегии почти полностью повторяют проект привилегии Петербургу. В частности, в ней нашли отражение такие вопросы, как организация магистрата и характер разделения дел в его правлении; пожалование магистратских членов в «штатские ранги» с правами личного дворянства; определение магистратских доходов и статей расходов; свободное заведение заводов и фабрик как в городе, так и в округе под ведомством магистрата; освобождение горожан от казенных служб и постоя; разрешение записавшимся в гражданство содержать товары в своих домах и амбарах; свободное производство и продажа пива, вина, меда; торгово-промысловая монополия местных купцов и ремесленников; свобода вероисповедания и строительство церквей «по своим законам». Формулировка этих положений, как правило, дословно повторяла текст проекта привилегии северной столицы. Расхождения объяснялись особенностями местных условий и национального состава населения будущего города.

Так же, как и в отношении петербургского магистрата, в Оренбургской привилегии объявлялось об особом покровительстве местного магистрата, купцов и ремесленников со стороны императрицы, «защищении» их «от разных команд военных и гражданских» и о передаче их под «призрение» «командира сего города». Сверх указанных преимуществ

---

[58] В инструкции И. К. Кирилову, данной ему 18 мая 1734 г., имеются ссылки на привилегию Оренбургу, как уже составленную. В ПСЗ текст привилегии датирован 7 июня по времени ее публикации (ПСЗ. Т. IX. № 6576, 6584).

провозглашалась беспошлинная торговля в Оренбурге сроком на 3 года. В 1736 г. «для новости места» этот срок был продлен еще на 6 лет[59].

Исключительный в городской политике абсолютизма факт предоставления исконно российскому городу привилегии и использование для этой цели проекта, предназначавшегося для крупнейшего портового города страны, свидетельствует о том месте, которое отводилось Оренбургу в развитии торговли с восточными странами, о стремлении превратить новый город в своеобразное «окно» на Восток. Предпочтение, оказанное Оренбургу, объяснялось убеждением, что для удержания в подданстве нового народа необходимы особые средства, «против привилегированных народов», а не те, что употреблялись по отношению к «природным подданным»[60]. То есть с основанием и укреплением Оренбурга связывалось решение не только финансово-экономических[61], но и политических задач. Что касается «природных подданных», то в отношении их, следовательно, традиционные финансово-бюрократические принципы взаимоотношений государственной власти с городом могли оставаться и оставались неизменными, что ярко характеризует реальное место города в политике абсолютизма 30-х годов XVIII в.

§ 3. ГЛАВНЫЙ МАГИСТРАТ В 40-Х – НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XVIII В.

Как известно, Главный и городовые магистраты были восстановлены только в 1743 г. Эту реформу обычно ставят в один ряд с другими мероприятиями первых лет царствования Елизаветы Петровны как свидетельство возврата к идеям и учреждениям Петра Великого. Из материалов Сената следует, что подготовка к восстановлению магистрата в Петербурге началась еще в 1739 г., то есть в правление Анны Иоанновны, и снова не без воздействия купечества. В январе 1739 г. петербургские купцы обратились с доношением в Кабинет министров, в котором писали о «безгласии» ратуши, неспособной защитить купцов от нападок со стороны различных ведомств и отдельных лиц. В частности челобитчики обращали внимание правительства на то, что бургоми-

[59] ПСЗ. № 6889.
[60] Там же. Т. IX. № 6571.
[61] В 1752 г. в целях соблюдения «высочайших интересов» при пошлинном обложении товаров, привозимых в Оренбург, и регулирования поведения купцов и таможенных служителей в Коммерц-коллегии были разработаны специальные Тариф и пошлинный Устав (РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 406).

стры и бурмистры ратуши, выбираемые «погодно», лишь стремятся «урочное время по выбору провести и от того свободну быть»[62].

В марте того же года Кабинет министров предписал Сенату *«до сочинения магистрата»* подать свое мнение об определении «в ратушу одного члена безпеременно с жалованьем» (выделено нами — *Н. К.*). Следовательно, предполагалась организация магистрата, до совершения которой предлагалось укрепить состав существующей ратуши. В качестве кандидатов Сенат назвал советника бывшей конторы Камер-коллегии князя Романа Горчакова, асессора Федора Шишкина и бывшего обер-директора портовой таможни Ивана Романчукова, исключив вскоре последнего из списка. Возможно, это объясняется купеческим происхождением Романчукова, что делало его кандидатуру неприемлемой в качестве обер-президента будущего Главного магистрата. Спустя год, в июле 1740 г., Сенат определил трех новых кандидатов: статского советника Григория Орлова, Пермского пехотного полка полковника Данилу Языкова и петербургского гарнизона полковника Ивана Чеботаева[63]. Дворянское происхождение всех трех кандидатов на пост постоянного члена петербургской ратуши убеждает в том, что это был первый шаг на пути преобразования местного учреждения в центральный орган городского управления, поскольку городовые ратуши и магистраты комплектовались исключительно из числа купцов.

Поданное в Кабинет доношение было возвращено в Сенат для дальнейшей разработки общих принципов организации магистрата и определения полномочий постоянного члена ратуши. Однако Сенат вновь ограничился подтверждением прежних кандидатов. Столь медленные и неуверенные шаги Сената в направлении решения вопроса о положении и устройстве петербургского магистрата свидетельствуют об отсутствии у правительства в конце 1730—х-начале 1740-х годов ясного плана предполагаемых перемен в области городского управления. Хотя сама идея «сочинения» магистрата в Петербурге вновь возникла и стала приобретать первые реальные очертания как раз в это время. На практике эти идеи воплотились уже в начале царствования Елизаветы Петровны, провозгласившей в качестве своей важнейшей задачи восстановление государственных учреждений и законодательства в том виде, в каком они были при Петре I.

11 декабря 1742 г. императрица возложила на Сенат организацию в Петербурге Главного магистрата «по силе прежних указов». В числе кандидатов в обер-президенты, представленных Сенатом, называ-

---

[62] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Л. 526—527 об.
[63] Там же. Л. 528—529.

лись тайный советник князь Иван Андреевич Щербатов, действительные камергеры Аркадий Иванович Бутурлин и князь Михаил Васильевич Голицын. Из них реальный и к тому же немалый опыт службы в центральных учреждениях имел только И. А. Щербатов, бывший советником, а затем вице-президентом Коммерц-коллегии. Его знания и опыт правительство неоднократно использовало на заграничной коммерческой службе. Во второй половине 1730-х годов И. Щербатов был президентом Юстиц-коллегии. А. И. Бутурлин и М. В. Голицын, ранее служившие по дворцовому и военному ведомствам, мало подходили к назначению на должность главы городского органа управления.

21 марта 1743 г. императрица утвердила доклад Сената, определив обер-президентом Главного магистрата камергера князя Василия Петровича Хованского[64]. Свою деятельность на этом посту Хованский начал с распоряжения о разборе, составлении описей и реестров дел, находившихся в Главном магистрате с 1720 по 1728 г. и в петербургской ратуше с 1728 по 1743 г. К этой работе были привлечены канцелярские служители петербургской ратуши, которые передавались в распоряжение обер-президента[65]. Следующая его забота состояла в представлении Сенату кандидатов на пост президента и членов присутствия. Наведя справки о составе прежнего Главного магистрата, В. П. Хованский предложил на каждый чин по три кандидатуры из числа петербургского купечества по выбору местных купцов и из московских «гостиных детей» и первостатейных купцов, а также из принявших российское подданство иноземцев, основательно знающих русский язык. Среди кандидатов в президенты были выдвинуты представители хорошо известных правительству купеческих фамилий, входивших некогда в привилегированные корпорации гостей и гостиной сотни: Иван Исаев, Андрей Евреинов и Павел Стрежнев. Кандидатами в вице-президенты были названы также крупные московские купцы и промышленники: «гостиный внук» Петр Филатьев, Семен Чирьев и Данила Земской. В числе 27 человек, предлагавшихся на должности бургомистров и ратсгеров, 14 являлись московскими жителями, 11 — петербургскими, 2— ревельскими. По указу Сената от 13 сентября 1743 г. президентом Главного магистрата стал «гостиный внук» Иван Семенович Исаев. После переезда в декабре того же года наряду с некоторыми коллегиями и канцеляриями в Москву состав Главного магистрата и его петербургской конторы определился в следующем виде.

[64] ПСЗ. Т. XI. № 8734.
[65] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 6. Д. 21837. Л. 5–6.

В резиденции, помимо обер-президента и президента, заседали московские купцы Иван-меньшой Вихляев (бургомистр), Ефим Струговщиков, Панкрат Павлов и «гостиный внук» Иван Шустов (ратсгеры). Администрацию петербургской конторы составили петербургские купцы Николай Грен — уроженец г. Канцы (бургомистр), Валдимер Паулсен — уроженец г. Ревеля, Иван Дроздов, Михаил Серебренников, Семен Басков, Фома Молчин (ратсгеры)[66]. Многочисленность членов петербургской конторы сам Главный магистрат объяснял не только обилием нерешенных дел, унаследованных от прежних магистрата и ратуши, но и тем, что городовой магистрат в Петербурге отсутствовал, и все местные дела были возложены на контору[67].

Так же, как и в 20-х годах, решающим соображением при назначении членов Главного магистрата, вероятнее всего, были деловые качества и имеющийся опыт или хотя бы знакомство с работой городских учреждений. Подтверждением этому, в частности, может служить определение бургомистром и ратсгером уроженца г. Канцы и ревельского жителя, то есть выходцев из городов, имевших развитые городские учреждения. Иван Вихляев — младший брат Никиты Вихляева, ратсгера Главного магистрата 20-х годов, — до назначения бургомистром служил обер-цолнером Петербургской портовой таможни, имея «вышнюю дирекций и управление всех дел», то есть обладал опытом службы, связанной с купечеством и торговлей. «Гостиный внук» Иван Семенович Исаев являлся племянником Ильи Ивановича Исаева — президента Главного магистрата 1720 годов, — умершего уже дворянином в 1742 г.

Итак, восстановление Главного магистрата в начале 1740-х годов произошло в значительно более сжатые сроки, чем потребовались на его создание в начале 1720-х годов. Уже через 4 месяца от издания указа о назначении В. П. Хованского обер-президентом был утвержден состав присутствия и служителей канцелярии вновь учреждаемого Главного магистрата. Исключая обер-президента, все 11 членов присутствия от президента до ратсгеров являлись купцами московскими или петербургскими. Исключительно купеческий состав Главного магистрата и его конторы 1740-х годов усугублялся отсутствием среди его членов иностранцев, занимавших в 20-х годах должности бургомистров, и остававшейся пока свободной должности прокурора, назначаемого из числа дворян. К январю 1744 г. в канцелярии Главного магистрата насчитывалось 46 служителей (5 секретарей, протоколист,

---

[66] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 6. Д. 21837. Л. 12—16.
[67] Там же. Л. 27.

2 переводчика, регистратор, экзекутор, 11 канцеляристов, 7 подканцеляристов, 18 копиистов). Почти половину из них (20 человек) составляли приказные служители петербургской ратуши[68].

При восстановлении Главного магистрата по-прежнему не ясны были источники его финансирования. Изыскивая необходимые для выплаты жалованья служителям средства, Сенат все же отверг предложение обер-президента о передаче Главному магистрату доходов, предусмотренных в несостоявшемся штате петербургского магистрата 1732 г. Однако само это предложение любопытно свидетельством знакомства нового состава Главного магистрата с материалами подготавливавшейся в начале 1730-х годов городской реформы и попытки, хотя и безрезультатной, практического осуществления некоторых из ее идей в начале 1740-х годов.

Отсутствие фиксированных доходов Главного магистрата, утвержденного штата его служителей и соответствующих Табели о рангах чинов у членов присутствия давало возможность при решении вопроса о жаловании служителей не рассматривать его в ряду других центральных коллегий. В июне 1744 г. Сенат указом в Штатс-контору распорядился до принятия магистратского штата выплачивать обер-президенту оклад по рангу генерал-майора, президенту — по рангу майора, бургомистрам — капитана и ратсгерам — по рангу поручика[69]. Таким образом, только обер-президент, должность которого изначально замещалась исключительно представителями титулованной дворянской верхушки, был приравнен к президентам других коллегий, относящимся к чиновникам I класса Табели о рангах. Президент Главного магистрата соответствовал рангу асессора, замыкавшего чины административного аппарата коллегий (8 класс). Бургомистры и ратсгеры же были положены в ранги, свойственные верхушке канцелярских служителей. Наделение соответствующими рангами членов Главного магистрата в начале 1740-х годов ограничивалось вполне конкретной целью определения размера причитающегося им жалованья и не сопровождалось выдачей патентов на приобретение дворянских прав. Основанием такого порядка являлась Табель о рангах, определившая ратманов и бургомистров «в резиденции», положенных в ранг поручика и капитана, «почитать зауряд, а не за вечный чин».

Учитывая это обстоятельство, состав служащих Главного магистрата середины 40-х годов согласно разрядам чиновников, выделенных

[68] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 6. Д. 21837. Л. 39–40.
[69] Там же. Л. 42–42 об.

С. М. Троицким в соответствии с Табелью о рангах, выглядел следующим образом. Из общего числа служащих в 58 человек к I разряду (1—5 ранги) относился 1 человек, ко II (6—8 ранги) — 1, к III (9—14 ранги) —20 и к IV (без рангов) — 36 человек. На фоне данных об удельном весе различных разрядов чиновников России середины 50-х годов XVIII в. заметен высокий удельный вес служителей Главного магистрата, принадлежавших к III разряду (34, 3% против 25% среди всех учтенных С. М. Троицким чиновников), при мизерности чиновников двух высших разрядов, составлявших в сумме около 3, 5%, в то время, как на членов присутствия центральных и губернских учреждений и верхушку российской бюрократии в целом приходилось более трети всех известных чиновников[70]. Объяснялось это особым статусом служащих Главного магистрата, лишь формально наделенных рангами, к тому же на три ступени ниже по сравнению с членами присутствия других центральных учреждений.

Учитывая купеческий состав администрации Главного магистрата, Сенат в 1752 г. распорядился секретарей, определяемых, как и в других коллегиях, согласно указу 1724 г., главным образом, из дворян, перевести в другие ведомства, «ибо им тамо произвождения быть не может», а впредь в Главный магистрат и его контору определять лиц не из дворянского сословия и «почитать» их вне классов Табели о рангах[71].

К концу 1740-х годов в основной резиденции Главного магистрата по-прежнему состояло 6 человек. Некоторые изменения произошли в их персональном составе. В петербургскую контору был переведен ратсгер В. Паулсен, а в 1750 г. он был уволен от магистратских дел «за болезнью». В феврале 1749 г. указом Сената вместо умерших ратсгеров Ф. Молчина и М. Серебренникова в контору определены петербургские купцы Дмитрий Кукин и Яков Федоров. Последний до этого состоял «купчиною» при посольстве графа А. И. Румянцева к турецкому двору и получил похвальную аттестацию[72]. В итоге к началу 1750-х годов в конторе Главного магистрата имелись один бургомистр и 4 ратсгера. В июле 1748 г. в Главный магистрат был назначен новый обер-президент — 56-летний статский советник Стефан Степанович Зеновьев, к тому времени имевший 40-летний стаж государственной службы, сначала военной (за 20 лет достиг чина майора), затем

[70] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 178.
[71] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21566. Л. 49.
[72] Там же. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2491. Л. 50.

гражданской (от тюменского и кузнецкого воеводы до асессора в Московской сенатской конторе). Став обер-президентом Главного магистрата, С. С. Зеновьев в 1753 г. был пожалован чином действительного статского советника и получал четвертую часть оклада армейского генерал-майора. Для него, владельца 220 душ мужского пола, государственная служба была важным гарантом достижения прочного социального положения и существенным источником доходов.

В 1754 г. Главный магистрат, как и другие коллегии, канцелярии и конторы, составил и направил в Герольдмейстерскую контору Сената ведомость о служащих, находящихся в штаб- и обер-офицерских чинах. Как и в случае с Коммерц-коллегией, эта ведомость не была обнаружена исследователями среди сохранившихся в фонде Сената материалов переписи чиновников центральных и местных учреждений России середины XVIII в. Подлинные сказки служащих Главного магистрата сохранились в фонде этого учреждения и так же, как и сказки чиновников Коммерц-коллегии, ранее не изучались.

Среди членов присутствия Главного магистрата середины 50-х годов по-прежнему преобладали купцы. За исключением обер-президента (С. С. Зеновьева) и прокурора (П. Щербачева), происходивших из дворян, ими были все члены присутствия (президент, бургомистр и ратсгер)[73]. Из них к верхушке бюрократии (чиновники 1—5 рангов) принадлежал только обер-президент. К числу чиновников II разряда (6—8 ранги) относились прокурор П. Щербачев и президент И. Исаев, в рангах капитана и поручика состояли бургомистр Вихляев и ратсгер Павлов. К третьему же разряду чиновников (9—14 класс) относились 5 секретарей, актуариус, регистратор, протоколист, архивариус и переводчик (10 человек), составлявших верхний слой канцелярской бюрократии, имевшей обер-офицерские ранги. В отличие от исключительно купеческой администрации эта верхушка канцелярии включала и представителей дворянства. Ими были секретари Афонасей Свищов, Иван Навроцкий, Иван Гридякин, а возможно, и Марк Дерюшкин. На это имеются либо прямые указания, как, например, в сказке И. Гридякина, либо косвенные свидетельства, подобно указанию на присвоение М. Дерюшкину соответствующего секретарской должности ранга капитана-поручика, что, как известно, допускалось за редким исключением только для дворян. Еще одним подтверждением дворянского происхождения секретаря являются обозначенные в сказке данные о наличии у него крепостных крестьян и дворовых. Так, А. Сви-

[73] Ратсгер Ефим Струговщиков по медицинскому освидетельствованию был уволен от дел в 1753 г. (РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7214. Л. 2—4; Оп. 1. Ч. 5. Д. 21562. Л. 113; Д. 21566. Л. 583).

щов владел в разных уездах 166 крестьянами мужского пола и 8 дворовыми людьми, обслуживавшими его московский дом. И. Гридякин был обладателем 45 крестьян мужского пола. И. Навроцкий имел 13 крестьян и 6 дворовых людей. Он был сыном советника Коммерц-коллегии Аврама Навроцкого, начавшего свою службу в приказных чинах и в течение нескольких десятилетий продвигавшегося по служебной лестнице. Аналогично, хотя и в более сжатые сроки, протекала служебная карьера и его сына Ивана. После обучения в Петербургской Академии наук немецкому, латинскому языкам и арифметике в 1736 г. в возрасте 20 лет он был определен копиистом в Ревизион-коллегию, где за три года дослужился до канцеляриста, а еще через 5 лет был произведен в регистраторы в Военную коллегию в ранге прапорщика. Уже через 2 года И. Навроцкий становится секретарем в Главной провиантской канцелярии, а в 1728 г. определяется секретарем же в Главный магистрат[74]. Так же через копииста, подканцеляриста, канцеляриста, а затем протоколиста или регистратора протекала служебная карьера и других секретарей Главного магистрата, а также всех прочих представителей верхушки канцелярских служителей. Это был обычный путь для данного разряда управленческой бюрократии, представители которой, за редким исключением, не поднимались выше обер-офицерских рангов.

Преобладание купцов среди административных служащих Главного магистрата определило либо полное отсутствие «крещеной собственности» (Вихляев, Павлов), либо наличие незначительного числа только дворовых людей (Исаев) у большинства членов присутствия (табл. 3). Лишь дворянский состав администрации и канцелярии Главного магистрата владел несколькими десятками и даже сотнями крепостных крестьян. При этом соотношение между душевладением дворянских чиновников разного ранга было такое же, как и среди чиновников Коммерц-коллегии. Наиболее крупные душевладельцы имелись среди высшей бюрократии, в то время, как лица, составлявшие верхушку канцелярии в большинстве своем обладали только несколькими дворовыми. Причем секретари-дворяне, возглавлявшие канцелярии, по характеру душевладения отличались от лиц, занимавших должности актуариуса, регистратора, протоколиста, которые, являясь выходцами из непривилегированных слоев общества, имели, подобно купцам, входившим в состав присутствия, в лучшем случае всего несколько дворовых людей.

---

[74] РГАДА. Ф. 291. Ч. 2. Оп. 1. Д. 7121. Л. 10 об., 12 об., 9–9 об., 11 об.

Таблица 3

Душевладение служащих Главного магистрата
по данным середины 50-х годов XVIII в.

Чины	Количество крепостных (чел. муж. пола)				
	200–300	100–200	Менее 50	Только дворовые	Нет
Члены присутствия	2	–	–	1	2
Канцелярские служители	–	1	2	5	2
в том числе секретари	–	1	2	2	–
Прочие	–	1	–	3	2

Проявляя заботу о подготовке квалифицированных кадров бюрократии, правительство требовало обязательного обучения детей гражданских чиновников. С целью учета и распределения бюрократии, контроля за ее подготовкой и обучением осуществлялась обязательная явка дворянских недорослей в возрасте 7, 12 и 16 лет на смотр в контору Герольдмейстерских дел при Сенате, а в Москве и в губерниях – у губернаторов. Сказки чиновников и материалы Герольдмейстерской конторы свидетельствуют о том, что это требование соблюдалось.

Особенность состава служителей Главного магистрата определяла характер карьеры и обучения их подраставших сыновей, 80% которых, исключая малолетних и увечных, находились на канцелярской службе в различных центральных и местных учреждениях или же после представления на смотр были отданы в обучение. На примере материалов Главного магистрата можно утверждать, что к середине XVIII в. сложился слой потомственной бюрократии, из числа которой комплектовалась верхушка канцелярских служителей центральных и местных учреждений.

Это определяло и общий характер обучения детей данного разряда бюрократии. Как следует из сказок 50-х годов, оно складывалось из овладения российской грамотой, арифметикой, немецким и реже французским языками. Этим дисциплинам, а также геометрии, геодезии и географии подрастающие недоросли могли обучиться в Сенатской школе (открылась в 1737 г. одновременно с практическими шагами по учреждению института коллегии-юнкеров как системы подготовки дворянских кадров для гражданского ведомства). Сказки служащих Главного магистрата за редким исключением не позволяют судить о том, где именно обучались их сыновья. Известно лишь, что младший сын обер-президента С. С. Зеновьева в середине 50-х годов состоял действительным коллегии-юнкером в Иностранной коллегии. А уже

упоминаемый Иван Навроцкий до 1736 г. обучался в Академии наук немецкому, латинскому языкам и арифметике. Любопытно, что никто из сыновей купеческого состава администрации Главного магистрата не продолжил службу по гражданскому ведомству. Единственный сын ратсгера московского купца П. Павлова оставался записанным в подушный оклад. Два сына бургомистра, купца гостиной сотни И. Вихляева в 1756 г. перешли на военную службу. Также вышли из купечества и успешно продвигались по военной стезе сыновья президента, гостиного внука И. С. Исаева. В данном случае на их судьбу, видимо, повлияло стремление обеспечить себе более быстрое выдвижение из купеческого в дворянское сословие[75].

Первые свидетельства появления при Главном магистрате — подобно другим центральным учреждениям — коллегии-юнкеров относятся к 1752 г. и связаны с началом нового этапа подготовки дворянских недорослей к гражданской службе. Сенатский указ от 20 января упорядочил численность и продвижение по службе коллегии-юнкеров, отныне до получения ранга прапорщика получавшие название титулярных коллегии-юнкеров. В течение марта—апреля того же года из числа представленных «от герольдмейстерских дел» на смотр недорослей были отосланы к делам в Главный магистрат 7 человек в возрасте от 9 до 16 лет. Все они являлись сыновьями мелких дворян-помещиков, владельцев нескольких десятков крепостных душ, как правило, достигших через военную службу обер-офицерских чинов. Начальная подготовка недорослей в возрасте от 9 до 12 лет складывалась из овладения грамотой и письмом. Старшие их товарищи, кроме этого, были обучены арифметике и геометрии[76]. Спустя год указом Сената от 23 апреля 1753 г. все находящиеся при Главном магистрате титулярные коллегии-юнкера «из дворян» как не имеющие возможности получения рангов, были переведены в другие учреждения[77]. В итоге в отличие от прочих коллегий и канцелярий Главный магистрат в силу закрепившегося в 50-х годах недворянского состава его администрации и канцелярии лишился свойственного другим центральным учреждениям канала подготовки обученных кадров бюрократии через институт коллегии-юнкеров.

Существенные изменения в составе присутствия Главного магистрата произошли в 1763—1764 годах и были связаны с утверждением новых штатов центральных учреждений. Впервые за свою историю

[75] РГАДА. Ф. 291. Ч. 2. Оп. 1. Д. 7121. Л. 3—4, 11 об., 8; *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 41, 49.

[76] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21562. Л. 54—55 об., 142—142 об.

[77] Там же. Д. 21566. Л. 234.

Главный магистрат получил аналогичный другим коллегиям штат в составе «главного судьи» 3 или 4 класса, коллежского и надворного советника, асессоров, прокурора и секретарей[78]. Это сопровождалось резким сокращением удельного веса купцов среди административного аппарата Главного магистрата при увеличении, а затем и единственном представительстве дворянских чиновников. Еще в 1762 г. по-прежнему дворянский состав присутствия Главного магистрата ограничивался обер-президентом. С конца 1761 г. им был герольдмейстер, действительный статский советник Федор Квашнин Самарин, сменивший на этой должности С. Зеновьева. При аттестации способностей наличных членов присутственных мест в связи с введением в действие новых штатов в 1763 г. характеристика его наряду с целым рядом других чиновников исчерпывалась следующими словами Неплюева: «Репутации делового человека не имеет, а пороков никаких не значится»[79]. Все остальные члены присутствия от президента до ратсгеров являлись купцами. Среди них были как служившие с момента восстановления Главного магистрата в 1740-х годах И. Исаев и П. Павлов, так и недавно определенные в качестве ратсгеров крупные московские купцы Борис Струговщиков и Дмитрий Серебренников[80]. Но уже в 1764 г. вместо купцов Павлова, Струговщикова и Серебренникова, должности которых не вошли в штат, заседали камер-юнкер Григорий Протасов, статский советник Петр Шишкин, асессоры Андрей Сушков и Николай Шереметьев. Иван Исаев — бессменный президент Главного магистрата, получив в 1763 г. чин надворного советника, остался третьим по значению членом присутствия[81].

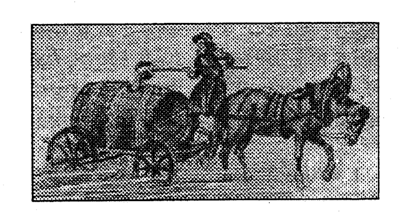
Одновременно утверждение дворянского состава произошло в петербургской конторе Главного магистрата, до этого комплектовавшейся исключительно из числа петербургских купцов. Во главе конторы в должности вице-президента был поставлен князь А. В. Мещерской, надворным советником конторы стал премьер-майор И. А. Афонасьев. Третьим членом присутствия был утвержден получивший чин коллежского асессора Иван Вихляев.

Итак, вплоть до 1760-х годов в числе административных служащих Главного магистрата и его конторы преобладали купцы. В то же время дворянские представители, заполнявшие за редким исключением присутствия других центральных коллегий, в Главном магистрате оставались лишь на должности главы учреждения и выполняли функции

[78] ПСЗ. Т. XVI. № 11991; Т. XIV. Ч. II.
[79] РГАДА. Ф. 270. Оп. 1. Д. 23. Л. 19 об.
[80] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21643. Л. 6 об; Д. 21639. Л. 96.
[81] Там же. Д. 21660. Л. 168 об., 170 об.

прокурорского надзора. Иноземцы составляли незначительную часть членов присутствия и то только на первом этапе существования Главного магистрата в 1720-х годах, когда провозглашалась формальная ориентация на магистратское устройство остзейских городов. В дальнейшем после восстановления Главного магистрата в 1740-х годах все члены присутствия, за исключением традиционных дворянских должностей обер-президента и прокурора, комплектовались из числа купцов. В этом заключалось существенное отличие состава Главного магистрата от других центральных коллегий. Особенности принципов формирования Главного магистрата при стремлении верховной власти к сосредоточению государственного управления в руках дворянства и ограничению проникновения в его ряды представителей недворянских сословий, в том числе купечества, в использовании практических знаний и навыков которого правительство было заинтересовано, определяли особый статус его служащих. Он заключался в фактическом исключении их из числа чиновной бюрократии, что в свою очередь делало невозможным формально провозглашенное правовое равенство Главного магистрата, являвшегося высшей судебной инстанцией посадских людей, с другими коллегиями.

Прослеженная в течение нескольких десятилетий история Главного магистрата убеждает в том, что при всех административных переменах определяющим моментом при назначении на административную должность был сословный принцип. До тех пор, пока члены присутствия Главного магистрата не награждались соответствующими дворянским званиям рангами, представители купечества занимали все должности от президента до ратсгера. Но это же обстоятельство определяло низкий статус Главного магистрата среди других центральных учреждений, администрация которых формировалась, как правило, из числа дворян. Это заставляло купцов, как будет показано в дальнейшем, настойчиво добиваться предоставления чинов и рангов магистратским членам (по примеру прочих коллегий). Но как только Главный магистрат получил желаемое, все должности были заняты дворянами или одворянившимися купцами. Этот неожиданный для купечества итог эволюции Главного магистрата и его конторы означал вытеснение купеческих представителей из центрального звена городского управления.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Деятельность Коммерц-коллегии и Комиссии о комерции в 20–40-х годах XVIII в.

Как следует из нормативных актов, определявших направления деятельности Коммерц-коллегии, основное внимание ее должно было сосредоточиваться на развитии внешней торговли. С этой целью ей следовало наблюдать за морским судоходством, за строительством торговых судов, за организацией торговли с иностранным купечеством, изучать состояние зарубежных рынков, сочинять коммерческие трактаты, иметь под своим попечением портовые таможни, таможенные сборы и суд по таможенным делам, а также осуществлять суд над иностранным купечеством.

О том, что определения верховной власти не оставались на бумаге, свидетельствует делопроизводственная документация Коммерц-коллегии за первые 10 лет ее существования. В реестре дел, имевшихся в Коммерц-коллегии с момента ее учреждения, помимо материалов, относящихся до ее организации, значатся дела: «о умножении персидского торгу и о приласкании армян... дабы тем подать охоту для большого их приезда», «корреспонденции в купеческих делах с пребывающими при чужестранных дворах министрами, агентами и консулами», о таможенных сборах и учреждении таможенных служителей, о «посылке за море купеческих детей», секретные дела об испанских и французских экспедициях, о китоловном промысле и заготовлении сала ворванья и продаже в заморский отпуск; о поташных и смольчужных заводах и отправке их продукции в Петербург и Архангельск «в заморский отпуск»; о «суконной покупке на армию», а также счетные, вексельные и доимочные дела русских и иностранных купцов[1]. Таким

[1] РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 5706. Л. 1–14.

образом, деятельность Коммерц-коллегии в начальный период ее существования сосредоточивалась на заграничной торговле. Иные проблемы, лежащие вне этой сферы, рассматривались Коммерц-коллегией крайне мало. Исключение составляла торговля казенными товарами, практическое осуществление которой входило в число первоочередных забот Коммерц-коллегии. Ей следовало своевременно обеспечивать заключение договоров о подряде и заготовке соответствующих товаров для отпуска за море. На ней лежала обязанность поиска выгодных для казны иностранных покупателей.

Через Коммерц-коллегию осуществлялся «публичный торг» казенных товаров, привозимых в Москву с китайским караваном. Так, согласно сенатскому указу от 3 марта 1719 г. президенту коллегии П. А. Толстому «с товарищи» следовало позаботиться о том, чтобы принятые в Сибирском приказе товары китайского каравана были разобраны и из них казенные проданы «к прибыли казне его царского величества», а «купецкие» товары — описаны и сложены в амбары без права продажи до особого указа. Для описи и оценки товаров в Москву был командирован асессор Коммерц-коллегии И. Аленин[2].

В том же году на Коммерц-коллегию было возложено определение размера дополнительных пошлин, налагаемых на товары в связи с отменой на них казенной монополии. Характерно, что сама идея, как и реестр товаров, остававшихся в казне, были разработаны без участия Коммерц-коллегии: она отвечала лишь за обеспечение финансовой стороны операции[3]. После консультации Коммерц-коллегии с представителями знатного купечества в окончательный текст указа вошла редакция, предложенная коллегией. Согласно указу от 1 октября 1719 г. дополнительные пошлины с товаров, уволенных «торговлею в народ», взимались ефимками с тех купцов, которые покупали их для отпуска за границу[4].

В соответствии с Ништадским мирным договором 1721 г. Россия обязалась за отошедшие к ней завоеванные провинции заплатить Швеции 2 миллиона ефимков. Для изыскания необходимой суммы, требуемой к выплате в четыре срока, от начала февраля 1722 г., Сенат затребовал из собственной канцелярии, коллегий, губерний и провинций ведомости о наличии у них золотой и серебряной монеты, казенных товаров с указанием их стоимости, доимки на иноземцах. Коммерц-коллегии, кроме того, сообщив курс ефимков по

---

[2] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2941. Л. 17–18.

[3] *Козинцева Р. И.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // ИЗ. Т. 91. М., 1973. С. 272.

[4] ПСЗ. Т. V. № 3428.

отношению к российской монете, следовало определить наилучшие способ и место выплаты тех денег. Свои мнения на этот счет подали асессор А. Кассис, советники П. Гордон, И. Маньян, Я. Гювит, И.-П. Бакон[5]. 16 октября 1721 г. на заседании коллегии из поданных мнений было выработано доношение в Сенат, которое подписали П. Толстой, И.-П. Бакон, И. Маньян, П. Гордон, А. Кассис. Считая, что двум миллионам ефимков соответствуют 1, 5 млн. руб., четвертую часть которых составят 375 тыс. руб., и признавая за «самое нужнейшее дело, чтоб в сем государстве вексельной курс содержать высоко», члены Коммерц-коллегии высказались за предпочтительность платежа наличными ефимками и золотыми монетами, собираемыми в таможнях. По их мнению, перевод денег «на такую важную сумму» через векселя опасен падением вексельного курса, что не только принесет убыток казне при переводе денег за границу к министрам и для других дел, но и лишит ее получаемой от передела ефимков прибыли, а также вызовет разорение купечества. Наиболее удобным для платежа местом в случае, если не удастся договориться со шведской стороной о принятии наличной суммы в России, Коммерц-коллегия признавала Амстердам как главный центр вексельных переводов из России. Сенат прислушался к мнению Коммерц-коллегии, и первая часть платежа была осуществлена наличными ефимками, собранными в коллегиях и канцеляриях (соляной, поташный, акцизный и другие сборы)[6]. Последующие платежи осуществлялись из разных источников, в том числе и за счет средств, получаемых от продажи иноземцам поташа и других казенных товаров. Так, англичанин Вейд за купленный в 1724 г. в Коммерц-коллегии поташ выдал Иностранной коллегии вексель с обязательством уплатить в Амстердаме в августе 1725 г. 55 645 ефимков[7].

Начиная с 1713 г. правительство Петра I приступило к практическому осуществлению задачи переориентации главного внешнеторгового направления с севера на Балтику. Главным средством решения этой задачи стало законодательное определение доли экспортных товаров, привозимых купцами в Петербург и Архангельск. Как показало исследование Н. Н. Репина, до окончания Северной войны норма экспорта для Петербурга неоднократно менялась, что объяснялось реальной обстановкой торгового судоходства в Балтийском море, характером русско-английских отношений на заключительном этапе войны и как результат — затовариванием предметов экспорта в столичном

[5] РГАДА. Ф 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2942. Л. 133—139 об.
[6] Там же. Л. 140—142, 189.
[7] Там же. Д. 2945. Л. 181.

порту[8]. По завершении Северной войны начался новый этап в ограничении архангелогородской торговли в пользу Петербурга. 16 октября 1721 г. Петр I, будучи в Сенате, распорядился о разработке мер, «дабы российских товаров для отпуска за моря большая часть была в привозе в Петербург, а к прочим портам определить некоторую часть из тех мест, которые по удобности пути и по близости к тем портам подлежат». Сенат запросил мнение Коммерц-коллегии, «каким образом то купечество к ползе государственной учредить надлежит» и поручил ей составить расписание мест и товаров, закрепляемых за каждым из портов. С этой целью коллегия пригласила на свое заседание президента Главного магистрата Илью Исаева, инспекторов столичной таможни Семена Панкратьева, Дмитрия и Осипа Соловьевых и «из купцов» Ивана Стрежнева. Все они сошлись на том, что такие товары, как пенька, сало, воск, поташ, смольчуг, юфть, икра, железо, изо всех губерний, исключая отдаленные Сибирскую и Архангелогородскую, следует привозить к Петербургскому порту, за изъятием третьей части пеньки, которую «ради нагрузки кораблей» отпускать к Архангельску. К прочим портам (Риге, Нарве, Ревелю, Выборгу) предписывалось возить третью часть всех товаров из тех же городов и провинций, что и в Петербург[9].

Если Петр I, предлагая Сенату разработать меры по переориентации торговли на Петербург, исходил из принципа территориального ограничения сферы влияния северного порта, то купцы, призванные в Коммерц-коллегию для выработки этих мер, в своих предложениях руководствовались самим видом товаров и их значением в российском экспорте. Из указанных купцами товаров, подлежащих вывозу через Петербургский порт, к главным статьям экспорта относились юфть, пенька, говяжье сало. Они же остались основными в группе сырьевых и промышленных товаров, вывозимых из Петербурга после переориентации внешней торговли с Севера на Балтику. Вывоз воска и железа в дальнейшем также осуществлялся преимущественно через столичный порт. Причем до начала 20-х годов XVIII в. железо вывозилось через Архангельск в небольшом количестве[10]. Предлагая даже сибирское железо доставлять в Петербург, купцы намеревались использовать его на кораблях в качестве баласта.

---

[8] *Репин Н. Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты). Учебное пособие. Омск, 1989. С. 16–19.

[9] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2942. Л. 152–152 об., 154–155.

[10] *Репин Н. Н.* Внешняя торговля... С. 24, 27, 31.

Сенатский указ от 2 декабря 1721 г. исходил из первоначальной идеи Петра I: преимущественной роли Петербурга и всероссийского масштаба его торговых связей, а также территориальной ограниченности сферы влияния на внутреннем рынке других портов. В Архангельск направлялись товары «из тех провинций, которые прилегли действительно к водяному ходу (Северной) Двины без переволок землею». В Ригу шли предметы экспорта из западных районов страны и Украины, за исключением тех мест, которые «прилегли» к Гжатской пристани, ориентированной на столичный порт. Подвоз товаров в Нарву был ограничен ее округой и Псковом с «дистриктом»[11]. В 1724 г. были введены новые меры по ограничению архангелогородской торговли. В результате экспортные товары северного порта в 1724—1726 гг. состояли исключительно из предметов поморского производства, а сбыт импортных товаров ограничивался районами Поморья и Сибири[12].

Столь резкое падение значения Архангельска, имевшего совсем недавно всероссийский размах деятельности, сказалось не только на финансовом благополучии тех торговцев, которые вынуждены были срочно менять направления своих торговых маршрутов, но и на положении жителей районов, оставшихся в сфере влияния северного порта. В 1726 г. президент Коммерц-коллегии П. П. Шафиров, посланный в Архангельск для организации компании морских промыслов сообщал в Сенат, что «ко вступлению в китоловную компанию охотою склонить никого он не чает». В Вологде, Тотьме, Устюге и других городах по дороге в Архангельск «усмотрел он крайнюю нищету, что не токмо кому ис тамошних жителей в ту компанию вступить, но и дневной пищи никто почитай не имеет, ибо пресечением купечества тамошняго и другими случаи все обнищали.., и все от тою компании отговариваются нищетою»[13]. Дальнейшее рассмотрение вопроса о сфере влияния северного и западных портов было связано уже с деятельностью созданной в 1727г. Комиссии о комерции.

Как свидетельствуют протоколы заседаний Коммерц-коллегии, надзор за внешней торговлей предполагал регулярный сбор ведомостей о товарах российских и иностранных купцов, числе приходящих и отходящих кораблей, размере пошлинных сборов. Коммерц-коллегию интересовали сведения о влиянии очередного таможенного тарифа на объем торговых оборотов и размер пошлин. Особое внимание коллегии было обращено на контроль за работой портовых и пограничных таможен. Он включал назначение служителей таможен, разработку

[11] ПСЗ. Т. VI. № 3860; *Репин Н. Н.* Внешняя торговля... С. 19.
[12] *Репин Н. Н.* Внешняя торговля... С. 19—20.
[13] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2946. Л. 183—183 об.

инструкций для них, организацию браковки товаров, определение мест причаливания барок с товарами, порядка их выгрузки и загрузки, строительство гостиных дворов и других торговых сооружений, складов, пристаней и гаваней.

Вся эта конкретная работа требовала немалого времени и усилий. К тому же на своих заседаниях коллегия обязана была рассматривать поступавшие к ней указы из высших органов управления, промемории от других коллегий и канцелярий, доношения от подчиненных мест и челобитные от разных лиц, вынося по ним «приговоры». В свою очередь она рассылала рапорты и доношения, указы и промемории. Например, за май—декабрь 1722 г. Коммерц-коллегия получила 1340 входящих документов и подготовила 980 исходящих, в том числе 432 приговора[14].

Бюрократический характер работы коллегий, каждый шаг которых сопровождался созданием вороха бумаг, рассылаемых по разным инстанциям, тормозил рассмотрение и решение дел, находившихся в их ведении. Сенат, признавая, что в делах коллегий «происходит великое затруднение и продолжение, а челобитчикам волокита», причину этого видел в плохой организации работы центральных учреждений, в частности, в отсутствии предписанного Генеральным регламентом разделения труда между советниками и асессорами. Указом 16 июля 1726 г. Сенат обязал коллегии ежемесячно сообщать о том, кому из членов присутствия какое дело поручено «в смотрение», сколько и каких дел решено с указанием времени ежедневного прихода и ухода чиновников в коллегию, «дабы мочно было усмотреть время сидения и число дел, трудами их вершенных»[15].

Соблюдение этих предписаний Сената, означавших усиление его контроля за работой административного присутствия коллегий, выливалось в новое бумаготворчество, которым и исчерпывались усилия коллегий по совершенствованию их деятельности. Коммерц-коллегия регулярно составляла и отсылала в Сенат требуемые ведомости. Знакомство с ними свидетельствует о том, что члены присутствия коллегии приходили на его собрания в разное время: от 8 до 10 часов утра, а уходили — в 12—13 часов. Заседание, как правило, продолжалось 2—3 часа, реже 4 и только в исключительных случаях 5 часов, причем, обычно не в полном составе[16]. Таким образом, положение Генерального регламента о 5-часовых заседаниях в коллегиях не соблюдалось и после указа Сената, хотя теперь это нарушение тщательно фиксировалось.

---

[14] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.
[15] Там же. Л. 1—2.
[16] Там же. Д. 7. Л. 9 и др.

Загруженность и ориентация всей работы Коммерц-коллегии, как, впрочем, и других центральных учреждений, на текущие дела делали их непригодными для разработки наиболее крупных и важных проблем в их основной области, особенно если проблема требовала неотложного решения. Это осознавали и сами чиновники государственного аппарата. Известный нам Г. Фик, сомневаясь в способности Камер-коллегии, где он служил советником, единолично ведать доходами всего государства, писал в 1723 г.: «Сия коллегия как она ныне учреждена, почти ничего другова делать не может, токмо приходящие многие указы вершить и о многих репортах, доношениях и челобитных решение чинить. А как бы государства разоренную экономию и финанцию и тако его императорского величества интерес исправить и подданных возвращение и благосостоительство произвесть можно, о том думать коллегия времени не имеет. И хотя случаем на то подумает, однако ж де тое остается без пользы и без следствия»[17].

В начале 1760-х годов вице-президент Коммерц-коллегии Н. И. Неплюев обращал внимание коллегии на то, что она, вопреки законам Петра Великого, не вырабатывала мер, способствовавших развитию российской торговли. Другой чиновник Коммерц-коллегии, надворный советник Фербер, тогда же признавался, что после своей 16-летней службы в коллегии он начал забывать то, что прежде хорошо знал о комерции.[18].

Подготовка многих экономических мероприятий осуществлялась в разнообразных комиссиях, специально создаваемых для этого. Им принадлежало важное место в государственной структуре России XVIII в. В 1720 г., то есть спустя всего год после того, как Сенат утвердил инструкцию Коммерц-коллегии, передавшую под ее ведение сбор внешнеторговых пошлин и составление соответствующих уставов, была создана специальная комиссия для разработки внешнеторгового тарифа. Работа над ним завершилась в 1724 г. Его пересмотр и подготовка нового тарифа осуществлялись также вне Коммерц-коллегии, в организованной в 1727 г. Комиссии о коммерции. Даже проект новой инструкции Коммерц-коллегии был написан в 1754 г. в Комиссии о портовых и внутренних пошлинах. Хотя в работе всех этих комиссий непосредственно участвовали отдельные чиновники Коммерц-коллегии и вся она привлекалась к обсуждению подготавливаемых проек-

[17] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 50.

[18] *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 81–82.

тов, важным было то, что лица, входившие в состав комиссий, приоритет отдавали вопросам, решаемым в них.

В отличие от двух других упомянутых комиссий Комиссия о коммерции была создана для решения не конкретного вопроса, а для разработки серии мер, направленных на развитие внутренней и внешней торговли и укрепление положения купечества. Одной из важнейших задач, стоявших перед Комиссией о коммерции с момента ее организации, был пересмотр внешнеторгового тарифа 1724 г., имевшего ярко выраженный протекционистский характер. Среди первых мероприятий на этом пути было изменение отдельных статей тарифа с целью облегчения вывоза и ввоза некоторых отечественных и иностранных товаров. Один из наиболее ранних указов, подготовленных Комиссией о коммерции, касался отмены запретительной пошлины на вывоз льняной и пакольной пряжи и замены ее 10%-й пошлиной. О необходимости этой меры в интересах купцов, крестьянства и казны писала в Сенат Коммерц-коллегия еще в октябре 1725 г. Ей вторили и сами купцы, высказавшиеся за единственную поправку к новому тарифу, в целом ими одобренному[19].

Остальные предложения Комиссии о коммерции, также утвержденные Верховным тайным советом в 1727 г. (о снижении пошлин на ввозимые «галантереи», в список которых входили предметы роскоши, на сыры и масло, привозимые «только для охотников»; о разрешении свободного ввоза французского вина) отражали интересы столичного дворянства и придворных кругов[20]. Особенно настойчивы в требованиях снижения ставок тарифа 1724 г. были иностранные купцы и представлявшие их интересы дипломатические посланники и агенты. Свои выступления за отмену «тягостного» тарифа, по их мнению, «столь мало сообразного с настоящим интересом торговли», они обосновывали, подобно голландскому агенту Фонденбургу, ростом тайного провоза товаров и низким качеством изделий российских фабрик (особенно шелковых, игольных и сахарных), защищаемых запретительными или высокими пошлинами. Последний довод повторялся во многих записках английских, голландских и других иностранных купцов[21].

Итак, переработка внешнеторгового тарифа 1724 г., осуществляемая Комиссией о коммерции, диктовалась отнюдь не интересами рос-

---

[19] *Козинцева Р. И.* От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 188–189.

[20] Там же. С. 190–193; Сб. РИО. Т. 63. С. 553–554, 606–607; ПСЗ. Т. VII. № 5178, 5082, 5083.

[21] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–37 об. См. также: *Козинцева Р. И.* Указ. соч. С. 195–197.

сийских купцов, а стремлением правительства к увеличению пошлинных поступлений в казну за счет роста внешнеторговых оборотов и направления потока контрабандных товаров в законное русло. Определенное влияние на характер изменений статей тарифа оказали также запросы дворянской верхушки, заинтересованной в привозе дорогих импортных товаров, и воздействие со стороны иностранного торгового капитала, нуждающегося в обширном и выгодном для него российском рынке. Были учтены, как и в тарифе 1724 г., хотя и в смягченном виде, задачи покровительства отечественной промышленности. В итоге, хотя новый тариф, подготовленный Комиссией о коммерции, и утвержденный в 1731 г., сохранил принцип дифференцированного обложения товаров, высший уровень обложения для товаров, производство которых было налажено в России, был понижен по сравнению с тарифом 1724 г. более чем в 3 раза и устанавливался в 20% против 75%. Минимальная 5%-я пошлина налагалась на товары, не производившиеся в стране, но необходимые государству. Пошлина взималась с цены товара, устанавливаемой Комиссией о коммерции. Она определялась таким образом, чтобы затруднить в Россию доступ дешевых сортов изделий и тем самым защитить от иностранной конкуренции продукцию отечественной промышленности, рассчитанную на широкий рынок, и одновременно поощрить ввоз высокосортных дорогих товаров, рассчитанных на потребности дворянства и императорского двора[22].

Стремление государственной власти обеспечить развитие внешнеторгового оборота России за счет притока иностранных товаров во многом определялось также острой потребностью казны в серебряной иностранной монете, взимаемой в виде торговых пошлин и идущей в передел при чеканке отечественных монет. Задача обеспечения монетных дворов сырьем, особенно серебром как основы преобладающей в денежном обращении России XVIII в. монеты, была крайне актуальна вплоть до середины столетия, когда началась промышленная добыча отечественного серебра[23]. Для изыскания средств, призванных улучшить состояние денежного хозяйства, в 1730 г. была создана Комиссия о монетном деле. К обсуждению вопроса о чеканке серебряных денег Сенат привлек и Комиссию о коммерции. Высказываясь за повышение пробы и веса серебряных монет, Комиссия подчеркивала, что полноценная монета послужит развитию внешней торговли, а следовательно будет способствовать притоку в казну звонкой монеты. Однако из-за отсутствия средств и запасов серебра, необходимых для осуще-

---

[22] *Козинцева Р. И.* Указ. соч. С. 201–216.
[23] *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.

ствления этого вполне разумного предложения, Комиссия о монетном деле его отклонила[24].

Еще до завершения работы по пересмотру внешнеторгового тарифа Верховный тайный совет по представлениям Комиссии о коммерции, опиравшейся на прошения купцов и городовых магистратов, принял ряд указов, расширявших сферу влияния Архангелогородского, Нарвского и Ревельского портов, ранее ограниченную в интересах развития Петербургского порта. Резкое падение внешнеторговых оборотов северного порта, сопровождавшееся свертыванием торговой деятельности и ухудшением хозяйственного положения не только жителей Поморья, но и других районов, стало осознаваться правительством как отрицательный для экономического и финансового состояния страны фактор. Не случайно в 1726 г. в программу деятельности планируемой Комиссии о коммерции верховники включили вопрос о предоставлении купечеству свободы выбора направления своей торговой деятельности. В ноябре 1726 г. Коммерц-коллегия представила в Сенат развернутые доводы в пользу восстановления коммерции к Архангелогородскому порту. Помимо ущерба, который несли купцы, земледельцы и казна от излишних расходов при транспортировке многих товаров к столичному порту, Коммерц-коллегия обращала внимание на невозможность обеспечения нормальной загрузки кораблей, приходящих к Архангельску, одними товарами, поставляемыми из определенных по указу 1721 г. провинций. В ответ в январе 1727 г. был разрешен свободный привоз из всех мест товаров к Архангельску с платежом пошлины в 7% с товаров, ранее привозимых только в Петербург, где отныне пошлины понижались до 3%. В том же году появилось разъяснение о свободном отпуске внутрь России товаров, привозимых в Архангельск из-за моря[25]. В 1728 г. было подтверждено разрешение о свободном отпуске хлеба из Риги и Ревеля. Данное в 1726 г., оно было нарушено властью А. Д. Меншикова. В 1728 г. в ответ на прошения псковского купечества и ревельских бургомистров появился указ, подготовленный Комиссией о коммерции, о позволении привоза товаров к Нарвскому и Ревельскому портам из Псковской и Великолуцкой провинций[26]. Все эти меры являлись первым шагом на пути возрождения былого значения Архангелогородского и балтийских портов.

---

[24] *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х—начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 245–246.

[25] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3044. Л. 2–32 об.; Ф. 397. Оп. 3. Д. 191. Л. 264–271.

[26] Сб. РИО. Т. 79. С. 494–496; Т. 84. С. 297–299.

В духе общего направления работы по пересмотру внешнеторгового тарифа 1724 г. следует рассматривать подготовленные Комиссией о коммерции меры, облегчающие торговую деятельность иностранных купцов в России. В 1727—1728 гг. в Комиссии о коммерции обсуждались донесения голландца Еремея Меэра о невзыскании пошлин с построенных для него у г. Архангельска по договору с Никифором Бажениным трех кораблей, как это предусмотрено в инструкции Коммерц-коллегии для российских подданных. Повторив доводы Меэра о том, что кораблестроение «может сугубую принесть государству прибыль, а подданным обучение и пропитание», Комиссия о коммерции в октябре 1728 г. разрешила иноземцам подряжать и покупать беспошлинно строящиеся в России корабли. В мае 1729 г. это решение комиссии было утверждено Верховным тайным советом и включено в тариф 1731 г.[27]

Известно, что стремление иностранцев организовать судостроительные предприятия в России не дало серьезных практических результатов. В развитии коммерческого кораблестроения правительство ориентировалось на отечественных предпринимателей[28]. Предусмотренное регламентом Коммерц-коллегии 1724 г. освобождение от уплаты пошлин с новопостроенных кораблей, с покупки леса и с их постройки распространялось только на российских подданных[29]. Иноземцам разрешалось покупать построенные в России корабли, но при условии уплаты 5%-й пошлины от стоимости корабля, взимаемой к тому же ефимками. Эта мера, наряду со льготами в таможенном обложении товаров, вывозимых на собственных кораблях, поощряла российских купцов к организации самостоятельной заграничной торговли на своих судах.

Только наиболее крупные западноевропейские купцы и компании, торгующие с Россией, имели собственные суда. Большинство же из них нанимало корабли у судовладельцев, специальные фирмы которых существовали в ряде стран. Своеобразную роль «морского извозчика» продолжал играть голландский торговый флот. Фрахт торгового судна обходился европейским купцам недешево. В зависимости от вида товара, времени года, других условий он мог составлять от 10 до 25% стоимости груза[30]. Отсюда понятно стремление иноземцев к приобретению более дешевых кораблей русской постройки. Крупнейшие судостроительные верфи, существовавшие в первой половине XVIII в.

[27] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 192. Л. 82—82об.; Сб. РИО. Т. 94. С. 663—665.

[28] *Репин Н. Н.* Коммерческое судостроение в России в конце XVII—первой половине XVIII в. // ВИ. 1978. № 1. С. 48.

[29] ПСЗ. Т. VII. № 4453, п. 10.

[30] *Захаров В. Н.* Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII—первой четверти XVIII в. // ИЗ. Т. 112. М., 1985. С. 188—189.

в Поморье и на Балтике — Бажениных, Крылова, Барсукова и К° — имели среди своих подрядчиков и покупателей иностранцев[31].

Примечательно, что Е. Меэр подал свое доношение в Комиссию о коммерции уже после того, как на верфях Бажениных по его заказу были построены два корабля и заложен третий, за которые в любом случае следовало взыскать причитающуюся 5%-ю пошлину. Тем не менее Комиссия о коммерции за два года до окончательного решения вопроса об условиях продажи иностранцам построенных в России кораблей беспошлинно отпустила корабли Меэра под расписку. В данном случае удивляет отсутствие столь характерного для государственных учреждений фискального подхода к решению вопроса. Высказываясь за отмену пошлинного сбора, Комиссия о коммерции принимала во внимание представленные ей свидетельства голландских купцов и английских корабельных мастеров о невзимании в королевскую казну пошлин со строящихся на лондонских верфях купеческих кораблей[32]. В то же время она не потрудилась навести справки о соотношении стоимости корабля английской и русской постройки, без чего нельзя было реально судить, насколько дополнительная 5%-я пошлина для иностранного покупателя меняла это соотношение. Практика Англии, являвшейся главным участником международной торговли, была малопригодна для России, делавшей первые шаги по созданию отечественного торгового флота. В данном случае Комиссия о коммерции вполне в духе иностранных купцов обратила внимание на ограничения их деятельности в России, естественные в условиях политики протекционизма, но обошла молчанием те выгоды, которые их здесь ожидали: более низкая по сравнению с другими европейскими странами «капиталистость» и конкуренция со стороны отечественного торгового капитала, большие запасы ценного сырья и т.п. [33] Только в 1749 г. в связи с ограничением торгового судостроения в интересах возобновившегося военного кораблестроения в Архангельске Адмиралтейская коллегия запретила продажу судов отечественной постройки иностранцам[34].

Еще в XVII в. российские купцы добились вытеснения иностранных коммерсантов с внутреннего рынка страны. Согласно Новоторговому уставу 1667 г. основным препятствием на пути широкого проникновения иностранных купцов на внутренний рынок и его бесконтрольной эксплуатации иностранным торговым капиталом стал

[31] *Репин Н. Н.* Указ. соч. С. 49–50.
[32] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 192. Л. 84–90.
[33] *Захаров В. Н.* Указ. соч. С. 179–181.
[34] *Репин Н. Н.* Торговля России с европейскими странами на отечественных судах (конец XVII–середина 60-х годов XVIII в. // ИЗ. Т. 112. С. 162.

высокий таможенный барьер. Иностранцы, получавшие особое разрешение на провоз товаров во внутренние города, обязаны были платить 10%-ю проезжую пошлину, а при продаже товаров на месте —еще 6% с цены, что сводило на нет ожидаемую прибыль. Русские купцы проезжих пошлин не платили, а при продаже с них взималось 4—5%[35]. Заградительные таможенные барьеры и другие средства, охранявшие отечественную торговлю от конкуренции иностранцев, укрепили русских купцов и позволили им превратиться в руководителей складывавшегося единого всероссийского рынка.

Существенным отступлением от протекционистской — по отношению к отечественной торговле и российскому купечеству— политики стал именной указ 16 июня 1731 г., подготовленный в Комиссии о коммерции[36]. Подтверждался запрет для иноземцев розничной и скупочной (через крестьян и разночинцев) торговли внутри России; вместе с тем содержалось разрешение всем иноземцам привозить товары в Москву и другие внутренние города, заплатив единственную проезжую пошлину в размере, собираемом с российских подданных при продаже. В итоге вместо 16%-й пошлины иноземцы, торгующие на внутреннем рынке, отныне платили, как и российские купцы, 5%-ю с цены товара. Эта мера не могла не усилить возможность проникновения иностранного торгового капитала во внутренние районы страны[37]. Уже в ноябре 1731 г. Комиссия о коммерции не могла не признать, что «подданные российские причитают себя в разорение, когда иноземцы с равною с ними пошлиною в российских городех торговать будут». Поэтому в указе, направленном в Коммерц-коллегию, порты и пограничные таможни, комиссия постановила взимать проезжую пошлину с иноземцев, исходя из более высокой цены с товаров, продаваемых внутри России, а не по низкой портовой и пограничной расценке[38].

И все же пока трудно судить о том, насколько предоставляемая иноземцам указом 1731 г. возможность действительно была ими реализована на практике. Для этого необходим сплошной просмотр таможенных книг 30—40 годов XVIII в. Может статься, что и в это время иноземные купцы по-прежнему ориентировались на устоявшуюся контрактную форму торговых и финансовых отношений с российскими партнерами, при которой последние выступали торговыми агента-

---

[35] ПСЗ. Т. 1. № 408. С. 684—687.
[36] Там же. Т. VIII. № 5806.
[37] Г. А. Некрасов писал, что «этим решением в угоду дворянству и иностранцам была пробита брешь в протекционистской политике Петра I» (*Некрасов Г. А.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721—1756 гг. М., 1984. С. 61).
[38] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 202. Л. 1—2.

ми иноземцев внутри страны. На причинах заинтересованности западноевропейских торговцев в сохранении контрактной системы и вынужденности ее для российской стороны мы еще остановимся.

Иностранные купцы вопреки запретам нередко торговали привезенными товарами в частных домах, нанося ущерб как лавочной торговле местных купцов, так и пошлинным поступлениям в казну. В мае 1727 г. Комиссия о коммерции на своем заседании констатировала, что вывезенных тайно в Россию товаров, на которые по тарифу 1724 г. положена высокая пошлина, «в народе доволно, а в таможенной записке мало», а также, что многие иноземцы торгуют в Петербурге «тайно и явно» не в гостиных дворах, а в собственных домах «и тем лавочных торговцев, которые с лавок оброк платят и с торгу своего службы служат, утесняют и обидят». В целях борьбы с этим явлением Комиссия о коммерции предложила радикальное средство: послать «тайно в один день» в те дома представителей лавочных сидельцев и таможенных служителей с тем, чтобы они обнаруженные там товары опечатали и описали. Владельцев товаров следовало допросить в Коммерц-коллегии, через кого и каким путем они те товары получили, с тем, чтобы впредь принять необходимые меры[39].

Отсутствовавший на заседании комиссии А. И. Остерман после ознакомления с ее приговором, предвидя, что в привозе тех «неявленных товаров» замешаны знатные особы, а следовательно, «ежели о том исследовать, то будет дело бесконечное», предложил ограничиться публикацией указа, обязывавшего владельцев товара, объявя его в определенный срок, заплатить пошлину под страхом конфискации товаров[40]. А. М. Черкасский согласился с мнением Остермана, которое было внесено в новый приговор Комиссии о коммерции от 4 июля, утвержденный затем Верховным тайным советом. Причем в указе особо подчеркивалось, что пошлина с утаенного, но объявленного товара взята будет уже по новой расценке[41]. Речь идет об утвержденном в мае того же года снижении до 5% пошлины с привозимых из-за границы «галантерейных вещей», в список которых входили золотые и серебряные изделия, предметы роскоши и дворянского быта. Это свидетельствует о хорошей осведомленности комиссии о характере утаиваемых от таможенного досмотра иностранных товаров и категории их покупателей. Отсюда понятна так свойственная Остерману осторожность, которую он проявил в вопросе о мерах пресечения контрабандной торговли,

[39] РГАДА. Ф. 397. Оп. 3. Д. 191. Л. 188.
[40] Там же. Л. 190, 191.
[41] Сб. РИО. Т. 63. С. 843.

поскольку предполагаемое расследование могло быть связано с именами «знатных особ».

Очень скоро Комиссия о коммерции смогла убедиться в тщетности надежд на добровольную явку с повинной лиц, уклоняющихся от таможенного контроля и нарушающих условия и порядок торговли. В сентябре 1727 г. Коммерц-коллегия сообщала, что не только в установленный указом двухнедельный срок, но и «поныне» никто не явился. Комиссия о коммерции вынуждена была не только продлить указанный срок на неделю, но и предупредить о конфискации утаенного от таможни товара (в случае его обнаружения в домах). В соответствии с предложением петербургских купцов в качестве меры, стимулирующей заинтересованность досмотрщиков в выявлении укрытого в домах товара, его следовало отдавать доносителям, взяв с них соответствующую пошлину[42].

В мае 1729 г. эта мера была распространены на Москву и другие города. Добавлением к прежним установлениям стало разъяснение, что в качестве доносителей могли выступать только служители губернских и воеводских канцелярий, в ведении которых находились таможни и ратуши. В целях пресечения ложных доносов был установлен штраф в 50 руб., а для неимущих — наказание батогами[43]. В 30-х годах появлялись аналогичные указы (в 1732 и 1737 г.)[44]. Но и в 40-х годах правительство вновь обращало внимание на то, что по дворам в Петербурге «разные галантереи и другие запрещенные товары продают и покупают явно» в ущерб интересам казны и торгующих в лавках купцов. На этот раз именной указ 1744 г. обязал Сенат провести обыск в домах всех приезжих купцов, торгующих привезенными из-за моря товарами. То есть понадобилось 17 лет, чтобы осуществить меру, впервые предложенную Комиссией о коммерции еще в 1727 г. Вероятно, она могла дать лишь временный эффект. На розничную торговлю иностранцев в Петербурге, как на одну из «безпредельных вольностей», от которых торговля местных купцов «подвержена конечному разорению», указывали петербургские купцы и в 1764 г. [45]

Итак, на протяжении всего рассматриваемого периода правительство вело борьбу с хранением и продажей неявленных в таможне товаров и розничной торговлей «в неуказных местах». В ней переплелись собственные фискальные интересы казны, терявшей таможенные и лавочные сборы, и требования купечества по обеспечению его монополии на городских рынках. В целях пресечения нелегальной розничный

[42] РГАДА. Ф. 397. Оп. 3. Д. 191. Л. 195—196, 199—200.
[43] Там же. Л. 212—216; РИО. Т. 94. С. 665—666.
[44] ПСЗ. Т. VIII. № 6043. Т. X. № 7207.
[45] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 240. Ч. 1. Л. 126—127; Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 10.

торговли иностранцев и приезжих купцов и установления контроля за городским местным рынком российские купцы стремились к сосредоточению розничной торговли в торговых рядах и гостиных дворах. Однако судя по количеству повторяемых на этот счет указов, достичь желаемого не удавалось ни купцам, ни правительству. Сословные и фискальные преграды могли затруднить, но не пресечь распространение неуказных форм торговли, в существовании которых были заинтересованы различные слои и разряды населения.

Немало усилий приложило правительство и по пресечению тайного и беспошлинного провоза товаров, как внутрь страны, так и за ее пределы. До учреждения Комиссии о коммерции практическое осуществление установлений по борьбе с тайным провозом через польскую границу неявленных товаров и организации по большим дорогам застав, а по малым дорогам и проездам лесных завалов находилось в ведении Коммерц-коллегии. В январе 1725 г. Сенат возложил на Коммерц-коллегию проведение розыска о тайном провозе товаров в Кролевец и Данциг и наказание виновных «без всякого замедления и послабления». Однако Коммерц-коллегии не удалось добиться через Главный магистрат присылки к следствию купцов, обвиняемых в контрабанде. Среди них были как купцы из западных районов, Украины (Стародуба, Смоленска, Торопца, Могилева), так и из Москвы. Причем последние численно преобладали. Наиболее распространенными товарами, привозимыми в Кролевец и Данциг весной и летом, были «всякие мехи», собольи хвосты, бобровые струи, юфть, щетина. По «зимнему доброму пути» везли воск, сало, пеньку, лен, поташ, смольчуг, щетину и юфть, проезжая заставы по ночам[46].

В июне 1727 г. Сенат распорядился передать в Комиссию о комерции все материалы дела о провозе купецкими людьми заповедных товаров через польскую границу[47]. Комиссия рассудила: во избежание убытков купцам и «торгам их помешательства» розыск не проводить, объявить через городовые магистраты о прощении купцов, но взять с них на местах показания о путях провоза товаров в объезд застав[48]. Но и к июлю 1729 г. ожидаемых Комиссией о коммерции ведомостей из городовых магистратов по-прежнему прислано не было. Сообщая об этом в Сенат, комиссия обращала внимание на то, что в подготавливаемый ею пошлинный устав не может внести никаких «предосторожностей» к пресечению тайных провозов товаров[49].

[46] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2945. Л. 20–24 об.
[47] Там же. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 50–65.
[48] Там же. Л. 71–77.
[49] Там же. Л. 85.

В первые же месяцы своей работы Комиссия о коммерции затребовала через Сенат из всех губерний и провинций ведомости о пограничных заставах, их служителях и имеющихся им инструкциях. Губернаторам и воеводам следовало взять у магистратских и таможенных служителей мнение о средствах по укреплению застав и пресечению «тайных провозов и проездов», подкрепляя их собственными предложениями. На Камер- и Коммерц-коллегии возлагалась обязанность учредить вокруг Петербурга заставы, написав для них особые инструкции. Такие же заставы организовывались в районах пограничных таможен. Их назначение не ограничивалось контролем за провозом товаров, но и служило целям поимки беглых крестьян и пресечения «всяких своевольностей»[50].

В 1730 г. Коммерц-коллегия, наконец, прислала Комиссии о коммерции сочиненную ею совместно с конторою Камер-коллегии инструкцию для служителей организованных вокруг Петербурга четырех застав[51]. Однако, судя по вышеупомянутым указам 30—40-х годов, заповедные и утаенные от таможенного досмотра товары по-прежнему поступали на рынки столицы и других городов.

Усилия Комиссии о коммерции и Коммерц-коллегии по укреплению сети пограничных таможен в начале 30-х годов привели к созданию новых таможен в Торопце, Севске, Брянске и Курске. Для наблюдения за их работой Коммерц-коллегия в 1732 г. командировала туда таможенного контролера С. Меженинова. Его миссия была признана полезной, и в 1736 г. он был назначен директором Петербургской портовой таможни[52].

Ликвидация внутренних таможен в 1754 г., а также таможенных границ между Россией и Украиной, между Областью Войска Донского и центральными районами, переход к сбору тарифных и дополнительных 13-копеечных пошлин только в портовых и пограничных таможнях потребовали усовершенствования пограничной сети таможен. К данной работе Коммерц-коллегия вновь привлекла С. Меженинова, ставшего к тому времени советником коллегии[53]. Итогом этой работы явилась Таможенная инструкция, содержавшая установления таможенных порядков, штат и функции служителей таможен и их управителей[54].

[50] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 190. Л. 15—78.
[51] Там же. Л. 118—123 об.
[52] Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 940. Л. 587—587 об.
[53] *Волков М. Я.* Таможенная реформа 1753—1757 гг. // ИЗ. Т. 71. М., 1962. С. 147—150.
[54] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 36. Л. 23 об.

Другое не менее важное направление деятельности Комиссии о коммерции, к которому она приступила сразу же после своей организации, заключалось в рассмотрении и решении вопроса о государственной монополии, сохранявшейся на некоторые виды товаров. Постановка этого вопроса купцами и история его разрешения показательны для взаимоотношений купечества с государственной властью. После 1719 г., когда большинство казенных регалий было отменено, в ведении казны оставались поташ и смольчуг, табак, горячее вино, пиво и соль, а также торговля соболями и «мягкой рухлядью». В 1727 г., сразу же после создания Комиссии о коммерции ей были переданы поступавшие в Сенат проекты купцов о преимуществах вольной торговли солью. Такие же предложения отныне купцы адресовали и непосредственно в комиссию.

Российские купцы «санктпетербургские жители» доказывали выгоду отмены казенной монополии на соляной торг не только купцам (за счет расширения сферы купеческих торгов и освобождения от крайне обременительной принудительной службы при казенной продаже соли, сопровождавшейся запустением собственных торгов и денежными начетами), но и крестьянам (от уездной торговли солью). Дополнительным аргументом в пользу свободной торговли солью в проектах купцов было указание на снижение цены соли при вольной продаже, а также на возможность для бедного люда покупать соль «безденежно» через обмен на продукты и изделия домашнего производства[55]. В то же время купцы стремились также доказать соблюдение интересов казны при отмене соляной регалии. Основным доводом к этому служило убеждение в увеличении пошлинного сбора за счет роста отпуска соли в свободной продаже и неоднократной ее перепродажи из одних рук в другие. Кроме того, освобождение купцов от принудительной службы при продаже соли будет способствовать развитию их торгов, а следовательно, и увеличению пошлинных сборов[56]. Для стимула к увеличению производства соли купцы предлагали разрешить ее беспошлинный отпуск за границу. «Ибо можно почитать за великую пошлину то, что весь капитал за тое соль в государство серебром и товарами приходить и подданные российские богатитца станут»[57].

Понимая, что общие рассуждения о всенародной пользе могли быть не слишком убедительными аргументами против реального денежного дохода, извлекаемого казной из соляной регалии, купцы предлагали разные способы возмещения утраченного дохода. Понизив

---

[55] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 9–9 об.
[56] Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 9 об.
[57] Там же. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 15 об.

сумму соляного сбора с учетом расходов на содержание соляных контор и доходов казны от прежней перекупной пошлины с 606, 8 тыс. до 400 тыс. руб., они допускали возможность расположения этой суммы на все население, а не только на одну податную его часть, «понеже соль всем вещь потребная и никто без соли обойтится не может». В противном случае, получив вместо ожидаемого снижения подушного платежа его увеличение, посадские люди «ослабеют и в безнадежность впадут». Среди таких дополнительных сборов, помимо мизерной прибавки к подушной подати, назывались добавочные пошлины на кабацкие сборы и виноградные вина; 3-копеечная пошлина с пуда соли, возлагаемая на соляных промышленников, что не считалось чрезмерным при учете получаемого выигрыша от свободной продажи соли и пресечения разорения от расчетов с казной; отчисления от жалованья всех чинов, за исключением солдат, по 2 коп. с рубля. Все эти меры должны были действовать до тех пор, пока преимущества от вольной торговли солью не приведут к развитию промыслов и не обеспечат рост пошлинных поступлений в казну. Общей же компенсацией для всех слоев населения, на которые лягут дополнительные сборы будет, по мнению прожектеров, снижение цены на соль[58].

Таким образом, увеличение прямого обложения при условии его равномерного распределения между всем населением для купцов было предпочтительней косвенных сборов. Как известно, проекты П. И. Шувалова 50-х годов исходили из противоположной идеи преимущества косвенного обложения перед прямым. Планируемое им повышение цены на соль должно было позволить снизить размер подушной подати и привести к более равномерному распределению бремени налогов на все слои населения.

Основные усилия Комиссии о коммерции при обсуждении вопроса об отмене соляной регалии были направлены на то, чтобы сохранить доход, поступаемый от казенной соляной продажи. Получив из Камерколлегии необходимые сведения об окладной прибыли, о числе варниц и количестве вывариваемой на них соли, о расходах на содержание соляных контор, Комиссия о коммерции рассчитала, что за счет пошлины с промышленников, найма казенных соляных варниц, перепродажи соли и ее отпуска за границу казна и при вольной торговле солью сможет получить 445 тыс. руб. Недостающие до окладной суммы почти 128 тыс. руб. смогут, по мнению комиссии, восполниться от увеличения выварки соли, а следовательно, дополнительных пошлинных поступлений от ее продажи. К тому же служители все «з жалова-

[58] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 11–15 об.

нья збудут и к другим делам, где потребно, определятся; также розыски и кражи и в щетах затруднени пресекутся; купечество от промыслу и торгу... прибыль себе получит; а крестьянство и протчия... по своей воле выбирая, лучшую соль купит или на хлеб и что у него от домашняго плода случитца... сменяет дешевле и без волокиты»[59].

В ответ на доношение и «резоны» Комиссии о коммерции указ Петра II от 26 мая 1727 г. объявил о вольной торговле солью. Комиссии о коммерции поручалось установить максимальные цены на соль, выше которых продавать не разрешалось, и разработать «анштальт» о порядке сбора соляных пошлин с промышленников и торговцев. В октябре 1727 г. подготовленный в Камер-коллегии «анштальт» был прислан для дальнейшего рассмотрения в Комиссию о коммерции. В нем предусматривалось освидетельствование во всех соляных промыслах у Соликамска и в вотчинах Строгановых соляных труб, установление объема выварки соли с целью определения пошлин, требуемых с соляных промышленников. На воеводу или, «кому поручит» возлагалось также наблюдение и учет отгрузки соли в суда. В Нижнем Новгороде и в Соликамске как главных местах торговли солью надзор поручался вице-губернатору с офицерами и воеводе. В Соликамск к тому же направлялся специальный управитель, поступавший под ведение воеводы. Сбор пошлин от продажи с промышленников как и других таможенных сборов должен был осуществляться выборными таможенными бурмистрами из купцов. Но все счета по сбору соляных пошлин следовало учитывать отдельно, не смешивая их с прочими таможенными сборами. Таким образом, вольная торговля солью, начиная от ее поставки промышленниками и кончая последующей перепродажей, как и составление счетов о пошлинных сборах контролировалась государственными учреждениями.

Определение установочных цен на соль, подготавливаемое в Комиссии о коммерции, вызвало протесты со стороны купцов, которые предупреждали, что «то положение будет в остановку свободного торгу», который не сможет развиваться, если купцы «увидят себе постановленную цену не в прибыль». Беспокойство купцов, видимо, вызывал не только сам факт фиксации максимальной цены, но и повсеместное снижение ее в основном на 7-8 коп. за пуд. В отдельных же местах (Брянск, Старый Оскол, Карпов и др.) стоимость пуда соли снижалась на 11—15 копеек. Раньше мы видели, что в проектах купцов падение цены на соль оценивалось ими как большое благо для всего народа. Однако это общее благо для купцов было преемлемо только

[59] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 17—109.

при наличии свободных цен, поскольку торговая прибыль определялась разницей цен при покупке и продаже.

При дальнейшем обсуждении этого вопроса в Комиссии о коммерции выявились разногласия. И. Кирилов настаивал на установлении хотя бы при промыслах и в Нижнем Новгороде предельных цен. И. Стрежнев, как представитель Главного магистрата, сам являвшийся купцом, подтвердив, что «купцы вольности просят», но высказал опасение: вдруг купцы, сумевшие скупить большие партии соли, искусственно завысят цену? О реальности совместных действий промышленников и купцов по взвинчиванию цен, что свело бы на нет все усилия, направленные «к пользе народной», предупреждал и А. И. Остерман. Все же Комиссия о коммерции воздержалась от определения «установочных» цен, предложив конфисковывать весь товар у купцов, искусственно повышавших цены, и обязав таможни в ежемесячных рапортах в Камер-коллегию сообщать о цене пуда соли. Резервным средством в руках правительства для сбивания в случае необходимости цены на соль оставалась возможность розничной продажи 100 тысяч пудов соли, поступавшей в казну в виде оброка со Строгановых за используемые ими Зырянские усолья. Эта соль обычно шла на нужды армии и дворцовые расходы[60].

Документом, завершившим передачу важнейшей казенной регалии в вольную продажу, стал соляной Устав, подготовленный совместно Комиссией о коммерции и Камер-коллегией и утвержденный Верховным тайным советом 31 декабря 1727 г. В нем указывался размер пошлин, взимаемых с промышленников, который различался в зависимости от способа и места добычи соли, определялись порядок оформления таможенных выписей и продажи соли в пути, функции таможенных служителей и Камер-коллегии по надзору за соляными промыслами.

Итак, вопрос о казенной соляной монополии затрагивал экономические потребности и социальные интересы различных разрядов населения. Идя им навстречу, Комиссия о коммерции сумела убедить верховную власть в целесообразности ее отмены, что свидетельствовало о понимании правительством недостатков казенной торговли солью и ее тяжести для населения. Однако расчеты Комиссии о коммерции предполагаемых доходов казны из-за завышенных данных о добыче и продаже соли оказались неверными[61]. Резкое падение прибылей казны (почти втрое) и повышение цен на соль побудили правительство в

[60] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 254–259, 280–296.

[61] *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 164.

1731 г. вновь ввести казенную монополию[62]. Причем проведенная операция вновь продемонстрировала приоритет для казны собственных фискальных интересов в ущерб одному из наиболее острых социальных запросов купцов. Не способствовала она и оздоровлению финансов, поскольку полумиллионная сумма от этой казенной регалии шла не в государственный бюджет, а на содержание двора. В дальнейшем и после провозглашения в начале 1760-х годов курса на отмену казенных и частных монополий казна так и не выпустила, приносившую немалые доходы, торговлю солью полностью из своих рук.

Одновременно с рассмотрением вопроса о соли в 1727 г. Комиссией о коммерции были подготовлены указы о передаче сибирского соболиного и «мягкой рухлядью» торга, а также табака в вольную продажу, утвержденные затем Верховным тайным советом. Свободный торг табака был разрешен еще именным указом 7 апреля 1723 г. Однако Камер-, Коммерц-, Мануфактур-коллегии и Главный магистрат в совместном доношении в Сенат, сославшись на немалый табачный сбор, поступавший в казну, и на затруднительность выделения его от таможенных и кабацких денег, вместе с которыми он отдан во многих местах на откуп на 4 года, выступили за сохранение казенной продажи табака. Они также предупреждали, что в противном случае заведенный в 1719 г. в Киевской губернии в Ахтырке на казенном содержании табачный завод придет в упадок[63].

Хотя Сенат отклонил доводы коллегий, предположив, что при разумной пошлинной политике Ахтырский завод и при вольной торговле табаком не только не «испровергнетца, но более умножитца», табачная монополия казны сохранялась до 1727 г. Как и при решении вопроса о соляной монополии, Комиссия о коммерции собрала обстоятельные сведения об истории табачного дела в России, начиная с указов, запрещавших привоз и торговлю табаком и кончая справками о величине оклада и размере табачного сбора. В результате выяснилось, что сбор табачного оклада в 1723—1725 гг. составлял половину окладной суммы (менее 24, 5 тыс. руб). Учитывая также данные Мануфактур-конторы об убыточном для казны содержании Ахтырского табачного завода, Комиссия о коммерции признала полезным не только вольную продажу табака, но и передачу Ахтырского завода частным лицам. 17 августа 1727 г. это представление комиссии было утверждено Верховным тайным советом. Порядок и организация табачного пошлинного сбора и меры по пресечению тайного провоза неявленного

[62] ПСЗ. Т. VIII. № 5827.
[63] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 342–348.

в таможнях табака были изложены в сочиненном Комиссией о коммерции специальном «анштальте»[64]. Вольная табачная продажа просуществовала по 1748 г. Затем снова восстанавливается табачная регалия, и табачный сбор начинает отдаваться на откуп. В 1762 г. табак вновь поступил в вольную продажу[65].

Продолжая линию на отмену торговых монополий, Комиссия о коммерции в мае 1728 г. изменила условия договора, заключенного бароном П. П. Шафировым с компанией купцов об отдаче им на 4 года семужного промысла на Белом море. Согласно проекту договора Шафиров передавал той компании исключительное право заморского отпуска и торговли внутри России продукцией находившегося у него на откупе морского промысла. Купцы обязались сверх обычной торговой пошлины выплачивать дополнительные 5 копеек с пуда товара. Сенат, а вслед за ним и Комиссия о коммерции, признавая существование компании, которая обещала приращение денежных поступлений в казну, ограничили ее деятельность заморской торговлей, сохранив внутреннюю продажу в вольном торге[66].

Рассмотрение обстоятельств и условий отмены некоторых казенных регалий во второй половине 20-х годов XVIII в. позволяет сделать вывод о несомненном стремлении Комиссии о коммерции к отмене монополии казны на те товары, которые обращались на внутреннем рынке. При этом согласно свойственному правительственным кругам пониманию государственного интереса как интереса казны их соблюдение воспринималось как непременное условие таких операций.

Не случайно в течение всего изучаемого периода питейная продажа неизменно оставалась в руках казны, хотя порядок эксплуатации этой регалии подвергался частым изменениям. Одним из способов взимания казенных сборов и обеспечения торговли казенных товаров были откупа. Другими способами являлись содержание их на вере и принятие их на магистраты и посадские общества. Выбор того или иного способа затрагивал интересы посадских людей, так как влиял на размер служебного бремени того или иного посада. Как показал А. А. Кизеветтер, законодательство о казенных сборах на протяжении XVIII в. колебалось между этими системами, порой допуская применение всех трех систем. В 1725—1727 гг. таможенные, канцелярские и кабацкие сборы в городах 22 провинций были возложены на магистраты. Размер оклада определялся Камер-коллегией, исходя из средней цифры сборов трех лучших в смысле высоты поступлений годов. Однако с нача-

64 Сб. РИО. Т. 69. С. 250—253, 315—320.
65 ПСЗ. Т. XII. № 9543; Т. XIII. № 10048, 10078; Т. XV. № 11630.
66 РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 472—473; Сб. РИО. Т. 79. С. 380—381.

ла 30-х годов вновь был объявлен свободный выбор между откупным, верным и ратушским содержанием всех казенных сборов с предпочтением для правительства отдачи сборов на ратуши. С середины 40-х годов Сенат все более стал склоняться в пользу откупной системы, которая провозглашалась общеобязательной с 1765 г. [67].

Верная система, будучи с финансовой стороны наименее выгодной для казны из-за больших недоборов, обычно допускаемых верными сборниками, являлась также наиболее тяжелой и для посадского населения, которое обязано было ежегодно поставлять к сборам выборных людей при наличии надежного по ним поручительства. При этом вся сумма сбора, в том числе и сверх оклада (так называемые приборные деньги) поступала в казну. Содержание сбора на магистрате или на всем посадском обществе также сопровождалось выборной службой посадских людей у сборов. Однако ответственность за них (как и определение их к сборам) в первом случае ложилась целиком на магистратских членов, а во втором — на весь посад. Собранные сверх оклада приборные деньги удерживались ратушей на местные нужды посада. При отдаче сборов на откуп посад получал существенное облегчение от служб, поскольку откупщик должен был содержать своих наемных служителей, что значительно сокращало долю участия посада в обслуживании таких сборов. Она ограничивалась оговоренным в «кондициях» числом выборных, обязанных наблюдать за правильным ведением всех дел и их записей в книгах[68]. Тем не менее посады и ратуши с большой неприязнью относились к деятельности откупщиков и, как свидетельствуют материалы Главного магистрата, всячески возражали против передачи сборов на откуп, опасаясь как произвольных поборов, так и того властного положения, которое неизбежно приобретал откупщик среди местного населения.

С точки зрения финансовых интересов казны откупная система была наиболее предпочтительной. При сдаче сбора с торгов на откуп размер оклада сильно возрастал в результате откупщиковых «наддач». К тому же сверх оклада с откупщиков взимались перекупные, четвертные и печатные пошлины, а также до половины прибора. Судя по приведенным А. А. Кизеветтером данным за середину XVIII в., откупщики лучше, чем ратуши и посады, осуществляли принятые на себя обязательства[69]. Обеспечение финансовых интересов казны, как показывает практика отдачи сборов, являлось главным мотивом при

[67] *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 212–213, 216–217.

[68] РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 613. Л. 224.

[69] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 228–235.

выборе той или иной системы эксплуатации казенных сборов. Таким образом, торжество во второй половине XVIII в. откупной системы, несмотря на признание правительством происходившего от откупов «народу разорительныя изневаги и притеснения»[70], свидетельствовало об очередной победе фискального принципа. Это тем более было закономерно, поскольку сам вопрос подготавливался и осуществлялся в финансовом ведомстве (Камер-коллегии).

Финансовые расчеты казны, связанные с откупной системой, совпадали со стремлением крупного купечества к наращиванию собственного капитала посредством ее эксплуатации. О том, что откупа являлись одним из главных источников обогащения посадской верхушки, свидетельствуют как наблюдения современников, так и имеющиеся исследования происхождения капиталов, вложенных в крупную промышленность[71]. Особенно доходным для купцов было участие в винокурении, винных подрядах и питейных откупах, обеспечивавших эксплуатацию государством винной регалии. Крупные купцы-винопромышленники, откупая питейные сборы в том или ином округе, получали сверх предпринимательской и торговую прибыль[72]. Именно доходы, получаемые купцами, подвинули дворянство в его стремлении к использованию в собственных интересах торговых монополий, подрядов и откупов. Хорошо известна реакция правительства на это стремление, проявившаяся, в частности, в установлении в 1755 г. дворянской монополии на винокурение и в передаче с середины столетия крупных откупов и монополий уже не купечеству, а дворянству.

Важные статьи российского экспорта — поташ, смольчуг, ревень — так же, как и соль, от монополии на торговлю которой на внутреннем рынке казна извлекала наибольшую прибыль, лишь временно поступали в вольную продажу: смольчуг с 1726 по 1740 г., ревень с 1727 по 1731 г. [73] Их закупка и заграничный отпуск, находившиеся в ведении Коммерц-коллегии, осуществлялись через подрядчиков и откупщиков, которым могли предоставляться монополии, приносившие огромные прибыли их владельцам, но наносившие существенный вред развитию торговли. Казна же, используя получаемое от заморской продажи казенных товаров серебро в качестве сырья для чеканки

[70] ПСЗ. Т. XV. № 12105.

[71] *Чулков М. Д.* Историческое описание Российской коммерции. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1781. С. 59; *Щербатов М. М.* Соч. Т. 1. СПб., 1896. С. 253; *Павленко Н. И.* О происхождении капиталов, вложенных в металлургию России XVIII в. // ИЗ. Т. 62. М., 1958. С. 193–194.

[72] *Волков М. Я.* Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII—первая половина XVIII в. Винокуренное производство. М., 1979. С. 82–85.

[73] ПСЗ. Т. V. № 5741. Т. X. № 8302.

монеты, имела дополнительную прибыль. По данным А. И. Юхта, в 20–30-е годы XVIII в. доходы, извлекаемые от передела ефимков за продажу казенных товаров, во много раз превосходили прибыль от передела покупного и подрядного серебра[74]. В это время проблема обеспечения монетных дворов сырьем, особенно серебром, остро стояла в России. Видимо, в этом заключалась одна из главных причин длительности сохранения основных статей российского экспорта в торговой монополии казны[75].

В казенной монополии находились и отдельные направления внешней торговли. В 1711 г. правительство решило отдать на откуп торговлю с Китаем, бывшую в монополии казны. Крупнейшие московские купцы А. Филатьев, М. Григорьев (Евреинов) и И. Исаев в ответ на это предложение подали доношение, в котором заявляли о невозможности организации компании для торговли с Китаем, потому что для этого нужно иметь капитал в 1, 5 млн. руб. В 1720-х годах купцы поднимали вопрос об открытии вольного китайского торга, утверждая, что от казенной монополии на торговлю с Китаем «збору пошлин умаляется, а народу, который преж сего тем торгом торговал, великой упадок и разорение»[76]. И. Фоккеродт, находившийся в России в начале 1720-х годов, ссылаясь на людей, знающих толк в торговых делах, и считая торговые операции с Китаем для России самыми главными из всех осуществлявшихся сухопутными путями, писал, что «китайская торговля при теперешнем образе ея отправления в сущности больше вредна, чем полезна для Русского государства»[77]. Комиссия о коммерции в 1727 г. также признавала, что от казенных караванов «большой прибыли не видно»[78]. Правительство неоднократно запрещало (в 1731, 1734, 1739 гг.) российским подданным торговать «мягкой рухлядью» в Пекине и местах, подвластных Китаю. Наконец, в 1739 г. китайский караванный торг был отменен и объявлено об организации компании «знатных купцов и прочих персон» для торговли с Китаем. Желающим вступить в нее следовало сообщать в Коммерц-коллегию о размере вносимого ими капитала[79]. А. И. Остерман в конце 1740 г. в

---

[74] *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого... С. 61.

[75] Ранее на заинтересованность правительства в получении иностранного серебра для чеканки монет как причину сохранения монополии на торговлю ревенем, поташом и другими товарами обратил внимание С. М. Троицкий (см.: *Троицкий С. М.* Финансовая политика... С. 177).

[76] *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 370; РГАДА. Ф. 1262. Оп. 6. Д. 6. Л. 10.

[77] *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом // ЧОИДР. 1874. Т. 2. С. 63–64.

[78] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 416.

[79] Сб. РИО. Т. 79. С. 268–269.

записке «О состоянии и потребностях России» признавал, что «учреждение китайской компании могло бы быть наилучшим средством» увеличения доходов от торговли с Китаем. В случае возникновения к тому непреодолимых препятствий Остерман предлагал рассмотреть возможность введения свободной торговли с Китаем[80].

В дальнейшем вопрос о формах торговли с Китаем рассматривался в Комиссии о пошлинах и Комиссии о коммерции начала 1760-х годов. Главным препятствием на пути организации купеческой компании признавался Кяхтинский договор 1728 г., по которому отправление торгового каравана в Китай разрешалось раз в 3 года. Это определяло медленный оборот капитала, что не могло не отпугивать купцов от участия в компании[81].

Среди внешнеторговых партнеров России особое место занимала Англия. Оно определялось не только размером, но и характером баланса русско-английских торговых оборотов. Данные за 1701—1735 гг. свидетельствуют о пассивном балансе Англии в торговле с Россией. Он обусловливался большой заинтересованностью Англии в вывозимых из России материалах для кораблестроения. В 30—40-е годы XVIII в. Англия закупала в России около $^2/_3$ всей пеньки и $^1/_2$ льна. Большую роль играл также вывоз смолы, смольчуга, дегтя, досок, мачт[82]. Эти товары, которые, по словам российских купцов, «голланцы и прусские мало преже покупали и ныне не покупают», Англия приобретала, поставляя солдатское сукно, нужду в котором по-прежнему испытывала казна. Вот почему отечественные купцы, заинтересованные в наращивании экспортных поставок, дружно выступили против заключения в 1726 г. договора о подряде прусских сукон, хотя последние качеством были признаны лучше английских «и в цене сходнее»[83].

Несмотря на пассивный баланс торговли Англии с Россией, английская сторона была заинтересована в увеличении вывоза российских продуктов не меньше, если не больше, чем русская. В силу того, что Англия вела активную торговлю на собственных судах, она выигрывала, получая громадную прибыль от комиссии, фрахта, денежного курса и т. д. Один фрахтовый доход Англии был вдвое больше активного торгового баланса России[84]. Не случайно английские дипломаты и купцы всячески внушали русскому правительству, что для России

[80] Мнение графа А. И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году // Памятники новой русской истории. Т. 3. СПб., 1873. С. 275.
[81] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 126—127.
[82] *Лебедев В. В.* Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Уч. зап. Моск. гос. ун-та. Вып. 167. 1954. С. 125.
[83] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 7—8 об., 86—92.
[84] *Лебедев В. В.* Указ. соч. С. 125.

более выгодна торговля с Англией, чем с другими странами. При этом, ссылаясь на активный баланс России в торговле с Англией, английские купцы стремились получить взамен разные привилегии, утверждая, что без них торговля с Россией, якобы, будет не выгодна Англии. И это им порой удавалось.

Переориентация морской внешней торговли России с Архангельска на Петербург с использованием запретительных мер по отношению к старинному северному порту с его давними связями с Голландией способствовала упрочению господствующего положения Англии в посредническом торге России с другими странами[85].

Сохранение некоторых из привилегий, существовавших при условии торговли в Петербургском порту, когда в целом ограничения относительно Архангельска были уже отменены в силу явно выразившегося приоритета нового порта, думается, являлось одним из условий, благоприятствовавших английским интересам. Например, неоднократные просьбы голландских купцов, торговавшых в Архангельске, о разрешении заключать контракты с русскими купцами о поставке товаров к северному порту, поддержанные в 1741 г. Коммерц-коллегией, долгое время оставались без ответа. Исключительное право столичного порта на заключение контрактов между русскими и иностранными купцами на поставку экспортных товаров было отменено только в 1764 г.

Наиболее концентрированое выражение и притом не косвенное, а прямое, привилегии английских купцов получили в русско-английском договоре 1734 г., в составлении и подписании которого с русской стороны приняли участие А. И. Остерман, А. М. Черкасский, П. П. Шафиров. В исторической литературе этот договор, имевший своей целью укрепление внешнеполитических позиций России в условиях назревавшей русско-турецкой войны, с экономической точки зрения оценивается как невыгодный для русского купечества[86]. Зафиксированный в договоре принцип наибольшего благоприятствования, предоставленное английским купцам право платить пошлины и расплачиваться за товары не ефимками, а русскими монетами, снижение на $^1/_3$ по сравнению с тарифом 1731 г. таможенных пошлин на

---

[85] Точнее, речь шла о возвращении английскими купцами своего ведущего положения на русском рынке, уступленного ими голландскому и немецкому купечеству в середине XVII в. (см.: *Любименко И. Н.* Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией // Русское прошлое. Исторический сборник. Пг., 1923. Вып. 5; *Демкин А. В.* О периодизации торговли западноевропейского купечества в России XVII века // ИССР. 1989. № 5.

[86] *Лебедев В. В.* Указ. соч. С. 129–130; *Юхт А. И.* Торговые связи России со странами Востока в 20–40-х годах XVIII в. // Историческая география России XVIII в. Ч. I. Города, промышленность, торговля. М., 1981. С. 115.

английские сукна и, наконец, право английских купцов на транзитную торговлю через Россию с Ираном и Закавказьем означали дальнейшее закрепление главенствующего положения Англии на русском рынке, вытеснение с него купцов других государств, что в итоге привело к сокращению как внешней, так и внутренней торговли русских купцов, падению активного торгового баланса[87].

Известно, что Англия с начала XVIII в. безуспешно добивалась заключения торгового договора с Россией. Безрезультатность усилий английских дипломатов, несмотря на готовность Петра I ради политических интересов идти на некоторые временные торговые уступки, объяснялась откровенно неравноправным принципом развития русско-английской торговли, свойственным английской стороне в то время. Такой подход, ущемлявший интересы российской внешней торговли и отечественных купцов, для русской стороны был не преемлем. Переориентация российской морской торговли с Архангельска на Петербург, сопровождавшаяся, как уже отмечалось, дальнейшим усилением позиции Англии среди внешнеторговых партнеров России, не могущих конкурировать с Англией в морских перевозках товаров, заинтересованность русского правительства в активном торговом балансе, объективно выдвигавшая Англию с ее пассивным балансом в качестве наиболее желательного партнера, создавали благоприятные условия для получения английскими купцами желаемых привилегий.

Для позиции государственной власти по вопросу внешнеторговой политики характерно мнение Коммерц-коллегии, высказанное в феврале 1724 г. в ответ на мемориал прусского посланника Мардефельта о поставке армейских сукон. Коммерц-коллегия сочла невыгодным для казны осуществлять прием сукна в Штеттине и перевозить его на российских судах, как предлагал Мардефельт, по причине дополнительных денежных затрат на содержание нарочного, работников, наем амбаров и судов, а также вынужденной потери пошлин, не собираемых с товаров, привезенных на отечественных судах[88]. Так рассуждало учреждение, призванное радеть о развитии отечественной торговли, стремиться к вытеснению иностранных купцов из посреднической торговли и распространению влияния российского купечества на европейскую коммерцию. Коммерц-коллегия в силу свойственной ей заботы о фискальных интересах казны сокрушалась, что пошлин с российских судов взято не будет. Кстати, такая позиция противоречила провозглашенному в 17 пункте Адмиралтейского регламента принци-

[87] *Лебедев В. В.* Указ. соч. С. 126–130.
[88] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 21–21 об., 23 об.

пу, согласно которому иностранные товары по возможности следовало «выписывать ис чужих государств через своих купцов».

Думается, что стремление к сиюминутной фискальной выгоде, представляемой как достижение важнейшего условия процветания страны, являлось одной из причин, побуждавшей правительство изыскивать средства, направленные на увеличение притока иностранного капитала даже в ущерб интересам освобождения отечественной внешней торговли от иностранного влияния. В этих условиях проанглийская ориентация русской внешнеторговой политики была вполне закономерна.

Восточная политика России также оказалась в поле зрения Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции. Одно из ее направлений касалось взаимоотношений со странами Средней Азии. С развитием торговых отношений с Хивинским и Бухарским ханствами русское правительство связывало возможность накопления и увеличения денег в стране. Интерес к ним усиливался распространенными в России слухами о сказочных богатствах Средней Азии, особенно месторождений золота. Еще Петр I надеялся, укрепившись на восточном побережье Каспийского моря, освоить через Хиву и Бухару кратчайший путь в Индию. Протяженность, сложность и опасность пути в Хиву и Бухару делали путешествия туда российских купцов эпизодичными. После неудач, постигших организованные в 1715 и 1717 гг. экспедиции в Среднюю Азию, отношения с Хивой и Бухарой были фактически прерваны[89]. В 1726 г. с предложением о восстановлении караванной торговли купцов в Хиву и Бухару в Коммерц-коллегию обратился купец Астраханского Бухарского караван-сарая татарин Ядигер Мехмед Мулла Алимов сын Самаркандлу. Коммерц-коллегия одобрила эту идею, а указ Верховного тайного совета от 28 марта 1727 г. возложил практическое решение задач по организации каравана на челобитчика, определенного караван-башой. В дальнейшем правительственный контроль за его деятельностью осуществлялся через Комиссию о коммерции. В сентябре того же года Комиссия о коммерции в ответ на доношение, поступившее от караван-баши, разработала условия и порядок осмотра и сбора пошлин с товаров, отправляемых с караваном. В виде особых пунктов они были утверждены Верховным тайным советом[90].

Однако отправка каравана откладывалась, и в 1731 г. правительство вновь подняло вопрос о том, как следует осуществлять торг в Хиву и Бухару — купеческими компаниями или «из казны». Его решение было возложено на князя А. М. Черкасского — второго после Остермана

[89] *Попов А.* Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре I. СПб., 1853.
[90] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3043. Л. 13–13 об.; Сб. РИО. Т. 79. С. 312–314.

лица в Комиссии о коммерции. Вскоре к нему был прикомандирован хорошо известный правительству купец по происхождению Лев Семенников, в дальнейшем служивший в Коммерц-коллегии и получивший права дворянства[91]. Тем не менее сложность пути в среднеазиатские государства от Астрахани через бурное Каспийское море и далее по огромным пространствам, населенным воинствующими кочевниками, затрудняла реализацию планов правительства.

Поиск новых путей в среднеазиатские государства был одной из задач организованной в 1734 г. Оренбургской экспедиции, которую возглавил И. К. Кирилов. Представленный им в 1736 г. обширный план конкретных мероприятий в отношении Средней Азии и, в частности, посылки караванов в Ташкент, Бухару и Хиву, лишь частично был реализован В. Н. Татищевым, после смерти И. К. Кирилова возглавившего Оренбургскую экспедицию. Посланный им в 1738 г. в Бухару через Ташкент караван постигла неудача: все товары, путевые дневники и журналы погибли[92]. К 1742 г. благодаря достоверным сведениям об обстановке в Ташкенте и Туркестане, представленным побывавшим там с караваном татарским купцом М. Арслановым, новый руководитель Оренбургской комиссии И. Неплюев осознал тщетность надежд на сказочные прибыли от торговли со странами Средней Азии. И по его представлению Сенат поездки туда запретил[93].

По завершении русско-турецкой войны 1735—1739 гг. усилилось внимание правительства к обеспечению российских торговых интересов на Черном море. По условиям мирного договора России возвращался Азов, но она не имела права строить там крепость и содержать флот. В феврале 1741 г. Коммерц-коллегия по собственной инициативе (что является довольно редким фактом в практике ее деятельности) составила проект учреждения российского порта в устье рек Дона или Днепра, там, где был Азов или Таганрог[94].

Коллегия полагала, что строительство порта и развитие торговли через Черное и далее Средиземное моря приведет к приумножению «всевысочайшего интереса», заключающегося в привлечении в государство «великия сумм чужестранных денег». Из этого следует, что

[91] *Бондаренко В. Н.* Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913. С. 133; СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 5—16.
[92] *Греков В. И.* Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960. С. 216—218.
[93] *Голикова Н. Б.* Ташкент и его округа в 40-е годы XVIII в. по свидетельству очевидца // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1990. № 6.
[94] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3050. Л. 47 об.—54.

идеи меркантилизма по-прежнему определяли внешнеторговые ориентиры Коммерц-коллегии. Заинтересованность Турции в развитии морской торговли с Россией коллегия объясняла возможностью для нее приобретения товаров из первых рук по низким ценам. Другие европейские страны — Голландия, Англия, — по мнению коллегии, от той торговли тоже будут иметь выгоду в связи с сокращением пути и его безопасностью.

Намечая ассортимент товаров, предназначенных к продаже в странах Черного и Средиземного морей и привозу оттуда в новый порт, Коммерц-коллегия наглядно демонстрировала значительное превышение отпуска над привозом товаров, а следовательно, возможность продажи отечественных товаров в основном на наличные деньги. Коллегия также предлагала меры, направленные на развитие в тех местах торга. Среди них: организация коммерц-конторы и таможни, строительство товарных дворов и важни, переведение на постоянное жительство мещан, мастеровых и работных людей, наличие которых было необходимо для развития любого города и обустройства купечества; освобождение обывателей на 5—10 лет от всяких гражданских тягот; предоставление всем иноземцам свободного «исправления» веры; наличие довольного числа речных судов; в случае необходимости военное конвоирование торговых караванов; заключение торговых договоров с королем обеих Сицилий, Венецианской и другими итальянскими республиками; использование в качестве торговых посредников греков и их кораблей. В случае благоприятной реакции на предварительный зондаж российским министром в Константинополе турецкой стороны и европейских министров предлагалось определить там российского консула и открыть в планируемом порте иностранные торговые конторы. Этот проект по указанию Кабинета министров был отослан для рассмотрения в Сенат. Дальнейшая его судьба нам не известна. Тем не менее сам факт появления подобного проекта свидетельствует о возникновении уже в начале 1740-х годов в правительственных кругах устойчивого интереса к развитию черноморской, а в перспективе и средиземноморской торговли. Правда, реальное воплощение этого интереса было достигнуто лишь несколько десятилетий спустя, к концу XVIII в.

В последующие годы Коммерц-коллегия не раз запрашивала Коллегию иностранных дел о коммерции Турецкой империи, интересовалась описанием главных ее портов и производимой через них торговлей с иностранными государствами, а также количеством кораблей и составом купцов, отправлявшихся морем из Константинополя в

Черкасск[95]. Вплоть до 1750-х годов, когда в низовьях Дона в устье реки Темерник была открыта портовая таможня, ставшая главным местом деятельности Темерниковской купеческой компании, Черкасск оставался центром российской черноморской торговли[96].

Любопытно, что в то время, когда Коммерц-коллегия еще только ставила вопрос о желательности торговли на Черном море с Турцией, отдельные купцы на свой страх и риск окольными дорогами пробирались с товарами в Константинополь. Так, в 1740-х годах крупный московский купец-предприниматель Гаврила Журавлев организовал три торговые «посылки» в Константинополь, несмотря на большие трудности в пути и на месте[97].

Помимо подготовки законодательных решений практических вопросов торговой политики и организационного обеспечения ее конкретных мероприятий, учреждения коммерции принимали участие в разработке некоторых правовых основ торговой деятельности и функционирования торгового капитала.

В рассматриваемый период деятельности Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции был разработан и утвержден Вексельный устав. Он заложил основы вексельного права, определявшего условия казенного и частного кредита, облегчающего обращение денег на внутреннем и внешнем рынках. Векселя, как форма взаимных расчетов и перевода денег из казны и у частных лиц, были известны в России и до принятия устава в 1729 г. Однако отсутствие законодательно установленных норм их написания, пересылки и опротестования, а также образцов превращало векселя в разновидность обычных заемных писем, ограничивало их роль в организации денежных обращений. До Вексельного устава обращение векселей регулировалось отдельными указами[98]. Необходимость разработки вексельного права, признающего векселя «наипаче» всех других заемных писем, обращение их наряду с деньгами, как считало правительство, должно было обеспечить казенный и частный интерес. Во-первых, ликвидировалась опасность, всегда сопровождавшая перевозку больших масс денег, к тому же освобождались расходы, идущие на их транспортировку. Во-вторых, обеспечивался «прибыток» лиц, торгующих векселями. В-третьих, сокращалась утечка из государ-

---

[95] РГАДА. Ф. 397. Оп. 3. Д. 194. Л. 208–240, 241–252, 255–256. За 3 месяца 1746 г. в Черкасск прибыло 12 турецких и греческих судов из Константинополя. На 5 из них товары везли российские купцы.

[96] *Юхт А. И.* Торговые компании в России в середине XVIII в. // ИЗ. Т. 111. М., 1984. С. 252. 248–249.

[97] *Заозерская Е. И.* Торговля и купечество // Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 174.

[98] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 490. Л. 2.

ства золотой и серебряной монеты, поскольку необходимые для обеспечения государственных и торговых интересов деньги за границей можно было получить через векселя[99]. В целом же обращение к разработке вексельного права было вызвано потребностями и успехами развития внешней и внутренней торговли России.

Написание проекта Вексельного устава согласно указу Петра I было поручено в 1722 г. советнику Коммерц-коллегии Якову Гювиту. Через год проект поступил для рассмотрения в Сенат. Уже после смерти Петра I в доношении в Верховный тайный совет Я. Гювит вновь обращал внимание на полезность для общества и государства разработки вексельного права[100]. Практическая работа над проектом Вексельного устава возобновилась с созданием Комиссии о коммерции. Первоначальный текст Гювита был существенно переработан и новый проект устава направлен в Коммерц-коллегию и московскую ратушу для согласования с ними и объявления купечеству. Ознакомившиеся в апреле 1728 г. с уставом московские купцы («гостиный внук» Иван Исаев, гостиной сотни Андрей, Данила, Аврам Евреиновы и Федор Старцов) остались им довольны и никаких замечаний не высказали. Правда, спустя месяц московской ратуши бургомистр «с товарищи» (И. Семенников, Г. Турченинов, Михайлов, С. Вяземский, А. Аристов) прислали в Коммерц-контору доношение о «сомнениях», которые появились у них по поводу некоторых статей устава. В частности, они возражали против слишком малого 8-дневного срока конфискации и продажи товаров для удовлетворения просителя по опротестованному векселю, так как прежде требовалось товары оценить и записать «речь для спору». Купцы также предложили не только никаких пошлин, но и «акциденции» по вексельным процессам не брать «для пользы купечества»[101].

Сложнее оказалось узнать мнение иностранных купцов о проекте устава. Находившиеся в Москве иноземцы (Аврам Фонленбурх и Ананья Пель) сослались на невозможность представления «ремарков» без согласования их с теми, кто был в Петербурге и Архангельске. Затем они заявили, что «ремарков своих никаких к подаче не имеют и до Коммерц-конторы дела им нет». В июне 1728 г. Комиссия о коммерции обязала Коммерц-коллегию, призвав в Петербург торговых иноземцев Мариота и Боршта, взять у них замечания на проект устава и вместе с собственными ремарками, «ежели что потребно к поправлению», прислать в комиссию[102]. Результатом совместных усилий

[99] ПСЗ. Т. VIII. № 5410.
[100] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–1 об.
[101] Там же. Ф. 397. Оп. 3. Д. 191. Л. 84.
[102] Там же. Л. 83, 85, 87.

Коммерц-коллегии и купцов явились поправки к 18 статьям из 39 проекта устава. Большинство их носило редакционный характер, дабы из-за «неясного изображения... не происходило в судебных местах излишние и вымышленные споры»[103].

Окончательное принятие или отклонение предложенных Коммерц-коллегией и купцами поправок оставалось на усмотрении Комиссии о коммерции. Наконец, 15 мая 1729 г. Верховный тайный совет утвердил представленный ею проект Вексельного устава[104].

Итак, работа по подготовке этого, по словам современных историков права, крупнейшего цивилистического памятника началась еще в 1722 г. в Коммерц-коллегии и была продолжена в Комиссии о коммерции. Наряду с чиновниками этих ведущих учреждений в области коммерции в ней принимали участие российские и иностранные купцы. Рассмотрение истории разработки Вексельного устава 1729 г. окончательно убеждает в несостоятельности версии иностранного происхождения этого нормативного акта[105]. Согласно этой версии, автором Вексельного устава был какой-то профессор Лейпцигского университета, а представленный им проект был утвержден почти без изменений. Сторонники второй версии приписывают составление проекта устава А. И. Остерману. Т. Е. Новицкая, подготовившая публикацию Устава в «Российском законодательстве X—XX веков», также считает А. И. Остермана наиболее подходящей фигурой в качестве его автора. При этом важным аргументом признается тот якобы установленный факт, что Устав разрабатывался в Коммерц-коллегии, которую возглавлял Остерман. Это утверждение можно было бы принять с той однако поправкой, что первый в России Вексельный устав был подготовлен в Комиссии о коммерции, руководителем которой действительно являлся А. И. Остерман. Более того, с 1726 по 1732 г. в отсутствии официально утвержденного президента Коммерц-коллегии он же состоял ее главным начальником. В итоге, сосредоточив в своих руках все управление российской коммерцией, Остерман должен был принимать самое деятельное участие в разработке нормативного акта, касающегося интересов торговли и купечества. Однако у нас нет доказательств, позволяющих приписывать составление проекта устава непосредственно А. И. Остерману. Историография конца XIX—начала XX вв. связывала с главой Комиссии о коммерции разрабатываемые

---

103 РГАДА. Ф. 397. Оп. 3. Д. 191. Л. 116, 120—140 об.

104 Сб. РИО. Т. 94. С. 666—668; ПСЗ. Т. VIII. № 5410.

105 Ранее критики этой версии обращали внимание на ошибочность восприятия русского текста Устава как перевода с немецкого. См.: Российское законодательство X—XX вв. Т. 5. М., 1987. С. 421—422.

ею меры[106]. Но в отличие от самого первого проекта Вексельного устава, написанного советником Коммерц-коллегии Я. Гювитом, окончательный его проект, как было показано выше, явился плодом коллективных усилий.

Одновременно с разработкой Вексельного устава Комиссия о коммерции выясняла причины понижения вексельного курса, «отчего коммерции повреждение и казне убыток приключается». С этой целью она запросила ведомости из Камер-, Адмиралтейств-, Коммерц- и Берг-коллегий о казенных товарах, их цене и условиях продажи в России и отпуске в иностранные государства, а также сведения о всех товарах, привозимых и вывозимых из России[107]. Главной причиной падения вексельного курса комиссия назвала следующее: мизерность самостоятельной заморской торговли отечественных купцов, отсюда отсутствие собственного капитала за границей при постоянной в нем потребности (главным образом, со стороны казны). Иноземцы, ссужая за морем деньги под векселя, при расчете с казной понижали курс векселя. Поэтому лучшим средством для улучшения состояния вексельного курса комиссия признавала увеличение самостоятельной торговли российских купцов с другими странами и заведение там купеческих контор, через которые можно было бы переводить и деньги на государственные расходы. Отмечая эту давнюю стратегическую задачу российской внешней торговли и признавая невозможность ее решения в ближайшее время, Комиссия о коммерции планировала за счет прибыли от продажи казенных товаров завести за морем капитал для выплаты по векселям, а с 1729 г. в составе иностранных комиссионеров учредить особую комиссию или контору для казенной торговли за границей и использования выручаемых средств для государственных расходов, а также высылки без подрядов иностранного серебра для монетного дела. 28 мая 1728 г. Верховный тайный совет утвердил эти предложения Комиссии о коммерции[108].

Н. Н. Фирсов, не нашедший ни в печатных, ни в рукописных источниках следов осуществления проекта создания заморского капитала и торговой комиссии, пришел к заключению, что предложение образовать новую и общую для всех казенных товаров инстанцию «очень не понравилось учреждениям, ведавшим казенную торговлю». Они не

[106] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19. М., 1963. С. 146, 235; *Полиевктов М. А.* Остерман, граф Андрей Иванович // Русский биографический словарь. Обезьянинов–Очкин. СПб., 1905. С. 408–409; *Строев В.* Бироновщина и Кабинет министров. Часть I (1730–1735). Очерк внутренней политики императрицы Анны. Историческое исследование. М., 1909. С. 18–19.

[107] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–14, 20, 84.

[108] Сб. РИО. Т. 79. С. 398–400; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 146.

были заинтересованы в появлении контролирующих казенный отпуск посредников, вдобавок, как планировалось, иностранцев[109].

Особое внимание со стороны верховной власти к организации казенной торговли проявилось также в учреждении в 1717 г. при Петербургском порте должности гофмаклера «для охранения особливого интереса Российской империи, которой состоит в покупке и продаже... казенных товаров». Им стал англичанин Самойла Мюкс, на содержание которого с купцов, покупавших те товары, взималась плата по деньге с рубля[110]. Регламент Главного магистрата 1721 г., подчеркнув, что в европейских государствах в торговых делах никакие договоры без маклеров не утверждаются, а журнал или вседневная записка маклеров такую силу имеет, как протокол в суде, возложил на магистраты в приморских и во всех городах, где имелись знатные торги, определение маклеров из купечества. Но и в 1727 г. лишь при Петербургском порте имелись «без определения», помимо гофмаклера, 2 русских и 7 иноземных маклеров[111]. Все российские маклеры были оскудевшими «от несчастливых в купечестве случаев» жителями Петербурга.

В 1729 г. С. Мюкс представил в Комиссию о коммерции написанный им маклерский Устав, который вместе с переводом шведского маклерского Регламента 1720 г. затем был отослан в Коммерц-коллегию. Ей следовало рассмотреть и предложить с учетом российских условий собственные поправки[112]. Коммерц-коллегия сочла необходимым привлечение к оценке проекта маклерского Устава российских и иностранных купцов, резонно заметив, что «без их ведома каких диспозицей или учреждений... касающихся до существа коммерции и купцов, учинить оным было бы не без великой обиды и доброму порядку не без опровержения». Иного мнения придерживался гофмаклер, полагавший, что Коммерц-коллегии не следовало показывать его проект купцам, поскольку его смысл заключен «во остережении интереса е.и.в. и отвращения утраты пошлин». Таким образом, Мюкс, по-прежнему ставя превыше всего казенный интерес, рассматривал характер маклерской службы через собственную должность гофмаклера. По мнению же купцов, представивших в Коммерц-коллегию ремарки, должность главного маклера могли бы исполнять, меняясь погодно, рядовые маклеры. В итоге купцы не только опровергли почти весь проект Мюкса (полностью ими приня-

---

[109] *Фирсов Н. Н.* Русские торгово-промышленныя компании в первую половину XVIII столетия. Казань, 1896. С. 42—45.

[110] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 190. Л. 203 об., 232.

[111] В Голландии в это время состояло около 200 присяжных маклеров и более тысячи без определения от магистратов (Там же. Л. 216—217 об.).

[112] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 190. Л. 205—213.

то лишь 7 из 27 пунктов), но и вовсе отрешили постоянную гофмаклерскую должность, как специально ориентированную на казенные товары. Согласно предложению купцов при Петербургском порте определялось 12 маклеров, которые по выбору из купечества представлялись ратушей и утверждались Коммерц-коллегией из числа лиц грамотных, «кои от какого несчастья разорены и в убожество пришли». В их обязанности входило страхование судов и товаров, оформление векселей, торговых и денежных сделок, обмен денег и товаров, составление и печатание прейскурантов с указанием биржевых цен. Последнее вызвало возражение купцов, считавших, что в силу частых колебаний цен, особенно на иностранные товары, и преобладания мены товара на товар издание прейскурантов ничего, «кроме конфузии и от корреспондентов напрасного нарекания» не даст. Коммерц-коллегия отклонила это замечание купцов, настаивая на том, чтобы «по примеру других государств прейскурантам быть, понеже де хотя и не в точном совершенном показании, однако оные сочинять возможно»[113]. Однако правы оказались купцы, лучше понявшие абсурдность прямого воспроизведения организационных форм западноевропейской коммерции без учета условий и характера российской торговли. Только в начале 60-х годов XVIII в. именно в связи с изживанием причин, на которые указывали купцы в конце 20-х годов, стало не только возможным, но и полезным издание в Петербурге прейскурантов на российские и иностранные товары, куда маклеры вносили цены на них[114].

В остальном Коммерц-коллегия полностью поддержала купцов, не внеся в их ремарки никаких поправок и дополнений. Несомненной при работе над проектом Устава была и ориентация на шведский регламент, ибо, как признавала Коммерц-коллегия, «маклерская должность во всех торгующих местах едва ли не в одной силе состоит». Проект же Мюкса она отвергла, найдя в нем «изобилие в речах, ничего не содержащих, многова обещания, а действом или хотя ясным толкованием никакого показательства»[115]. В августе 1730 г. все материалы, связанные с обсуждением проекта маклерского устава, Коммерц-коллегия отослала в Комиссию о коммерции.

Судя по последующему законодательству, соображения купцов и Коммерц-коллегии относительно должности гофмаклера не были приняты во внимание. Согласно сенатскому указу 1731 г. все покупки и продажи казенных товаров и подряды в казну, как и перевод денег

[113] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 190. Л. 215, 248–251 об., 232–233, 218–227.
[114] *Козлова Н. В.* Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // ИЗ. Т. 117. М., 1989. С. 380.
[115] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 190. Л. 217 об.–218.

через вексель из коллегий и канцелярий по-прежнему следовало осуществлять через оставшегося гофмаклером С. Мюкса и определенного ему в помощники маклера Ивана Эдварца, главная забота которых заключалась в приумножении «казне е.и.в. прибыли»[116]. В 1759 г. с учетом возросшего объема торговых сделок при Петербургском порте, а особенно ради обеспечения интересов казенной торговли Сенат назначил вторым и третьим гофмаклерами торопецкого купца Михаила Туманова и ревельского уроженца купца Ягана Миддендорфа[117]. Определение маклеров для оформления партикулярных торгов, договоров и векселей осуществлялось через Коммерц-коллегию, причем Сенат неоднократно напоминал об отрешении неприсяжных маклеров[118]. В 1762 г. практика маклерской службы в Петербурге по представлению Коммерц-коллегии и согласованию с Главным магистратом была распространена на все губернские, провинциальные и крупные торговые города. Не увенчалась успехом попытка Коммерц-коллегии добиться от Сената освобождения купцов, определяемых в маклеры, от других гражданских служб[119].

Итак, маклерство, первоначально предназначенное для обеспечения и обслуживания исключительно торговых операций казны, затем внедрилось и в сферу свободной торговли. Российские купцы, торговые отношения которых с иностранными партнерами строились нередко на договорной основе, были заинтересованы в развитии маклерской службы. Особенно это касалось купцов, торговавших при Петербургском порте. Ходатайствуя в 1759 г. об определении второго гофмаклера, купцы разных городов в челобитной в Сенат подчеркивали его необходимость ради защиты интересов купцов и коммерции[120]. О заинтересованности и казны, и купечества в обеспечении их торговой деятельности маклерской службой свидетельствует постоянное внимание правительства к этому вопросу. О нем говорят многочисленные указы Сената, регулировавшие порядок и характер работы маклеров, изданные как в XVIII, так и в XIX в.[121]

Стремление к расширению внешнеторговых связей, завоеванию доверия у иностранных партнеров заставили правительство обратить внимание на качество российских экспортных и ввозимых иноземных товаров. Как и во многих других случаях вопрос о добросовестности торго-

[116] ПСЗ. Т. VIII. № 5682.
[117] Там же. Т. XV. № 11008, 11011.
[118] Там же. Т. VIII. № 5420; Т. XIII. № 9660; Т. XV. № 11034.
[119] Там же. Т. XV. № 11504.
[120] Там же. № 11008.
[121] ПСЗ. Т. XV. № 11544; Т. XX. № 14378; Т. XXI. № 15176, п. 168—179. № 15379, п. 179; Т. XXVI. № 19568, 19692; Ч. II, прим. на п. 12 и т. д.

вых партнеров и мерах по обеспечению качества товара был поставлен самими купцами. В 1727 г. российские купцы, торговавшие при Петербургском порте, обвинили иноземцев в разнообразных хитростях и обманах, в том числе в сбивании цены «шельмованием» товара российских купцов и в поставке некачественного товара («в брусковую краску ценою пуд рублей по 40 примешивают тяжелую по 1 рублю пуд; также в ладане бывают каменья и песку до половины»). Для пресечения подобных обманов и «вымыслов» отечественные купцы предлагали учредить «генеральный брак» на экспортные и импортные товары и «к тому выбрать как российских, так и иностранных достойных и присяжных браковщиков, чтоб Россия имела кредит и верность на всякие товары»[122]. В том же 1727 г. при Петербургской таможне была введена браковка как отечественных, так и иноземных товаров. Число российских и иностранных браковщиков определялось тем местом, которое занимал товар в экспорте или импорте России. Одновременно Комиссия о коммерции предлагала усилить контроль Коммерц-коллегии за соблюдением иностранными купцами условий торговых договоров и предоставить таможне право налагать штраф в случае его нарушения[123].

Важнейшими статьями русской отпускной торговли были пенька и лен. Поэтому большую тревогу Коммерц-коллегии вызвала поступившая к ней в 1748 г. жалоба английских купцов на плохую браковку этих товаров. Низкое качество пеньки привело к сокращанию ее покупки почти в три раза и падению цены. Челобитчики требовали не только реорганизации браковки пеньки и льна, но и немедленной компенсации убытков от «фальшивого брака». Петербургская портовая таможня также доносила о том, что «в иностранных государствах на пенку, яко на главнейший российский товар происходит охулка, отчего купцы приемлют себе убытки, в чем опасность состоит, дабы не мог от того повредитца кредит государственной и в зборе е.и.в. пошлин уменьшения»[124].

Такой оборот дела требовал принятия быстрых и решительных мер. Российские купцы, привозившие пеньку в Петербург для заморского отпуска, в коллективных челобитных, числом более 100 человек, жалуясь на поборы и вымогательства, чинимые браковщиками М. Зетиловым и А. Велениным, единодушно просили о замене их калужским купцом П. Золотаревым и петербуржцем А. Обросимовым. Мнение об отрешении прежних браковщиков от должности высказали президент и вице-президент Коммерц-коллегии Б. Юсупов и Я. Евре-

[122] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 6–6 об., 17 об. –18 об.
[123] Там же.
[124] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 240. Ч. 1. Л. 346–348, 349–353.

инов. Их поддержал прокурор коллегии Н. Самарин. Однако асессор А. Красовский, советник И. Раушерт и статский советник С. Долгоруков доказывали, что прежних браковщиков без следствия и «без всякого изобличения, но по одним только купеческим жалобам отрешать и на их место новых необученных и не свидетельствованных определять не надлежит». Помимо нарушения формы суда, установленной для дел, возбуждаемых по письменным жалобам, по их мнению, это в условиях приближающейся ярмарки принесет коммерции «явное помешательство»[125]. Между тем портовая таможня до вынесения окончательного решения отстранила Зетилова и Веленина от браковки товаров. Это вызвало новый поток мнений членов Коммерц-коллегии. Еще одну челобитную подали и российские купцы (29 человек). В ней они подтверждали свои сомнения относительно двух отстраненных от дел браковщиков и, высказывая опасение в том, что оставшиеся иностранные браковщики не справятся с возросшим объемом работы, просили определить к браковке пеньки и льна тех, кого они представляли раньше[126]. В новой челобитной, поданной на этот раз не только в Коммерц-коллегию, но и канцлеру Г. А. Бестужеву-Рюмину, 34 «знатных» купца писали, что предвидят различные для себя обиды, ежели браковщики, отставленные по их жалобам, вновь вернуться к делам. Принимая во внимание важность вопроса, канцлер обратился с личным письмом к обер-прокурору Сената А. Г. Разумовскому за поддержкой в положительном, для интересов купцов, решении вопроса. Наконец, 16 июля 1748 г. появился указ императрицы Сенату, в котором главная вина за остановку браковки пеньки, нарушившую процесс ее отправки за границу, была возложена на происходившие в Коммерц-коллегии «непорядки» и «недельные споры» нижних чинов. Указ предписывал отрешить браковщиков Зетилова и Веленина и тот час определить на их место других. Обоснованием такого решения признавались челобитья на них «многова числа купцов», за которыми без всяких иных доказательств «быть им у того дела весма не подлежит». Асессор А. Красовский, как один из виновников затянувшихся споров, освобождался от службы в Коммерц-коллегии[127].

Рассмотрение вопроса о браковке пеньки и льна на самом высоком уровне говорит само за себя. В дальнейшем он по-прежнему привлекал внимание не только внешнеторговых ведомств, но и высших учреждений страны. В январе 1761 г. Конференция при высочайшем дворе объявила Сенату о крайней нужде в восстановлении кредита пеньки,

[125] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 240. Ч. 1. Л. 339—343 об., 344—345 об.
[126] Там же. Л. 418—420 об.
[127] Там же. Л. 451—453 об., 458 об.

как «лутчей части» петербургской коммерции. Главной причиной подрыва доверия у иностранных купцов к основной статье российской отпускной торговли вновь признавалась недобросовестность браковщиков. Это побудило Коммерц-коллегию к проверке их состава, условий определения в должности[128].

Комиссия о коммерции в течение февраля—марта 1761 г. на пяти заседаниях, заслушав выписки из указов, справок, представленных английскими купцами, разных «прожектов» и доношения обер-директора Петербургской портовой таможни Савы Яковлева, предложила серию мер, направленных на лучшую организацию браковки пеньки и льна[129].

Пожар, бушевавший в июле 1727 г. в Петербургском порту, уничтожил все амбары и другие складские помещения для хранения предназначенных в заморский отпуск товаров. Строительство портовых торговых и складских сооружений, пристаней и гаваней, как уже отмечалось, находилось в ведении Коммерц-коллегии, как учреждения, организующего работу портовых таможен и процесс внешней торговли в целом. Однако на этот раз речь шла не просто о постройке вместо сгоревших новых амбаров, а о решении вопроса о сохранении в Петербурге или перенесении в Кронштадт главного заморского торга. Видимо, по причине важности вопроса он рассматривался в Комиссии о коммерции, куда «для совета» были призваны как российские, так и иностранные купцы. Первые единодушно высказались за продолжение торговли портовыми товарами в Петербурге. Главные их доводы состояли, во-первых, в сохранении лихтерного промысла по перевозке товаров до Кронштадта и оттуда в Петербург; во-вторых, в наличии дополнительных издержек по провозу и страховке товаров в случае их закупки и продажи самими русскими купцами в Кронштадте; в-третьих, в убытках, которые при сокращении прихода кораблей в Петербург понесут местные обыватели, кормившиеся от сдачи квартир и лавочной торговли[130]. Иностранцы же, в том числе голландский агент Фонденбург и английские купцы настаивали на строительстве каменных амбаров в Кронштадте и перенесении туда таможни, важни и прочих, «тому надобностей». Они доказывали, что перевод портовой торговли из Петербурга в Кронштадт будет способствовать большей оборачиваемости одного корабля и сокращению убытков при перевозке товаров через лихтеры в Петербург, в результате чего увеличится оборот морской торговли[131].

[128] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 10.
[129] Там же. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 223, 225 об., 232, 235.
[130] Сб. РИО. Т. 79. С. 10–12.
[131] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 219–219 об., 223, 227.

Комиссия о коммерции, признав, что учреждение коммерции в Кронштате было бы полезно для иностранных купцов и корабельщиков, постановила в интересах российского купечества и «для пользы здешняго места главный портовый торг иметь по-прежнему в Санкт-Петербурге». Вместо сгоревших следовало построить временные деревянные амбары для пеньки на Преображенском острове по Большой Неве-реке. Юфть, холст, сало и другие товары временно разместить в старом гостином дворе, а в дальнейшем построить каменные амбары на Преображенском же острове. Приговор Комиссии 2 января 1728 г. был утвержден Верховным тайным советом[132].

В связи с пожаром, уничтожившим также 7 иностранных и 4 российских судна с товарами на общую сумму почти в 330 тыс. руб., Комиссия о коммерции рассматривала многочисленные челобитные отечественных и иностранных купцов об освобождении их от уплаты пошлин со сгоревших товаров. После тщательных подсчетов понесенных купцами убытков и казны от недополучения со сгоревших товаров пошлин Комиссия постановила «наградить» их зачетом третьей части пошлин с отпускных из России товаров при Петербургском порте[133].

В отсутствие Главного магистрата (с 1727 по 1743 г.) как высшей судебной инстанции над посадскими людьми тяжбы и споры, возникающие между купцами, а также между купцами, представителями других сословий и местной администрацией, передавались в Комиссию о коммерции. Она же частично рассматривала их сама, а частично направляла для исследования в другие учреждения, например, в Коммерц-коллегию, если вопрос касался иностранных купцов. В других случаях комиссия обращалась в Сенат за определением инстанции, которой поручалось расследование того или иного дела. В любом случае контроль за результатом расследования комиссия оставляла за собой[134]. Более того, получая касающиеся до судебных торговых тяжб материалы и передавая их к рассмотрению в соответствующее учреждение, Комиссия о коммерции по существу содержавшихся в них вопросов вносила собственные предложения. Так, в июне 1727 г. в комиссию поступила жалоба английской компании купца Андрея Ачкина на его компаньона Родиона Манверинга, который задерживал предоставление «щетов о совместном их торге избранному между ними медиатору»[135]. В ответ комиссия, отослав жалобу в Коммерц-коллегию, предложила ей определить сроки

[132] Сб. РИО. Т. 79. С. 10—12.
[133] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 98—100, 104—106 об., 122—123.
[134] Там же. Л. 181—182, 185—186. 193.
[135] Медиатор — посредник для разрешения между купцами споров по торговым счетам.

подачи щетов медиаторам и учесть этот вопрос в будущем Купеческом уставе, «которой будет сочиняться»[136].

Комиссия о коммерции выступала и как высшая судебная инстанция даже по вопросам внешнеторгового таможенного контроля, подчиненного Коммерц-коллегии. Так, именно к комиссии Коммерц-коллегия обратилась за решением судьбы любского шкипера Э. Гумпа, дважды (в 1724 и 1726 г.) пойманного с утаенным на корабле от таможенного досмотра товаром. Коммерц-коллегия, ссылаясь на невозможность ему заплатить штраф в 500 рублей, предлагала его из-под ареста освободить. Но Комиссия о коммерции распорядилась «выбить его вон» из России, предложив дополнить в пошлинном Уставе статью о том, как следует поступать с теми, кто штрафа заплатить не может[137].

В этих и аналогичных случаях в отличие от Коммерц-коллегии, которая рассматривала и решала конкретный казус, Комиссия о коммерции стремилась к тому, чтобы, дополнив действующее или разрабатывающееся законодательство соответствующими статьями, предусмотреть его решение в будущем, а по возможности и предостеречь от повторения его.

Начиная с июля 1727 г. Комиссия о коммерции возглавила работу по написанию Устава о словесном суде, осуществляемого в таможнях и ратушах для решения спорных дел, возникавших по словесным прошениям. Написанный ею проект Устава затем был отправлен в московскую ратушу для ознакомления с ним «знатных» купцов. Свое мнение в виде постатейных ремарок должна была также представить Коммерц-коллегия. В проекте определялся круг дел, подлежащих бесписьменному судопроизводству, устанавливался порядок судебного разбирательства, дознания и система доказательств, способы взыскания долга и наказания несостоятельного купца. В целом московские купцы, среди которых были такие известные своей торгово-промышленной деятельностью и участием в разработке ряда экономических вопросов, как А. Филатьев, И. Семенников, И. Исаев, И. Симонов, И. Короткой и др. (всего 16 человек), одобрили проект Устава, хотя по некоторым его статьям предложили свои «ремарки». Они касались вопросов свидетельских показаний, взыскания долга с несостоятельного купца, отсрочки в выплате долга, наказания купца, присвоившего отданные ему на хранение товар, деньги и пр.[138].

Если московской ратуше понадобился всего месяц, чтобы подготовить и выслать в Комиссию о коммерции требуемые от нее и купцов

[136] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 193–194.
[137] Там же. Д. 191. Л. 347–349.
[138] Там же. Д. 190. Л. 298, 300–315 об., 337–338 об.

замечания на проект Устава, то у Коммерц-коллегии на это ушло более полутора лет. В феврале 1729 г. после неоднократных понуканий со стороны комиссии она, наконец, сообщила свое мнение на три пункта Устава: о сроках представления справок в зависимости от дальности мест, об акциденции и о согласовании решений суда с Вексельным уставом[139]. Столь длительная задержка в некоторой степени может быть объяснена тем, что одновременно Коммерц-коллегия должна была оценить присланные ей также из Комиссии о коммерции проекты Портового и Вексельного уставов, а кроме того подготовить и написать «должность» публичных нотариусов, определив города, в которых им следовало быть. В ведении публичных нотариусов находилось оформление исков по договорам между купцами, шкиперами о найме кораблей, контрактам о товариществе, аттестациям и пр.[140]

При составлении «должности» или инструкции публичным нотариусам Коммерц-коллегия использовала напечатанную на голландском языке «Нидерландскую практик нотариусной», из которой, в частности, взяты формуляры всевозможных договоров. Иностранные источники были дополнены положениями, касающимися российского купечества[141].

Неустойчивость торговой деятельности, усугубляемая российскими условиями ее организации и осуществления, нередко приводила даже состоятельных купцов к полному разорению. Поскольку торговые операции обычно осуществлялись не только на собственном капитале, но и на заемные деньги, а капитал, обращавшийся в товарах, значительно превосходил наличный, а также заключенный в движимом и недвижимом имуществе, постольку любая катастрофа, постигавшая купца, сказывалась не только на его состоятельности, но и затрагивала широкий круг лиц, связанных с ним торговыми или кредитными операциями. Поэтому для обеспечения развития коммерции и создания большей устойчивости экономического положения купечества важны были правовые нормы, определявшие судьбу разорившегося купца, условия и порядок его расчетов с кредиторами.

Первоначально вопрос о купцах-банкротах был поставлен российскими купцами, торгующими и живущими в Петербурге. Причем их в первую очередь волновало обеспечение прав купцов, «кои придут в нищету от огня или от другого какого несщастия». В своих коллективных предложениях, направленных в 1727 г. в Комиссию о коммерции, они писали об освобождении таких купцов, объявляемых по примеру

[139] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 4. Л. 32–33.
[140] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1788. Л. 1.
[141] Там же. Л. 3, 15–17.

Голландии «банкрутами», от немедленной уплаты казенных и частных долгов, от ареста и о сохранении за ними права на торговую и кредитную деятельность[142]. Реальная практика взыскания долгов с пришедшего в упадок купца, сопровождавшаяся его немедленным арестом, опечатанием всего движимого и недвижимого имущества и его продажей, довершала полное разорение купца.

В действующем законодательстве, хотя и не знакомым с понятием «банкрота», довольно подробно освещен был вопрос о несостоятельном должнике. Соборное Уложение, подобно Судебнику 1550 г. и Русской Правде, различало должников в зависимости от причин их несостоятельности. При несчастном случае несостоятельному должнику предоставлялась отсрочка, по Уложению, до трех лет, но при условии крепкого поручительства. В противном случае и всегда при «злостном» банкротстве должник, начиная с Соборного Уложения, выдавался кредитору головой до тех пор, пока не рассчитывался, в том числе и путем отработки долга (ст. 203–206)[143].

Указ 1718 г., повторенный в 1722 г. в соответствии с приоритетом «государственного интереса», особо выделял должников, не имевших возможности расплатиться при расчетах с казной по подрядам, откупам и разным сборам. Их, как и должников по частным искам, вместо держания на правеже, следовало отсылать в Петербург для определения при Адмиралтействе в галерную, а старых и малолетних в иную работу, жен же отдавать в прядильный дом. Месяц работы оценивался в один рубль, который шел в погашение долга. Корм же отпускался наравне с каторжными. Отсрочка платежей при условии «добрых порук» давалась лишь на полгода[144]. Трехлетний срок допускался только для иностранцев[145]. Указ 8 октября 1726 г. освобождал от каторжных работ тех должников, которые при наличии поручителей могли ежегодно платить не менее 25 рублей[146]. Спустя 10 лет очередной указ (19 июля 1736 г.) несостоятельным должникам предоставил возможность зарабатывать долговые деньги у тех хозяев, которые обяжутся выплачивать за них не менее 24 рублей в год, угрожая за побег каторгой. Всех остальных, не нашедших работы у частных лиц, по-прежнему ожидала каторжная работа, в том числе на Кронштадтском и Ладожском каналах из расчета 12 рублей в год[147].

[142] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 14 об. –15.
[143] Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 135–136, 314–315.
[144] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 495. Л. 106.
[145] Там же. Л. 107.
[146] Там же. Л. 109.
[147] Там же. Л. 112–113.

Итак, указы первой трети XVIII в. уже не вдавались в рассмотрение причин несостоятельности должника. Законодателя в это время бельше волнует не сам должник, а способы выколачивания из него долга, тем более, когда речь идет о казенном подрядчике или откупщике. Купцы же, судя по их предложениям в Комиссию о коммерции, напротив, были обеспокоены судьбой «добросовестного» банкрота, ориентируя при этом правительство на нормы западноевропейского права. Комиссия о коммерции вполне в духе действующего законодательства и, прямо сославшись на имеющиеся «о доимках и долгах... особливые указы», отклонила предложение купцов[148].

Спустя несколько лет о необходимости принятия Устава о банкротах заговорила Коммерц-коллегия, где в середине 30-х годов был подготовлен его проект, отосланный затем на утверждение в Сенат. Но поскольку Сенат задерживал вынесение резолюции, Коммерц-коллегия в ноябре 1738 г. обратилась в Кабинет-министров, чтобы тот обязал Сенат ускорить решение вопроса. Главное назначение Устава, по словам Коммерц-коллегии, заключалось в том, чтобы «все ведали, как поступать с банкротами» и чтобы «злодеи и вредители российской коммерции от злаго своего намерения удержались»[149]. Как видно, главным «героем» разработанного Устава являлся злонамеренный банкрот, к которому следовало применять такие меры, которые бы смогли удержать подобных «злодеев» от их умыслов.

Представленный в Сенат проект обсуждался дважды. Необходимость повторного его рассмотрения в сентябре 1740 г., на этот раз совместно с Коммерц-коллгией, Кабинет-министров мотивировал введением в Сенат новых членов и назначением нового президента Коммерц-коллегии. С помощью призванных из Академии наук юстиц-советников Голбаха и Эмме Сенату следовало выработать «порядочной Устав, которой бы на все времена мог быть тверд и беспорочен, как на иноземцев, так и на русских купцов».

Новый президент Коммерц-коллегии барон фон Менгден 12 сентября представил в Сенат собственный проект Устава о банкротах, в обсуждении которого приняли участие также вице-президент И. Мелиссино и асессор С. Меженинов. В итоге 5 ноября 1740 г. Сенат одобрил проект фон Менгдена, определив рассмотрение по нему не только будущих дел о банкротах, но и тех, которые еще не были решены. В тот же день, то есть уже после смерти Анны Иоанновны, в регентство Бирона проект был утвержден Кабинет—министров[150]. Однако оконча-

[148] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 40 об.
[149] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 240. Ч. I. Л. 61.
[150] Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 495. Л. 348, 396.

тельно подписан он был уже 15 декабря «государыней правительницей великой княгиней Анной всея России» и опубликован через два дня от имени «Иоанна третьего, императора и самодержца всероссийского». Это обстоятельство вопреки замыслам Кабинета определило кратковременность действия Устава. После очередного переворота, произошедшего 25 ноября 1741 г., он был изъят из употребления («отставлен до указу») и хранился среди дел «с известным титулом»[151].

В протоколах и делопроизводственных материалах Коммерц-коллегии в течение непродолжительного периода при рассмотрении и решении дел о банкротах все же встречаются ссылки на «новостоявшийся о банкротах устав»[152]. Помимо хотя и кратковременного, но использования Устава на практике, его текст, когда прямо, когда опосредованно через промежуточные редакции учитывался при последующих попытках выработки нового Устава о банкротах.

Во введении к Уставу 1740 г.[153] объяснялись, какие «убытки и ущербы» наносят банкротства коммерции. Среди них «кредиту ослабление и купечеству остановка», сомнительности в надежности и состоятельности торгового человека, наконец, убытки, разорение и крайняя нищета «безвинных людей». Поэтому законодатель видит свою задачу в том, чтобы «оному вредительскому злу всячески предупредить». В 37 статьях Устава содержалась характеристика видов банкротств и мер наказания для каждого из них, определялись сроки и порядок расследования подобных дел под ведением Коммерц-коллегии при участии кураторов, представляемых кредиторами из числа добрых и надежных людей, права кредиторов на долю имущества банкрота, ответственность жены и детей за его долги.

Устав выделял два вида банкротств в зависимости от причин, их вызвавших: а) банкротства, произошедшие «без вины», от какого-нибудь несчастия (пожара, нападения, нечаянного банкротства другого лица), б) банкротства «от обманства и продерзости». К последнему виду отнесены также банкротства, произошедшие из-за оплошности и нерадения (потопления корабля при отсутствии страховки), явной недобросовестности партнеров, беспорядочности ведения конторских книг, неумеренности в кредитах. Дабы предостеречь от большого убытка заимодавцев в случае банкротства их должника, Устав запрещал лицам, не имеющим капитала, покупать товары в кредит и определял соотношение между собственным и кредитным капиталом как 1: 3.

[151] РГАДА. Ф. 276. Оп. 6. Д. 224. Л. 1.
[152] Там же. Д. 16. Л. 166 об., 104–106; Д. 340. Л. 2–3
[153] ПСЗ. Т. XI. № 8300.

Банкрот, пострадавший от несчастья, сохранял свою «честь». Хотя он и подлежал в случае отсутствия поручителей аресту, а его товары, пожитки и домашние вещи, как и конторские книги, опечатанию, но по выяснении его добросовестности такой банкрот освобождался «от всякого истязания и штрафа». Деньги, вырученные от продажи его имущества, разделялись между кредиторами. В случае невозможности их полного удовлетворения банкроту предоставлялась отсрочка до того времени, «когда паки пожиточен будет». Он также мог в случае заключения специального договора с кредиторами и его утверждения в Коммерц-коллегии оставить за собой некоторую часть имущества и денег для ведения торговли и пропитания.

У банкротов второго вида, трактуемого, как мы видели, очень широко, не только все имение и товары подлежали продаже и распределению между кредиторами, но и сам он «в образец для омерзения и осторожности без всякаго смотрения на лицо» подвергался смертной казни через повешение.

К Уставу прилагались регламент кураторам, включающий текст присяги и подробное изложение порядка и характера их функций, а также «расписание» кредиторов по пяти классам, в соответствии с которыми устанавливалась очередность возмещения их убытков. В первую очередь следовало удовлетворять претензии казны, церкви и школы. Затем выделялись средства на плату служителям банкрота. Далее учитывались вексельные долги, кредиты сирот и лиц, представляющих закладное обязательство, и, наконец, все остальные. Первый в России Устав о банкротах по собственному его признанию частично согласовывался с правами и «обыкновениями» других государств, «в которых негоция расцветает». Вероятно имелась в виду Голландия, упоминаемая и в предложениях купцов. Но это скорее всего были именно общие нормы подобного права во многих странах. Например, принятый в 1743 г. «Эдиктей о банкрутах» короля прусского в ряде своих положений перекликался с российским Уставом о банкротах 1740 г. (в определении ложного банкрота, в обязанностях купцов основательно вести свои торговые книги и даже в смертной казни через повешение умышленного банкрота)[154].

В то же время Устав развил в новых условиях нормы российского законодательства. Разделение должников по видам знала, как известно, уже Русская Правда. Устав провел более резкую грань, чем это было в Соборном Уложении и тем более в указах первой трети XVIII в., между добросовестным и злостным банкротом. Он ужесточил меру на-

[154] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 106–109.

казания по отношению ко второму и детальнее прописал положения, обеспечивающие права и интересы банкрота, пострадавшего от не зависящих от него бедствий. Однако слишком расширительное толкование злостных банкротов в российских условиях торговли при отсутствии государственно организованного кредита, «малокапиталистости» отечественных торговцев, слабом знакомстве их с бухгалтерией, правильным ведением конторских книг и другими принципами торгового искусства, наконец, зависимости от иностранных корабельщиков, взвинчивающих цены при страховании перевозимых за море товаров, делало практически любого купца потенциальным кандидатом в ту категорию банкротов, по отношению к которым закон был беспощаден.

Ранее мы имели возможность убедиться, что при разработке конкретных мероприятий экономической политики правительство обычно стремилось выяснить отношение к ним со стороны купцов. Для этого представители крупного петербургского, московского и других городов купечества приглашались в Коммерц-коллегию или Главный магистрат, а по его ликвидации в московскую ратушу, где их знакомили с проектом подготавливаемого документа. Их мнение оформлялось в виде «ремарок», пересылаемых затем в Коммерц-коллегию или Комиссию о коммерции. Помимо непосредственного привлечения купцов к обсуждению того или иного законопроекта, правительство 29 мая 1727 г. издало специальный указ, которым призвало купцов подавать через губернаторов и воевод в Комиссию о коммерции письменные коллективные или индивидуальные сообщения об испытываемых ими в купечестве неудобствах и тягостях, а также предложения, способствующие их преодолению[155].

Городское тяглое население восприняло содержание указа значительно шире, чем оно было на самом деле. Комиссию о коммерции в соответствии с ее назначением интересовали причины плохого состояния торговли и способы его улучшения. Купцы же и городовые магистраты в своих предложениях и донесениях поднимали широкий круг экономических, социально-политических и общественно-культурных вопросов. На их содержании и реакции правительства мы остановимся позднее. Магистраты иных городов, видимо, не доверяя местной администрации, чуть ли не в полном составе намеревались лично представить в Комиссию о коммерции свои прошения. Об этом, например, в ноябре 1727 г. сообщал в Главный магистрат президент тобольского магистрата Яков Маслов[156].

[155] Сб. РИО. Т. 63. С. 610.
[156] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 199–201.

Комиссия о коммерции принимала к рассмотрению далеко не все вопросы, поступавшие к ней от магистратов и отдельных купцов. Особенно это касалось социальных проблем, в ряду которых одним из наиболее острых был вопрос о подушной подати. Купцы многих городов в коллективных челобитных просили о снижении размера подушной подати и изменении порядка исчисления посадского оклада[157]. Напомним, что «верховники», напротив, предполагали возложить на планируемую ими специальную комиссию рассмотрение вопроса о возможном увеличении податей, взимаемых с посада. В этих условиях Комиссия о коммерции предпочла отстраниться от рассмотрения столь острого вопроса. Сославшись на то, что «те их донесения до комиссии не принадлежат», она отослала их а Сенат[158]. После отмены Главного магистрата Комиссии о коммерции все же пришлось столкнуться с социальными запросами городского тяглого населения. О том, как они решались, речь пойдет в соответствующих главах монографии. Причем комиссия воочию убедилась в сопротивлении ряда ведомств реализации установлений, касающихся социального положения купцов[159].

В отличие от Коммерц-коллегии вопросы торговой политики были главными, но не единственными в сфере деятельности Комиссии о коммерции. По словам Н. И. Павленко, конечной целью правительства являлось расширение торговли, средством же достижения этого — укрепление промышленности, производящей товары[160]. Приговоры и доношения Комиссии о коммерции в Верховный тайный совет свидетельствуют, что среди первых на этом пути мероприятий была передача убыточных для казны предприятий в частные руки. Конкретный их перечень комиссия на основании ведомостей, поступавших из Мануфактур-конторы, предлагала Верховному тайному совету. Последний принимал соответствующие постановления об отдаче их «охочим людям», а в случае отсутствия таковых о продаже всего оборудования с публичного торга[161]. Условия такой отдачи были льготными[162].

Они включали в себя некоторые привилегии, предоставляемые отдельным промышленникам при устройстве новой фабрики. К примеру, условия организации содержателем полотняной мануфактуры

[157] *Троицкий С. М.* Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х годах XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 432, 435–436.

[158] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 189. Л. 258.

[159] Там же. Д. 191. Л. 293–295, 298–299, 302–302 об.

[160] *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 116.

[161] Сб. РИО. Т. 69. СПб., 1889. С. 34–37, 377–378.

[162] Там же. С. 552–554.

Иваном Затрапезновым фабрики клейменых бумажных выбоек включали беспошлинный вывоз из-за моря мастеров и инструментов, освобождение на 10 лет от уплаты пошлин с продажи произведенной на фабрике продукции как внутри страны, так и за границу, и с покупки в России необходимых для фабрики материалов[163].

В соответствии с регламентом Мануфактур-коллегии Комиссия о коммерции также принимала решения о выделении владельцам фабрик беспроцентной денежной ссуды и отсрочки по ее погашению; отводе земли к заводам для поселения мастеровых и работных людей, под складские строения[164]. Одновременно комиссия попыталась разработать своеобразную инструкцию для промышленников, в которой намеревалась определить, «на каких кондициях впредь вступающие могут фабрики и заводы заводить... и как смотрение иметь, чтоб в доброте сделанных товаров не имели охулки, но от времени до времени в лучество б приходили б и тем *коммерции умножали*» (курсив наш — *Н. К.*). В этом намерении четко определена конечная цель производства в стране высококачественных промышленных товаров — умножение коммерции.

Комиссия о коммерции намеревалась очертить сферу действия указа 1721 г. о покупке деревень к промышленным предприятиям, указав те заводы и фабрики на которые распространялся указ и пропорции такой покупки[165]. Существенные изменения по представлению Комиссии о коммерции были внесены в Берг-привилегию 1719 г., в течение 20 лет являвшуюся основным законодательным актом, определявшим общие принципы развития горного дела в России. Эти изменения касались только районов, расположенных восточнее Тобольска. В целях поощрения развития горнорудного дела разрешалось строительство заводов без указов Берг-коллегии. Заводовладельцы освобождались от уплаты в казну десятины на 10 лет. Отменялось ущемлявшее интересы промышленников и тормозившее темпы развития производства преимущественное право казны на получение золота, серебра, меди, олова и свинца раньше других покупателей. Все эти меры, как полагала комиссия, не вызовут казенного убытка, так как рост производства будет сопровождаться оживлением торговли, а следовательно увеличением таможенных поступлений[166].

Изучение практической деятельности Коммерц-коллегии и первой Комиссии о коммерции выявило близость рассматриваемых ими

[163] Сб. РИО. Т. 69. С. 178–179.
[164] Там же. Т. 84. С. 322–324; Т. 79. С. 383–385.
[165] Там же. Т. 79. С. 383–385.
[166] Там же. Т. 69. С. 305–308, 379–380. *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 117.

вопросов. В то же время в их статусе, а следовательно в характере деятельности и объеме полномочий имелись существенные отличия. Коммерц-коллегия, подобно другом коллегиям, являлась распорядительным и исполнительным органом управления в обозначенной для нее сфере. В ее ведении находились конкретные области государственного хозяйства, что определило главное место в ее деятельности организационно-управленческой функции.

Ведущим направлением деятельности Коммерц-коллегии были организация, учет и обеспечение российской внешней торговли. Основной круг вопросов, решаемый ею в разные годы, оставался неизменным. Он очерчивался сферами, обозначенными в регламенте, и включал контроль за работой портовых таможен, торговлю казенными товарами, выдачу паспортов отбывавшим за границу купцам и их приказчикам, взыскание вексельных долгов и решение других спорных дел, возникавших между российскими и иностранными купцами. Особое внимание коллегии было обращено на работу портовых и пограничных таможен, организацию сбора внешнеторговых пошлин как важного источника денежных поступлений. Задача поиска средств увеличения государственных сборов и прибылей была прямо сформулирована в регламенте Коммерц-коллегии 1724 г. Это наложило сильный отпечаток на характер всей деятельности коллегии, определив сугубо фискальный подход к оценке осуществляемых ей мероприятий. Нередко он препятствовал правильному пониманию перспектив социально-экономической политики и приводил к игнорированию нужд и запросов российского купечества. Особенно страдали при этом социальные интересы купцов, осуществление которых затрагивало фискальные расчеты казны.

Сосредоточенность внимания Коммерц-коллегии на четко очерченном, но ограниченном круге вопросов, фискальная заданность и бюрократический характер ее деятельности делали ее непригодной для подготовки крупных вопросов торговой политики. В отличие от регламента, само назначение которого диктовало чиновничье-бюрократический подход к его составлению, они разрабатывались в особых комиссиях, специально создаваемых для решения конкретного вопроса или подготовки, как это было с Комиссией о коммерции, серией мер, направленных на развитие торговли и купечества.

Являясь совещательным органом, Комиссия о коммерции непосредственно участвовала в законотворчестве правительства, подготавливая законодательное решение того или иного вопроса, выступая нередко с инициативой в его постановке. Причем сами эти вопросы охватывали широкий спектр социально-экономической политики и за-

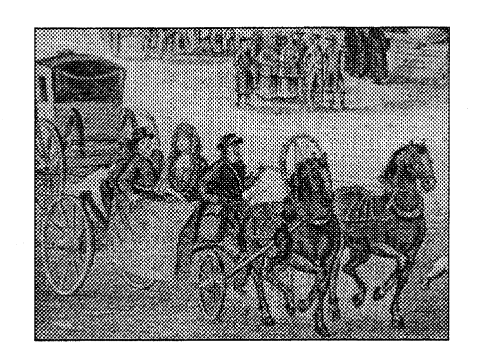
трагивали сферы деятельности различных экономических коллегий (Коммерц- и Мануфактур-коллегий, Камер-коллегии, Главного магистрата). Если Коммерц-коллегия чаще всего действовала во исполнение указов, присылаемых к ней из Сената и других высших инстанций, то Комиссия о коммерции сама нередко привлекала Сенат к обеспечению решаемого ею вопроса (сбору необходимой информации, составлению ведомостей и т. д.). За конец 20-х—начало 30-х годов XVIII в. Комиссией о коммерции была подготовлена целая серия указав, касающихся условий и организации внутренней и внешней торговли, таможенных сборов и недоимок по ним и др. Кроме того, ею были разработаны такие крупные реформы и законодательные акты, как внешнеторговый тариф 1731 г., отмена казенной монополии на соль и табак, Вексельный устав, Устав словесного суда, внесены изменения в Берг-привилегию 1719 г. В области промышленности предложенные ею законоположения были направлены на развитие частного предпринимательства, в том числе горнорудного дела в Сибири, ослабление вмешательства государства в частное промышленное строительстве.

При разработке нормативных актов Комиссия о коммерции, во-первых, обращалась к предшествующему законодательству по данному вопросу; во-вторых, привлекала иностранные образцы, аналогичные разрабатываемому документу (уставы, регламенты и т. д.); в-третьих, призывала имеющих знатные торги российских и иностранных купцов к обсуждению подготавливаемого проекта. Обращение к предыстории вопроса помогало лучше понять историческую перспективу его постановки. Учет некоторых основных принципов международной торговли, зафиксированных в нормативных актах западноевропейских государств, был необходим в силу стремления России к расширению контактов с иностранным купечеством и проникновению на западноевропейские рынки. Иностранные аналоги могли помочь при формулировке норм закона и определении функций должностных лиц. Мнение же купцов и предлагаемые ими «ремарки», к сбору которых привлекались Коммерц-коллегия и Главный магистрат, важны были для лучшего понимания российских условий и соблюдения не только чисто казенного интереса, но и потребностей торговли и купечества.

Сочинение таможенных тарифов и их пересмотр, решение вопроса о целесообразности перенесения главного порта из Петербурга в Кронштадт, характера и размера помощи правительства пострадавшим от пожара купцам; обсуждение проектов Устава словесного суда, Вексельного и Маклерского Уставов — вот неполный перечень сюжетов, в разработке которых деятельное участие принимали представители купечества. Круг их был очерчен верхушкой московского и петер-

бургского купечества, в него входили также иногородние купцы, тесно связанные с поставкой товаров в Петербург и их заморским отпуском.

Характер судебного разбирательства, осуществлявшегося Комиссией о коммерции, отличался от судебной функции любой из коллегий. Комиссия выступала как высшая по отношению к коллегиям судебная инстанция по вопросам, находившимся в ее ведении. Ей же принадлежал контроль за расследованием того или иного дела в коллегиях. И что особенно важно — она не просто выносила судебное решение, но и дополняла в случае необходимости действующее или разрабатывавшееся законодательство. Следовательно, в административной практике по-прежнему учитывался прецедент, закреплявшийся как правовая норма, что соответствовало традиционным принципам управления допетровского времени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Деятельность Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции в 50-х—начале 60-х годов XVIII в.

Начиная с 50-х годов XVIII в. в экономической политике правительства все явственнее проявлялось стремление к созданию более благоприятных условий для развития торговли и промышленности в стране путем ликвидации различных ограничений и стеснений для торгово-промышленной деятельности. Об этом свидетельствует осуществление таких крупнейших экономических мероприятий, как отмена внутренних таможенных пошлин, организация государственного кредита для торгово-промышленных кругов через Купеческий банк, улучшение вексельного обращения. В разработанных П. И. Шуваловым проектах и предложениях был также поставлен вопрос о казенных монополиях, намечены меры, направленные на развитие внешней торговли.

В это же время произошел перелом в отношении верховной власти к петровскому наследию. Если в 40-х годах преобладало стремление очистить институты Петра I от искажений позднейшего времени, что определило отмену многих постановлений предшествующих правительств, то к 1754 г. правительство и императрица пришли к пониманию необходимости дальнейшего развития действующего законодательства в соответствии с потребностями государственной и общественной жизни. Следствием этого было создание комиссии по выработке нового Уложения[1].

Одним из проявлений нового курса правительственной политики в экономической области стала переработка регламента Коммерц-кол-

---

[1] *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1985. С. 48—49.

легии и создание проекта новой инструкции. Эта инструкция была разработана в Комиссии о портовых и внутренних пошлинах в 1754 г.[2] Ее автором или во всяком случае деятельным участником разработки являлся советник Коммерц-коллегии Сергей Степанович Меженинов[3]. И хотя инструкция никогда не была утверждена, о серьезности намерений составителей свидетельствует заготовленный формуляр указа Елизаветы Петровны о ее публикации. Это заставляет со вниманием отнестись к рассмотрению текста инструкции. Сравнение его с предшествующим регламентом 1724 г., выявление вносимых изменений и сопоставление их с законодательством 30—50-х годов поможет понять некоторые аспекты выработки экономической политики государственной власти середины XVIII в.

Общее направление деятельности Коммерц-коллегии осталось прежним. Оно сформулировано в первом же пункте главы 2 «О дирекции над всеми делами». Согласно ему под управлением Коммерц-коллегии находились портовая и сухопутная заграничная торговля, а также суд над иностранным купечеством и судебные дела между российскими и иностранными купцами. Этот вопрос, за исключением судебного, был дан в редакции 1724 г. Попытки Коммерц-коллегии, предпринимаемые неоднократно в конце 20—начале 30-х годов, освободить себя от судебных дел, не относящихся «до купечества» («в бою и в бесчестьях») не увенчались успехом[4]. В проекте новой инструкции судебная функция Коммерц-коллегии определялась в том виде, в каком она сложилась после реформы 1727 г.

Из регламента 1724 г. в проект инструкции вошли и другие вопросы, конкретизирующие внешнеторговое направление деятельности Коммерц-коллегии и внутренний распорядок ее работы: «О искании прибыли», о корреспонденции с иностранными представительствами, о непорядках в портовых торгах, о таможенных служителях, строительстве таможен и амбаров, определении консулов и агентов, о строительстве в России торговых кораблей, о шкиперах, казенных товарах, о разделении дел в коллегии, о должности президента и вице-президента и о пр.

В то же время 34 главы проекта инструкции (из 39) были написаны заново, а в остальные внесены поправки и дополнения. Все новые главы и параграфы можно разделить на две группы. Первую составляют

[2] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 568. Л. 159—317 об. Дата устанавливается по имеющемуся в деле косвенному свидетельству. См.: С. 318.

[3] *Чулков М.* Историческое описание российской коммерции. Т. IV. Кн. 4. М., 1785. С. 658.

[4] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 908. Л. 336—337 об.

вопросы, урегулированные законодательством конца 20-х—начала 50-х годов. К их числу относились такие вопросы, как учреждение компаний, посылка купеческих детей для обучения за границу, определение размера пошлин и наблюдение за вексельным курсом и состоянием цен на главные товары[5], учреждение по предложениям Коммерц-коллегии ярмарок[6], запрещение ввоза предметов роскоши[7], поведение купцов на бирже и запрещение отзыва их с нее[8], караванный торг из Астрахани в Хиву и Бухару[9], торговля в Рижском порту[10]. Соответствующие указы за редким исключением относились к послепетровскому времени. Их появление, как свидетельствуют делопроизводственные материалы Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции конца 20-х—50-х годов, было связано с деятельностью этих учреждений. Включение законодательных актов в проект инструкции Коммерц-коллегии диктовалось потребностью учесть практические результаты внешнеторговой политики государственной власти за 30-летний период. Это свидетельствует о том, что независимо от отношения нового монарха к своему предшественнику и официально провозглашаемых оценок его царствования, несмотря на всевозможные изменения в структуре центрального управления, внешнеторговый курс, лежащий в основе деятельности Коммерц-коллегии, оставался в принципе неизменным.

Другая группа новых сюжетов проекта инструкции Коммерц-коллегии не имела законодательных предшественников. Они являлись результатом законотворчества Комиссии о портовых и внутренних пошлинах, опиравшейся также на практику работы Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции. Уделяя в повседневной своей деятельности большое внимание Петербургскому порту, как главному месту заграничной торговли, Коммерц-коллегия, как было показано ранее, постоянно сталкивалась с необходимостью урегулирования многочисленных вопросов организации портовой торговли и пошлинного сбора. В итоге в проект инструкции была включена специальная глава «О Санктпетербургском порте», в которой определены время начала работы таможенных служителей, места разгрузки кораблей с заморскими и российскими товарами, порядок несения караула на морском побережье. В 24 главах рассмотрены должности портовых и таможенных служителей

[5] Регламент Камер-коллегии 1731 г. и сенатский указ 23 декабря 1743 г.
[6] Указ 13 июня 1730 г.
[7] Указы 16 февраля 1718 г. и 30 апреля 1719 г.
[8] Указ 13 декабря 1725 г.
[9] Указы 12 мая и 26 сентября 1727 г.
[10] Указ 14 сентября 1744 г.

(обер-инспектора, цолнера, обер-контролера, пакгаузных инспектора и контролера, стемпельмейстера, вагмейстера, гофмаклера и маклеров, публичных нотариусов, присяжного аукциониста и других, а также браковщиков главных товаров, холстомеров и вязальщиков). Включение частных должностных инструкций в коллежский регламент свидетельствует о том значении, которое придавалось работе всех звеньев столичного порта и том особом месте, которое занимало наблюдение за этой работой в ряду других функций Коммерц-коллегии.

Отражением стремлений и усилий, предпринимаемых правительством Елизаветы Петровны в 40—50-х годах XVIII в. по развитию черноморской торговли со странами Средиземноморья и Ближнего Востока, было включение в проект инструкции главы 33 «О дозволении венецианским и другим чужестранным купцам в Россию купечество чрез Черное море и о учреждении для того на Дону купецкой конторы». Возложение на Коммерц-коллегию практической реализации новой задачи во внешнеторговой политике правительства подчеркивало его особую заинтересованность в развитии черноморской торговли. О том же свидетельствует и создание в середине 1750-х годов по инициативе правительства купеческой компании (Темерниковской) для торговли с Турцией и средиземноморскими странами[11].

Принципиально новым в проекте инструкции был пункт 29 главы 2 «Что чинить с купцами, пришедшими в убожество». Он заключал в себе решение важного для купцов социального вопроса об обеспечении прав купцов-банкротов. Его практическое решение в начале 1740-х годов, вылившееся в создании специального Устава, в силу причин, о которых мы писали в предыдущей главе, было кратковременным. Теперь составители инструкции в большей степени, чем это было сделано в потерявшем силу Уставе, опирались на предложения российских купцов, представленные в 1727 г. в Комиссию о коммерции. В соответствии с ними в проекте инструкции 1754 г. записано: «А будучи он в состоянии своего купечества приносил государству платежом пошлин знатную прибыль и человек был совершенно доброй, такого по подлинному об ево несчастиях, истино ль от воли Божией оные учинились, освидетельствованию, под арестом (для взыскания казенных долгов — *Н. К.*) не держать, чтоб мог, заняв, торговать и приобретать себе пищу и исправу, ибо будучи под арестом занимать ни у кого не мочно... и тако может и после упадку чрез чужое выправитца и приносить по своей силе плод государству». В случае частных долгов

[11] *Юхт А. И.* Торговые компании в России в середине XVIII в. // ИЗ. Т. 111. М., 1984. С. 239—255.

заимодавцам позволялось взыскивать свои кредиты «по препорции, почему на рубль кому придетца», в ожидании будущего «плода» («как то в Голландии делаетца»)[12].

В проекте инструкции воплощалось еще одно давнее стремление российских купцов, в своей деятельности связанных с Петербургским портом, а именно: запрещение иноземцам содержать лихтеры и другие мелкие суда для перевозки грузов между российскими портами. По Уставу о выгрузных судах (лихтерах), принятом 17 июня 1727 г., этим промыслом могли заниматься как русские, так и иноземцы при условии записи в портовой таможне и оформлении поручительства[13]. Стремясь к оттесненю иностранных купцов от этого морского промысла, российские купцы, «санктпетербургские жители», в том же году обратились в Комиссию о коммерции со своим предложением. Хотя комиссия поддержала предложение купцов, законодательно оно оформлено не было. Поэтому включение его в новую инструкцию Коммерц-коллегии отвечало бы запросам российского купечества[14]. Любопытно, что формулировки данного пункта главы 6 проекта инструкции «О лихтерах или выгрузных судах», как и рассмотренного выше положения о купцах-банкротах, почти дословно повторили текст соответствующего предложения купцов из их доношения в Комиссию о коммерции[15]. Это свидетельствует о том, что составители новой инструкции имели в своем распоряжении текст доношения купцов, как и другие материалы первой Комиссии о коммерции, часть из которых были непосредственно использованы при работе над проектом инструкции.

Итак, проект новой инструкции Коммерц-коллегии, подготовленный в Комиссии о пошлинах, хотя и опирался на основные идеи петровского регламента 1724 г., вобрал в себя законоположения, определявшие внешнеторговое направление экономической политики правительств последующих десятилетий. Он также сумел поставить новые задачи, решению которых уделялось большое внимание во второй половине столетия. Важным моментом создаваемой инструкции была ее непосредственная благоприятная реакция на некоторые социальные запросы и предложения купцов. Однако инструкция так и не была утверждена императрицей, о чем купцы сожалели, подчеркивая ее полезность и необходимость[16]. Возможно, это было связано с

---

[12] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 568. Л. 179 об.

[13] Там же. Д. 577. Л. 61 об.–62.

[14] Вопрос о лихтерном промысле был решен указом 1754 г. (ПСЗ. Т. XIV. № 10242).

[15] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 568. Л. 197–201 об.

[16] *Чулков М.* Указ. соч. С. 658.

начавшейся работой Комиссии по составлению нового Уложения, до завершения которой было сочтено преждевременным принимать регламент одной из экономических коллегий.

Все же работа над новой инструкцией отразилась на деятельности Коммерц-коллегии и воссозданной в 1760-м году Комиссии о коммерции, в числе главных задач которой по замыслу инициатора ее создания П. И. Шувалова была разработка мер, способствующих развитию внешней торговли.

Ряд внешнеторговых проблем, решаемых Коммерц-коллегией и Комиссией о коммерции в 50-х—начале 60-х годах, были унаследованы от предшествующих десятилетий. Проанглийская ориентация русской внешнеторговой политики 30—40-х годов XVIII в. усиливала позиции английских купцов в посреднической торговле России. Обладая многочисленным торговым флотом, прочными и разветвленными связями в коммерческом мире различных стран, солидным капиталом и опираясь на преимущества, предоставленные российским правительством, английские купцы осуществляли портовую торговлю через иностранных же подданных, оставляя российским купцам лишь роль поставщиков необходимых им товаров. К началу 1760-х годов сами российские купцы ощутили узость тех рамок, в которых они оказались под напором иностранных коммерсантов, использовавших их слабость и неорганизованность. В челобитной, адресованной императрице, более 100 купцов 18 городов России, торгующие при Петербургском порте, писали, что «вся принадлежащая здешнему городу коммерция происходит чрез оных иностранных купцов, а здешнее гражданство той собственной своей пользы лишены и удалены по проискам их и через заключаемые коммерческие трактаты, особливо же Английским». Они добивались запрещения иностранным корреспондентам быть посредниками в заморской торговле и сосредоточения ее в руках «здешних купцов». В число последних по специально предлагаемому реестру включались иногородние российские купцы, имевшие крупные торги при Петербургском порте. Остальные купцы, привозившие предназначенные в заморский отпуск товары, обязаны были продавать их местным купцам. Челобитчики также обращали внимание правительства на то, что прямые контакты с заграничными фирмами будут способствовать накоплению купцами знаний и опыта коммерции «без посылки для научения в иностранные государства»[17].

Первый русско-английский договор был заключен сроком на 15 лет. Наиболее тяжелая для российских интересов статья о праве анг-

[17] *Чулков М.* Указ. соч. С. 529—532.

лийских купцов на транзитную торговлю через Россию с Персией была отменена еще до истечения его срока в 1746 г., но, судя по челобитной купцов, негативные стороны договора сказывались и в начале 60-х годов. Русское правительстве неоднократно заявляло, что будет придерживаться изложенных в нем обязательств и изъявляло готовность подписать новый договор. Его подготовка, начавшаяся в 1757 г., осуществлялась Коллегией иностранных дел и Коммерц-коллегией. 13 ноября 1760 г. проект коммерц-трактата при указе Сената был передан для рассмотрения в Комиссию о коммерции[18].

Конкретные поправки к проекту договора Комиссия о коммерции представила в Сенат на основании приговора 28 ноября 1760 г. В результате обсуждения проекта, в котором приняли участие Я. М. Евреинов, Ф. Безсонов, А. Суровцев и Л. Лугинин, в текст была внесена 21 поправка. Практически ни один артикул не остался без изменения. Во-первых, из текста прежнего договора были исключены некоторые статьи, уже урегулированные предшествующим законодательством. Во-вторых, комиссия сочла необходимым сократить срок действия договора с 15 до 10 лет, принимая во внимание, что за 15 лет российское купечество может «совсем на другом основании учредитца». В-третьих, многочисленные замечания к тексту были направлены на то, чтобы закрепить за российскими купцами право на посредническую торговлю восточными товарами в английских портах. Договор 1734 г. специально оговаривал разрешение на привоз российскими купцами в Англию только таких товаров, которые произрастали или были сделаны в российских провинциях. Это ущемляло интересы отечественных купцов, вынужденных допускать англичан к торговле с азиатскими купцами в российских портах[19].

То что многочисленные поправки в проект договора были внесены сразу на одном заседании комиссии, свидетельствует о хорошем знании участниками обсуждения различных обстоятельств, связанных с английской торговлей, учете ими стремления крупных российских купцов к проникновению на западноевропейские рынки, понимании их интересов. Не случайно петербургские купцы, торгующие в Англии (Емельян Бармин, Семен Зайцев, Максим Ванифантьев, Семен Галактионов), а также бургомистр конторы Главного магистрата И. Вихляев и обер-директор Петербургской портовой таможни С. Яковлев, призванные на заседание комиссии 10 января 1761 г., после чтения им трактата заявили, что проектом довольны и никаких замечаний

[18] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 196. Л. 1.
[19] Там же. Д. 188. Л. 20–28 об.

представить по нему не могут, поскольку «оной довольно в разсуждении российского купечества престережен»[20].

Об интересе, проявленном иностранными купцами к проекту нового торгового договора с Англией говорит факт подкупа купцом Фростом канцеляриста Комиссии о коммерции. Получив от Фроста золотой червонец, канцелярист привез ему домой проект договора, но, по его словам, не застал хозяина дома и вернул договор в комиссию. По постановлению Сената дело о выносе из комиссии проекта русско-английского договора было передано для суда в Юстиц-коллегию[21].

Новый трактат с Англией сроком на 20 лет был заключен в 1766 г.[22] По представлению Комиссии о коммерции в него было внесено положение о разрешении российским подданным ввоза в Англию всяких товаров, «привоз и вывоз которых не запрещен», то есть не зависимо от места их произрастания и производства.

Проект русско-английского договора со всеми внесенными в него поправками Сенат и Комиссия о коммерции рассматривали как основу и для возможного договора с Францией. Кроме того, комиссия просила Коллегию иностранных дел прислать копии с заключенных с европейскими и азиатскими державами трактатов о коммерции. В ответ коллегия прислала выписки из мирных договоров, касающиеся коммерции, а также сообщила, что дважды — в 1747 и 1759 г. — со стороны шведского двора через его посланников поступало «домогательство» о заключении коммерческого трактата. Их проекты рассматривались в Коммерц-коллегии, которой следовало оценить каждую статью на соответствие ее российским государственным и коммерческим интересам. Первое, что делала в таком случае коллегия, — это расписывала его по пунктам, подобрав к каждому из них выписки из подходящих регламентов и указов. Затем происходила выверка предлагаемого проекта с уже действующими трактатами с другими странами. И, наконец, излагались постатейные «мнения» администрации коллегии и отдельных ее членов при наличии расхождений в их суждениях[23].

Эта кропотливая и трудоемкая работа, особенно, если сроки сразу же не были жестко определены и отсутствовал контроль со стороны Сената, при загруженности коллегии другими обязанностями, могла тянуться бесконечно, а само дело, порой, замирало, не достигнув конца. Коллегия иностранных дел и в 1761 г. продолжала удивляться тому, что Коммерц-коллегия до сих пор не прислала своего «мнения» ни

[20] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 76–79 об.
[21] Там же. Л. 77–79.
[22] ПСЗ. Т. XVI. № 12682.
[23] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 196. Л. 32–33, 47 и др.

на один шведский проект[24]. 21 февраля 1761 г. Комиссия о коммерции направила свой запрос в Коммерц-коллегию. И хотя все востребованные материалы ей были высланы, за отсутствием распоряжения Сената о продолжении работы над ними Комиссия о коммерции к этому вопросу уже не возвращалась.

Разработке тарифов портовых и пограничных пошлин, являвшихся важной частью государственных доходов, правительство уделяло особое внимание. Первый внешнеторговый тариф 1724 г. был подготовлен в специально созданной для этого в 1720 г. комиссии. Новый тариф 1731 г. разрабатывался в Комиссии о коммерции. Отмена внутренних таможен потребовала пересмотра внешнеторгового Тарифа и создание Морского пошлинного регламента, сочиненных в 1755 г. в Комиссии о пошлинах, непосредственной преемницей которой стала вторая Комиссия о коммерции, учрежденная в 1760 г. и унаследовавшая материалы незавершенной работы над Астраханским и Сибирским тарифами. В период между деятельностью комиссий вся работа по сочинению тарифа сосредоточивалась в Коммерц-коллегии. Так, в 1752 г. в целях соблюдения «высочайших интересов» при пошлинном обложении товаров, привозимых в Оренбург, и регулирования поведения купцов и таможенных служителей в Коммерц-коллегии были разработаны специальные Тариф и пошлинный Устав[25].

Составление Астраханского тарифа внутренних и внешних пошлин началось в Астраханской губернской канцелярии в 1751 г. За основу был принят тариф 1731 г. для Петербургского и других портов с добавлением к нему товаров, привозимых к Астраханскому порту из Персии и других стран Азии, с использованием ведомости портовой таможни о цене на них за 10 лет. К этой работе были привлечены армянские, русские и татарские купцы, бургомистр астраханского магистрата. Подготовленный ими проект тарифа в июне 1751 г. был выслан в Коммерц- и Камер-коллегии. В Коммерц-коллегии, где проект тарифа неоднократно предлагался «к слушанию», из него было составлено расписание всех товаров в алфавитном порядке с указанием их цены. С января 1754 г. вся работа над тарифом перешла к Комиссии о пошлинах, где к материалам, присланным из Коммерц-коллегии, добавились новые. В частности, Я. Евреинов — президент Коммерц-коллегии и член Комиссии о пошлинах — представил присланную к нему от директора астраханской таможни копию тарифа Астраханского порта, сочиненного в собрании

[24] РГАДА. Ф. 397. Оп. 3. Д. 194. Л. 189–190.
[25] Там же. Оп. 1. Д. 406. Л. 8–316.

русских и «искуснейших» армянских купцов в присутствии тайного советника и губернатора В. Н. Татищева еще в 1744 г.[26]

С созданием в 1760 г. Комиссии о коммерции подготовленный в Комиссии о пошлинах Астраханский тариф был передан ей для рассмотрения и завершения работы. Комиссия о коммерции внесла в него 89 поправок[27]. Таким образом, в составлении Астраханского тарифа принимали участие четыре учреждения, начиная от местного и кончая центральной коллегией и специальными комиссиями. Ликвидация комиссии о пошлинах, выполнившей свою основную задачу по отмене внутренних таможен, и создание Комиссии о коммерции, не только продолжившей незавершенную работу над некоторыми тарифами, но и охватившей значительно более широкий круг проблем отечественной коммерции, свидетельствовало о назревшей необходимости восстановления подобной комиссии, о стремлении правительства рассмотреть коммерцию не только в сфере ее таможенного обложения.

Комиссия о коммерции внесла 38 поправок в Тариф на Сибирские пограничные таможни. Была легализована вольная продана российскими людьми на границе с Китаем «мяхкой рухляди» (камчатских бобров и рыси, белки, лис и пр.) в целях пресечения контрабанды, умалявшей таможенные поступления. Ею были внесены изменения размера пошлин на отдельные товары. По предложению Комиссии о коммерции Сенат запретил вывоз из Китая ревеня, утвердил беспошлинную поставку сахарного песка для использования его на российских фабриках, беспошлинный же отпуск из Сибири хлеба для «приохочивания» крестьянства к хлебопашеству[28].

Важным шагом на пути включения сибирского рынка во всероссийский была ликвидация внутренней таможни в Верхотурье, разделявшей собственно Россию и Сибирь. После отмены внутренних таможен в России решение комиссии было естественным завершением реформы. Принимая решение об уничтожении таможни, комиссия подчеркивала, что «оная таможня внутри государства, а не пограничная и сибирские товары тоже русские». С отменой таможни купцы теперь могли ездить, как им удобно, произвольными дорогами, что ускоряло оборот их капитала[29].

В 20—40-е годы XVIII в. внешняя торговля России, являлась ли она казенной или частной, осуществлялась главным образом через иностранных купцов, которые в большинстве случаев были членами, факто-

[26] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 407.
[27] Там же. Оп. 2. Д. 188. Л. 37—41, 45—47.
[28] Там же. Л. 120—134; Ф. 1261. Оп. 6. Д. 33. Л. 32—39 об.
[29] Там же. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 131—132.

рами или корреспондентами торговых корпораций европейских стран. Самостоятельная торговля отечественных купцов, хотя и имела место, в силу ряда причин была развита слабо. В этих условиях создаваемые с начала XVIII в. в ряде западноевропейских государств российские консульства правительство стремилось использовать для защиты фискальных и собственно внешнеторговых интересов казны. Этим российские консульства существенно отличались от западноевропейских, обслуживавших интересы частной внешней торговли[30]. В первой четверти XVIII в. ряд консульств был организован в странах, прежде не имевших прямых торговых связей с Россией: в Венеции (1711 г.), Париже (1715 г.), Бордо и Кадиксе (1723 г.). Их назначение состояло в изучении спроса и предложения и подготовки условий для открытия новых торговых путей и налаживания непосредственных связей с Италией, Францией и Испанией без посредничества иноземцев. Однако организованные вскоре морские торговые экспедиции в эти страны закончились провалом и не имели продолжения[31].

В августе 1727 г. Коммерц-коллегия признала, что от консулов во Франции и Испании «никакой пользы государственной не имеется и впредь содержать их к прибыли безнадежно»[32]. Тогда же прекратили свою деятельность консульства и в других странах.

Во второй четверти XVIII в. заграничная торговля казенными товарами полностью находилась в руках иностранных коммерсантов. В сентябре 1739 г. советник Коммерц-коллегии И. А. Мелиссино поднял вопрос об организации казенной торговли за границей через определенного в Голландии консула, а не через «партикулярных» людей, типа английских купцов Шифнера и Вульфа, которые, имея контракт на монопольную закупку вывозимого поташа через объявление его при браковании «худым» принесли «казенные немалые убытки». В то же время он обращал внимание, что в других государствах даже при отсутствии торговли казенными товарами консулы посылаются на казенном коште ради защиты интересов купечества и частной коммерции, что расценивалось как условие обеспечения государственной пользы[33]. И все же проекты открытия консульств в Голландии, Англии и Италии, обсуждаемые в Коммерц-коллегии и Сенате в 30—40-х годах, были ориентиро-

[30] *Первенцев В. В.* Из истории консульской службы России XVIII века // ВИ. 1985. № 8. С. 163.

[31] *Репин Н. Н.* Торговля России с европейскими странами на отечественных судах (конец XVII—середина 60-х годов XVIII в.) // ИЗ. Т. 112. М., 1985. С. 146—147.

[32] Сб. РИО. Т. 79. С. 337—338.

[33] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 40—45.

ваны на организацию торговли казенными товарами[34]. Об этом в частности свидетельствует инструкция, подготовленная для советника Мануфактур-коллегии Я. М. Евреинова, назначенного в 1744 г. торговым агентом в Амстердам. В ней основное внимание уделялось организации торговли казенными товарами, покупке и пересылке ефимков и серебра, сбору информации о состоянии китоловного промысла и других сведений, полезных для казны. Однако, отправка Евреинова, видимо, по финансовым соображения была отложена на неопределенное время[35].

В 1760 г., когда была предпринята еще одна попытка утверждения в Голландии торгового агента, Сенат попытался опереться на поддержку купечества. Объявив, что посылка агента «и к нему товарища» требуется не только ради продажи казенных товаров, но и «в лучшую пользу производимой российскими купечеством коммерции», Сенат обязал Главный магистрат выбрать «из купцов знатных и достойных», опытных в коммерции и владеющих иностранными языками по три человека из каждого города. Но поскольку на этот призыв правительства купцы не откликнулись, новый указ сосредоточил поиск кандидатов в агенты среди московских первогильдейских купцов. В ответ московские купцы заявили, что «таковых достойных и знающих купцов для посылки в Голландию среди них не имеется» и посоветовали Главному магистрату поискать среди тех российских купцов, которые торгуют к портам и с иностранными государствами. Главный магистрат, видя бесполезность новых обращений к купечеству, назвал «за способных» собственных кандидатов. Это были московские первогильдейские купцы Андрей Дмитриев сын Кондиков, Иван Савинов, Иван Леонтьев сын Симонов, а также рекомендованные в «товарищи» агента — первогильдейцы Василий Исаев, Василий Никонов, Иван Лихонин[36].

Андрей и брат его Николай Кондиковы, открывшие и содержавшие собственным «коштом» в Москве аптеку, указом 1756 г. были освобождены от всех по купечеству гражданских служб. Главный магистрат, включая Андрея в список кандидатов, подчеркнул, что урону аптеке не будет, так как при ней остаться может Николай. Это свидетельствует о том, что Главный магистрат деятельность торгового агента в Голландии рассматривал как разновидность выборной службы купцов наряду с прочими казенными и гражданскими службами посадского населения. А потому за неимением выборных кандидатов он счел себя вправе назвать их в принудительном порядке.

[34] *Репин Н. Н.* Указ. соч. С. 147.

[35] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 33. Л. 71—72; СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 551. Л. 242—243 об.

[36] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 104. Л. 2—3 об.

Однако дальше этого дело не продвинулось, хотя Комиссии о коммерции был поручен пересмотр составленной еще для Я. М. Евреинова инструкции. Таким образом, решение о посылке агента в Голландию принимал Сенат, выбор кандидатов возлагался на Главный магистрат, а идейное обеспечение всего предприятия поручалось Комиссии о коммерции. Следы работы комиссии над старой инструкцией нами не обнаружены. Видимо, все предприятие заглохло прежде, чем комиссия приступила к работе над нею. В дальнейшем Сенат, Коммерц-коллегия и Комиссия о коммерции занимались поиском купцов, желающих послать своих сыновей в Голландию для обучения коммерции и содержания контор[37].

В позиции московских купцов по отношению к посылке торгового агента, на наш взгляд, проявилось сомнение в полезности для их частной коммерции такой службы именно в Голландии, торговые связи с которой издавно существовали у северного купечества, ориентированного в своих торгах на Архангелогородский порт. То, что в 1750-е годы купечество разных городов поднимало вопрос об организации в ряде западноевропейских государств консульств, говорит о признании купцами их полезности. При этом выбор городов диктовался потребностями развития с ними прямых торговых связей. Когда в начале 50-х годов в Сенате и Коммерц-коллегии обсуждался вопрос о развитии черноморской торговли с Турцией и с итальянскими государствами и об организации для этого на Дону в Черкасске специальной конторы, российский резидент в Турции Алексей Обресков считал полезным для обеспечения интересов российских купцов открыть в Константинополе торговый дом или контору. В качестве кандидатуры торгового агента Обресков предлагал черкасского жителя купца Еремея Пирожникова, который совместно с братом и другими купцами уже несколько лет возил товары в Константинополь, знал турецкий, греческий и итальянский языки. Резидент также счел необходимым отметить, что предлагаемый им кандидат «трезв и поведения честнаго, к тому ж порядочнен и опрятен, так что перед иностранными купцами без стыда показатся может»[38]. В дальнейшем Е. Пирожников действительно оказывал в Константинополе полезные услуги российским купцам, снискав своей деятельностью большое уважение со стороны иностранных купцов и одобрение бывших там российских резидентов.

[37] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 104. Л. 4–5. О заграничном обучении российских купцов коммерции см.: *Козлова Н. В.* Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // ИЗ. Т. 117. М., 1989.

[38] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21566. Л. 108–113.

В 1761 г. в Комиссию о коммерции обратился неизвестный «прожектер» с предложением об учреждении в Крыму в интересах российских купцов и отечественной коммерции консульства или определении консула. Комиссия связалась по этому вопросу с Коллегией иностранных дел. Последняя ответила, что в целом эта идея заслуживает всяческого одобрения, однако в настоящее время в связи с крайним недоброжелательством нынешнего хана к России является неосуществимой. В то же время коллегия подчеркнула, что необходимо всячески прилагать усилия к тому, чтобы эта идея могла быть реализована в будущем[39].

В связи с тем, что провозглашение свободы торговли, связанное с новым экономическим курсом 60-х годов, благоприятно сказалось на росте внешнеторговых оборотов Архангелогородского порта, особенно его отпускной торговли, купцы северных провинций обратились в Комиссию о коммерции с просьбой о назначении в Гамбург консула[40]. Деятельность консула, по мнению челобитчиков, была необходима для «вящнаго российских купцов поощрения к непосредственному торгов за море отправлению». Развитие же самостоятельной торговли российских купцов с иностранными государствами должно было не только утвердить славу россиян между «торгующими народами», но и «доставлять нашему отечеству те выгоды коммерческия, коими поныне пользуются чужие»[41].

Комиссия о коммерции, признав обширность торговли, осуществляемой купцами северных городов с гамбурцами, предложила по примеру Швеции российскому министру в Гамбурге взять на себя консульские обязанности[42]. Сочетание дипломатических и политических функций с чисто коммерческими было характерно для российской консульской службы, складывавшейся в 70—80-х годах XVIII в. в странах Юго-Востока[43].

Таким образом, на протяжении XVIII в. происходило изменение функций российских консульств за границей: от обслуживания исключительно торговых операций казны до ориентации на интересы частной коммерции, контроля за соблюдением договоров и анализа политической обстановки. В связи с заинтересованностью правительства в налаживании устойчивых непосредственных торговых связей между Россией и Турцией, а в перспективе и с итальянскими государствами, что

---

[39] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 45.

[40] В качестве консула они предлагали гамбургского купца Иогана Дидриха Розде, родившегося в Архангельске и имевшего там «азиатную контору».

[41] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 550. Л. 364–365.

[42] Там же. Л. 373–373 об.

[43] *Первенцев В. В.* Указ соч.

отвечало потребностям дворян южных окраин страны, стремившихся к увеличению сбыта сельскохозяйственной продукции, делались первые шаги по обеспечению этих связей консульской службой.

С поиском новых торговых путей на рынки Леванта и Средиземноморья связана командировка на Днепр одного из членов Комиссии о коммерции надворного советника Д. Лодыгина. Посланный в 1761 г. по инициативе И. Чернышева «к тому месту, где в российских границах проходят турецкие суда», он должен был осмотреть район Днепра с целью учреждения порта. В его миссию также входило выяснение способов увеличения отпуска товаров в Константинополь и определение привозных на Днепр товаров для местного потребления и отпуска в Польшу и в другие места. Лодыгин был снабжен инструкцией, составленной И. Чернышевым, документами, касающимися торговли с Турцией, среди которых был проект иностранных купцов о создании совместно с российскими купцами компании для ведения черноморской торговли. Этот проект, присланный еще в 1752 г. российским резидентом в Константинополе А. М. Обресковым, не встретил поддержки у московских купцов, к которым обратился президент Коммерц-коллегии Я. М. Евреинов и Главный магистрат. Созданная в 1757 г. для черноморской торговли с Турцией Темерниковская компания включала только российских подданных[44]. Кроме того, Лодыгин должен был побеспокоиться о продаже отправленных с ним 10 пудов казенного ревеня. Половину его следовало продать турецким купцам на Днепре, а другую — отправить на их судах в Константинополь резиденту Обрескову для продажи с целью выяснения большей казенной выгоды и возможных рекомендаций российским купцам[45].

В своем доношении, отправленном с Днепра в ноябре 1761 г., Лодыгин сообщал о притеснениях и чрезмерных пошлинах, которым подвергались купцы, торговавшие с Турцией, за проезд через Польшу. После осмотра трактов, ведущих в Турцию, и обсуждения с генерал-лейтенантом Хорватом Лодыгин предложил новый сухопутный маршрут — не через Нежин и Польшу, который находился в руках купцов нежинского греческого братства, имевших привилегии при провозе товаров через польские земли, а через Курск и Кременчуг на Новосербию и далее до Бендер. Этот путь лишь немного заходил на польские владения и был, по мнению Лодыгина, безопасен от нападений гайдамаков в связи с устройством форпостов и селений новосербского корпуса, а также обещенным генералом Хорватом конвоем.

[44] *Юхт А. И.* Торговые компании в России в середине XVIII в. С. 240–241.
[45] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 292–295.

Характеризуя российские товары, которые пользовались спросом у турок и поляков, член Комиссии о коммерции обращал внимание на то, что предложенным им путем можно было наладить торговлю льном, а также пшеницей из Малороссии, если ее отпуск был бы позволен. Сам он настаивал на отмене запретов на отпуск товаров, «которые напрасно погибают в Малороссии». Вместо этого можно было бы направить торговлю Малороссии не только в Турцию, но и в немецкие земли и даже Италию, минуя по возможности Польшу, получавшую большие доходы от транзитной торговли через свою территорию.

Однако сухопутная торговля была, конечно, значительно более трудоемкой и дорогостоящей, а желанная связь с итальянскими государствами оставалась довольно проблематичной. О новом пути и его возможностях, насколько известно, так и не было обнародовано в указах, что предлагал в своем донесении Лодыгин. Его обследование осталось лишь для сведения комиссии. Когда в сентябре 1763 г. тульские купцы И. Ф. Володимиров, Л. Лугинин, М. Т. Пастухов и М. Грибанов организовали компанию для торговли со странами Средиземноморья, главным центром их деятельности стал Петербург[46].

Это свидетельствует о предпочтительности морской торговли и в западном и в южном направлении. И все же история командировки Д. Лодыгина интересна как свидетельство устойчивости интереса правительственных учреждений, ведавших вопросами коммерции, к развитию прямых торговых связей с Турцией и странами Средиземноморья. Этот интерес питался не только собственно государственными потребностями в увеличении доходов казны за счет роста пошлинных сборов и притока иностранной монеты, но и поиском новых рынков сбыта продукции сельского хозяйства и развивающейся отечественной промышленности.

В 50-е годы XVIII в. предпринимаются практические шаги по восстановлению караванного торга из Астрахани в Хиву и Бухару. Начатые после присоединения к России Астраханского царства торговые связи неоднократно прерывались, как из-за сложности и длительности пути в Хиву и Бухару, так и из-за обострявшейся военно-политической обстановки на Кавказе, Персии и Средней Азии. В то же время обоюдная заинтересованность в торговом обмене побуждала российских и восточных купцов, а также правительства искать путей торгового сближения. Ханы среднеазиатских государств в 50-х годах неоднократно просили о возобновлении морской торговли между Ас-

[46] *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 100.

траханью и Мангышлаком и обещали выделять конвой для охраны торговых караванов, следовавших в Хиву, в Бухару и в другие места[47]. В проекте нового регламента Коммерц-коллегии 1754 г. также ставилась задача: «В Хиву, в Бухару... коммерцию восставить по-прежнему и определить караван башу за выбором купецких людей, кои в караване итти пожелают»[48]. Однако вскоре в торговле России с восточными странами приоритет был отдан организованным для этого компаниям. В 1759 г. в ответ на прошение Р. И. Воронцова Сенат принял решение о создании компании для торговли с восточным побережьем Каспийского моря, Хивой и Бухарой. Компания получила монопольное право на торговлю со Средней Азией на 30 лет. Хотя был провозглашен открытый доступ в компанию, но никаких следов участия в ней купцов, помимо пяти директоров Астраханской конторы, исследователями не обнаружены[49]. Изучавший ее деятельность А. И. Юхт пришел к выводу, что просуществовавшая до июля 1762 г. Среднеазиатская компания не только не способствовала увеличению торговых оборотов со Средней Азией, но, напротив, затормозила наметившийся с середины 50-х годов процесс оживления русско-среднеазиатской торговли через Астрахань[50].

В 1760 г. на заседаниях комиссии рассматривались материалы, поступавшие в связи с существованием Персидской компании, учрежденной в составе армянских купцов Манвеля Исаханова с братьями в 1758 г. и получившей монополию на ведение торговли с Закавказьем и Ираном. Деятельность Персидской компании и борьбу вокруг ее существования подробно исследовал А. И. Юхт[51]. Против компании активно выступили армянские купцы Астрахани и владельцы московских шелковых мануфактур, направившие свои прошения в Конференцию при высочайшем дворе и Мануфактур-коллегию. В Комиссию о коммерции были присланы записки президента астраханского магистрата Максима Кондратьева и челобитная живущих в Астрахани «торговых индейцов» о повреждениях в торговых делах от Персидской и Среднеазиатской компаний[52]. Одновременно в письме к главе комиссии И. Г. Чернышеву от 19 декабря 1761 г. конференц-секретарь Д. В. Волков высказался за свободную торговлю и отмену компаний, монополизировавших торговлю с восточными странами. Эта записка, по мнению большинства

[47] *Юхт А. И.* Торговые компании в России... С. 283.
[48] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 568. Л. 298.
[49] *Юхт А. И.* Указ. соч. С. 282–283.
[50] Там же. С. 288.
[51] Там же. С. 255–279.
[52] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/4. Л. 320 об.–322 об.

исследователей, оказала влияние на изменение экономического курса правительства. Думается, что не последнюю роль сыграли и неоднократные выступления купцов и промышленников не только против конкретной компании, но и против частных и казенных монополий в целом, обогащавших их участников, но вредивших интересам большинства купцов и самой торговле[53]. При обсуждении в Сенате вопроса о торговле с Закавказьем и Ираном и о Персидской компании наряду с мнениями Коммерц- и Мануфактур-коллегий было учтено и мнение Комиссии о коммерции. Персидская компания не оправдала возлагавшихся на нее надежд правительства по расширению восточной торговли, обороты которой упали. Сенат в целом высказался за ликвидацию ее привилегий в торговле, но из-за противодействия ряда сенаторов и последовавшей вскоре смерти императрицы вопрос был окончательно решен лишь указом Екатерины II от 31 июля 1762 г.[54].

В деятельности Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции 50-х—начала 60-х годов среди вопросов, затрагивавших условия развития коммерции и социально-экономического положения купечества, особое место заняла подготовка Устава о банкротах. После отмены действия Устава, сочиненного в 1740 г. в Коммерц-коллегии, по-прежнему остро ощущалась необходимость его разработки. В начале 50-х годов она осуществлялась в Сенате, который постоянно получал запросы из разных учреждений о том, как поступать с объявившимися банкротами. В феврале 1749 г. на очередное доношение Главного магистрата Сенат приказал взыскивать вексельные долги «без всякого упущения», а лиц, не способных к платежу, держать в Главном и московском магистратах под караулом. Тогда же Сенат потребовал «сочиненный о банкрутах регламент предложить к слушанию... немедленно»[55]. Но лишь в декабре 1753 г. Сенат принял решение о представлении на утверждение императрицы проекта Устава. Предполагалось ввести его в действие, начиная с 1754 г., напечатав на российском, английском, голландском, французском и немецком языках. Однако он был возвращен в Сенат неконфирмованным[56]. Возможно, как и в случае с проектом новой инструкции Коммерц-коллегии, подготовленной в то же время Комиссией о пошлинах, это было связано с начавшейся работой Комиссии по составлению нового Уложения и необходимостью согласования относящихся к одному вопросу положений, разработанных в

[53] Об отношении купечества к монополиям в торгово-промышленной сфере см. гл. 8.

[54] *Юхт А. И.* Указ. соч. С. 277–278.

[55] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 495. Л. 115.

[56] Там же. Л. 31.

разных инстанциях. Не случайно в 1754 г. копия неконфирмованного Устава о банкротах была отослана в Уложенную комиссию.

Потребность в таком согласовании была очевидной, поскольку в проекте инструкции Коммерц-коллегии был также разработан вопрос об обеспечении прав купцов-банкротов, решение которого в большей степени ориентировалось на запросы самих купцов. В основе же подготовленного в Сенате проекта Банкротского устава лежал текст Устава 1740 г. Изменения, внесенные Сенатом, крайне незначительные, были вызваны, во-первых, связанным с восстановлением в 1743 г. Главного и городовых магистратов расширением судебных инстанций, имеющих право рассматривать дела о банкротах; а, во-вторых, стремлением к детализации судебной юрисдикции иностранцев. Внимание к этому вопросу объяснялось участившимися случаями объявления иностранцами банкротств, от которых страдали российские купцы, вручавшие им свои капиталы и товары[57].

Проект сенатского Устава, как и Устав 1740 г., в виде приложения имел регламент кураторам и регламент о расписании классов кредиторов. Правда, порядок классов был иной. На первое место поставлены вексельные долги, которые «для нужнаго в купечестве кредита... всем другим долгам предпочтены были». Затем учитывались обязательства перед казной, расходы на конкурс, плата служителям банкрота и в последнюю очередь долги церкви, школы, сирот и всех остальных[58]. Таким образом, забота о распространении вексельного обращения в результате укрепления доверия к нему со стороны купцов потеснила даже традиционный фискальный интерес казны.

В июне 1760 г. в связи с рассмотрением дела о банкротстве петербургского купца и маклера Федора Раева, по поводу которого была создана специальная комиссия, Сенат вновь вернулся к вопросу о необходимости издания специального устава. О том же в своих записках в начале 1760-х годов писали российские купцы[59]. С учреждением Комиссии о коммерции ей были переданы все по данному вопросу материалы из Сената, Коммерц-коллегии и Уложенной комиссии. На протяжении декабря 1760 г. — сентября 1761 г. проект Устава рассматривался в Комиссии о коммерции на 14 заседаниях. При этом в него вносились поправки как из поданных в комиссию «разных прожектов», так и из иностранных «банкрутских» уставов. Затем он был передан для нового просмотра заседавшим в комиссии купцам Л. Лугинину и

[57] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 495. Л. 115.
[58] Там же. Л. 480–509. См. также: Ф. 342. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–45.
[59] *Чулков М.* Указ. соч. С. 653; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 44. Д. 8. Л. 27–28 об. и др.

И. Затрапезнову. Также было признано полезным познакомить с проектом Устава крупных российских и иностранных купцов, «дабы оной впредь мог служить основательным законом без затруднений и недостатку». Среди них назывались бургомистры конторы Главного магистрата И. Вихляев и Н. Пучков, обер-директора С. Яковлев и С. Роговиков, торгующие к портам петербургские, московские, тульские купцы, иностранцы Аткенс, Стелинг, Томсен и другие (всего 25 человек), а также «все, кто с ними быть пожелает». В дальнейшем список сокращался, пока в нем не остались только Вихляев и Пучков. В ноябре—декабре 1761 г. Устав рассматривался еще на 16 заседаниях комиссии[60]. Однако и после этого проект не был представлен в Сенат и, как следует из указа 7 января 1762 г. о присоединении Комиссии о коммерции к Коммерц-коллегии, она не была сразу распущена в том числе из-за необходимости завершения рассмотрения Банкротского устава[61]. После окончательной ликвидации комиссии, последовавшей в июле 1762 г., все ее дела «для надлежащего исследования и рассмотрения» были переданы в Коммерц-коллегию, в которой уже и происходила дальнейшая работа над Уставом.

Результатом этой работы явилось создание четвертой редакции Банкротского устава. В ее основу был положен текст сенатского проекта 1753 г. (вторая редакция), каждый пункт которого был расписан «по материям», сопровождаемыми ремарками, дополнениями и пояснениями тех или иных изменений. При их составлении коллегия во многом использовала то, что было наработано в Комиссии о коммерции, часто беря уже готовый текст, хотя иногда по другому его компануя.

В обеих редакциях одинаково определен адресат Устава — это купец, заводчик, фабрикант, откупщик и «одним словом, всякой торгом промышляющей»[62]. Оба проекта в случае несостоятельности того или иного лица предусматривали немедленное опечатание его товаров и всего имущества, кроме необходимой одежды и съестных припасов по усмотрению заимодавцев. Сам банкрот подвергался аресту, освободиться от которого он мог лишь с согласия кредиторов или при наличии надежного поручительства. Детально определенные действия суда после объявления банкротства должны были установить причины, его вызвавшие. В зависимости от них различались три (а не два, как в редакциях 1740 и 1753 гг.) вида банкротов: беспорочный, злостный и неосторожный. Отнесение банкрота к тому или иному виду целиком зависело от решения кредиторов; оно определяло его дальнейшую судь-

[60] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 564, 572, 575, 583, 610.
[61] Там же. Оп. 1. Д. 495. Л. 118 об.; ПСЗ. Т. XV. № 11399.
[62] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 495. Л. 191 об., 153.

бу. Банкрот, объявленный за беспорочного, освобождался от всех оставшихся после продажи его имущества и товаров обязательств перед кредиторами. В этом состояло его преимущество по сравнению с банкротом неосторожным, обвиняемым в чрезмерности кредитов по сравнению с собственным капиталом, в ленности и мотовстве. Такой банкрот не освобождался от взыскания на нем неоплаченных его имуществом долгов. По требованию кредиторов его можно было отдать в солдаты, для работы на фабрику или тому, кто окупит его долги. Банкрот, признанный «злостным», объявлялся вором, подвергался публичному наказанию кнутом и ссылке на каторгу[63].

Обе редакции отказались от предполагавшегося прежними проектами деления кредиторов на классы с предпочтением казенных долгов (Устав 1740 г.) и вексельных (проект 1753 г.). В них провозглашались равные права кредиторов независимо от их принадлежности и формы оформления займа. Исключение «по обычаю некоторых иностранных государств» предлагалось сделать лишь для прикащиков и прочих служителей купца «по их неимуществу»[64].

В январе 1763 г. проект Устава, подготовленный в Коммерц-коллегии был отослан в Сенат. Однако ни он, ни проект в редакции Комиссии о коммерции утверждены не были. Причина этого, как нам кажется, заключалась в том, что оба проекта, как и предшествующие им редакции касались только купцов. Как поступать с впавшими в долги дворянами, учитывая их привилегированное положение, оговорено не было. Между тем втягивание помещичьего хозяйства в товарно-денежные отношения, а с другой стороны, падение производительности крепостного труда превращало разорение землевладельцев в массовое явление. В дальнейшей работе над проектом Устава необходимо было учесть права дворян на землевладение, оговорив в частности, до каких пределов можно было конфисковывать недвижимость. Известно, что в октябре 1763 г. в экспедицию Сената по коммерции были присланы затребованные ею выписки из Уложения и указов о впавших в долги дворянах. Эти сведения понадобились специально для «рассуждения» при рассмотрении Банкротского устава[65].

Следующий этап работы над проектом Устава связан с деятельностью третьей Комиссии о коммерции, которой при указе Екатерины II от 20 февраля 1764 г. был передан проект, подготовленный ее предшественницей. Для составления «рассуждения» о нем вменялось призвать двух иноземных и двух российских купцов, «разумных, знающих

[63] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 495. Л. 176–177.
[64] Там же. Л. 444 об., 447.
[65] Там же. Л. 136.

коммерцию». Одним из них назывался фабрикант С. Роговиков, кандидатура другого оставлялась на усмотрение комиссии. Последняя признала «за способного» ратсгера Главного магистрата Б. Струговщикова, а из иностранцев — торгующих при Петербургском порте Н. Грена, Бенедиктуса, Лицмана. В мае 1764 г. фактические руководители комиссии Г. Теплов и Э. Миних возглавили работу над Уставом. Одновременно Комиссия о коммерции собрала у себя все прежние проекты, а также уставы других государств. Судя по журнальным записям комиссии в их обсуждении, помимо членов присутствия, принимали участие и ранее привлекаемые к работе над Уставом российские купцы С. Яковлев, С. Роговиков, Л. Лугинин, М. Пастухов, М. Грибанов, от иностранцев — Бахерахт и Каванах. Результатом их усилий явился новый проект Банкротского устава, который в январе 1768 г. при докладе Комиссии о коммерции был поднесен императрице[66].

А. С. Лаппо-Данилевский отмечал, что этот проект, подготовленный третьей Комиссией о коммерции, почти без существенных перемен вошел в состав первой части устава, опубликованного в 1800 г.[67] Она касалась купцов и других торговых людей. Вторая часть адресовалась дворянам и чиновникам. Это свидетельствует о том, что принятие столь нужного для купцов и коммерции закона стало возможным только после того, как в нем оказались непосредственно заинтересованы дворянско-чиновничьи слои общества, и была разработана касающаяся их собственности часть Устава.

Как и в предшествующие десятилетия, Комиссии о коммерции, подобно Коммерц-коллегии, приходилось решать конкретные вопросы, вызванные чрезвычайными обстоятельствами. 29 июня 1761 г. в Петербургском порту произошел большой пожар, от которого особенно пострадали амбары с пенькой и льном. Размеры пожара были столь значительны, что основной товар российского экспорта почти не был отпущен в том году за границу. Это нанесло ущерб вексельному курсу, кредиту, сказалось на привозе иностранных изделий[68]. По данным Коммерц-коллегии в огне пожара погибли товары 94 купцов на общую сумму 1110 тыс. 821 руб. Из них у 14 купцов, потерявших товар более чем на 227 тыс. руб., имелся долг Купеческому банку в 86 тыс. руб.[69]

---

[66] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 495. Л. 1, 27–31, 40, 44–86.

[67] *Лаппо-Данилевский А. С.* Отзыв о сочинении Н. Н. Фирсова «Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II». СПб., 1906. С. 18.

[68] *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 121.

[69] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 33. Л. 59–59 об.

Принимая во внимание столь разрушительные последствия пожара, императрица поручила Сенату предложить меры по оказанию помощи пострадавшим купцам. Практическая их разработка была возложена на Комиссию о коммерции. Положение купцов усугублялось тем, что сгоревший товар у многих из них был закуплен на деньги, авансированные по контрактам с российскими же и иностранными купцами. В итоге расширялся круг лиц, учет капитала и торгов которых был необходим для определения масштаба понесенного ущерба. Принимая во внимание мнения призванных для этого погоревших купцов, челобитные, поступавшие в Сенат от купцов разных городов, торгующих при Петербургском порте, ведомости, предоставленные Коммерц-коллегией и Купеческим банком, Комиссии о коммерции следовало распорядиться выделенными из казны 280 тыс. руб. во благо дальнейшего развития купеческих торгов. Планируемая помощь не должна была распространяться на дворян и «могущих и капиталистых купцов», не потерявших весь свой капитал.

В процессе обсуждения были затронуты вопросы форм помощи погоревшим купцам, сроки предоставления, ее объем и масштаб. Вопреки челобитным купцов и мнению Сената, большинство членов комиссии, в том числе Лугинин и Затрапезнов, выступили за оказание помощи капиталистым купцам. Предлагалось также зачесть внутренние пошлины в зависимости от размера убытка и оставшегося капитала от $^1/_3$ до $^2/_3$ всей суммы за 5 лет; предоставить отсрочку в уплате долгов по контрактам и векселям до 5 лет. Большинство предложений исходило из идеи о том, что награждение должно быть немедленным, а не растянутым на длительный срок. Не встретило поддержки у купцов, заинтересованных в наращивании отпускной торговли, предложение надворного советника Суровцева об увеличении ради покрытия казенных убытков внешнеторговых пошлин[70].

Все высказанные мнения были отосланы для окончательного решения в Сенат. Указ 1762 г. постановил выдать купцам ссуду из Медного банка сроком на 10 лет в половину той суммы, на сколько у них погорело товаров. Однако это оказалось трудно осуществимым, поэтому вышел новый указ о награждении погоревших купцов зачетом пошлин в 5 лет[71].

В рассматриваемое время, как и в 20—30-е годы XVIII в., круг вопросов, привлекавших внимание Комиссии о коммерции, был шире сферы деятельности Коммерц-коллегии. Как и раньше, на рассмотрение к ней попадали вопросы, находившиеся в ведении других экономичес-

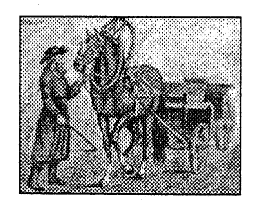
[70] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 455—477 об.

[71] ПСЗ. Т. XV. № 11499. Т. XVI. № 11657.

ких коллегий — Мануфактур-коллегии, Главного магистрата. К примеру, с января по май 1761 г. в комиссии по доношению графа С. П. Ягужинского обсуждался вопрос о приведении его петербургской чулочной фабрики «в цветущее состояние». Для этого из Мануфактур-конторы были запрошены сведения о размере капитала и объеме производства фабрики, а из Коммерц-коллегии — о количестве шелковых чулок, привезенных в Россию за два предыдущих года. Итогом этой работы явилось представление в Сенат о повышении пошлины на ввозные чулки на 3 руб. с дюжины[72].

В том же году Сенат отослал в Комиссию о коммерции доношение петербургского жителя, выехавшего из турецкой области греческого купца М. Пасхакова и астраханского мещанина, армянина А. Арбатова. Комиссии следовало «с учетом государственной и общенародной пользы» рассмотреть их просьбу о заведении в Астрахани, Кизляре и в казацких городках винных, шелкового, бумажного и пшенного заводов и об отводе под них мест, а также о принятии к делу «в товарищи» еще пяти компаньонов и пожаловании челобитчиков в должность обер-директоров[73]. Хотя вопросы учреждения новых промышленных предприятий и изыскание мер по их развитию входили в компетенцию Мануфактур-коллегии, однако некоторые из них, как мы видим, оказывались в поле зрения Комиссии о коммерции, которая не всегда была самостоятельна в осуществлении их отбора.

Определив с самого начала своего существования стремление к выявлению интересов и запросов торгово-промышленных слоев населения, комиссия особое внимание уделяла проектам и предложениям, поступавшим как непосредственно от купцов, так и через Коммерц- и Мануфактур-коллегии и Главный магистрат. В них затрагивались как сугубо экономические вопросы развития торговли и промышленности, так и сфера магистратского управления и социального положения купцов и мануфактуристов. Этой стороне деятельности Комиссии о коммерции, как и характеристике взглядов купцов на поднимаемые в их записках вопросы, посвящены особые главы монографии.

[72] РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 285–285 об., 310 об., 323 об.
[73] Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 33. Л. 18–19.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Главный магистрат и его роль в городской политике абсолютизма

С учреждением Главного магистрата правительство возвращалось к идее централизованного управления торгово-промышленным населением городов, которое стало называться «гражданами». Под это название, как под ведение магистрата, попадали только городские жители, входившие в состав тяглой общины. Проживавшие в городах дворяне, духовенство, служители государственных учреждений, иностранцы и прочие «между гражданами» не числились. Городская реформа по-прежнему исходила из феодального принципа сословного деления общества, в соответствии с которым строилось городское управление. Город рассматривался не как единый социальный организм, все население которого подведомственно общим учреждениям, а как структуру распадающуюся на отдельные сословия и сословные группы, наделенные разными правами и обязанностями, а потому подлежащие управлению в разных инстанциях.

Основный круг функций Главного магистрата, как он сформулирован в регламенте 1721 г., состоял в следующем: «1) Во всех городах порядочный магистрат учредить. 2) Оной добрыми уставами и ограждениями снабдить. 3) Того смотреть, чтоб было правосудие. 4) Добрую полицию учредить. 5) Купечество и мануфактуры размножать... Положенные доходы сбирать и отдавать... куда... будет определено». Кроме того, Главному магистрату следовало «иметь старание» о развитии городского хозяйства и о разработке уставов по вопросам городской жизни, не подлежащих ведению других коллегий[1].

[1] ПСЗ. Т. VI. № 3708. Гл. II., XIV, XX, XXI, XXII, VIII, X.

В отличие от большинства центральных учреждений Главный магистрат в лице городовых магистратов получил подведомственные ему местные учреждения, обязанности которых (судебные, финансовые, полицейские и хозяйственные) лежали в русле деятельности Главного магистрата. Подробно функции городовых магистратов были определены в специальной инструкции 1724 г., которая конкретизировала в целях практического осуществления основной круг вопросов, очертанный в регламенте 1721 г. Наибольшее внимание в инструкции было уделено податно-полицейским обязанностям магистратов. Им посвящена почти половина всех вопросов инструкции (22 пункта из 49). С особой тщательностью магистраты обязаны были обеспечивать бездоимочный сбор подушного оклада и других податей. Оговаривались даже податные обязанности посадских вдов при выходе замуж «куда похотят». Непременным условием при этом являлась продажа двора и «заводов» в посад и погашение всех доимок[2].

К числу полицейских обязанностей магистратов относилось наблюдение за пришлым и отъезжающим из города людом (запрещение гражданам держать у себя в домах и нанимать в работники пришлых людей без покормежных писем; выдача и регистрация паспортов; организация полицейских нарядов во главе с десятскими и сотскими); искоренение «праздных и гулящих», «понуждение» их «к каким возможно художествам и ремеслам или работам»[3]. Специальное внимание как в регламенте, так и в инструкции, было уделено возвращению в посад всех тяглецов, вышедших в иные чины, «не похотя с посадскими служить и податей платить», что рассматривалось как осуществление задачи «дабы всероссийское купечество, яко разсыпанную храмину, паки собрать». Это направление политики правительства было традиционно (со времени Соборного Уложения 1649 г.) и являлось по своему характеру крепостническим. В рассматриваемый период, помимо регламента 1721 г. и инструкции магистратам, оно нашло отражение в указе 5 февраля 1722 г., предписавшего: «Посадских переписать, и которые вышли в деревни и иные места, во дворцовые и помещичьи для укрытия, всех взять в посады...»[4].

Функции Главного и городовых магистратов по развитию городской экономики и хозяйства по сравнению с податно-подицейскими и судебными обязанностями отошли на одно из последних мест, как по вниманию к ним в нормативных документах, так и по реальной воз-

---

[2] ПСЗ. Т. VII. № 4624, п. 10, 14, 18, 19–21, 23–25, 29, 41–43, 48, 32, 11.
[3] Там же. П. 30, 32, 39, 40.
[4] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. II. Ч. 1. № 53 (РО РНБ. Ф. 1003. Д. 7).

можности их осуществить. В инструкции магистратам этим сюжетам посвящены всего 8 пунктов из 49. В их числе покровительство мануфактурам и рукоделиям, развитие «художеств» и торгов, учреждение ярмарок, школ, богаделен, обеспечение пожарного «охранения», чистоты улиц и ремонта мостов[5]. Главному магистрату сверх перечисленного следовало в крупных приморских и «купеческих знатных» городах построить биржи и учредить институт маклеров из числа «добрых и... искусных людей» на содержании самих купцов[6].

За счет каких средств предполагалось осуществление возложенных на магистраты обязанностей по обеспечению городского хозяйства, ни в регламенте, ни в инструкции не сообщалось. Этот вопрос, как отмечалось ранее, просто «выпал» из окончательной редакции регламента. В магистратской инструкции данный сюжет затрагивался только в единственном пункте о выморочных имениях. Причем передача двора и имущества умершего посадского человека при отсутствии наследников «на потребы городовые» допускалось только при наличии в каждом случае специального указа. До тех пор магистрат обязан был то имение описать, оценить и хранить[7].

Отсутствие реальных, гарантированных законом источников доходов местных органов городского управления в сочетании с обширностью возложенных на магистраты обязанностей, связанных с правительственными предписаниями, требовавшими быстрого исполнения и чреватыми суровыми наказаниями, начиная от штрафа, телесного наказания и вплоть до конфискации имущества и ссылки, обусловливали декларативный характер обязанностей магистратов по развитию городской жизни.

Состав и численность магистратских служителей, как и порядок их выбора, были определены центральной властью. Магистратский регламент исходил из разделения городов на 5 разрядов в зависимости от количества дворов. Наибольшее число членов магистрата устанавливалось для городов первого разряда (с числом дворов более 2 тысяч): 4 бургомистра и 1 президент. По инструкции магистратам состав магистратов городов первого разряда включал президента, двух бургомистров и четырех ратманов. Города пятого, последнего, разряда, число дворов которых было менее 250, были лишены коллегиального учреждения — в них магистрат заменялся единоличной должностью бургомистра.

[5] ПСЗ. Т. VI. № 3703. Гл. II, IX, XVII, XX, XXI; Т. VII. № 4624, п. 31, 33, 34, 35, 36, 13.
[6] Там же. Т. VI. № 3708. Гл. XVIII, XIX.
[7] Там же. Т. VII. № 4624, п. 47.

Избирательным правом обладали только «регулярные граждане», в число которых не входили лица, работавшие по найму и нищие. Финансовая ответственность магистратских членов перед правительством определила олигархический характер магистратского присутствия: президентов, бургомистров и ратманов следовало выбирать «из первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей». Олигархические принципы комплектования магистратского правления получили дальнейшее развитие в указе 28 июня 1731 г. Он полностью отстранял «меньшеплатежную» часть посада от какого бы то ни было участия в выборах бургомистров городских ратуш[8]. Законодательство о выборной службе, как отмечал А. А. Кизеветтер, имело чисто фискальный характер[9].

Одно из первоочередных направлений деятельности Главного магистрата на начальном этапе его существования определялось поставленной перед ним задачей по организации городовых магистратов. Несмотря на настойчивое требование верховной власти ускорить проведение городской реформы, дело начало несколько продвигаться только с конца 1722 г. после укомплектования Главного магистрата бургомистрами и ратсгерами. До этого времени усилия Главного магистрата сосредоточивались на подготовительной работе по проведению городской реформы. Она началась со сбора сведений о городах и купечестве, необходимость которого предусматривалась в сенатском указе от 13 ноября 1720 г. и регламенте 1721 г. В январе 1721 г. Главный магистрат запросил от городов именные ведомости о купцах и мастеровых людях с разделением на пожиточных, средней, меньшей статьи и убогих; данные о числе посадских людей, выбывших «со 186 года» и прибывших в посад с указанием причин, о суммах собираемых налогов и величине доимки, о количестве беломестцев в посаде[10]. Требуемые Главным магистратом материалы плохо поступали с мест. Об этом свидетельствует появление в феврале 1722 г. нового указа Петра I о присылке сведений из городов[11].

Особая заинтересованность верховной власти в быстрейшем осуществлении городской реформы, неоднократные напоминания и понуждения с ее стороны в адрес Главного магистрата лишний раз убеждают в государственно-бюрократическом характере создаваемых городских учреждений. Находившиеся еще в процессе становления

[8] ПСЗ. Т. VIII. № 5794.

[9] *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 664—665.

[10] *Водарский Я. Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 110—111.

[11] ПСЗ. Т. VI. № 3747.

магистратские учреждения, а также члены Главного магистрата наряду с губернаторами и воеводами привлекались к проведению переписи городского населения, являвшейся составной частью податной реформы в городах[12]. Правда, менее чем через месяц, осуществление переписи было передано в руки военных ревизоров, возможно, как раз по причине незавершенности городской реформы, что ставило под сомнение достижение полноты учета. В то же время исходные данные для свидетельства жителей городов ревизорам следовало получить от Главного магистрата[13]. В итоге присылаемые ему ведомости о наличном населении и происшедших в его составе изменениях становились основой для фискального учета и обложения городского населения.

Главный магистрат также принимал непосредственное участие в разработке самих принципов проведения податной реформы в городах. 19 апреля 1722 г. в ответ на предложение Петра I Главный магистрат в поданном в Сенат «мнении» подверг критике существовавшую систему обложения посада и в особенности практику чрезвычайных запросных сборов, в результате которых «малолюдное ныне купечество... в совершенную бедность и не исправление в платежах пришло». Магистрат поддержал идею Петра о положении на посадских единого налога, дополнив ее предложением о разверстывании общей суммы налогов по всем городам в соответствии с благосостоянием их посадов. Его оценку следовало возложить на выборных от посадов лиц из расчета по два человека от «знатных» городов и по одному от малых или группы мелких городов. Раскладка же внутри города также производилась с учетом благосостояния тяглецов[14].

Правительство поддержало предложение Главного магистрата, и 27 апреля появился указ Петра I, предписавший: «С посацких положить з души по сороку алтын... а им верстатца междо собою городами по богатству»[15]. Однако на практике идея межгородовой разверстки реализована не была. Причина этого, как справедливо считает Е. В. Анисимов, заключалась в несоответствии имущественно-пропорционального распределения налога между городами с подушным принципом его исчисления, определявшим размер оклада для посадских каждого города[16]. Подобно тому, как размер подушной подати исчислялся без учета тяглоспособности податного населения, а лишь на основе расчетов

[12] *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719—1728 гг. Л., 1982. С. 190—191.

[13] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. II. Ч. 1. № 227.

[14] РГАДА. Ф. 243. Оп. 16. Кн. 907. Л. 95—96; см. также: *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 209—210.

[15] ПСЗ. Т. VI. № 3983.

[16] *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 210—211.

финансовых потребностей государства, размер налога, приходящийся на тот или иной город, определялся чисто математически, путем умножения ставки налога на число посадских душ мужского пола. Имевшееся в указе от 27 апреля противоречие, разрешенное в пользу подушного исчисления оклада, отсутствовало в «мнении» Главного магистрата, считавшего, что при определении суммы посадского оклада следует принимать во внимание малочисленность и скудость купечества. Но как раз это соображение и было принесено в жертву основной идее реформы. Отказавшись от учета благосостояния посадов, правительство не могло не беспокоиться за успех реформы. С целью обеспечения исправного платежа податей оно сохранило традиционный принцип внутригородской раскладки податей «по животам и богатству»[17]. Сохранение этого средневекового принципа сдерживало процесс имущественной дифференциации внутри посада и тормозило накопление капитала в руках его купеческой верхушки, на которую падала большая часть платежей и казенных служб[18].

8 октября 1722 г. Главный магистрат разослал указ о проведении во всех городах выбора магистратских и ратушских чинов по регламенту 1721 г.[19]. С этого времени начинается реальное создание городовых магистратов и ратуш. Непосредственное наблюдение за посадскими выборами сосредоточивалось исключительно в Главном магистрате. Практика созыва избирательных сходов, написания выборного приговора и порядок самой избирательной процедуры подробно на конкретном материале по разным городам рассмотрены А. А. Кизеветтером, что избавляет нас от необходимости углубляться в этот сюжет[20].

Выборы в городовые магистраты проходили в течение всего 1723 и частично 1724 годов. Окончательное утверждение их результатов оставалось за Главным магистратом. При этом, исходя из фискальных интересов казны и характера обязанностей, возложенных на городовые магистраты, центральное учреждение мало заботилось о том, в какой мере избирательный приговор, поступавший на его утверждение, выражал коллективную волю посадской общины. Решающим условием становилась материальная надежность избранных кандидатов и по-

[17] ПСЗ. Т. VII. № 4624.

[18] *Троицкий С. М.* Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х годах XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 431.

[19] Текст регламента и прилагавшийся к нему формуляр, отпечатанные в сенатской типографии в виде 300 книг, были розданы по коллегиям и присланы в Главный магистрат в количестве 70 экземпляров для рассылки в губернии и провинции. Оставшиеся экземпляры продавались «в народ» через типографскую лавку по 10 копеек за книгу (РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 14. Л. 51.).

[20] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 658–795, 673–674.

ручительства по ним. Показательно в этом отношении сопоставление результатов выборов членов московского магистрата, проходивших в январе 1723г., с окончательным составом магистратского правления старой столицы, утвержденным Главным магистратом. На пост президента Главный магистрат не утвердил никого из четырех предложенных кандидатов (Ивана Стрежнева, Бориса Карамышева, Василия Горского и Антипа Михайлова). И. Стрежнев и В. Горской были отклонены по причине назначения их ратсгерами в Главный магистрат. Неоднократные попытки московского магистрата вернуть И. Стрежнева из ратсгеров в президенты заканчивались безрезультатно. Кандидатура Б. Карамышева, владельца полотняной фабрики, не прошла из-за представления Мануфактур-коллегии. Антип Михайлов же был утвержден не президентом, а первым бургомистром. Основанием к тому послужило выдвижение его частью выборщиков на пост бургомистра. И хотя под «заручнами реестрами» в его пользу подписались всего 14 человек, но для Главного магистрата важнее количества выборщиков, видимо, было наличие среди них старост гостиной и других сотен, а также принадлежность А. Михайлова к посадской верхушке и имевшийся у него опыт бурмистра московской ратуши, должность которого он занимал в 1718—1719 гг. К такому выводу пришел А. В. Муравьев, рассмотревший историю образования московского магистрата[21].

Не менее показательны результаты острой и напряженной борьбы, развернувшейся в калужском посаде с начале XVIII в. и сопровождавшейся разделением «меньшеплатежных» и «большеплатежных» в платежах, суде и службах и организации в 1714 г. двух земских изб, а в 1722 г. отдельных магистратов. Необходимость создания самостоятельного магистрата калужская ратуша «меньшего платежа» в своей отписке в Главный магистрат объясняла как наличием соответствующих указов о разделении калужского посада, так и невозможностью быть «в соединении с ними, большеплатежными, за многими напрасными и несносными от них к нам обидами»[22]. В течение следующих двух лет Главный магистрат бомбардировался жалобами обоих магистратов друг на друга. Наличие двух магистратов создавало трудности при выборе сборщиков для различных платежей, что затрудняло выполнение посадом казенных служб. В результате 25 ноября 1724 г. Главный магистрат постановил, чтобы в Калуге был один магистрат и один суд. Воеводе предписывалось забрать все дела у бургомистра и ратмана «меньшеплатежных» и передать их в магистрат «большеплатежных».

---

[21] *Муравьев А. В.* Образование московского магистрата // Вестник Моск. ун-та. Серия История. 1963. № 3. С. 67.
[22] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 18. Л. 30—31 об.

Таким образом, ликвидация двух магистратов в Калуге сопровождалась уничтожением магистрата «меньшеплатежных» и подчинением их интересам посадской верхушки[23].

Согласно регламенту 1721 г. Главному магистрату, помимо организации магистратских выборов, следовало разработать инструкции, которыми президенты и другие члены городовых магистратов должны были руководствоваться в своей деятельности. Первоначально предполагалось составление инструкций с учетом специфики городской жизни разных мест. Но «по разсмотрению», видимо, было принято во внимание, что деятельность городовых магистратов никак не зависела от своеобразия жизни того или иного города, а подчинялась интересам государственно-бюрократической системы управления. В итоге с некоторой задержкой появилась единая для всех магистратов инструкция. В процессе ее подготовки Главный магистрат попытался привлечь выборных купцов из числа магистратских членов, «которые б могли инструкции видеть и выразуметь». Присланным в Москву выборным представителям были розданы списки проекта инструкции с тем, чтобы они представили письменные к нему «ремарки». В ответ выборные объявили, что не могут предложить ничего полезного без согласования с ратушами и совета с прочими гражданами[24]. В дальнейшем Главный магистрат объяснял задержку с завершением работы над инструкцией отсутствием предложений от городов. В делах Главного магистрата нам не удалось обнаружить этих материалов, как и документов, позволивших бы судить об обстоятельствах и отдельных этапах работы над инструкцией. Исходя из ее окончательного текста и сравнивая его с текстом регламента, можно лишь догадываться о тех предложениях «к пользе гражданской», которые могли быть внесены в инструкцию по представлению с мест, если вообще подобные представления были получены. К их числу, возможно, относились вопросы, связанные с организацией постоя в городах и защитой хозяев от постояльцев (п. 11); с выдачей из магистратов паспортов посадским, отъезжающим по своим хозяйственным нуждам (п. 39); с податными обязанностями посадских вдов при выходе замуж за пределы посада (п. 48), с возможностью оставления выморочных имений посадских людей на городские нужды (п. 47).

Учреждение Главного и городовых магистратов означало выделение городского тяглого населения из-под власти местной администрации. Уже в ноябре 1720 г. Сенат разослал в коллегии, канцелярии, губернии

[23] *Муравьев А. В.* Из материалов по истории классовой борьбы в русском городе начала XVIII века // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 163

[24] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 56. Л. 19 об.

и провинции указы об учреждении канцелярии магистратских дел и о неведении «купецкого корпуса» судом, кроме той канцелярии[25]. Регламент 1721 г. предостерегал губернаторов и воевод от вмешательства в вопросы магистратского суда и городской экономики. Одновременно запрещалось гражданскому и военному начальству призывать посадского человека для суда в свою канцелярию. В случае же иска на мещанина следовало «бить челом» и искать суда на него в магистрате.

Несмотря на ясно выраженную в законе идею независимости и самостоятельности магистратского суда, местная администрация в течение всего первого периода существования городских выборных учреждений (1722—1728 гг.) так и не смогла ее хорошенько усвоить. Об этом свидетельствовал непрекращавшийся поток жалоб, поступавший из разных городов в Главный магистрат и даже Сенат. Во всех них сообщалось об обидах и разорении «купецким людям», чинимых по исцовым и другим делам от приказных судей, воевод и провинциальных канцелярий.

В январе 1723 г. в Главном магистрате был составлен реестр «несносных озлоблений купецким людям от приказов». Из него следует, что иски разных чинов людей (подьячих, служителей, ямщиков, солдат, денщиков, дворян и пр.) на купцов вопреки регламенту 1721 г. продолжали рассматриваться в надворном суде и многочисленных канцеляриях, в ведомстве которых находились челобитчики (Ямской приказ, Гарнизонная и Адмиралтейская канцелярия, Соляная контора, Канцелярия полицмейстерских дел и другие). «Рассмотрение» иска начиналось с ареста купца, сопровождавшегося опечатанием его лавок и амбаров, держанием «в железах» и побоями, нередко приводивших к смерти арестованных «под караулом» и в любом случае — к ущербу их хозяйственной деятельности. Практика «судебного разбирательства», например, в Полицмейстерской канцелярии, по показаниям купцов, складывалась из следующих моментов: «Захватя во оную канцелярию и не допрашивая, отсылают в каторжную работу и бьют безвинно палками». При этом канцелярии и надворный суд не только не сообщали в Главный магистрат об арестах купцов, но даже не отвечали на неоднократные запросы и требования Главного магистрата о присылке ему арестованного и самого дела[26].

Возложив на магистратские учреждения защиту посадских людей, верховная власть не обеспечила их необходимым для выполнения этой важной функции механизмом. Единственным средством воздействия на местную и центральную администрацию у Главного магистрата,

[25] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. V. Д. 21447. Л. 2.
[26] Там же. Оп. 2. Д. 31. Л. 1—10.

не говоря уже о городовых учреждениях, оставалась посылка «промеморий» с напоминанием об имеющихся указах, запрещавших вмешательство в магистратские дела и нанесение обид и ущерба «купецким людям». Исчерпав это ненадежное средство, остававшееся без всяких последствий, Главный магистрат обращался за помощью в Сенат, прося защиты купцов от судей, «дабы... впредь и большаго отягощения не приключилось, а Главному магистрату того не причтено б было к неохранению». В свою очередь Сенат в очередной раз направлял в коллегии, в губернии к губернаторам и вице-губернаторам, в провинции к воеводам «подтвердительные» указы о невмешательстве в магистратские дела.

В отдельных наиболее вопиющих случаях Сенат распоряжался об организации розыска[27]. Обращает на себя внимание непоследовательность Сената в отстаивании самостоятельности и независимости действий магистратских учреждений по отношению к местной администрации. Подтверждая невмешательство губернаторов и воевод в магистратские дела и учреждая розыск именно по причине нарушения «юстицкими судьями» соответствующих указов, Сенат в то же время передавал розыск в руки воевод под ведением Юстиц-коллегии, куда следовало присылать результаты расследования. В итоге Главный магистрат мог бы всякий раз оставаться в стороне, если бы не проявлял инициативу в определении к розыску представителей местных магистратов и купцов и не распоряжался бы о присылке ему копии розыска.

Складывается впечатление, что Сенат, стремясь к укреплению авторитета Главного магистрата, и сам еще не слишком всерьез принимал им же провозглашенный принцип равенства этого нового центрального учреждения среди других коллегий. С еще большей легкостью права Главного и городовых магистратов нарушались Сенатом, когда речь шла о фискальных интересах казны.

По указу 29 мая 1724 г. подушные деньги, собираемые с посадских людей, шли на содержание армейской и гарнизонной артиллерии. По ведомостям 1724 г. посадский оклад был определен в 203 311 руб. 20 коп. По приговору Сената от 16 сентября на магистраты была возложена обязанность сбора и отсылки подушных денег в рентереи в три срока. По сведениям Штатс-конторы за 1726 г. недоимка с купечества в 1724 г. составила 128 154 руб. 22 коп., а в 1725 г. — 128 011 руб. 25 коп.[28]

Эти данные Штатс-конторы характеризуют величину посадской недоимки подушного оклада за два предыдущих года по отношению ко

[27] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21447. Л. 168–169.
[28] Там же. Д. 21486. Л. 267.

времени представления сведения, а потому согласно принятой методике вполне заслуживают доверия[29]. Податная реформа, подчинившая своим целям одновременно с ней проводившуюся городскую реформу, ухудшила платежеспособность посадов, чему в немалой степени способствовала как величина оклада, так и характер ее исчисления[30]. Поэтому ничуть не удивительно, что в первые же два года сбора подушной подати недоимка составила более 50% двухгодичного посадского оклада[31].

Местная администрация, не вдаваясь в причины столь огромной недоимки, объясняла ее тем, что «магистраты подушных с купечества денег не збирают и... чинятца ослушны». Об этом в своих доношениях в Сенат писали воеводы «с товарищи». В ответ Сенат указом от 24 июля 1726 г. распорядился передать из магистратов ведомости, на основании которых происходил сбор подушной подати, губернаторам и воеводам. Самих бурмистров до полного расчета по недоимкам велено было содержать «под крепким караулом и отнюдь никуда не выпускать». Проявляя заботу, о бесперебойном ведении возложенных на магистраты дел, Сенат запретил сажать бургомистров под арест в губернаторские и воеводские канцелярии[32]. В результате в руки губернской и провинциальной администрации временно вновь передавалась финансовая и судебная власть, но теперь уже не непосредственно над посадским населением, а над выборными органами городского управления. Причем, как свидетельствуют материалы Главного магистрата, допускаемый в указе арест магистратских членов воспринимался губернаторами и воеводами как указание на содержание их в цепях и в железах[33].

Подобные «официальные» нарушения законодательно провозглашенного принципа невмешательства губернаторов и воевод в магистратские дела только дополняли повседневную практику грубого произвола, характерную для отношений местной администрации к магистратскому правлению. Арест и держание под караулом членов магистрата,

[29] О методических принципах, учет которых необходим для правильной оценки данных о недоимках, см.: *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 267.

[30] Там же. С. 205–212.

[31] Уже П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер писали о тяжести подушной подати, одним из свидетельств которой являлись огромные недоимки. Е. В. Анисимов в исследовании о податной реформе Петра I, напротив, доказывал, что «недоимки не были так грандиозны, как это стремились показать послепетровские правители». См.: *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 647; *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 438–446; *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. С. 266.

[32] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21486. Л. 267 об.–268; См. также: *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 446–448.

[33] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21493. Л. 68–71.

принудительное взятие у купцов подписки о невыезде из города, брань и даже побои не были редким явлением. В дополнение ко всему перечисленному новгородский воевода Стрежнев, логически завершая отказ от признания правомочности и независимости от его власти посадского населения, отказывался принимать от новгородского магистрата, как от равного по рангу учреждения, промемории, требуя доношения, а в магистрат, подобно подчиненным его ведомству, посылал указы[34].

Еще более свободно по отношению к бургомистрам и ратманам, как, впрочем, и ко всему купечеству, чувствовали себя различные заезжие «команды», нередко считавшие физическое воздействие наилучшим средством обеспечения возложенных на них миссий. В 1723 г. «смертному бою» подвергся по приказу проезжавшего через Коломну генерал-майора С. А. Салтыкова бургомистр коломенского магистрата купец гостиной сотни Иван Ушаков. Недовольство генерала было вызвано отказом местного магистрата прислать плотников и лес для починки струга, на котором Салтыков плыл в Нижний Новгород. По отношению к местному купечеству генерал повел себя как помещик со своими крепостными, а в бургомистре он видел лишь старосту, обязанного выполнять волю господина. Он не стал считаться с тем, что починка струга вовсе не входила в число функций магистрата и вполне могла быть выполнена наемными плотниками[35]. Такими же средствами, как и Салтыков, добивался от бургомистра и ратманов исполнения указов обер-офицер Родион Волков, организовывавший поставку подвод для персидского посла: «Оной де Волков, — сообщалось в доношении коломенского магистрата, — велел драгунам, поваля ево бургомистра, держать за волосы и за руки и... бил тростью, а драгунам велел ево бить палками и топтунами и ефесами по спине и по плечам. Потом велел еще бить плетми смертно, и от того де бою лежит он... и поныне присмерти». Избиению подверглись также ратман и городовой староста. В результате такой экзекуции коломенский магистрат «обстоятельно содержатца не может», — сообщалось в доношении[36].

Подобные случаи расправы и даже убийства купцов не были редким исключением. В Коломне в 1716 и 1718 г. «воинскими людьми» были застрелены два купца, в том числе гостиной сотни Григорий Логинов убит в его собственном доме. Еще один купец гостиной сотни Коломны Прокофей Шилин подвергся притеснениям со стороны подполковника Ямбургского полка, расквартированного на посадских дворах. Явившись «без указа» в дом Шилина, он «чинил ему всякие

[34] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21476. Л. 461–462.
[35] Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 908. Л. 51–51 об.
[36] Там же. Л. 52–52 об.

обиды, а домашних де ево из хором выслал и велел жить в бане». Намереваясь устроиться с удобствами, подполковник приказал вскопать уже засеянный огород Шилина и «сеять свои» овощи. Присутствовавшего при этом посадского человека И. Пуговишникова, который «ему претил», бил граблями, а драгуны по его приказу били палками[37].

По данным 1-й ревизии в Коломне значилось 4 фамилии купцов гостиной сотни. Это были упоминаемые еще в источниках начала века Ушаковы, Ширяевы и братья Логиновы, а также записавшийся позднее Прокофей Шилин[38]. Члены трех этих фамилий в рассматриваемое время на себе испытали грубое воздействие со стороны чиновничье-дворянского сословия.

Главный магистрат, куда обратились с жалобой члены коломенского магистрата, не располагая реальной властью и средствами защиты подведомственного ему купечества, просил Сенат о «милостивой» резолюции, «дабы впредь таких обид как магистратских дел ко управителем, так и к купечеству происходить не имело». Ни купцы, ни Главный магистрат, прося защиты, ни слова не упоминали о наказании обидчиков.

В целом «охранение» «магистратских дел управителей» и купечества от гражданского и военного начальства и просто иночинцев была важной, но мало эффективной стороной деятельности Главного магистрата. Главная причина этого заключалась в низком сословном статусе посадских людей, обусловленном их принадлежностью к тяглым разрядам населения, приписанным к определенному месту жительства. В условиях сословного строя феодальный суд не мог защитить низшие сословия от посягательств и притеснений со стороны высших сословий даже в тех сферах жизни, в которых декларировалось их «охранение», как, например, при организации постоя в городах или при обеспечении уважения к магистратскому правлению. В последнем случае имело значение и особое место, которое занимали выборные городские учреждения и Главный магистрат в системе местного и центрального управления, не включение их служителей в состав чиновничества с присущей ему иерархией рангов. В таких условиях Главному магистрату, не имеющему реальной возможности обеспечения защиты купечества и опасающемуся, чтобы с него же за это не было взыскано («того не причтено б было к неохранению»), ничего не оставалось делать, как обращаться в Сенат за «милостивой» резолюцией. Сенат же в таких случаях, как правило, ограничивался посылкой очередного

[37] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 908. Л. 52 об.

[38] *Козлова Н. В.* Социально-экономическое развитие Коломны в 20—40-х годах XVIII в. // Русский город. Москва и Подмосковье. Вып. 4. М., 1981. С. 130.

указа о недопущении притеснений магистратских чинов и купцов, который, впрочем, никто из обладавших реальной властью и защищенных сословными правами всерьез не принимал.

Низкий, отличный от других коллегий статус служителей Главного магистрата приводил порой к такой ситуации, когда представители иных ведомств при необходимости совместного слушания дела купца, подлежащего разбору в этом центральном учреждении, считали для себя неприличным приход к вовсе бесчиновным и на этом основании добивались от Сената рассмотрения такого дела в своем ведомстве вопреки регламенту Главного магистрата[39].

Основную массу судебных дел, поступавших в Главный магистрат, составляли всевозможные тяжбы, возникавшие между купцами и другими представителями посада, а также между ними и разночинцами в ходе их хозяйственной деятельности: о взыскании заемных денег, закладных лавок и товаров, иски о непоставке товаров на авансированные деньги, иски на казенных подрядчиков и т. д.[40].

Подобные дела рассматривались в губернских, провинциальных и городовых магистратах. В Главный магистрат, как высшую судебную инстанцию для посадских людей, они попадали в случае апелляции решения местного магистрата. Одновременно в ведении Главного магистрата находились все судебные дела, касающиеся петербургского посадского люда. Указом Сената от 28 ноября 1721 г. суд над иностранными купцами, прежде осуществлявшийся Коммерц-коллегией, был также передан в Главный магистрат[41].

При всей распространенности нарушений судебных прав городских выборных учреждений со стороны местной и центральной администрации организация сословного суда посадских людей все же имела реальное значение в обеспечении правовой защиты городского тяглого населения. Вмешательство губернских и воеводских властей, надворного суда и других учреждений все-таки расценивалось как нарушение действующих законодательных установлений, а потому подлежало пресечению. В случае бесцеремонности, грубости и насилия, столь обычных по отношению к купцам, последние при наличии специального правового института имели больше шансов защиты, чем когда городские учреждения находились под управлением той же администрации. Это понимала и верховная власть, о чем свидетельствует вопрос, заданный кем-то в Верховном тайном совете в связи с принятием решения о ликвидации Главного магистрата: «Когда оного ма-

[39] РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2491. Л. 96.
[40] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21476. Л. 524–529, 543, 544.
[41] Там же. Д. 21447. Л. 206–209.

гистрата не будет, то городовые магистраты, ежели им от воевод обида происходить будет, к кому писать будут?». Но вопрос этот, как сообщал С. М. Соловьев, остался без ответа. Об ухудшении правовой защиты посадского населения после передачи городовых учреждений под власть губернаторов и воевод писали в своих доношениях в Комиссию о коммерции российские купцы[42].

С восстановлением в 1743 г. Главного и городовых магистратов «на прежнем основании» первой заботой центрального ведомства, помимо укомплектования собственного состава, стало доведение до сведения местных городских учреждений основных принципов городской реформы 1720-х годов. С этой целью в типографии Академии наук были напечатаны 1200 экземпляров регламента 1721 г. В марте 1744 г. 250 экземпляров были разосланы по городовым магистратам и ратушам, губернским и провинциальным канцеляриям и другим государственным учреждениям; основная же часть тиража поступила в вольную продажу. Тогда же Главный магистрат распорядился об издании в типографии Академии наук 50 экземпляров регламента на немецком языке для рассылки в «новозавоеванные провинции»[43].

Одновременно заботой Главного магистрата стало проведение выборов членов городовых магистратов. 8 марта 1744 г. императрица подписала подготовленный Главным магистратом формуляр указа, в котором особо подчеркивалось, чтоб в президенты, бургомистры и ратманы «выбирали без всякого пристрастия под опасением, ежели впредь... явятся выбраны по какой страсти не первостатейныя и не пожиточныя или не искусныя люди, тяжкого ответа и взыскания со всего купечества немалого штрафа». В губернские и провинциальные канцелярии были посланы указы из Главного магистрата о том, чтобы губернаторам и воеводам купечество «ни в чем не ведать и в выборы их не вступать»[44]. В то же время воеводские канцелярии должны были обеспечить правильность процедуры выборов, а их результаты пересылать для утверждения в Главный магистрат. В том случае, когда «выбор» посылался прямо из ратуши, минуя воеводскую канцелярию, Главный магистрат требовал объяснений этого нарушения. В целом среди дел, рассматривавшихся в Главном магистрате на протяжении всего 1744 г., значительную часть составляли материалы об утверждении выборов в городовые магистраты, освидетельствании присылаемых бурмистров и ратманов, уточнении состава магистратского правления[45].

---

[42] См. Раздел II, гл. 9.
[43] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 4. Д. 114. Л. 3–7.
[44] Там же. Л. 27 об.–29.
[45] Там же. Ч. 5. Д. 21493.

Количественный состав магистратских членов согласно регламенту зависел от того разряда, к которому в соответствии с числом дворов принадлежал тот или иной город. Так, президентов могли иметь только магистраты городов с числом дворов больше тысячи. При проведении магистратских выборов выяснилось, что в целом ряде губернских и провинциальных городов, например, Белгороде и Воронеже, Владимире, Суздале и Угличе, количество дворов гораздо меньше по сравнению с приписными к ним городам, так что в них «по малости дворов и президентом быть не следует». В результате губернским и провинциальным магистратам, как не имеющим по дворовому числу президентов, следовало состоять под апелляцией у приписных к ним городовых магистратов, что признавалось «не без обиды». Главный магистрат, рассмотрев этот вопрос, определил президентам быть только в губернских и провинциальных магистратах, хотя бы в них число дворов было меньше, предусмотренного в регламенте. В магистратах же приписных городов президентам быть не полагалось, и состоять им следовало под апелляцией провинциальных, а последним — губернских магистратов. Сенат, утвердивший приговор Главного магистрата, тем самым признал главенство административного принципа над социально-экономическим при решении вопроса о «знатности и степени городов»[46].

Восстановление магистратских учреждений в 40-х годах, так же, как и при их создании в 20-х годах, совпало с проведением ревизии населения. Именной указ от 16 декабря 1743 г. возложил перепись посадских и разночинцев на магистраты и ратуши, а в отсутствии их — на воевод[47].

Занимаясь обустройством городских учреждений, Главный магистрат столкнулся с очень острым для посадских обществ вопросом о сроках магистратской службы. Законодательная практика первой половины XVIII в. решала его по-разному. До магистратской реформы 20-х годов выборная служба в бурмистрах была ограничена годичным сроком. Регламент 1721 г. планировал «со временем» введение бессрочной магистратской службы, что на практике было расценено как фактическое ее установление. С отменой магистратов был восстановлен годичный срок бурмистерской службы. Указ 1731 г. увеличил его до трех лет, предоставив посадам право переменять выбранных бурмистров и до истечения трехлетия в случае недовольства их деятельностью.

Удлинение срока выборной службы наряду с ограничением круга лиц, допускаемых до ратушского правления, вызвало недовольство посадских обществ. В ответ на их челобитья правительство допускало

---

[46] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 940. Л. 622–623.
[47] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 4. Д. 114. Л. 41–44.

погодную смену бурмистров в отдельных городах, не придавая частных постановлениям характера общего законодательства. С восстановлением магистратов выборная служба в них вновь была признана бессрочной. Главный магистрат несмотря на поток челобитий, поступавших со всех концов России, упорно отклонял все просьбы об ограничении сроков магистратской службы в виде общей меры. По всем прошениям следовал отказ со ссылкой на регламент 1721 г. и с указанием на то, что указ 1731 г. о трехлетней службе относился к ратушам, подчиненным воеводам и губернаторам, а не к магистратам[48]. Свои доводы в защиту бессрочности магистратской службы Главный магистрат изложил в докладе в Сенат от 4 января 1761 г. Этот доклад был составлен в ответ на указ Сената о рассмотрении вопросов, касающихся магистратской службы, с тем, чтобы ее сроки не сказывались отрицательно на торгах и промыслах купцов. Однако Главный магистрат заботило не «избежание купеческих отегощений», а обеспечение государственных интересов, которые сводились главным образом все к тем же фискальным нуждам. По мнению Главного магистрата, введение срочной службы магистратских членов приведет к упадку градское правление, а особенно попечение о пополнении «интересных» сборов, поскольку «всякой не ином о чем старатся будет, так точно о едином том, как бы скорее проводить... время». Кроме того, срочная служба не позволит магистратским членам как людям «незаобыкновенным» успеть обстоятельно познакомиться и вникнуть в порядок магистратского правления[49]. Подобные доводы центрального учреждения, призванного обеспечить выполнение возложенных на городское тяглое население податных и других государственных повинностей, были вполне логичны. Разумеется, Главному магистрату в осуществлении бюрократически-фискальных функций на местах необходима была надежная опора в лице опытных и знающих служителей, разбирающихся не столько в тонкостях торгового дела, сколько в механизме взаимоотношений магистратского правления с государственными учреждениями и посадским миром.

Что касается объяснений Главного магистрата, почему бессрочная служба не признавалась им «за излишнее отягощение и в... коммерции помешательства и в капитале подрыву», то, как заметил еще А. А. Кизеветтер, они мало согласовались с реальными условиями посадского быта. По мнению Главного магистрата, отрицательные последствия

[48] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 665–669.

[49] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 437. Л. 3–17; см. также: *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 669–671.

бессрочности магистратской службы устранялись тем, что к ней привлекались лица «из семьянистых и пожиточных людей». Однако закон не вводил никаких специальных постановлений на тот случай, если за общей скудостью посада пришлось бы выбрать в магистратское правление людей не особенно «пожиточных», как это нередко случалось в действительности[50]. В распространенности подобных фактов убеждают данные Комиссии о коммерции, свидетельствующие, что в 60-х годах XVIII в. основную массу купечества составляли купцы третьей гильдии (более 60%)[51]. Анализ материалов по отдельным городам подтверждает этот общий вывод. Во всех посадах преобладающую массу составляла низшая гильдия, хотя соотношение между гильдиями было различным. Менее 2% купцов первой гильдии имелось в Костроме, Мологе, Устюжне Железопольской, Старой Руссе, Старице, Слободске, Тюмени. Купцы же третьей гильдии в них составляли от 75, 7% (в Костроме) до 92, 1% (в Устюжне Железопольской). Только в 11 городах купцы первой гильдии охватывали свыше 10% посадского населения[52]. Как правило, это были города с развитыми посадами, численность населения которых приближалась или даже превышала 2 тысячи человек.

В этих условиях несменяемость магистратских членов не могла не обременять те семьи, на которые падал выбор. Несомненный ущерб она наносила и интересам всей посадской общины, поскольку сопровождалась бессрочным освобождением бургомистров и ратманов, то есть наиболее состоятельных членов посада, от участия в обеспечении других повинностей.

Казенно-бюрократический подход Главного магистрата к решению вопроса о сроках магистратской службы, видимо, не удовлетворил даже Сенат, поэтому, не утвердив доклада, он переслал его в мае 1761 г. в Комиссию о коммерции для рассмотрения и составления «мнения» о нем. Первоначально Комиссия о коммерции рассудила предоставить решение о срочности магистратской службы самим посадам, исходя из их собственных, в первую очередь хозяйственных интересов. С этой целью Главному магистрату следовало организовать сбор «мнений» посадов на этот счет. Это определение вытекало из точного смысла сформулированной в сенатском указе цели рассмотрения вопроса о магистратской службе — «избежания купеческих отягощений». Однако затем комиссия после повторного обсуждения вопроса, сославшись на регламент 1721 г., приняла решение о том, чтобы магистратским членам «быть непременным». Замена их допускалась только в ответ на

---

[50] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 671.
[51] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 74.
[52] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 158—162.

прошения всего купечества и «по ясным доказательствам» серьезности причины. Тульский купец и промышленник Ларион Лугинин как не согласный с «разсуждением» других членов Комиссии о коммерции, подал особое мнение[53]. Таким образом, Комиссия о коммерции, учрежденная при Сенате, по словам входившего в ее состав ярославского купца и мануфактуриста Ивана Затрапезнова, «единственно для пользы купечества в коммерции»[54], после некоторого колебания поддержала позицию Главного магистрата, основанную на защите «государственного интереса», как его понимала бюрократия.

Ратсгеры и секретари Главного магистрата принимали участие в работе различных следственных комиссий, создаваемых для разбора подаваемых в Главный магистрат исков. Такие комиссии могли выезжать в тот или иной город, откуда поступал донос о «похищении казенного интереса» (о нарушении монополии на те или иные товары, тайном провозе соли, корчемстве вином, о похищении денежной казны таможенными и кабацкими бурмистрами и целовальниками, неуказных сборах или их недоборе, об обнаружении в лавках неявленных товарах и пр.)[55]. Следствие могло осуществляться совместно с представителем другого учреждения, чья деятельность перекрещивалась по тому или иному вопросу с Главным магистратом (Коммерц-коллегии, Камер-коллегии, Мануфактур-коллегии, Соляной конторы и др.). Подобные комиссии, создаваемые для расследования дел, затрагивавших казенный «интерес», учреждались по указу Сената, который сохранял общий контроль за следствием и требовал от Главного магистрата соответствующих реестров, ведомостей и другой документации о ходе следствия. В таких случаях Главный магистрат являлся простым исполнителем возложенного на него высшим правительственным учреждением дела, причем представлял в нем интересы отнюдь не городских тяглецов.

Делопроизводственные материалы Главного магистрата свидетельствуют о разнообразии и многочисленности комиссий, в работе которых принимали участие представители этого центрального учреждения. Нередко Главный магистрат должен был укомплектовать эти комиссии собственными канцеляристами и копиистами. Ежегодно к открытию Макарьевской ярмарки для контроля за сбором пошлин в помощь к советнику Камер-коллегии Главный магистрат должен был командировывать своего представителя. В 1749 г., например, Сенат особенно настаивал на кандидатуре ратсгера Ефима Струговщикова,

[53] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 437. Л. 18—19.
[54] Там же. Оп. 2. Д. 188. Л. 382.
[55] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21525. Л. 9—15, 32, 53, 56 об.

деятельность которого на этом поприще в 30-е годы обеспечила «приращение сборов»[56]. Казенные обязанности, далекие от собственных нужд и интересов посадского люда и городов в целом, возлагавшиеся на Главный магистрат, могли иметь постоянный или временный, так сказать, разовый характер. В первом случае для их выполнения выделялся определенный член правления, как это было, например, с вице-президентом Главного магистрата Раевским, определенным в эту должность в 1744 г. и тогда же назначенным «к смотрению и размножению астраханских и саратовских казенных рыбных промыслов». После отбытия его в Астрахань Главный магистрат фактически лишился вице-президента[57]. Обязанности второго типа были разнообразны: от освидетельствования в целях обеспечения беспрепятственного «шествия е.и.в.» мощения мостовых в разных городах до контроля за исправным сбором казенных сборов[58].

После восстановления Главного магистрата и появления указа «об отрешении купечества от ведомства воеводского» городовым учреждениям не сразу удалось реализовать его на практике. Из магистратов и ратуш разных городов в Главный магистрат по-прежнему поступали жалобы на «немалые беззаконные приметки и обиды» со стороны местной администрации. Так, в июле 1744 г. шуйская ратуша сообщала, что вопреки указу об учреждении магистратов, шуйская воеводская канцелярия никакого «исполнения не учинила», а продолжает присылаемыми в ратушу указами, как будто к подчиненному ей учреждению, требовать «в команду свою» выборных от шуйского купечества, препятствует учреждению в ратуше «полицейской должности». Ей вторила арзамасская ратуша, писавшая в своем доношении в Главный магистрат о самовольном «без ведома ратушского» отводе местной полицией купеческих дворов под постой, о продолжавшемся требовании с арзамасского купечества по нарядам от провинциальной канцелярии подвод под едущих через город военных, гражданских и других «всякого звания людей» и под денежную казну, о посылке купцов в «разные сторонние службы» и других утеснениях. Подобные примеры можно продолжать бесконечно[59].

Вновь Главный магистрат рассылал указы о невмешательстве губернских и воеводских канцелярий, полицмейстеров в дела магистратского правления, об обращении с бургомистрами и ратманами «поря-

[56] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21542. Л. 209–210.
[57] Там же. Ч. 4. Д. 195. Л. 5–19.
[58] Там же. Ч. 5. Д. 21493. Л. 148–150.
[59] Там же. Л. 299–300, 307–310. Д. 21525. Л. 23 об., 30. Д. 21542. Л. 299–299 об. и др.

дочным образом», о недержании их и купцов под арестом в канцеляриях и о нечинении им обид и наказаний. Вновь Сенат по докладам Главного магистрата учреждал следствия «об обидах, отягощениях и противных указам проступках» того или иного воеводы или представителей полицейской власти. Однако, подобно тому, как городские выборные учреждения не могли защитить подведомственное им население, так и заседавшие в них бургомистры и ратманы продолжали испытывать на себе произвол и притеснения со стороны местной власти, нередко переходящие в прямое насилие, о чем свидетельствуют документы Главного магистрата и Сената 40—50-х годов XVIII в.[60]

Справедливости ради следует заметить, что те же материалы содержат немало примеров противоположных действий, когда жертвами физической расправы становились уже представители местной администрации. Озлобленность купечества против воевод и их команды была настолько сильной, что порой достаточно было малейшего повода, чтобы глухое и постоянно сдерживаемое раздражение вылилось в активное и уже не контролируемое действие, к тому же не всегда направленное по продуманному и обоснованному адресу.

В октябре 1744 г. старорусский воевода Семен Мусин-Пушкин доносил в Сенат, что местные купцы и магистрат не подчиняются возложенным на воеводу губернаторской и воеводской инструкцией 1728 г. обязанностям по предотвращению распространения пожаров. По этой инструкции требовалось, чтобы в случае пожара городские обыватели, имея пожарный инструмент, прибегали «для унятия огня». Однако, как сообщал воевода, на случившемся в Старой Руссе в ночное время пожаре «обывателей было самое малое число без пожарных припасов». На вопрос бургомистру о причине бездействия местного магистрата «незнаемо какой человек» стал говорить, что «мы де поневоле никогда не станем пожару отнимать». Воевода приказал солдатам арестовать того человека, но бургомистр не позволил и стал кричать, «что де тебе до них дела нет». В дальнейшем все попытки воеводы узнать у жителей и в магистрате о причине пожара ни к чему не привели. Постоянно ощущая пока еще скрытое недовольство и сопротивление, воевода поспешил уведомить Сенат, что не только на пожаре быть, но и из квартиры в канцелярию «ходить опасен»[61].

В августе 1748 г. в Мценске во время ночного осмотра «рогаточного караула» полицмейстер со служилыми людьми подверглись нападению

[60] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 946. Л. 768—770 об., 756—759; Ф. 291. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7270. Л. 1—18.

[61] Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 940. Л. 960—961.

посадского старосты с «незнаемо де с какими людьми», которые били их «смертно» и «похвалялись», что «де будет то ж и воеводе». На крик полицмейстера никто из посадских дворов не вышел, «и от рогаток караул сшел». Как сообщала в Сенат мценская воеводская канцелярия, «за такими мценских купцов противностьми и за боем правящего полицемейстерскую должность смотрения по городу Мценску ныне иметь некому. А рогаточные соцкие и десяцкие, определенные от магистрата ис купцов, во исправлении полицемейстерской должности чинятся ослушны»[62].

Показательный для отношения посадских людей к воеводской власти, а полиции к магистратам случай произошел в феврале 1750 г. в г. Орле. Приехавший в город новый воевода Сидор Денисьев, как и его предшественник, получил от Полицмейстерской канцелярии билет на постой в каменном доме купца Кузнецова. По словам воеводы, тот дом, в котором Кузнецов никогда не жил, был достроен на средства орловского магистрата. Желая помешать вселению Денисьева, купец разломал в доме печь и выбил окончины, а затем совместно с другими посадскими избил воеводу и его людей, отобрав у него шпагу. В ответ на челобитную С. Денисьева Сенат, как и в других аналогичных случаях, распорядился учредить следственную комиссию, включив в нее депутата от орловского или Главного магистрата и представителей офицерства[63]. Физическая расправа, учиненная купцами, объяснялась незаконностью действий Полицмейстерской канцелярии. Согласно закону 1728 г. воеводам и приказным служителям за отсутствием собственного жилья надлежало располагаться в казенных или наемных дворах. Обеспечение воеводского правления жильем не входило в число обязанностей городского тяглого населения и управляющих им магистратов[64]. К тому же согласно регламенту 1721 г. и инструкции 1724 г. отведение квартир в городах возлагалось на магистраты. В данном же деле местная администрация и полицейская власть дважды нарушила законодательные установления, что и вызвало ответные действия купцов.

В XVIII в. в условиях дальнейшего подъема и оживления торгово-промысловой жизни усиливается передвижение крестьянства из сельской местности в города и посадского населения из города в город. Эта объективная тенденция приходила в противоречие с крепостнической политикой правительства по удержанию податного населения по месту его приписки к тяглу, внося в нее необходимые коррективы. В первую очередь был легализован переход посадских людей. При проведе-

[62] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21550. Л. 385–387 об.
[63] Там же. Л. 131–132.
[64] ПСЗ. Т. VIII. № 5333.

нии первой ревизии, несмотря на сохранение норм Соборного Уложения, запретившего такие переходы, купцов, вышедших в иногородние посады, не велено было возвращать на прежние места впредь до указу. Не разрешая этого вопроса в принципе, правительство следовало старой практике признания задние числом совершившихся фактов. Сенат, исходя из идеи сохранения общего числа тяглецов и следовательно обеспечения фискальных интересов казны, а также осознавая потребности экономического развития, в целом сочувственно относился к посадским переходам. Так, по заключении Ништатского мира Сенат высказался за полную свободу переходов русских купцов в новозавоеванные остзейские города с выключением переселяющихся из оклада в их прежних посадах. Главный магистрат, напротив, предлагал либо вовсе запретить такие переходы, либо в целях ограничения этого явления сопроводить их различными стеснительными условиями: возложить на переселенцев двойные подати по старому и новому месту жительства, предоставить местным магистратам право возвращать их обратно, обложить переход в другой посад особым сбором и др. Основным доводом в пользу необходимости принятия подобных мер Главный магистрат выставлял снижение платежеспособности оставляемых посадов, особенно при переходах знатных купцов[65]. В этой позиции Главного магистрата отразилась заинтересованность посадских общин в сохранении в своем составе наиболее состоятельных тяглецов, на которых при разверстке подушного оклада «по животам» приходилась значительная часть платежей.

В данном случае наглядно проявилась обусловленность решения центральным органом городского управления экономического вопроса от условий обеспечения податных обязанностей посадов. Сенатским указом 29 июня 1744 г. посадские переходы были поставлены в зависимость от особого каждый раз разрешения Главного магистрата[66]. Среди делопроизводственных материалов Главного магистрата имеется немало свидетельств упорной борьбы городовых магистратов за сохранение в своем посаде состоятельных тяглецов, захотевших легализовать свое фактическое проживание в другом городе. А. А. Кизеветтер, рассмотревший многочисленные тяжбы различных посадских обществ из-за спорных тяглецов, пришел к выводу, что центральным моментом в таких спорах становился вопрос о практической нужде того или другого посада в тяглоспособных членах[67].

---

[65] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 48–49.
[66] ПСЗ. Т. XII. № 9001.
[67] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 59.

Крайне болезненно посадские общества воспринимали указы об административных переселениях посадских людей во вновь образуемые посады. Подобные переводы на протяжении XVIII в. практиковались неоднократно. Такими принудительными переводами, как известно, первоначально заселялись Петербург и Гжатская пристань. По-видимому, именно сопротивление посадских обществ при поддержке местных магистратов принудительным переводам заставило правительство утратить веру в их целесообразность. В дальнейшем при заселении купцами и ремесленниками новых городов, особенно когда их возникновение было связано с решением финансово-зкономических и военно-политических задач, государственная власть прибегала к системе льгот или даже особой привилегии, как это было в Оренбурге, а также денежных субсидий на дорожные расходы и обзаведение на новом месте, как в случае с обустройством Азовской и Таганрогской крепостей.

Заинтересованность Главного и городовых магистратов в платежеспособности посадских обществ, вытекавшая из возложенной на них ответственности за исправный сбор окладных сумм, определила и их отношение к вступлению в состав посада крестьян и других иночинцев. Условия и сами процедура приписки нового члена в посадское общество подробно рассмотрены в работе А. А. Кизеветтера[68]. Сохранившиеся многочисленные материалы вступления в посад нового тяглеца свидетельствуют, что каждый такой случай находился под непосредственным контролем местного магистрата, выносившего окончательный приговор, подлежащий утверждению в центральном учреждении городского управления. Попытки посадских обществ освободиться в этом вопросе от опеки Главного магистрата встречали с его стороны противодействие, «дабы не были приняты такие, коих принять не подлежит»[69]. Главными условиями зачисления крестьянина в посад согласно указу 13 апреля 1722 г., подтвержденному 5 марта 1747 г., было наличие торгов и промыслов на сумму в 300—500 руб., согласие прежнего владельца и сохранение податных обязательств крестьян перед помещиком. Городовые магистраты, комплектовавшиеся из числа «большеплатежных», которые в соответствии с существовавшими правилами раскладки общепосадского оклада «по животам» несли подати за скудных и неплатежеспособных членов посада, были заинтересованы в тщательном освидетельствовании каждого вновь вступающего члена в целях выявления его соответствия требованиям законодательных установлений.

[68] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 25—49.
[69] Там же. С. 36.

Посадские общества проявляли и собственные инициативу и немалые усилия к умножению своих тяглых членов в интересах укрепления платежеспособности посада. Эти усилия направлялись прежде всего на тех проживавших в городе крестьян и разночинцев, которые имели торги и промыслы. В отношении разночинцев дело решалось довольно просто не только в силу того, что «настояния посадских обществ опирались на точный смысл закона и потому имели все шансы на успех», но и благодаря совпадению этих усилий с политикой правительства по распространению тягла на новые категории населения, ранее от него свободные. Более того, стремясь к увеличению тяглых единиц, ревизские канцелярии, руководствуясь сенатскими указами, посвященными разбору общественных состояний, нередко приписывали к посадам разночинцев без учета их материального положения и рода занятий и часто вопреки протестам местных и Главного магистрата. А. А. Кизеветтер, рассмотревший подобные случаи, пришел к выводу, что посад не был защищен от административной приписки к нему новых тяглецов даже тогда, когда такая приписка осуществлялась в разрез с профессиональным характером посадского тягла, столь ясно установленным в законодательстве[70].

Практика приписки к посадам разночинцев свидетельствует о разных подходах к решению этого вопроса посадских обществ и магистратского правления с одной стороны и правительственных учреждений — с другой. И все же, путем напряженной борьбы посадам порой удавалось отринуть от себя нежелательных членов, навязываемых им администрацией, и в то же время довольно легко добиться включения в свой состав разночинцев, имеющих торги и промыслы, хотя последнее могло сопровождаться напряженной борьбой с тем или иным ведомством, не желавшим записи в подушный оклад состоявшим под его управлением лица. Такую борьбу, например, вела церковь, всячески пытавшаяся помешать выходу из духовного сословия своих лишних членов[71]. Это стремление приходило в противоречие с политикой правительства по «упорядочению» духовного чина, выразившейся в частности в ограничении численности духовенства через положение в тягло или определение к военной или гражданской службе безместных священно- и церковнослужителей, а потому было обречено на поражение[72].

Иным было соотношение сил, когда речь шла о торговых крестьянах, особенно частновладельческих. Практика их приписки к посаду,

[70] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 26—30, 39.
[71] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21542. Л. 169 об.—170 об.
[72] ПСЗ. Т. VI. № 4035, 4072, 4186; см. также: *Шульгин В. С.* Религия и церковь // Очерки русской культуры XVIII века. Часть вторая. М., 1987. С. 389—390.

даже при соблюдении «точного смысла закона», обнаруживает полное бесправие городских органов управления перед владельческими правами помещиков. Рассмотрение этого вопроса позволяет проникнуть вглубь взаимоотношений разных классов и сословий друг с другом и с государственной властью, а потому заслуживает особого внимания.

В 1748—1749 годах брянский магистрат при поддержке белгородского магистрата вел упорную борьбу за приписку в брянское купечество крестьян Верхней и Нижней слобод, принадлежавших владельцу полотняных фабрик Афонасию Гончарову. Гончаров приобрел те слободы в 1747 г. у графа Ф. А. Апраксина, которому они достались в наследство от отца, стольника А. М. Апраксина, купившего вотчину в 1715 г. у князя А. Д. Меншикова. Последнему она была продана Я. В. Брюсом, получившим по указу Петра I в вечное наследственное владение в Брянском уезде из дворцовых волостей Верхнюю и Нижнюю посопные слободы со 112 крестьянскими дворами. В 1747 г. вскоре после приобретения тех слобод Гончаровым 50 крестьян по их желанию и на основании наличия у них торгового промысла с согласия брянского магистрата были зачислены белгородской ревизской канцелярией в брянское купечество. Однако А. Гончаров оспорил это решение, обратившись с челобитной в Сенат. 9 марта 1748 г. Сенат распорядился об исследовании в Главном магистрате дела о записке в брянское купечество крестьян А. Гончарова. Обоснованием своего требования челобитчик выставил нарушение условий приписки крестьян к посаду, а именно: отсутствие у крестьян на посадских землях Брянска дворов и лавок, неисследование размера их торгов и приписка к посаду без указа из Главного магистрата. Кроме того, Гончаров, ссылаясь на регламент Мануфактур-коллегии 1723 г. и указ 27 июня 1744 г., подчеркивал, что та вотчина куплена им к имеющимся у него фабрикам без права продажи ее отдельно от предприятия.

В ходе расследования Главный магистрат не получил документальных подтверждений о наличии у спорных крестьян торгов на 500 руб. Доставленные в Мануфактур-коллегию трое крестьян заявили об отсутствии у них и других крестьян той вотчины лавок, «заводов» и промыслов. В октября 1748 г. Главный магистрат вынес решение о возвращении всех крестьян Верхней и Нижней слобод, кроме Варфоломея Ананьина, у которого по таможенным записям был выявлен торг на 840 руб., на прежние их жилища «асессору Гончарову немедленно». До выполнения решения находящемуся в Белгородской губернии для сыска «воров и разбойников» секунд-майору Горбунову поручалось дер-

жать магистратских членов в брянском магистрате под караулом[73]. На бургомистра и четырех ратманов налагался штраф в 100 руб.

Это решение Главного магистрата вызвало ответные действия крестьян и брянского магистрата. Причем крестьяне были активно поддержаны посадскими людьми, которые, как писал Гончаров в новой челобитной, «умышленно... з беглыми ево крестьяны, собрався многолюдным нарядным собранием, вотчину ево разорили и прикащика хотели убить до смерти». По получении же указа из Главного магистрата «брянчане не токмо... не исполняли, но великия противности чинили и посланных били людей ево... а вотчину ево привели во всеконечное разорение».

Такие активные совместные действия в поддержку приписки крестьян Гончарова к брянскому посаду имели свои причины. Верхняя и Нижняя слободы, хотя и числились за Брянским уездом, но располагались смежно с брянским посадом, так что крестьянские дворы «сошлись» с дворами посадских людей и состояли в одних приходах. По свидетельству брянского магистрата, население слобод кормилось от торгового промысла и «от разных художеств и мастерств, а не от пахотной земли», которой в достаточном количестве было обеспечено не более 10 крестьянских дворов, всего же в слободах имелось до 300 дворов. Испытывая «немалую обиду», от торгов и промыслов свободных от посадского тягла крестьян, брянское купечество при поддержке магистрата, естественно, было заинтересовано в пополнении своих тяглых членов, тем более в удержании за собой ранее включенных. Кстати, эта явная заинтересованность посадского общества убеждает в торгово-промышленном характере занятий населения слобод, дворы и промысловые заведения которых в силу их непосредственной близости и даже включения в городские пределы не было нужды располагать на посадских землях.

Отсутствие таможенных записей о торгах крестьян брянский магистрат объяснял тем, что «по указам не записавшимся в купечество крестьяном выписей давать запрещено». Показания же троих крестьян в Мануфактур-коллегии, «яко у них своих лавок, заводов и промыслов не имеется», по свидетельству брянского магистрата, были вынужденными, «с таким ево Гончарова пристрастием, ежели оного не покажут, то намерен был отдать в розыск и замучить до смерти». Осуждая решение Главного магистрата, местный магистрат предупреждал Сенат, что от таких действий «не только казне е.и.в. воспоследует немалой ущерб, но и городу разорение и может оной быть опустошен, ежели (те крес-

---

[73] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21542. Л. 154 об.–162.

тьяне — *Н. К.*)... во владение возвращены и отданы и на фабрику ево, которая в Ярославецком уезде... из градских слобод вывезены будут, понеже оной Гончаров намерен оные слободы все перевести на оную свою фабрику, как и в челобитье ево о том значит, якобы те слободы куплены им к фабрике»[74].

Думается, что вполне реальное опасение быть переведенными для работы на фабрике могло явиться тем толчком, который и определил массовое движение крестьян Верхней и Нижней слобод за включение их в состав брянского купечества сразу же после перехода тех слобод в руки А. Гончарова. Это движение выразилось не только в записке 18 семей (50 человек муж. пола) в брянское купечество в ходе второй ревизии и в последующей борьбе за сохранение их нового состояния, но и в попытке поставить под сомнение законность продажи слобод наследником Апраксина кому бы то ни было. Для достижения этого крестьяне прибегали к вольной трактовке отдельных указов, не останавливаясь перед прямым домыслом. Так, в челобитной, направленной в Сенат 7 ноября 1748 г., Ефим Коншин «с товарищи» (всего 21 человек) пытались убедить Сенат, что Апраксин приобрел Верхнюю и Нижнюю слободы без права продажи, заклада, «по ево живот», после чего те слободы следовало приписать ко дворцу, о чем, якобы, имеется упоминание в жалованной грамоте, выданной Апраксину. Челобитчики также ссылались на указ Петра I от 10 мая 1723 г. (в челобитной он неверно датирован 17 марта 1721 г.) о приписке по торгам и промыслам дворцовой Конюшенной слободы, принадлежавшей сенатору, графу П. А. Толстому, к дмитровскому посаду с передачей Толстому «из других отписных за вины деревень». Этот действительно имевший место указ, свидетельствовавший о продолжавшемся в петровское время действии норм главы XIX статьи 8 Соборного Уложения, крестьяне дополнили припиской, дававшей возможность распространять этот эпизод на другие слободы: «А притом его величество повелел, где кому отданы или впредь даны будут таковыя ж при городех слободы, а прежде они были в купечестве или и не в купечестве, да дворцовые и при городех живут слободами, а на то будут просители, то возвращать и писать в купечество. Буде же, кто такие пожалованные слободы для своего укрепления продаст, то возвращать в купечество ж, а тому, кто те слободы купит, денги возвратить по купчей того города от ратуши,

---

[74] РГАДА. Ф.291. Оп.1. Ч.5. Д.21542. Л.173—174; о торгово-промысловом характере хозяйства слободских жителей свидетельствуют также сохранившиеся 13 реестров их имущества. См.: *Брянцев М.В., Дубровский А.М.* Предметный мир провинциального купечества XVIII в. // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. Брянск,1992. С.46—57.

а им засчитать в платеж ево величества податей в три года, смотря по великости суммы денег»[75].

Таким образом, крестьяне поставили вопрос о приписке их слобод к брянскому посаду. Обращением к истории с Конюшенной слободой они отводили возражение А. Гончарова, что «тот уложенный пункт следовал на тогдашнее время, а после того появились новые указы о записке крестьян». Брянский магистрат в своем развернутом доношении в Сенат от 4 декабря 1748 г. обвинил Главный магистрат в том, что он, «дружа и норовя ему Гончарову, не исследовал ни о чем» и потребовал отменить определение об отдаче написанных в брянское купечество крестьян, обязуясь подушные и владельческие подати платить бездоимочно. Сверх того магистрат предложил Сенату рассмотреть вопрос о желательности причисления к брянскому купечеству всех крестьян Верхней и Нижней слобод в количестве 1065 человек муж. пола ради прибыли казне и пользы «в купечестве». О включении в брянский посад указанных слобод с доношением в Сенат обратился и белгородский магистрат.

И все же согласно указу Сената от 29 мая 1749 г. брянским посопным Верхней и Нижней слободам «со крестьяне и со всеми угодьи» определено было оставаться во владении за Гончаровым «при фабриках ево неподвижно». Основным доводом в пользу этого решения Сенат выставил отсутствие нарушений в правах владения, наследования и распоряжения указанными слободами. По жалованной грамоте, копия которой была отыскана в Вотчинной коллегии, Я. В. Брюс получил слободы в вечное и наследственное владение с правом продажи. Сменив нескольких владельцев, вотчина дошла до А. Гончарова, который купил ее к своим фабрикам «для лутчаго оных произведения и размножения», что допускалось регламентом Мануфактур-коллегии и указом 27 июня 1744 г. Кроме того, поскольку А. Гончаров к моменту покупки вотчины имел чин асессора, который соответствовал 8 рангу Табели 1722 г., дававшему права потомственного дворянства, то приобретение им населенных земель определялось не только в силу наличия у него промышленных предприятий, но и принадлежности его к «благородному сословию».

Ходатайство брянского магистрата Сенатом было расценено как «недельное», поскольку ему «о помещиковых крестьянех... сожаления иметь и о том в... Сенат недельно представлять не следовало... ибо уже им... в том отказано». Ефим Коншин — зачинщик челобитья и Варфоломей Ананьин — поверенный крестьян, писавших челобитную, а

[75] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21542. Л. 162 об.–164.

также все подписавшиеся под ней подлежали наказанию плетьми «нещадно». Исполнение наказания в присутствии крестьян тех слобод и Гончарова либо его приказчика было возложено на брянскую воеводскую канцелярию[76]. Однако, несмотря на массовую экзекуцию, надежды правительства на успокоение крестьян остались тщетными. В начале 1750-х годов в Брянск из Военной коллегии для организации следствия «о противностях асессора Гончарова крестьян» был послан штаб-офицер «с командою». Как следует из рапорта Военной коллегии в Сенат, «следствие» свелось к поимке и возвращению прежнему владельцу крестьян, ранее приписанных в брянское купечество. Но действия штаб-офицера натолкнулись на сопротивление со стороны брянского купечества и магистрата. В марте 1753 г. Военная коллегия, стремясь завершить возложенное на нее дело, распорядилась «за показанное тем противникам вспоможение» возложить на брянский магистрат содержание воинской команды со взысканием всех кормовых денег, выданных ранее Гончаровым. Правда, Сенат отменил распоряжение Военной коллегии на том основании, что «то дело государственное... и все такие командированные воинские команды довольствуютца от своих полков из положенной подушного збору суммы», так что если от Гончарова «в дачу, что произведено», то следовало зачесть ему в подушный оклад[77]. Действия Военной коллегии демонстрируют ее настойчивый поиск дополнительных источников финансирования карательных функций армии. Они любопытны как свидетельство неудавшейся попытки Военной коллегии создать прецедент печально знаменитого указа 1763 г. и в этом смысле могут расцениваться как показатель инициативы и активной роли военного ведомства в выработке социальной политики правительства.

Подводя итоги рассмотренному делу, хочется обратить внимание на следующее. Крестьяне, борясь за свое включение в посад, действовали на вполне законных основаниях. Имелась статья Соборного Уложения, определявшая причины и условия приписки частновладельческих вотчин к посадам. Нормы Соборного Уложения продолжали применяться в указной практике XVIII в. Имелся прецедент реального использования этой статьи в 20-х годах, то есть не сто, а всего 20 лет назад. Расположение Верхней и Нижней слобод, смыкание с брянским посадом и характер занятия жителей, а также явная заинтересованность самого посадского общества и магистратского правления во включении крестьян тех слобод в брянское купечество позволяли правительству продолжить

[76] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21542. Л. 175–185.
[77] Там же. Д. 21566. Л. 153–153 об.

практическое осуществление ранее установленных законодательных норм. Обращение внимания Сената на отсутствие в указе Петра I о включении Конюшенной слободы в дмитровский посад приписки о распространении его действия на другие слободы свидетельствует о том, что установления Соборного Уложения, регулирующие взаимодействие крестьянского и посадского населения, приобретали силу через специально издаваемые указы, повторение которых целиком зависело от воли правительства и верховной власти. Ход рассуждений и аргументация Сената говорят о прерогативе вотчинных прав перед торгово-промышленными, сословными и податными интересами городского тяглого населения. Рассмотренная история тщетной борьбы крестьян за изменение своего сословного статуса и приведение его в соответствие с характером занятий не единична. Но пример с крестьянами А. Гончарова любопытен тем, что в качестве носителя вотчинных прав и владельца крещенной собственности, интересы которого пришли в противоречие с потребностями городского населения, выступает промышленник, сам в недавнем прошлом представитель тех слоев населения, борьбе с которыми он отдает столько сил.

Делопроизводственные материалы Главного магистрата свидетельствуют о том, что возвращению прежнему владельцу подлежали не только крестьяне, законность приписки которых к посаду с точки зрения центральной и верховной власти подлежала сомнению, но и те, которые имели несчастье уже после записи в купечество по их прежнему месту жительства перейти к новому владельцу. По указу 15 сентября 1749 г. канцлер граф Алексей Бестужев-Рюмин «за его верную службу» был награжден вотчинами в разных уездах с вывезенными и с переведенными ранее крестьянами. В представленном от Бестужева-Рюмина реестре значились крестьяне бывшей дворцовой д. Кузнецовой Раменской волости братья Василий и Родион Прокофьевы дети Золинковы, в 1742 г. объявившие торг свыше 500 руб. и записавшиеся по всем правилам в московское купечество: Родион — в третью, а Василий — в первую гильдии. С тех пор они жили в Москве в собственном доме. В ходе второй ревизии Василий в московском посаде был записан в 4-гривенный оклад, а другие поборы и подушную подать ему следовало платить в д. Кузнецовой. Родион, как родившийся уже после первой ревизии и нигде в подушном окладе не числившийся, в московском посаде был положен в полный 40-алтынный оклад. Несмотря на точное соблюдение условий приписки крестьян к посадам, по приговору Главного магистрата от 25 июля 1751 г. Родион Прокофьев с женою и детьми и семья умершего брата Василия возвращалась «его сиятельству во владение». Основанием такого решения явились как условия

пожалования дворцовой вотчины, так и приписка Прокофьевых в подушном окладе в д. Кузнецовой[78]. Последнее утверждение Главного магистрата было справедливо только в отношении Василия. К тому же сохранение подушных платежей по прежнему месту жительства являлось общим условием приписки торгующих крестьян к посаду. Данный пример свидетельствует о том, что двойная запись включенного в посадское тягло крестьянина служила не только целям обеспечения потомственных владельческих платежей, но и при известных условиях могла стать законным каналом возвращения уже выбывшего в купечество крестьянина, причем возвращения даже к новому владельцу.

Главный магистрат, как и в случае с крестьянами А. Гончарова, не сделал ни малейшей попытки отстоять интересы торговых крестьян и принявших их посадских обществ, хотя и в том и в другом деле имелись к тому законные основания.

Еще один характерный случай с тем же концом в течение нескольких лет рассматривался в Камер- и Военной коллегиях, Главном магистрате и Сенате[79]. 21 февраля 1741 г. С. Ф. Апраксину были пожалованы в Севском уезде села и деревни из дворцовой Комарицкой волости с 14 058 крестьян обоего пола. В том же году крестьянин и служитель Апраксина от имени своего помещика возбудил дело о возвращении ему записавшихся в севское купечество крестьян Комарицкой волости Брасовского стана д. Тросной Данилы и Василия Дубровских. В ходе разбирательства выяснилось следующее. Дед и отец Данилы Дубровского были «прежних служб дворяне» и служили по г. Стародубу. Затем по челобитью отца Данилы, Никиты, он вместе с семьей был записан в Комарицкую волость в д. Ивачеву «на пустой жеребей» наряду с другими разночинцами «ис казаков и стрельцов, ис пушкарей и ис площадных подьячих», живущих на тяглых жеребьях в Комарицкой волости. По переписи 1710 г. двор Никиты значился среди четырех тяглых дворов д. Ивачевой. В подушную перепись Никита Дубровский вместе с двумя сыновьями, Герасимом и Иваном, были записаны в той же деревне, а два других сына — Данила и Дмитрий с сыном Василием — в д. Тросной Брасовского стана.

В 1730 г. Герасим Дубровский челобитной в Севскую провинциальную канцелярию просил о выключении отца его и братьев из подушного оклада и о записке себя и братьев в купечество, а отца по-прежнему «во дворяне», предлагая «на замену» явившихся из бегов крестьян Комарицкой волости. Освидетельствование тремя бурмистрами Севской

[78] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 11558. Л. 107–112.

[79] Там же. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2491. Л. 64–200 об.

ратуши подтвердило наличие у Герасима, Данилы и Ивана Дубровских торгового промысла на 500 руб., винокуренного завода, винных и хлебных подрядов. В октябре 1731 г. Камер-коллегия предписала белгородской губернской канцелярии вынести решение о выключении Дубровских из крестьянства и о приписке их в севский посад, а отца — в однодворцы. Однако решение об этом состоялось лишь 19 марта 1741 г., то есть спустя почти месяц после пожалования части Комарицкой волости с д. Тросной С. Ф. Апраксину. В итоге, как уже отмечалось, по ходатайству Апраксина в том же году начинается дело по возвращению Данилы и Василия Дубровских (Дмитрий к тому времени уже умер) новому владельцу д. Тросной. В декабре 1748 г. Главный магистрат признал определение белгородской губернской канцелярии о записке Данилы и Ивана Дубровских в севское купечество неправильным. Для обоснования своего решения Главный магистрат придрался к отсутствию подписей Данилы и Ивана под челобитной Герасима Дубровского, что расценивалось как запись в посад «без просьбы и желания их». Другой довод заключался в недостоверном о торгах Дубровских свидетельстве, поскольку торг в размере 500 руб., согласно указу 13 апреля 1722 г. должен был иметь каждый записывавшийся в посад крестьянин, а не вся семья в целом. Признав решение Белгородской канцелярии неправильным и «противным указам», Главный магистрат распорядился приписать Данилу и Василия Дубровских вновь за Апраксиным в д. Тросную, сыскав и вернув их на прежнее жилье. До выполнения указа президента и членов севского магистрата следовало содержать под караулом, а пожитки Дубровских «за укрывательством их отдать в вотчину просителя генерала и кавалера с описью».

Не менее драматично складывалась судьба Герасима и Ивана Дубровских, на которых владельческие права С. Ф. Апраксина казалось бы не распространялись. В 1746 г. Иван Дубровский по ложному доносу служителя Апраксина и бывшего новгородского пехотного полка солдата как беглый рекрут был арестован и в кандалах доставлен в Военную контору в Москве. По обвинению в укрывательстве беглого рекрута, его брата, также арестовали Герасима Дубровского. Все попытки Дубровских добиться передачи рассмотрения их дела в Главный магистрат окончились безрезультатно. Даже после того, как выяснилось, что Иван никогда в рекруты не отдавался, Военная контора попрежнему препятствовала отправке Дубровских в Главный магистрат, настаивая на необходимости исследования, каким образом их отец, Никита, будучи однодворцем, «отбыл» от ланд-милиции и был записан в Комарицкую волость, а затем в посад. Не смущало Военную контору ни то обстоятельство, что с тех пор, как Никита Дубровский был

приписан к Комарицкой волости, прошло почти 40 лет, ни то, что в ланд-милиции, состоявшей под ведением Военной коллегии, никто из Дубровских никогда не состоял, ни то, что по своему последнему статусу они подлежали ведомству и суду Главного магистрата. Не помогали ни неоднократные прошения Дубровских, ни жалобы их на то, что, находясь второй год под арестом в Военной конторе, «помирают голодной смертию», ни подозрения в адрес С. Ф. Апраксина, который, являясь членом присутствия Военной коллегии, мог оказывать давление на ход следствия в ее конторе.

Материалы дела, в частности челобитные Герасима и Ивана Дубровских, свидетельствуют об упорстве, достоинстве, находчивости и хорошем знании законодательства новоиспеченных купцов. Герасим уличал контору в том, что она «посяшкою на нас» не сообщала в Сенат многие сведения из допросов и документов, свидетельствовавшие в пользу обвиняемых. Несмотря на все протесты Дубровских и Главного магистрата указом Сената от 18 апреля 1748 г. Военной конторе поручалось «доследовать дело о дворянстве Дубровских и по каким указам они записались в купечество». В мае последовал новый указ Сената, которым допускалось участие в расследовании члена Главного магистрата. 24 декабря того же года братья Дубровские по совместному решению Военной конторы и бургомистра Главного магистрата Вихляева были отосланы в Дворцовую контору для возвращения в Комарицкую волость.

Абсурдность решения о возвращении крепких купцов[80] из посада в дворцовую волость становится понятна в свете последовавшего вскоре нового совместного решения Военной конторы и Главного магистрата об отдаче Герасима и Ивана Дубровских в принадлежавшую «генералу и кавалеру» Апраксину д. Тросную «во крестьянство». На этот раз братья Дубровские, продолжавшие в челобитных называть себя севскими купцами, добились пересмотра их дела в Сенате, который 2 декабря 1752 г. указом в Главный магистрат и Военную контору потребовал выслать ему следственные материалы. Чем завершилась эта апелляция в Сенат, нам не известно[81].

Центральным вопросом в деятельности главного и городовых магистратов являлось обеспечение выполнения посадским людом казенных служб и других повинностей, лежащих на городском тяглом насе-

[80] Помимо данных о наличии у Дубровских торга на 500 руб., винокуренного завода, винных и хлебных подрядов, имеется свидетельство, что Герасим и Иван платили «как подушных денег, так и протчих податей немалое число». См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2491. Л. 76.

[81] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21562. Л. 647 об.

лении. Виды их были разнообразны. Одни из них носили постоянный характер (постойная, подводная, рекрутская повинности, всевозможные службы в качестве бурмистров, счетчиков, ценовщиков, ларешных и пр.), другие являлись временными обязанностями. Главному магистрату надлежало следить за своевременным выбором и назначением посадских людей в качестве бурмистров и целовальников к таможенным, кабацким и соляным сборам, для приема провианта в армейские магазины, поставок бочек для Адмиралтейской коллегии; за определением ценовщиков к товарам, поставляемых подрядчиками, для оценки и продажи казенных вещей и конфискованных пожитков, выбором счетчиков денежной казны при губернских и провинциальных канцелярий и столичных государственных учреждений. Главный магистрат отвечал также за поставку подвод под «шествия» их императорских величеств, за постройку и ремонт в Москве триумфальных ворот, мостов через реки, за строительство домов на Васильевском острове и гостиного двора в Петербурге, за выбор, посылку и содержание консулов за границей и детей купцов, определенных «для торговой науки», за распространение среди купцов коммерческих книг и многое другое[82]. Средства на обеспечение столь разнообразных мероприятий изыскивались не из государственного бюджета, а за счет сборов «со всего государства купецких людей». Организация этих сборов, естественно, также возлагалась на Главный магистрат[83].

Всякий раз, приступая к решению очередного вопроса, Главный магистрат руководствовался в своей деятельности указами и постановлениями Сената и других стоящих над ним органов власти, без санкции которых он не мог решить ни одного вопроса, в том числе и прямо по регламенту относящегося к его сфере деятельности. Причем нередко Главный магистрат попадал в крайне затруднительное положение, поскольку никак не мог согласовать возложенные на него регламентом обязанности «о каждом городе иметь попечение и от неспособных отягощений защищать и охранять» с повседневной практикой его деятельности, направленной не столько на защиту интересов подведомственных ему посадских людей, сколько на принуждение их к выполнению возложенных на них государственных податей и повинностей, неминуемо приводивших к разорению и «отягощению». Реальное «охранение» посадских со стороны Главного магистрата проявлялось в

[82] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21447. Л. 104—104 об., 160—167; Д. 21462. Л. 91—91 об.; Д. 21476. Л. 161, 185; Д. 21463. Л. 15 об.; см. также: *Водарский Я. Е.* Из истории создания Главного магистрата... С. 111.

[83] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21588. Л. 83—89 об.; Д. 21562. Л. 146—148 об.; Д. 21486. Л. 307—309.

том, что, например, получая очередной указ о разверстке между городами новых сборов, он напоминал Сенату, что по указу 1724 г. сверх подушных денег иных податей располагать запрещено, что, разумеется, высшим правительственным учреждениям было известно не хуже Главного магистрата. После получения повторного указа Главный магистрат приступал к его выполнению «без всякой оговорки»[84].

Особенно наглядно зависимость центрального учреждения городского управления от высших органов абсолютистского государства проявлялась в вопросах, в которых непосредственно затрагивались интересы посадского люда. Согласно регламенту 1721 г., например, регулирование военного постоя в городах возлагалось на местные магистраты. За нарушение порядка отвода квартир и притеснения со стороны военных чинов магистратам следовало обращаться к командирам полков и добиваться штрафа виновников. В случае же бездействия командиров городовым бургомистрам надлежало искать защиты в Главном магистрате, который должен был сноситься с Военной коллегией и требовать решения по «военному артикулу», то есть Воинскому уставу 1716 г., определившему порядок отвода квартир, количество постояльцев, допускаемых в одну квартиру, обязанности домохозяина и наказания за обиды, причиняемые постояльцами домохозяевам[85]. На практике же, как мы уже частично убедились и как будет показано в дальнейшем, не только посадские люди, но и местные магистраты оказывались беззащитными перед произволом штатских и военных чинов и местной администрации.

Объектом притязаний со стороны различных команд становились не только добротные дома состоятельных купцов, но зачастую и помещения, предназначенные для местных учреждений городского управления, как это, например, произошло в Костроме. Выстроенное в 1719 г. на мирские средства здание ратуши сразу же было отнято костромским воеводой Стрежневым, а затем в нем обосновался новый воевода Грибоедов. Приспособленный под ратушу двор обедневшего посадского человека, взятого за неуплату податей, в 1722 г. был захвачен подполковником Татариновым, а затем асессором Радиловым под собственную квартиру. В результате костромской магистрат вынужден был ютиться в наемной тесной монастырской келье[86].

Как и в других аналогичных случаях, в ответ на полученное донесение Главный магистрат обратился в Сенат с требованием указа о возвращении костромскому магистрату отнятых у него здания ратуши и

[84] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 907. Л. 207, 218 об.
[85] ПСЗ. Т. VI. № 3708. Гл. XIII.
[86] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 908. Л. 29–29 об.

двора. Несмотря на то, что нарушение прав местной ратуши было очевидным, не только она сама, но и центральное городское учреждение защитить ее не могло. Подобная практика взаимоотношений местных и центрального магистратского правления с местной администрацией указывает на реальное соотношение сил между ними.

Другим крайне острым для купцов вопросом во взаимоотношениях их с государственной властью были казенные службы. Рассматривая посадское население как источник удовлетворения государственных потребностей, абсолютистское государство обеспечивало низшие звенья своего аппарата на основе феодальных повинностей городского населения. Казенные службы, осуществляемые без какого бы то ни было вознаграждения, часто и надолго отрывавшие купцов от их хозяйства, сопровождавшиеся к тому же нередко неожиданными материальными издержками, наносили значительный урон торгам и промыслам купцов, сказывались на их благосостоянии, сдерживали накопление купеческих капиталов.

В ответ на ходатайство московского купечества Петр I указами 11 и 13 апреля 1722 г. освободил посадских людей от службы при пошлинных, кабацких, соляных и «других всяких сборов» и повелел заменить их офицерами и солдатами «безпеременно, выбирая в Военной коллегии к тому достойных людей, а к ним в команду выбирать из магистрату из раскольников и бородачей»[87]. Однако выполнение этого указа встретило сопротивление со стороны военного ведомства. В результате уже в декабре 1723 г. Сенат на доношение Камер-коллегии распорядился, чтобы в 1724 г. «у сборов, к которым за малолюдством из офицеров и дворян и солдат и из раскольщиков еще не определено, быть по-прежнему из купечества, выбрать оных от магистрата, дабы в зборех е.и.в. казны не учинилось остановки»[88]. Предусмотренная указом постепенная замена находящихся у сборов купцов присылаемыми из Военной коллегии и от герольдмейстера требуемыми людьми на практике осуществлена не была. В 1727 г. Верховный тайный совет по докладу Сената отменил указ 1722 г. и вновь возложил сборы на магистраты. В дальнейшем вопрос о замене выборных сборщиков из посадских людей военными служителями в качестве общей меры уже не поднимался[89]. В 1724 г. и в последующие годы разные ведомства продолжали требовать от Главного магистрата присылки купцов для покупки и свидетельства всяких припасов.

[87] ПСЗ. Т. VII. № 4312.
[88] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 908. Л. 76.
[89] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 202.

Изданный еще в 1714 г. указ об освобождении купецких людей от службы в качестве счетчиков в канцеляриях, несмотря на подтверждение в 1722 г., также не был осуществлен. Лишь на бумаге осталась и декларация указа 5 мая 1722 г. об определении жалованья купцам, выбираемым для оценки товаров, а также для свидетельства проб и закупки разных материалов[90]. Попытки Главного магистрата со ссылками на законодательство доказать, что «купцам при тех делах и быть не надлежит» и что «от таких многих служеб оные несносные тягости и от купечества лишения и разорения восприемлют и в беды впадают», наталкивались на указы Сената, за помощью к которому обращались соответствующие учреждения. В них вся ответственность за возможную остановку их деятельности возлагалась на Главный магистрат[91].

А. А. Кизеветтер в своей насыщенной фактическим материалом монографии приводит примеры ожесточенной борьбы «на перьях», развернувшейся в 20-х годах XVIII в. между Главным магистратом и различными канцеляриями других ведомств, не желавшими признавать служебные льготы посадских людей. Со своей стороны Главный магистрат выказывал упорное противодействие определениям посадских людей к службам по запросам разных ведомств, проявляя склонность к слишком широкому толкованию дарованных им льгот[92].

Указ 28 июня 1731 г., подготовленный по докладу Комиссии о коммерции, подтвердив выбор посадских людей к службам у таможенных и кабацких сборов и вновь возложив на них службы в счетчиках для приема мелкой серебряной и медной монеты при губернских и воеводских канцеляриях, отменил посадские службы «в купчинах и в целовальниках» при покупке и оценке различных припасов и материалов. Эта мера предлагалась, «дабы купечество такими отлучками в торгах и промыслах своих не имели помешательства, наипаче же разорения». Коллегиям и канцеляриям следовало впредь довольствоваться «своими командами», а с случае «крайней нужды» отсылать имеющиеся у них образцы для освитедетельствования в ратушу[93]. Тем не менее, вопреки указу 1731 г. посадские люди по-прежнему определялись «в купчины» в различные канцелярии и конторы. Главный магистрат вновь пытался протестовать, обращая внимание Сената на «крайнее разорение», в которое пришли многие купцы «от таких и тем подобных многих служеб и отлучками от своих торгов и промыслов»[94]. В от-

[90] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21462. Л. 176–177.
[91] Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 908. Л. 63–70, 48, 59–60 об.
[92] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 203–205.
[93] ПСЗ. Т. VIII. № 5794.
[94] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 928. Л. 303 об.–305.

вет Сенат, игнорируя указ 1731 г., ссылался на предшествующие ему указы 20-х годов. В соответствии с ними в 1745 г. Сенат повелел Главному и городовым магистратам для оценки товаров и к свидетельству проб всяких материалов в коллегиях и канцеляриях выбирать знающих и опытных купцов с погодной переменой и «давать жалованье»[95]. Следовательно, как справедливо отмечал, комментируя данный указ А. А. Кизеветтер, на практике при отправлении этих служб не соблюдались даже и эти ограничительные условия[96].

Таким образом, несмотря на отдельные, достаточно робкие и порой противоречащие друг другу попытки правительства облегчить бремя посадских служб, на практике все оставалось по-прежнему. Главный и городовые магистраты во все периоды своего существования были буквально завалены казенными бумагами, требовавшими определение посадских людей в различные команды и ведомства.

Общепосадские службы до 1762 г. распространялись и на цеховых ремесленников, состоявших в магистратском ведомстве и числившихся «с гражданы». Создание цеховых союзов, помимо задачи повышения уровня ремесленного производства, преследовало цель учета городских ремесленников в интересах обеспечения казенных работ. От поступающих в цехи лиц требовалась подписка в том, что «они будут во всякой готовности, ежели когда потребуются для отправления казенных работ»[97]. Документы Главного магистрата подтверждают практическое воплощение этого обязательства. В рассматриваемое время различные ведомства обращались к Главному магистрату о присылке мастеров разнообразных специальной. Главному комиссариату, например, в 1747 г. потребовались для шитья мундиров портные и закройщики «сколько сыскатца может» из числа московских цеховых. Вотчинная е.и.в. канцелярия в 1749 г. затребовала от Главного магистрата присылки 42 портных для шитья кафтанов придворным певчим к Пасхе. В том же году Сенат запросил 10 «добрых» кузнецов для перековки имевшегося на Монетном дворе серебра в монеты. В декабре 1750 г. контора Сената распорядилась «взять» из московских цеховых 10 резчиков для достройки в Адмиралтействе корабля, «понеже адмиралтейские употреблены в Царское село к строению дворца». В 1752 г. мастеровые люди «из цеховых» потребовались Конюшенному е.и.в. двору для починки экипажа. Когда в 1761 г. для ремонта полов в Зимнем дворце конторе Главного магистрата было поручено, собрав всех столяров петербургского цеха, отослать их к архитектору Чевякинскому,

[95] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 941. Л. 305–318.
[96] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 207.
[97] Там же. С. 146.

оказалось, что все столярные мастера разобраны по различным казенным работам[98].

Все подобные назначения, возлагавшиеся на Главный магистрат, находились под контролем Сената, который сам определял обоснованность запроса того или иного ведомства. Мнение на этот счет Главного магистрата во внимание не принималось.

Справедливости ради следует сказать, что Сенат удовлетворял не все запросы о присылке цеховых мастеров, в отдельных случаях предлагая соответствующему ведомству обходиться состоявшими при нем или наемными ремесленниками[99]. Как правило, определенные к различным работам цеховым мастерам следовало выплачивать заработанные деньги, какие они могли б получать «от партикулярных людей». Но имелись и исключения, как, например, в случае с резчиками, высланными из Москвы в Адмиралтейство для достройки корабля. Согласно указу Сената во время работы им полагалось выдавать кормовые деньги, «как казенным»[100]. У нас нет данных, позволяющих судить о том, в какой мере постановления Сената о выплате привлекавшимся к казенным работам цеховым ремесленникам жалованья соблюдалось на практике.

О том, что нарушения этих предписаний не было таким уж редким явлением, свидетельствует проект нового Уложения, разработанный законодательной комиссией 1754—1765 гг. Входившие в комиссию выборные дворянские и купеческие депутаты предложили освободить цеховых от обязательных казенных работ, «чтобы мастеровые люди к записанию себя в цехи больше охоту имели». Проект допускал отправление цеховыми казенных работ не иначе, как за денежное вознаграждение, определяемое «полюбовным» письменным договором между казною и работниками при посредстве цеховых алдерманов[101].

Беспокойство комиссии об отсутствии у ремесленников «охоты» к записи в цехи имело свои основания. Несмотря на ясно выраженное в законодательстве, в частности в известных указах 1722 г., требование об обязательной записи в цехи всех городских ремесленников, изготовлявших свои изделия на продажу, и усилия Главного и городовых магистратов в этом направлении, к 60-м годам XVIII в. цеховые организации охватывали не более трети всех городских мастеров[102].

---

[98] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21525. Л. 3 об., 29 об., 39 об., 51; Д. 21562. Л. 351—351 об.; Ф. 248. Оп. 39. Д. 2491. Л. 206—208; Оп. 16. Кн. 941. Л. 311 об. —312; *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 146.

[99] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 941. Л. 311 об.—312.

[100] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21550.

[101] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 146.

[102] *Полянский Ф. Я.* Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960. С. 92.

В 1751 г. Главный магистрат, сообщив в Сенат, что в Москве многие разночинцы и иноземцы промышляют своим мастерством без записи в цехи, подчеркнул, что из-за обширности Москвы смотреть за ними и ловить их от магистрата некому; полиция же, как Главная, так и московская, магистрату в том не помогает. Все же Главный магистрат предлагал ряд мер, направленных на принуждение мастеровых людей к записи в цехи: от активизации действий полиции до угрозы конфискации и награждения доносителя половиной всего имущества непокорного ремесленника[103]. Таким образом, единственным средством обеспечения возложенных на него обязанностей по организации цеховых союзов Главный магистрат неизменно считал принуждение, не слишком задумываясь о причинах упорного нежелания мастеровых людей ко вступлению в них.

Характерно, что когда в 1760 г. Сенат вновь свидетельствовал полное расстройство цехов, вопрос об улучшении их организации был передан на рассмотрение не Главному магистрату, а Комиссии о коммерции[104].

На фоне казено-бюрократических обязанностей, преобладавших в деятельности Главного и городовых магистратов, вопросы экономики и городского хозяйства в целом были почти незаметны. Место хозяйственных вопросов в реальной практике центрального и местных городских учреждений было еще менее значительно даже по сравнению с регламентом 1721 г. Причем все они были подчинены основному смыслу деятельности Главного магистрата. Так, он не столько занимался развитием ремесленного производства, как о том говорилось в регламенте, сколько его организационной структурой, а фактически полицейским надзором по соблюдению законодательных предписаний о запрещении незаписавшимся в цехи мастеровым людям изготовлять и продавать свои изделия. Такой же в целом характер носила и «забота» «о умножении ярмарок и торгов в городах и в уездах», также предусмотренная в регламенте. Она свелась к борьбе с розничной торговлей в городах крестьян и разночинцев ради обеспечения торговой монополии посадских людей, что, впрочем, в силу объективных социально-экономических процессов никогда достигнута не была. Тем не менее упорная борьба Главного и городовых магистратов с торговопромысловой деятельностью незаписанных в посад разночинцев объективно означала не укрепление, а умаление городской торговли. Старание же Главного магистрата по развитию ярмарочной сети, главным образом, выражалось в ежегодном определении сотен купцов в

[103] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21558. Л. 82.
[104] ПСЗ. Т XV. № 11158.

надзиратели, бурмистры, целовальники и ларешные к таможенным, кабацким и канцелярским сборам на учреждаемые ярмарки и разверстке требуемого числа служителей по городам. Причем на наиболее крупные ярмарки, чьи пошлинные сборы исчислялись в тысячах рублей, отбор служителей производился особенно тщательно. Так, на Макарьевскую ярмарку ежегодно требовалось до 200 человек из числа первостатейный, грамотных и знающих торговое дело людей[105].

Вопросы промышленного развития находили свое отражение в деятельности Главного магистрата только в связи с разверсткой общепосадских повинностей и освобождением от них владельцев промышленных предприятий. В июне 1744 г. в связи с проведением новой ревизии населения Сенат поручил Мануфактур-коллегии совместно с ратсгерами Главного магистрата произвести оценку состоявших в ведомстве Мануфактур-коллегии предприятий, дабы выявить из них фиктивные, заведенные лишь для освобождения от служб и постоев. Определение достоинства предприятий производилось на основе присылаемых от них ведомостей и образцов продукции. Составленные ведомости отсылались в Переписные канцелярии, действия которых по отношению к работным людям той или иной мануфактуры обусловливались вынесенной ей оценкой достоинства и полезности. Всего учету подлежало 141 предприятие. Из них 88 были признаны «достойными», «из фабрикантов выключены» — 45. Освидетельствование 8 мануфактур за отсутствием о них сведений в Мануфактур-коллегии было поручено губернаторам.

Первоначально намеченный в сенатском указе срок окончания ведомостей к 15 июля был затем продлен до 1 сентября с предписанием Штат-конторе удержать жалованье членов Мануфактур-коллегии и Главного магистрата в случае нарушения нового срока. Причина задержки состояла в том, что Главный магистрат вынужден был срочно заниматься вопросом организации поставок подвод «для походу е.и.в. в Киев». Помимо разверстки определенного совместно с Камер-коллегией и Ямской канцелярией числа подвод по городам и отправления с указами в те места нарочных солдат, Главный магистрат должен был обеспечить вывод по тракту от Москвы до Киева из купеческих дворов «одержимых людей», больных оспой, корью и «другою сыпью» в сторонние деревни, осмотр и ремонт мостов и мостовых, заготовление колес, дров, дегтя, сала, а также посуды для содержания льда под напитки, «чтоб в шествии остановки и недостатка не учинилось»[106].

---

[105] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 5. Д. 21562. Л. 249–250.
[106] Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 940. Л. 648–663, 712–746.

Таким образом, экономические вопросы в деятельности Главного магистрата имели не только второстепенное, но и прикладное значение. Правительство обращалось в этой области к услугам Главного магистрата, когда требовалось те или иные мероприятия подкрепить людскими или денежными средствами.

Значительный интерес для характеристики деятельности Главного магистрата и его роли в выработке и осуществлении городской политики абсолютизма представляет история разработки мер по развитию городского хозяйства, в частности организации благотворительных и образовательных учреждений, забота о которых согласно регламенту была возложена на магистраты. А. А. Кизеветтер, первый познакомившийся с делопроизводственными материалами магистратов XVIII столетия, свидетельствовал, что «редко-редко, в виде неожиданной случайности, наталкиваешься на известие о богаделенном доме или училище»[107].

Проводившиеся на протяжении XVIII в. переписи, не зависимо от различий их принципов[108], выявляли огромное количество дряхлых, убогих, больных и увечных среди городского тяглого населения. Но только в 1745 г. Сенат поставил перед Главным магистратом задачу организации по городам богаделен, содержащихся «земским иждивением», но «без отягощения народного». При этом правительство сослалось на пример других государств, в которых дома для престарелых и сирот, лечебницы для бедных существовали не только в крупных, но и в малых городах и имели «первое свое начало от фундации земского начальства, тако ж де и от подаяния таких людей, которыя во имении суть свободны». Как обычно при таких сравнениях, правительство исходило из внешней стороны явлений, не упоминая при этом, что городские земские учреждения в «других государствах» в отличие от российских имели вполне определенные и немалые материальные источники своей «фундации». Беда же российских магистратов, как неоднократно подчеркивалось ранее, как раз и состояла в отсутствии гарантированных источников доходов, а также права самостоятельного распоряжения мирской кассой.

В ответ на сенатский указ Главный магистрат запросил местные учреждения о количестве в их городах людей, не имевших пропитание, и

---

[107] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 551.

[108] Подворная перепись 1710 г. так же, как и последующие подушные переписи и ревизии, подробно фиксировала всех сирых, дряхлых, убогих, больных и увечных. От времени подготовки податной реформы начала 20-х годов сохранились свидетельства имевшейся в правительстве идеи податного обложения только трудоспособной части тяглого населения (см.: *Клочков М. В.* Ревизская душа как окладная единица при Петре I // УЗ Ростовского-на-Дону финансово-экономического института. 1948. Т. 2. С. 146).

о возможных средствах для строительства и содержания предназначенных для них домов. Ответ пришел только из Москвы. Там оказалась богадельня с 218 призреваемыми, на пропитание которых в месяц выделялось по 30 коп. из собираемых с купечества на гражданские расходы денег. Всего в год выходило 784 руб. 80 коп. Кроме этих 218 человек, по свидетельству магистрата, в Москве находилось еще до 500 человек неимущих, престарелых и сирот. Для строительства и содержания предназначенных для них сиротопитательных домов и госпиталей московский магистрат предлагал возобновить отмененный в 1741 г. сбор оброчных денег с беломестцев, живущих на слободских тяглых землях, а до тех пор употреблять средства из оброчных и пошлинных сборов с лавок, челобитчиковых дел и таможенных поступлений («с платежного пошлинного рубля по деньге»). Главный магистрат одобрил это предложение, планируя в дальнейшем использовать полученные средства не только на благотворительно-оздоровительные, но и образовательные цели[109].

Таким образом, как только задача развития городского хозяйства принимала черты не декларативного, а практического характера, так сразу же возникал вопрос обеспечения городских учреждений реальными источниками доходов. В начале 30-х годов, как мы убедились, этот вопрос был поставлен петербургским купечеством, теперь сходную программу выдвинул московский магистрат.

Однако Сенат рассудил иначе. Указом 19 сентября 1745 г. приборные суммы, то есть собранные сверх положенных на магистраты окладных сборов, велено было оставлять в городах, но самостоятельно без указа Главного магистрата не расходовать. Эти деньги следовало использовать для покрытия недоимок по тем сборам, в том числе и по другим городам, если недобор случится «от премены торгов». Употребление приборов на собственные нужды городского хозяйства допускалось лишь в том маловероятном случае, когда все платежи и сборы поступать будут без доимок. Тогда Главному магистрату, наведя справки о необходимости постройки в том или ином городе смирительных домов, госпиталей и магистратских зданий, полагалось составить планы и сметы, а по представлению и утверждению их Сенатом санкционировать строительство из приборных денег, но «без наружных по архитектуре украшений с крайним осмотрением и бережением казны». За Главным магистратом оставлялось и право определения количества призреваемых в этих учреждениях по каждому городу[110]. В итоге при решении всех этих вопросов полностью устранялась само-

[109] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 941. Л. 711–714.
[110] Там же. Л. 715–718; см. также: *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 514–515.

стоятельность посадского мира и магистратских учреждений. Распоряжение единственным источником их доходов оказалось в руках центрального учреждения под контролем Сената. В дальнейшем Сенат неоднократно напоминал Главному магистрату и Камер-коллегии об обязательной ежегодной присылке ведомостей о приборных суммах и статьях их расхода[111]. При таком состоянии и условиях функционирования городовых магистратов нет ничего удивительного, что и в 1760-х годах богадельни, больницы, учебные заведения по-прежнему были редким явлением городского хозяйства.

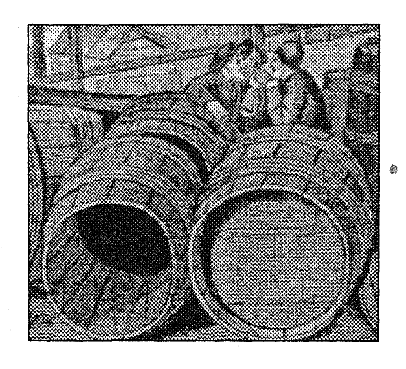
Итак, мы рассмотрели основные направления деятельности Главного магистрата. Она была обширной и разнообразной, затрагивала большой круг вопросов, начиная от заботы по учреждению органов магистратского правления в городах и осуществления функций высшей судебной инстанции для городского тяглого населения и кончая обеспечением сословных прав и обязанностей посадских людей, рассмотрения вопросов городской экономики и хозяйства. Но несмотря на все их кажущееся разнообразие между всеми вопросами, решаемыми в Главном магистрате, а следовательно и в подчиненных ему местных городских учреждениях, было много общего. Это общее определялось тем, как и зачем эти вопросы ставились и разрешались, то есть самим характером деятельности центрального и местных органов городского управления. Главный смысл их существования состоял в обеспечении людскими и финансовыми резервами казенных нужд и потребностей.

Представленные материалы свидетельствуют о том, что в своей деятельности Главный магистрат не был самостоятелен. Определение круга вопросов, регламентация внимания к ним, как и контроль за их решением находились в руках высших правительственных учреждений. Как правило, указы Главного магистрата городовым магистратам писались на основе указов Сената, за которым оставалось окончательное решение по тому или иному вопросу, находившемуся в ведении Главного магистрата. Причем нередко наряду с указом Главного магистрата местной администрации высылался и указ Сената, без подтверждения которого иные учреждения распоряжения центрального городского ведомства во внимание не принимали.

Ту же зависимость от центрального государственного аппарата испытывали на себе и городские учреждения. Являясь выборными по принципам их комплектования, они оставались государственно-бюрократическими по задачам и характеру их функций. Причем даже местные финансовые, хозяйственные и культурные вопросы находились в

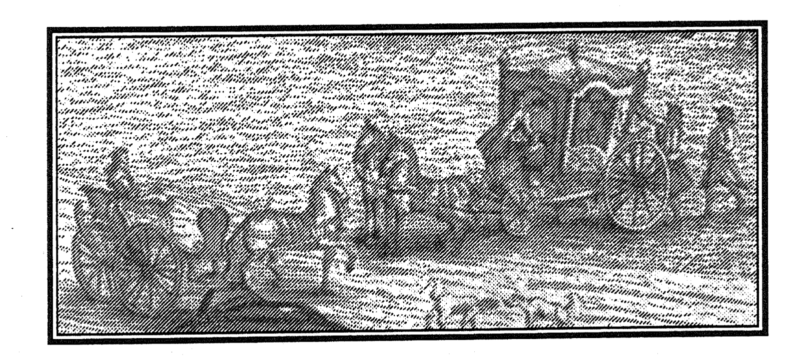
[111] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7340. Л. 1–29.

сфере прямого вмешательства государственной власти. Другое дело, что характер и состояние городского управления зависели не только от политики государственной власти. Сама эта политика, как и фискальные принципы взаимоотношения с городским тяглым населением во многом определялись состоянием и возможностями развития российской экономики, достигнутым уровнем общественного разделения труда, размером совокупного прибавочного продукта, а в конечном итоге — природно-географическими, демографическими, геополитическими и историческими условиями российского исторического процесса.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ЗАПРОСЫ КУПЦОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ АБСОЛЮТИЗМА

18 — 2628

В ЭПОХУ абсолютизма усилилось воздействие государственной власти на развитие социальных отношений, на нормирование и законодательное регулирование сословий. Но и сословия в их взаимоотношениях с государственной властью выступали не только объектом политики, но и субъектом общественного развития, выступали активной стороной, хотя, разумеется, степень этой активности, а также сила воздействия их интересов и запросов на политику абсолютизма были различны. Одним из основных средств проявления общественной активности формирующегося купеческого сословия было заявление о собственных нуждах и чаяних, об отношении к политике правительства, а также выражение своего понимания различных проблем, возникавших в обществе, и путей их разрешения. Со своей стороны правительство поощряло купцов к обращению со своими предложениями и записками в государственные учреждения, где они в процессе законотворчества рассматривались и обсуждались.

Назначение второго раздела монографии состоит в том, чтобы на основе анализа содержания экономических, социально-политических и культурных запросов и предложений купцов показать реакцию купечества на политику государственной власти, выяснить влияние его запросов на законодательство 20-х—начала 60-х годов XVIII в., а следовательно, степень учета абсолютизмом интересов формирующегося купеческого сословия. Раскрытие противоречий и столкновений между интересами купечества и других сословий и слоев общества может помочь в выяснении роли государства в регулировании социальных отношений в эпоху абсолютизма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Экономические запросы купцов и российское законодательство

Характерной чертой проектов и предложений российских купцов XVIII в. являлось преобладание в них вопросов экономического характера[1]. Это объяснялось той ролью, которую экономические вопросы играли в жизни купечества, в определении его социального положения. Данные, имеющиеся в исторической литературе и архивных материалах, свидетельствуют, что в центре внимания купцов в 20—60-х годах XVIII в. находился широкий и разнообразный круг экономических проблем, касающихся условий и организации внутренней и внешней торговли, таможенной политики и таможенной системы, торгово-промысловых прав и привилегий русского купечества в целом и отдельных его слоев, отношений и условий торговли с иностранными купцами, развития отечественной промышленности. Каждая из этих проблем включала в себя целый ряд вопросов, часть из которых получила законодательное разрешение в указанное время, другие сохранили свое звучание до конца столетия.

Одними из центральных в предложениях купцов в то время были вопросы организации внутренней и внешней торговли. В их числе особое место занимали вопросы таможенной политики правительства и таможенных порядков. Начиная с 1720-х годов русское купечество и мануфактуристы активно выступали за перенос пограничных таможен с внутренней границы между Россией и Украиной на государственную

---

[1] *Козинцева Р. И.* Предложения «российских купцов, санктпетербургских жителей» — источник для экономической истории второй четверти XVIII в. // Исследование по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 306; *Рафиенко Л. С.* Ответы сибирских городов на анкету Комиссии о коммерции как исторический источник // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 25.

границу и за ликвидацию таможенной автономии Украины. Эта настойчивость крупного русского купечества, как показал М. Я. Волков, специально изучавший данный вопрос, объяснялась стремлением овладеть украинским рынком путем устранения с него иностранных купцов[2]. Несмотря на поддержку этого требования со стороны Коммерц-коллегии, Комиссии о коммерции и других центральных учреждений, правительство, учитывая сопротивление украинской старшины и сложную военно-политическую обстановку на юге страны, приступило к перестройке таможенных порядков на Украине только после ликвидации внутренних таможен в 1753—1754 гг.[3] Удовлетворение требования крупных русских купцов и мануфактуристов способствовало включению украинского рынка в состав всероссийского.

На протяжении второй четверти XVIII в. русские купцы весьма остро реагировали и на другие вопросы, вытекавшие из существования внутренней таможенной системы. Однако запросы купцов и основные мероприятия правительства в отношении таможенных сборов в это время ограничивались вопросами их лучшей организации, изменения условий таможенного контроля, отказа от взыскания таможенной недоимки и отмены некоторых пошлин. Ни купечество, ни Комиссия о коммерции не требовали ликвидации внутренних таможенных сборов. Указом от 20 июля 1727 г. Верховный тайный совет в ответ на предложение российских купцов, поддерженное Комиссией о коммерции, отменил «поворотный» сбор в Москве. Эту пошлину, введенную в 1718 г., собирали в воротах старой столицы со всяких возов, «чьи б оные ни были», в размере от 1—3 коп. (с дров, бревен, сена, теса и досок) до 10 коп. («с протчей всякой клади»). В результате купцы стали испытывать трудности в найме подвод для провоза товаров через Москву. Комиссия о коммерции также обратила внимание на ежегодное падение сборов, происходившее по причине вынужденного сокращения провоза товаров через Москву[4], и воровство приставленных сборщиков. Отрицательные последствия «поворотной» пошлины при мизерности общей суммы сбора были настолько очевидны, что вопрос об ее отмене был решен на редкость быстро[5]. Но при этом сумма среднего годового сбора была прибавлена к ведерной «питейной продаже».

---

[2] *Волков М. Я.* Из истории борьбы за украинский рынок во второй четверти XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. История. 1961. С. 43—57.

[3] Там же. С. 54—55.

[4] С 1722 по 1725 г. сумма поворотного сбора уменьшилась вдвое.

[5] Со времени подачи доношения купцов в Комиссию о коммерции до указа Верховного тайного совета об отмене поворотного сбора прошло менее полугода (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 16 об., 31—32; см. также: Сб. РИО. Т. 69. С. 82—89).

В это же время московскими купцами Иваном и Матвеем Короткими «с товарищи» был поднят вопрос о снятии с российских купцов таможенной доимки, взимаемой «за дедов и отцов их» с 1696 г. Эта просьба, поддержанная московской ратушей и Комиссией о коммерции, в августе 1728 г. рассматривалась в Верховном тайном совете, а в мае 1730 г. — в Сенате[6]. Именной указ от 20 июня 1730 г. отменил взыскание внутренних и портовых таможенных доимок по 1724 г. как с отечественных, так и с иностранных купцов, исключив «из оной милости» откупщиков таможенных сборов. Одновременно обращалось внимание на бездоимочные платежи таможенных пошлин с этого года[7]. Согласно Табели и ведомости Камер-коллегии и Доимочной канцелярии с 1696 по 1724 г. таможенная доимка во всем государстве исчислялась почти в 91, 7 тыс. руб. Из этой суммы более половины падало на московских жителей — 49, 4 тыс. руб.[8], что объясняет их особую заинтересованность и активность в решении данного вопроса.

О том, что в это время необходимость существования внутренних таможен государственной властью не подвергалась сомнению свидетельствует стремление Комиссии о коммерции разработать меры по обеспечению регулярного и полного сбора таможенных пошлин, которые должны были войти в подготавливаемый Комиссией о коммерции Устав внутренних пошлин[9]. Его проект был завершен комиссией в 1731 г. и в виде вопросных пунктов разослан на заключение посадских сходов. Комиссия предлагала уничтожить «все мелочные, с найму извощиков и иные разными названьями введенные зборы» (привальные и отвальные, с мостов и перевозов, банный и др.). Вторая идея, которой руководствовалась комиссия при решении этого вопроса, была связана с необходимостью не потерять получаемый от них доход. В итоге ликвидацию мелких сборов, меру, безусловно, положительную, предложено было осуществить за счет общего повышения размеров внутренней таможенной пошлины.

Такое решение до определенной степени могло удовлетворить только крупных купцов, особенно страдавших от разнообразных проезжих пошлин и заинтересованных в выравнивании пошлинного обложения торговых сделок. Основную же массу посадских людей (ремесленников, мелких торговцев и др.), потреблявшую привозные товары и фактически оплачивавшую таможенные пошлины, подобное решение устроить не могло. Поэтому большинство посадов высказа-

[6] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 421. Л. 9—10, 12, 16, 18—18 об.; Сб. РИО. Т. 84. С. 321—322.
[7] ПСЗ. Т. VIII. № 5580.
[8] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 421. Л. 30.
[9] Там же. Л. 28.

лось против проекта комиссии, что, как считают исследователи, повлияло на судьбу реформы, которая осталась незавершенной[10]. В середине XVIII в. накануне отмены внутренних таможенных сборов существовало 17 видов различных пошлин.

Отечественные торговцы страдали не только от разнообразных торговых пошлин, но и от той реальной обстановки и условий, которые сопровождали их сбор. Особое недовольство вызывали действия подьячих московской таможни, по словам купцов, наживших «себе великое богатство». Купцы разных городов в доношении 1727 г. обвинили подьячих в утайке платежных выписей, в произвольных поборах с купцов, в принудительных задержках на гостином дворе и новом оформлении таможенных выписей при транзитных проездах через Москву. Вероятно, подобные злоупотребления подьячих имели место и в других таможнях. Однако роль Москвы как центра внутреннего рынка страны, через который проходили торговые маршруты многих купцов, делала вопрос о добросовестности служителей московской таможни особенно болезненным[11].

Очень остро купцы реагировали на меры правительства, направленные на пресечение «утайки пошлин», вылившиеся в указ от 10 марта 1737 г. Согласно 21 пункту этого указа купцы и их поручители за несвоевременное предъявление таможенных выписей о проданном товаре подвергались штрафу в размере полной стоимости товаров[12]. В итоге непредвиденные в пути случайности и задержки могли обернуться для купца и его поручителей разорением. Об этом в своем доношении в Камер-коллегию писали московские купцы[13].

Вопрос об условиях поставок «оборотных выписей» рассматривался в Камер-коллегии с участием членов московской ратуши и «знатных» купцов. Московские купцы, исходя из интересов и реальных условий торговли, предложили увеличить определяемый в таможнях срок представления оборотных выписей на 6 месяцев, определить штраф в размере пошлины с товара и некоторые другие меры, облегчающие купцам прохождение таможенного контроля. По представлению Камер-колле-

---

[10] *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 425–426; *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен в России // ИСССР. 1957. № 2. С. 87–88.

[11] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 15 об.–16 об., 41–41 об.

[12] ПСЗ. Т. X. № 7207, п. 21. Для оценки данной меры укажем, что по Таможенному наказу 1710 г. такой штраф определялся размером пошлины, взимаемой с цены товара. По указу же 1716 г. выписи можно было принимать и по истечении сроков их представления.

[13] Доношение подписали 30 первогильдейских купцов. Среди них: Андрей и Аврам Евреиновы, Петр Семенников, Иван Симонов, Федор Корабельников и др. (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 7. Д. 29108. Л. 1–2 об.).

гии Московская сенатская контора 24 апреля 1738 г. отменила 21 пункт указа 1737 г. и объявила о возвращении к условиям поставок оборотных выписей по Торговому уставу и «прежним указам»[14]. Таким образом, хотя главная цель купцов оказалась достигнутой, правительство, опасаясь утайки таможенных пошлин, не утвердило их предложений об увеличении сроков представления оборотных выписей.

Почему же крупное русское купечество, заинтересованное в установлении равного обложения торговых сделок внутри страны, не выдвигало требования ликвидации системы внутренних таможен? Ответ на этот вопрос предложен М. Я. Волковым. Он обратил внимание на то, что с введением Торговым уставом 1653 г. единой рублевой таможенной пошлины сохранялись различия между местными и иногородними торговцами, а также разнообразные проезжие пошлины, число которых возросло в первой четверти XVIII в., что свидетельствовало об отсутствии равного для всех таможенного обложения торговых сделок. Посадское население, в большинстве состоявшее из местных торговцев и мелких товаропроизводителей, покупавших сырье и продававших готовую продукцию в своем городе и не платившие таможенные пошлины, по мнению М. Я. Волкова, поддерживало существование внутренней таможенной системы в интересах сохранения различий в обложении местных и иногородних торговцев, что препятствовало проникновению крупного купечества на местные рынки. Верхушка же посадского населения — крупное купечество, осуществлявшее отъезжие торги и платившее внутренние пошлины, — не выступала за ликвидацию таможенного обложения, поскольку «при одинаковом обложении торговых сделок таможенные пошлины оплачивались в конечном итоге потребителями товаров и не затрагивали купеческой прибыли». Интересы купцов, по мнению М. Я. Волкова, страдали не столько от наличия рублевой таможенной пошлины, сколько от многочисленных торговых канцелярских сборов, препятствующих движению товаров внутри страны и влиявших на купеческую прибыль[15]. Данное объяснение, на наш взгляд, нуждается в некоторых уточнениях.

М. Я. Волков справедливо обратил внимание на не совпадение интересов внутрипосадских разрядов населения по отношению к таможенной системе. Однако важно подчеркнуть, что сама их позиция по этому вопросу не была однозначной, а интересы достаточно противоречивы. Крупные купцы, прибыль которых не зависела от необходи-

[14] РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 7. Д. 29108. Л. 12. 21, 26–26 об., 28, 43 об., 60, 71, 72 об.

[15] *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен... С. 82–83.

мости платежа таможенных пошлин, не могли не испытывать неудобства от условий их взимания и реальной обстановки, ей сопутствующей. Об этом, как мы смогли уже убедиться, свидетельствовали их жалобы в Комиссию о коммерции. К тому же таможенные порядки, как уже отмечалось, сдерживали стремление крупного купечества к овладению местными иногородними рынками и развитие скупщических операций за пределами своего уезда. Мелкие же городские торговцы, ограничивавшие свои торговые операции местным рынком, и мелкотоварные производители, освобожденные от уплаты таможенных пошлин, не могли не испытывать на себе их тяжести, фактически оплачивая так называемую рублевую пошлину при покупке продовольствия, сырья, привозных товаров. Ликвидация внутреннего таможенного обложения явилась бы наиболее радикальной мерой на пути достижения «равенства шансов для буржуазных конкурентов», поскольку уравняла бы всех торговцев страны в отношении обложения внутриторговых операций. И в этом смысле крупные купцы не могли не быть заинтересованы в ней. В то же время уничтожение внутренней таможенной системы означало бы ослабление сословных ограничений внутренней торговли. Однако купечество в XVIII в., напротив, выступало за расширение своих сословных торговых привилегий. Таким образом, общесословные феодальные принципы и интересы, для большинства посадских людей ограниченные к тому же рамками местного рынка, определяли позицию посадского населения в целом и его купеческой верхушки в отношении внутренних таможенных сборов.

Движение товаров на внутреннем рынке, как то следует из записок и предложений купцов, страдало не только от наличия внутренних таможен, а после их ликвидации сохранения некоторых пошлин, но и от состояния путей и средств транспортировки товаров. В условиях огромных расстояний, редкой сети городских поселений и плохого состояния сухопутных дорог особое значение приобретали водные пути. Стремление Петра I распространить новые приемы судостроения по всей стране воплотилось в серии указов о строительстве речных и морских торговых судов по голландским образцам. Особое преследование со стороны правительства вызывал традиционный способ крепления законопаченных спаев днищ и боков судов скобками. Уже первый из этой серии указ 1715 г. за строительство судов со скобками налагал штраф в 200 руб. за каждое судно, повторное нарушение указа грозило конфискацией всего имущества и ссылкой в Сибирь на 10 лет[16]. Встретив со стороны судопромышленников и судовладельцев упорное

[16] ПСЗ. Т. IV. № 2956.

сопротивление, правительство от угроз перешло к действиям. В октябре 1720 г. в бассейн рек Волхов и Мста был послан гвардии поручик Румянцев, которому велено идущие по тем рекам до Твери «старого манеру суды с скобками все рубить, а хозяевам чинить наказанье и штрафовать»[17]. В декабре 1721 г. для судов, плавающих по Волге, была объявлена свобода выбора типа и манеры строительства, «толко б были *без скобок* (курсив наш — *Н. К.*) и хорошо конопачены»[18].

Упорство, с которым купцы держались за привычные «староманерные» суда, объяснялось не столько силой привычки и консерватизмом сознания, как считал Петр I, сколько слабостью материальной и технической базы для повсеместного воплощения этого начинания, а главное, сложностью использования в условиях речного мелководья крупных судов нового типа, обслуживание которых к тому же из-за большего числа работников обходилось дороже. Основательность оснастки, повышающая прочность и надежность судна при плавании, к примеру, через бурное Ладожское озеро, не слишком привлекала купцов, так как многие суда, доставлявшие грузы в Петербург по Вышневолоцкой системе, не возвращались обратно, а продавались на слом. О невозможности использования из-за мелководья по рекам Великой и Нарове судов «нового манера» писали в октябре 1726 г. в Сенат псковские купцы. Приказчик новгородского купца Михаила Сердюкова в доношении в Комиссию о коммерции в июле 1727 г. подчеркивал, что если направляемую из Новгорода и других мест в Петербург деревянную посуду, горшки, огородные овощи и прочие «домовые припасы», в которых заинтересованы столичные обыватели, перегружать в Ладоге из барок на морские суда, то привозная цена «тоя рухляди» станет дороже[19]. Тогда же нижегородские, симбирские и балахонские купцы, соляные и провиантские подрядчики добивались в Комиссии о коммерции разрешения укреплять днища новоманерных судов, плавающих по Волге, скобами, «чтоб во время штормов крепостей не раскачивало и конопати не выбивало»[20]. В 1728 г. архангелогородские поморы писали в Коммерц-коллегию, что для промысла морского зверя и ловли рыбы наиболее подходят малые суда — шняки, без которых «им вовсе конечно разоритца и от таких промыслов отстать»[21].

Результатом рассмотрения этих и подобных им обращений купцов явились подготовленные Комиссией о коммерции «пункты», изданные

---

[17] РГАДА. Ф. 397. Оп. 3. Д. 191. Л. 238.
[18] Там же.
[19] Там же. С. 233, 223.
[20] Там же. С. 235–236.
[21] Там же. С. 243.

затем в виде указов из Верховного тайного совета[22]. Они в соответствии с настояниями купцов узаконивали отступления от жестких норм петровского законодательства, все же детально оговорив допускаемые типы речных и морских судов, предназначенные для плавания в бассейне от Каспийского до Белого морей и от Волги до Балтики.

В областях Центральной Европейской России удобство речных сообщений ограничивалось природно-географическими условиями. Многочисленные, но мелководные реки нередко были судоходны лишь в непродолжительный период навигации, до спада вешней воды. Свободный же и незамедлительный проход судов с товарами являлся необходимым условием успешной торговой деятельности купца. Один неизвестный автор — купец, хорошо знакомый с обстоятельствами торговли хлебом и перевозки его по рекам из Орла в Москву, в записке в Комиссию о коммерции начала 1760-х годов представил те трудности, с которыми сталкивались купцы на своем пути[23]. Он обращал внимание комиссии на неудобства использования крупных речных судов, которые вмещали по 2, 5 тысяч четвертей хлеба. В мелководье такие суда необходимо было разгружать, что стоило 500 руб. на одно судно. Кроме того, на такие струги уходило много «толстого» леса. В Дединове, где строили такие суда, лес был почти сведен и его приходилось возить издалека, что повышало стоимость судов, а следовательно и цены на хлеб. Прожектер предлагал строить суда вместимостью не более 1 тысячи четвертей хлеба. Такие струги, по его мнению, «по узкости рек и водяному ходу» будут «способнее».

Несмотря на то, что Орел был важным центром хлебной торговли, пристани его были тесны и неблагоустроены. Орловский магистрат неоднократно доносил об этом правительству[24]. Одну из бед орловских купцов вышеупомянутый автор видел в том, что они не имели на берегу реки собственных земель, а строили свои амбары, нанимая ее у разночинцев, или же на значительном удалении от пристаней. Предлагая передать прибрежные земли в собственность купечества, отведя прежним владельцам земли в других местах, он обещал за это понижение цен на хлеб и пользу «всему обществу».

Немалый урон от частных владельцев приречных земель несли и хозяева речных судов. Тот же автор жаловался, что в случае несчастья, постигшего купеческое судно, от владельцев окрестных земель не только нет помощи, но, напротив, всякое «помешательство».

[22] Сб. РИО. Т. 84. С. 308—320; Т. 69. С. 375—377.

[23] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 37—42 об.

[24] *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII—начале XIX в. М., 1982. С. 104—105.

Неоднократно встречаются жалобы на взятки в различных заставах по дорогам, на переездах, мостах и т. д. Сущим бедствием для купеческих караванов, следовавших по рекам, стали «сыщиковы команды» по розыску разбойников и беглых, которые останавливали суда под видом осмотра паспортов у работников и, пользуясь тем, что из-за быстрого спада воды суда не могли долго задерживаться, вымогали взятки. По словам купцов, «некоторые из сих людей вместо искоренения воров и разбойников сами их должность отправляют»[25]. Купцы предлагали эти команды «отрешить» и передать сыск беглых и разбойников либо в руки губернаторов и воевод, либо полиции и магистратам, запретив кому бы то ни было останавливать купеческие суда, а проверку паспортов у судовых работников осуществлять заблаговременно в местах их найма.

Начиная с 1734 г., когда вышел указ «о командах по розыску воров и разбойников и нечинении им препятствий в ходу купцам», подобные указы появлялись неоднократно. Все они были направлены на пресечение произвола сыскных команд и грозили наказаниями их нарушителям. Доношения купцов в Комиссию о коммерции свидетельствовали о том, что законодательные действия правительства не возымели должного действия. Дело разрешилось лишь выходом по представлению комиссии сенатского указа от 2 октября 1762 г., по которому сыск воров и разбойников был передан губернаторам и воеводам[26].

Немалые «разорения и грабительства» испытывало купечество от командиров, определенных на пристанях Вышневолоцкой водной системы — основного пути к главному порту России. На каждой дистанции водного пути — там, где приходилось оформлять проход судов через шлюзы и каналы, или нанимать лоцманов, или же платить различные пошлины, — была налажена своя, обходившая все законы, система поборов. По подсчетам Э. Г. Истоминой, сбор с барки на участке реки протяженностью около 350 км. — от Вышнего Волочка и до Усть-Волмы — достигал в среднем 40 руб. и более. Одним из звеньев Вышневолоцкой водной системы были Боровицкие пороги на р. Мсте. В 1761—1762 гг. вопросом о злоупотреблениях на Боровицких порогах, разорениях и грабительствах, причиняемых купечеству от определенных на пристани командиров, занималась Комиссия о коммерции[27], а в 1764—1766 гг. — специально созданная при Сенате «Следственная комиссия о взятках» под руководством генерал-прокурора А. А. Вяземского[28].

[25] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 39—41 об., 55 об.
[26] ПСЗ. Т. XVII. № 11657.
[27] История рассмотрения вопроса о злоупотреблениях на Боровицких порогах изложена Истоминой Э. Г. (Указ. соч. С. 30—35).
[28] *Истомина Э. Г.* Указ. соч. С. 30—35.

Огромная роль Вышневолоцкой системы в качестве пути, связующего главный порт России с внутренним рынком, заставила правительство внимательно отнестись к жалобам купцов. Хотя в ходе следствия выявилось катастрофическое состояние дел на водных путях, система эксплуатации рек осталась неизменной. Сенат лишь ограничился частными мерами. Так, был заменен уличенный во взятках командир Боровицких порогов Бобрищев-Пушкин, понесла наказание часть служащих канцелярии и командиров пристаней.

Важным средством создания благоприятных условий для торговой деятельности купцы считали организацию при портах и главных таможнях государственного кредита «с лехкими процентами». Об этом в своих доношениях в Комиссию о коммерции писали в 1727 г. российские купцы, связанные с петербургской торговлей, и собственно петербургские купцы[29]. Обязательным условием при организации банка, по мысли купцов, должно было стать предоставление ссуд исключительно на коммерческие нужды, что достигалось запрещением их выдачи «мимо купцов».

Об остроте вопроса организации государственного кредита в России свидетельствуют данные о роли кредитных операций в торговой жизни купцов[30]. Торговые операции, осуществлявшиеся на заемные деньги, нередко по своим размерам во много превосходили торги на собственном капитале. Недостаток свободных денежных средств, ограниченные возможности частного ростовщического кредита, его дороговизна сдерживали развитие торговли. При заключении контрактов с иностранным купечеством на поставку им российских товаров отечественные купцы вынуждены были получать всю денежную сумму или часть ее вперед. Причем размер задатка влиял на цену, что, естественно, сказывалось на величине торговой прибыли отечественных купцов. Вот почему в 1720-х годах вопрос об организации государственного кредита в первую очередь поднимали купцы, связанные с портовыми закупками товаров, в интересах их освобождения от иностранного кредита.

Проект петербургских купцов об организации государственного кредитования коммерции был не единственным. Н. Н. Фирсов упоминал проект некоего прожектера второй четверти XVIII в., рассматривавшего учреждение банка в качестве условия освобождения русских купцов от зависимости по отношению к иностранному купечеству[31]. Известен

---

[29] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 11 об. –12; Ф. 397. Оп. 1. Д. 430. Л. 21.

[30] *Голикова Н. Б.* Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 2. М., 1979.

[31] *Фирсов Н. Н.* Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII столетия. Очерки из истории экономической политики и соответствующих отношений. Изд. 2-е. Казань, 1922. С. 48.

и план В. Н. Татищева об организации банка, который должен был предоставлять ссуды купцам и промышленникам за счет свободных денег, имевшихся у дворянства и духовенства. Подобный проект, как подчеркивал С. Я. Боровой, оказался в резком противоречии как с правительственной практикой, так и с притязаниями дворянства на создание для них кредитных учреждений[32]. И все же предложение В. Н. Татищева было не единственным дворянским проектом, поднимавшим вопрос о государственном кредитовании купечества. В 1731 г. в Комиссию о коммерции неизвестным лицом был направлен «Проект о банке казенном». Дворянское происхождение его автора выдает содержание проекта. Так, особое беспокойство у него вызывает «отягощение», претерпеваемое дворянством от высокого ростовщического процента, что выражалось в потере закладных деревень и другого имения[33]. Вместе с тем, предлагая учредить казенный банк из свободных государственных средств на общую сумму в два миллиона рублей с тем, чтобы «нигде деньги... празны не лежали», автор проекта предусматривал выдачу ссуды не только шляхетству, но и купечеству, что должно было привести к умножению торгов последних. Предоставление ссуд мыслилось из 6% годовых на срок не более года, но под обязательный заклад движимого и недвижимого имущества, в том числе купеческого товара на гостином дворе. Особенно подчеркивалась необходимость государственного кредитования при портах. В этих целях таможням следовало направлять необходимую для кредитования купцов сумму. Одновременно в проекте рассматривался состав служителей банка и сумма, необходимая на их содержание и другие расходы. Это обстоятельство, а также внимание автора проекта к интересам коммерческого кредитования заставляют видеть в нем скорее всего государственного чиновника, по долгу службы сталкивавшегося с подобными вопросами.

Таким образом, во второй четверти XVIII в. вопрос о государственном кредитовании торговли был поставлен российским купечеством и некоторыми представителями дворянства. Он встретил поддержку в Комиссии о коммерции. В августе 1727 г., видимо, в ответ на запрос петербургских купцов, присутствующий в Комиссии о коммерции от Главного магистрата И. Стрежнев предложил собранные с купечества для строительства на Преображенском острове домов деньги на сумму 37 тыс. руб.[34] отдавать петербургским купцам под заклад или под на-

[32] *Боровой С. Я.* Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII века. // ИЗ. Т. 33. М., 1950. С. 100.

[33] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

[34] Из них 25 тысяч руб. предлагалось востребовать из казны, так как они уже были истрачены на покупку материалов к строящемуся дворцу.

дежное поручительство из 6% годовых, «дабы оное купечество в торгах своих такими деньгами вспоможение имели, и процентными б деньгами от года капитал умножался». Комиссия о коммерции, одобрив предложение И. Стрежнева, выдвинула еще один возможный вариант использования собранных средств: строительство на Преображенском острове каменного мытного двора, о чем также просили купцы. Верховный тайный совет в мае 1728 г. утвердил последнее предложение комиссии, в котором отражались и фискальные интересы казны[35].

Первый опыт практического осуществления идеи организации коммерческого кредита относится к 1733 г., когда указом 8 января был открыт неограниченный заем денег «всякого чина людям» из Монетной конторы из 8% годовых. Заем обеспечивался закладом золота или серебра. Срок займа назначался годовой, но допускалась рассрочка до 3 лет[36]. Ограничение форм заклада драгоценными металлами делали этот первенец банковских учреждений совершенно не доступным не только для купцов, но и основной массы дворян. Это определило слабое развитие кредитных операций Монетной конторы, некоторые следы которых встречаются в «бумагах» Кабинета министров до 1736 г.[37] Таким образом, вплоть до учреждения Купеческого банка в 1754 г. в России не было государственного кредитования частных торговых операций.

Организованный с незначительным капиталом в 500 тыс. руб. банк предназначался для выдачи ссуд русским купцам, торгующим при Петербургском порте, сроком на 6 месяцев из 6% годовых. Краткосрочность ссуд была столь стеснительна для купцов, что несмотря на острую нужду в деньгах в течение двух месяцев никто из них не воспользовался услугами банка. И только после продления срока ссуды до года наличный капитал был быстро разобран. В целом деятельность первого коммерческого банка в России была узкой как по видам производимых операций, ограниченных исключительно выдачей ссуд, так и по сфере обслуживания (внешней торговли через Петербургский порт). В последующие годы правительство неизменно отклоняло предложения купцов о расширении географии деятельности Коммерческого банка. К тому же даже в таком урезанном виде банк фактически прекратил свою деятельность уже в 1770 г., хотя формально был ликвидирован в 1782 г., когда его пассивы переданы Дворянскому банку. Прав был С. Я. Боровой, писавший, что «интересы купечества в це-

[35] Сб. РИО. Т. 79. С. 374–375.
[36] ПСЗ. Т. VIII. № 6300.
[37] *Бондаренко В. Н.* Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913. С. 141–144.

лом не учитывались правительственными органами при обсуждении планов организации кредитного дела в стране»[38].

Особенно многочисленными и разнообразными в предложениях российских купцов 20—60-х годов XVIII в. были вопросы, касающиеся условий и организации торговли с иностранцами и взаимоотношений с ними. Внимание к этим вопросам объяснялось как возросшей ролью внешней торговли в экономической деятельности купечества, так и преобладанием иностранных купцов в виде посредников в заграничном торге российских коммерсантов. Последнее обстоятельство определило содержание многих требований российских купцов, связанных с портовой торговлей.

Одно из них вытекало из стремления купцов к устранению внутренней конкуренции между российскими экспортерами ради утверждения монопольных прав крупного купечества во внешней торговле. Это стремление уже достаточно отчетливо проявилось в деятельности купеческой верхушки во второй половине XVII в. В 1667 г. крупные купцы, торговавшие на Архангелогородской ярмарке, предприняли попытку создать компанию, объединявшую торги и действия купцов разных рангов. Однако эта попытка не удалась, так как «молотшие люди» самостоятельно распродали свои товары по более низкой цене[39]. Правительство в целом поддерживало стремление крупного купечества к монополии на внешнем рынке. Об этом свидетельствует введение к Новоторговому уставу 1667 г., где высказывалось пожелание об организации «складной» торговли, при которой «маломочные» торговые люди не могли подряжаться самостоятельно у иностранцев, а должны были отдавать свои товары купцам «больших партий». Законодательно это пожелание закреплено не было, и иностранные купцы по-прежнему в своей борьбе с русскими экспортерами не без успеха опирались на мелких торговцев, используя их в качестве посредников и агентов[40].

Идеи регулирования торговли при портах для повышення конкурентоспособности отечественных купцов и установления высоких цен на отпускные товары, а также устранения торговавших «малыми стаями», выдвигались и в 20-е годы XVIII в. И. Т. Посошков в «Книге о скудости и богатстве» предлагал товары продавать на ярмарках и отпускать от портов под присмотром купеческого командира и устанавливать единые

[38] *Боровой С. Я.* Указ. соч. С. 102–112.

[39] *Базилевич К. В.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // УЗ МГУ. Вып. 41. История (Т. 1). М., 1940. С. 29–30.

[40] *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 29; см. также: *Базилевич К. В.* Коллективные челобитные торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVIII века // Известия АН СССР. 1932. Отделение общественных наук. № 2. С. 103–108.

цены с согласия всего купечества. Он также советовал выжидать хороших цен и для этого мелким купцам, чтобы не терпеть «от ожидания убытку», продавать товары у портов крупным коммерсантам[41].

Во второй четверти XVIII в. крупное российское купечество вновь развернуло упорную борьбу за вытеснение иностранцев из посреднической торговли отечественных купцов с заграницей. В 1727 г. купцы, торговавшие в Петербурге, потребовали запретить иногородним купцам продавать иностранцам при портах товары менее, чем на 1 тыс. руб., «чтоб большим валовым торгам убавки цены не было». Малые партии товаров по их предложению следовало продавать русским купцам «больших партий». Тем самым крупные купцы вновь выступили за монополию в посреднической торговле с иностранцами и оттеснение мелких купцов от портового торга. Достижение торговой привилегии на внешнем рынке давало бы крупным купцам возможность возвышения цен на экспортные товары, а следовательно получать большую прибыль. Однако в 1720-е годы, когда городская торговая верхушка еще только начинала консолидироваться, а привилегии первогильдейского купечества не были определены и законодательно оформлены, правительство в лице Комиссии о коммерции предостерегло «больших партий» купцов от «неволи и приметок» по отношению к «малоторговцам» с тем, чтобы их от торгу не отгонять[42].

Вопрос об оттеснении малокапиталистых торговцев от непосредственного торга с иностранцами как важном средстве обеспечения конкурентоспособности отечественных купцов вновь был поставлен в 1740-е годы. В октябре 1741 г. пять купцов разных городов во главе с туледниным Федором Володимировым подали доношение в Коммерц-коллегию. В нем они просили предоставить российским купцам, «хотя и не санктпетербургским жителям», право заключать между собой контракты на поставку в Петербург товаров «для отпуска за море» с платежом только одной портовой пошлины, то есть на том же основании, на котором иностранные купцы заключали контракты с отечественными коммерсантами. Купцы особо подчеркивали, что отсутствие подобного права сдерживало заграничную торговлю российских купцов[43]. Итак, крупные купцы в интересах активизации своей внешнеторговой деятельности выступали за частичное освобождение экспортных товаров от внутренних пошлин. Причем это освобождение касалось только петербургской портовой торговли. В силу этого вызывает недоумение утверждение Н. Л. Рубинштейна, что именно по ини-

---

[41] *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 120–121.
[42] РГАДА. Ф. 4261. Оп. 6. Д. 6. Л. 9 об., 39.
[43] Там же. Ф. 276. Оп. 7. Д. 63. Л. 9–10.

циативе указанных купцов «впервые был возбужден вопрос об отмене внутренних таможен, окончательное решение которого связано с именем П. И. Шувалова»[44]. М. Я. Волков, исследовавший обстоятельства отмены внутренних таможен в России, также упрекал Н. Л. Рубинштейна в переоценке влияния крупного купечества на экономическую программу П. И. Шувалова, исходя из оценки проектов последнего[45]. В этом убеждает, как мы видели, и содержание предложений российских купцов, на которые ссылался Н. Л. Рубинштейн.

Вопрос о торговых контрактах между иностранным и российским купечеством имел свою историю. Еще Торговый устав 1653 г., провозгласивший торговую монополию отечественных купцов на внутреннем рынке, запретил русским купцам заключать контракты с иностранцами о поставке товаров. В дальнейшем, стремясь к усилению внешнеторговой деятельности российских купцов и учитывая их малокапиталистость, правительство Петра I указом 1720 г. отменило этот запрет, но только при поставках товаров к Петербургу, что явилось еще одним экономическим средством переориентации внешней торговли с севера на Балтику[46]. В 1736 г. Коммерц-коллегия обратилась в Сенат с предложением запретить заключение между иностранными и российскими купцами контрактов о поставке товаров к Петербургскому порту, ссылаясь на различные притеснения, которые испытывали отечественные купцы со стороны своих зарубежных торговых партнеров. С особым мнением по этому вопросу выступил советник коллегии А. Свелленгребел, подчеркивавший необходимость сохранения контрактов в интересах среднестатейных купцов, использовавших авансированные иностранцами деньги на покупку товаров, их провоз, уплату пошлин и другие издержки[47]. В 1740 г. в связи с назначением нового президента в Коммерц-коллегии вновь обсуждался вопрос о контрактах. На этот раз все члены присутствия единодушно высказались за их сохранение. Основным доводом было отсутствие у многих российских купцов достаточных средств для поставки товаров к Петербургскому порту. Таким образом, ко времени, когда Ф. Володимиров с товарищами обратились в Коммерц-коллегию с предложением о распространении на российских купцов привилегии иностранного купечества по заключению контрактов, у нее сложилось твердое убеждение в их полез-

[44] *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50—начала 60-х годов XVIII в. // ИЗ. Т. 3. М., 1951. С. 215.

[45] *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен в России. С. 82—86, 90—91.

[46] ПСЗ. Т. VI. № 3672.

[47] РГАДА. Ф. 276. Оп. 7. Д. 63. Л. 23—26 об.

ности для развития внешнеторговых оборотов Петербургского порта. Возможность «отрешения иноземческих контрактов» Коммерц-коллегия допускала лишь в отдаленной перспективе, «когда российские купцы к тому приобыкнут и на контракты товаров своих ставить будут перед нынешним с довольным пополнением», что прямо связывалось с ростом капиталов российского купечества[48].

В вопросе о торговых контрактах между иностранными и отечественными купцами проявилось, с одной стороны, стремление правительства к увеличению экспортных поставок Петербургского порта, а с другой, — усиление зависимости русских купцов от их иностранных партнеров, фактически проникавших на внутренний рынок России. К тому же, авансируя русских купцов деньгами на покупку нужных им товаров, иностранцы диктовали объем и условия торговых операций. Сложившаяся практика торговых контрактов, приводившая к преобладанию влияния иностранного купечества в посредническом торге с отечественными купцами, была тяжелой необходимостью, вытекавшей из малокапиталистости последних. Пониманием сложности ситуации и ее неоднозначности объясняются колебания правительственных чиновников, в том числе Коммерц-коллегии, по этому вопросу. Однако это понимание нисколько не подвигало чиновников Коммерц-коллегии к поиску мер, направленных на усиление позиций отечественных купцов.

В 1741 г., поддерживая прошение иностранных купцов, торговавших в Архангельске, о позволении им заключать контракты с российскими купцами о поставке к Архангелогородскому порту отечественных товаров, Коммерц-коллегия подчеркивала значение этой меры «для приращения коммерции и пополнения пошлинного збору»[49]. При этом она закрывала глаза на то, что «приращение» и «пополнение» достигалось в результате усиления позиции иностранного, в данном случае голландского купечества.

С инициативой защиты интересов отечественных купцов выступили сами купцы. Предложения Ф. Володимирова с товарищами, видимо, следует рассматривать как попытку крупного купечества найти средство борьбы с иностранным диктатом. Они свидетельствовали о стремлении отечественных купцов к активизации их внешнеторговей деятельности, к укреплению их позиций в посредническом торге с иностранцами за счет освобождения из-под влияния последних мало-

[48] РГАДА. Ф. 276. Оп. 7. Д. 63. Л. 37 об.
[49] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 928. Л. 270–271 об.

капиталистых и среднестатейных русских купцов, что позволяло противостоять конкуренции иностранцев[50].

Коммерц-коллегия рассмотрела и поддержала предложения купцов только после обращения к ней с аналогичным требованием Петербургской портовой таможни в октябре 1743 г.[51] Правда, обратив внимание на обеспечение фискальных интересов казны, Коммерц-коллегия в доношении в Сенат ни словом не обмолвилась о необходимости удовлетворения предложений российских купцов в интересах вытеснения иностранцев из посреднического торга в целях роста капиталов отечественных купцов.

Несмотря на поддержку Коммерц-коллегии, Сенат лишь частично удовлетворил требования купцов, а именно: указом 9 декабря 1746 г. разрешил российским иногородним купцам заключать между собой контракты о поставке товаров к Петербургскому порту для заморского отпуска, но при условии платы с объявленной в контрактах суммы внутренних пошлин[52]. И только в предверии полной отмены внутренних таможенных сборов Сенат указом 12 марта 1752 г. отменил взимание внутренних пошлин с товаров, поставляемых к Петербургскому порту по контрактам между российскими купцами[53]. Эта мера, освобождавшая отпускную петербургскую торговлю от внутренних пошлин, удовлетворила требование купеческой верхушки, стремившейся к усилению своей внешнеторговой деятельности, создавала условия к усилению позиций отечественных купцов в посреднической торговле[54].

Достижению той же цели должно было способствовать запрещение предоставлять иностранцам казеные подряды и откупа, как на экспортные, так и на импортные товары, на чем настаивали российские купцы, «санктпетербургские жители», в своем доношении в Комиссию о коммерции в 1727 г.[55] Причем купцы выступали не против подрядов и откупов вообще, а против возможностей их использования в интересах усиления позиций иностранного купеческого капитала.

Свидетельством возросшей капиталистости отечественных купцов служит выдвигавшееся в ряде записок, направленных в начале 60-х годов во вторую Комиссию о коммерции, требование запретить заключе-

[50] *Репин Н. Н.* Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700—начале 60-х годов XVIII в. Автореферат дисс. доктора ист. наук. Л., 1986. С. 24.
[51] РГАДА. Ф. 276. Оп. 7. Д. 63. Л. 28—28 об.
[52] Там же. Л. 51 об.—52.
[53] ПСЗ. Т. XIII. № 9957.
[54] Самостоятельная заграничная торговля российских купцов в силу целого ряда причин была развита слабо.
[55] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 3—5 об.

ние контрактов между иностранными и российскими купцами. В дополнение к доводам, хорошо известным правительству, прожектеры обращали внимание на увеличившееся число банкротств купцов, не имевших возможности рассчитаться за взятые под контракт кредиты. От этого, по словам авторов записок, страдали не только купцы, но и казна, предоставлявшая из Коммерческого банка ссуды, к которым прибегали по преимуществу малокапиталистые купцы[56]. Таким образом, крупные отечественные купцы выступали не против торговых контрактов как таковых, а против участия в качестве контрагентов иноземных торговцев, в чем выражалось их давнее стремление к установлению собственной монополии в посреднической торговле с иностранцами и оттеснению мелких купцов от портового торга.

Той же цели служил и проект организации при Петербургском порте купеческой компании и главной комиссионерской конторы, предложенный ярославским купцом А. Ярославцевым, являвшимся одним из директоров Темерниковской компании, производившей торговлю с Константинополем. Ярославцев был и среди тех, кто подавал прошение об организации Персидской компании[57]. По его мысли, контора должна была обладать монопольным правом отпуска за море разнообразных российских товаров. Все привезенные к порту товары купцы должны были отдавать в контору, через которую осуществлялось дальнейшее их движение под контролем портовой таможни. Последняя передавала конторе состоявших в ее ведении браковщиков. По проекту конторе следовало брать за комиссию не более 2%. Из образовавшейся комиссионной суммы А. Ярославцев обязывался наладить почтовую связь, печатать «прейскуранты» о товарах и их ценах, содержать бухгалтерскую школу, для которой, а также для ведения дел в конторе по европейскому образцу выписать 4 человек, знающих бухгалтерию и российский язык из Италии, Голландии, Франции и Англии, а в будущем учредить контору в Голландии и, наконец, поддерживать материально Академию художеств. В интересах процветания задуманного дела Ярославцев просил пожаловать будущую компанию привилегиями, а себя утвердить главным директором, определив ему в помощники еще 4 человек по его выбору[58].

В 50-х—60-х годах XVIII в. российское купечество в массе своей выступало за свободу торгово-промышленной деятельности, против монополий, откупов и подрядов, сковывавших частную инициативу и предпринимательство в промышленности и торговле. «Монополии,

[56] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 18—22, 82.
[57] *Юхт А. И.* Торговые компании в России в середине XVIII в. // ИЗ. Т. 111. М., 1985.
[58] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 433.

откупы и необычайные фабрики почитать можно подрывом купечества», – писал в 1760-м году в Комиссию о коммерции неизвестный купец, имея в виду не торгово-промышленную монополию всего купеческого сословия, идея которого по-прежнему существовала в сознании купечества, а привилегии отдельных лиц. В записке 1763 г. выражено отрицательное отношение к компаниям: «Компании по справедливости почитаются за обиду всему обществу купцов даже там, где оно находятся в лучшем состоянии, чем у нас, в России». В другом «прожекте» «О поправлении коммерции и купечества» неизвестный автор прямо выступал против тех, кто предлагал всю российскую коммерцию производить генеральными компаниями. «Есть люди, – писал он, – не стыдящиеся представлять, что не находят другого способа поправления российской коммерции, как чтоб всю оную чрез их руки производить под именем комиссионерской конторы или генеральных прикащиков, но они чрез то сделались бы генеральными хозяевами... сего еще им мало показалось, в том же представлении почли себя достойными иметь чины и ранги»[59]. Не приходится сомневаться в том, что пафос записки направлен против плана Ярославцева или какого-то, ему подобного. Обращает на себя внимание хорошая осведомленность купеческого общества о содержании проектов, поступавших в Комиссию о коммерции.

Борьба российского купечества за свободу торгово-промышленной деятельности, против монополий оказывала определенное воздействие на экономическую политику правительства[60]. Правда, среди купцов не было единомыслия в отношении монополий, да и для основной его массы требование свободы торгово-промышленной деятельности ограничивалось сословными рамками. Учреждение купеческих компаний для ведения внешней торговли по определенному направлению было закономерным средством преодоления недостатка наличного капитала у российского купечества и конкуренции со стороны значительно более мощного и лучше организованного иностранного купечества. Организация привилегированных торговых компаний, пользовавшихся покровительством правительства и обладавших монопольным правом торговли с определенными странами, была характерна для политики меркантилизма. Такие компании являлись действенным средством накопления капитала и утверждения национального купечества на внешнем рынке. В Англии уже в XVI в. их деятельность

[59] *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 31; см. также: РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 37–45, 36–38 об.
[60] *Юхт А. И.* Указ. соч. С. 290.

способствовала формированию национального рынка и созданию экономического единства страны[61]. Изданный во Франции в 1670-х годах труд Ж. Савари «Лексикон о коммерции», ставший широко известным в Западной Европе, а в России впервые опубликованный в 1747 г., доказывал преимущество «перед простым собранием» привилегированных компаний, учрежденных «для чужестранной коммерции и долговременных походов»[62]. В России — несмотря на некоторые шаги правительства в петровское время — компании с закрепленными за ними статусом, капиталом и привилегиями не получили большого распространения во внешней торговле, особенно в первой половине столетия. Этому препятствовало как отсутствие общих условий развития непосредственных торговых связей с зарубежными странами, так и ограниченные возможности казны и купеческого капитала, требующие ориентации на постоянные и быстро реализуемые источники накопления. Организация и реальное функционирование привилегированных торговых компаний в России относится к концу 50-х—началу 60-х годов XVIII в. и связано со стремлением правительства к расширению торговли с восточными странами. Эти компании, как показало исследование А. И. Юхта, объединяли капиталы нескольких купцов-учредителей, допускали право вступления в них различных купцов, не вводя численное ограничение состава компаний, но ставя непременным условием торговли с той или иной страной ее организацию только через конкретную компанию. Примечательно, что никто из крупных купцов и промышленников Москвы и других городов, в течение нескольких лет боровшихся за монопольных доступ на рынки Закавказья и Персии, не вступил в организованную в 1758 г. для торговли с этими странами компанию Манвеля Исаханова с братьями, не имевшую финансовой надежности в силу малокапиталистости ее учредителей[63]. Значит, верхушке купечества, была присуща убежденность в необходимости крупных капиталов для достижения роста внешнеторговых оборотов, фактической реализации монопольного положения и получения устойчивой прибыли. В таких условиях монополии отдельных лиц и даже компаний в области торговли становились препятствием для ее развития, что и показали результаты деятельность компаний по торговле с Персией и Средней Азией. В 1762 г. правительство провозгласило новый курс в экономической политике, и монопольные

[61] *Штокман В. В.* Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962. С. 91.

[62] Экстракт Савариева Лексикона о коммерции. СПб., 1747. С. 593.

[63] *Юхт А. И.* Указ. соч. С. 239—263, 279—281.

права всех трех компаний на торговлю со странами Востока были ликвидированы.

Вместе с тем и в последующие десятилетия (вплоть до конца XVIII в.) в многочисленных проектах развития внешней торговли, вышедших из правительственных и купеческих кругов, компанейский торг, дававший многократное умножение капиталов, по-прежнему рассматривался как наилучшее средство активизиции торговой деятельности купечества и укрепления его позиций на внешних рынках. Однако правительство неизменно отклоняло проекты тех внешнеторговых компаний, которые планировались на монопольных началах, хотя и оказывало компаниям всяческое покровительство в виде предоставления кредита, пошлинных льгот, покрытия транспортных издержек за счет казны[64]. Это отражало характер торговой политики последней трети XVIII в. При общей «либеральной» направленности она сохраняла некоторые черты протекционизма и меркантилизма предшествующих десятилетий.

В силу малочисленности российского торгового флота заграничная торговля России велась в основном на иностранных судах, главным образом, английских и голландских, что наносило интересам отечественной торговли и купеческого капитала очевидный ущерб. Н. Н. Фирсов, обозревая проекты первой половины XVIII в., отмечал, что мечты о торговле на собственных судах были в них почти общим местом[65]. В течение первой половины XVIII в. предпринимались попытки решения вопроса создания отечественного торгового флота. Правительство узаконило поощрительные меры для купцов, осуществлявших заграничную торговлю на собственных судах[66]. Однако все эти усилия не давали желаемых результатов, и пожелания о развитии купеческого мореплавания оставались только пожеланиями, хотя и неоднократно повторяемыми. В нашу задачу не входит выяснение причин тщетности усилий правительства и устремлений купечества в осуществлении главного, по словам И. Фоккеродта, намерения Петра I, заключавшегося в том, чтобы отечественные купцы «отвозили товары и сбывали их в чужих краях не через посредство других мореплавательных народов, а на собственный счет и на своих перевозных судах»[67]. Адресуя читателя к специальной литературе, где эта проблема

---

[64] *Молодцова Н. В.* Комиссия о коммерции 1763—1796 гг. Дисс. канд. ист. наук. Рукопись. М., 1994. С. 148—169.

[65] *Фирсов Н. Н.* Русские торгово-промышленные компании. С. 50.

[66] По внешнеторговому тарифу 1724 г. для русских купцов, осуществлявших внешнеторговые операции на собственных судах, пошлины понижались втрое, по тарифу 1731 г. — в 4 раза. При отпуске товаров на иностранных кораблях русский купец платил $^3/_4$ пошлины, установленной тарифом.

[67] *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом // ЧОИДР. 1874. Кн. 2. Отд. 4. С. 77.

уже рассматривалась[68], мы бы хотели еще раз подчеркнуть важное для нашего исследования наблюдение о присущем массе купечества убеждении в необходимости развития российского торгового мореходства, что включало решение целого комплекса проблем: роста капиталистости купцов, организации коммерческого и казенного судостроения, учреждения за границей консульской службы, создания отечественных кадров шкиперов, штурманов и матросов, овладения российскими купцами коммерческим искусством и пр. Все эти вопросы в той или иной степени поднимались купцами в их записках и предложениях. К некоторым из них мы еще вернемся.

Вынужденные мириться с малочисленностью российского торгового флота и слабым развитием самостоятельной внешней торговли российские купцы с тем большим основанием требовали запрещения иноземцам содержать лихтеры и другие мелкие суда для перевозки грузов между российскими портами и доставки их с кораблей, остававшихся на рейде в Кронштадте, в Петербургский порт[69].

Устав о лихтерах, подготовленный в Комиссии о коммерции и утвержденный Верховным тайным советом 22 мая 1727 г., позволял содержать перевозные суда как российским, так и иноземным купцам. И только указом 1754 г. перевозка всяких товаров между Кронштадтом и Петербургом была предоставлена одним «здешним» купцам[70]. Тем не менее и в 1760-х годах петербургские купцы обращали внимание новой Комиссии о коммерции, что почти весь данный промысел «отнимается» иностранцами, которые записывают «в здешнее купечество времянно своих прикащиков, чтоб под именами их отправлять оною перевоску»[71].

Во второй четверти XVIII в. российские купцы проявили стремление и к более активному участию в восточно-европейской транзитной торговле, господствующее положение в которой занимала Армянская торговая компания, обладавшая правом монопольного торга шелком и

[68] *Позпер М. В.* Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб., 1895; *Улянщкий В. А.* Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899; *Миронов Б. Н.* К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII—начале XIX века // ИСССР. 1973. № 6; *Репин Н. Н.* Из истории торговых связей России со странами Западной Европы через Архангельск в первой четверти XVIII в. // Сб. научных работ аспирантов исторического факультета. М., 1970; *он же.* Коммерческое судостроение в России в конце XVII—первой половине XVIII в. // ВИ. 1978. № 1; *он же.* Торговля России с европейскими странами на отечественных судах (конец XVII—середина 60-х годов XVIII в.) // ИЗ. Т. 112. М., 1985.

[69] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 9; Ф. 397. Оп. 1. Д. 430. Л. 21.

[70] Сб. РИО. Т. 63. СПб., 1888. С. 548; ПСЗ. Т. XIV. № 20242.

[71] *Чулков И.* Историческое описание российской коммерции. Т. IV. Кн. 4. М., 1786. С. 529.

рядом льгот в уплате пошлин. В мае 1727 г. правительство по докладу Комиссии о коммерции удовлетворило просьбу купцов, «чтоб армяне с россиянами были в платеже равной пошлины». В том же году российские купцы «санктпетербургские жители» обратились в Комиссию о коммерции с предложениями о создании более удобных для них условий транзитной торговли. Испытывая недостаток свободных капиталов и имея тесную связь с жизнью петербургского порта, челобитчики добивались права закупать западноевропейские товары для отправки в Персию в обмен на российские пеньку, юфть, холст и другие товары с уплатой обычной пошлины по прежнему торговому уставу, а не по тарифу[72].

В 30—40-х годах XVIII в. российским купцам не удалось потеснить армянских купцов, обороты транзитной торговли которых в это время по сравнению с первой четвертью XVIII в. значительно возросли[73]. Правительство, исходя из финансовых интересов, в эти годы ориентировалось на еще большее привлечение иностранных купцов в Россию. С 1734 по 1746 г. правом транзита в Персию в ущерб интересам российского купечества пользовалась Англия.

В интересах активной торговли и притока денег в страну российские купцы, как и ранее И. Т. Посошков, выступали за развитие отечественной промышленности, внимание и покровительство ей со стороны казны. В 1727 г. купцы, в частности жаловались на «тяжкое помешательство», чинимое суконной фабрике задержкой в приеме сукон в казну и в выплате денег по контрактам[74].

С особой настойчивостью купцы подчеркивали необходимость развития отечественной металлургии, начало которой положено в петровское время. Ссылаясь на заводы Демидова, они выступали за продолжение практики передачи казенных заводов, в частности сибирских и олонецких, «в народ, токмо бы не в одне руки и одне компании или в какую одну фамилию... в вечное владение и наследниками». Результатом такой политики, по мысли купцов, будет «великое богатство» заводов, увеличение вывоза железа за границу, усиление всего внешнеторгового оборота России[75].

Комиссия о коммерции, не высказывая собственного мнения на требование купцов, отложила рассмотрение вопроса о передаче казенных предприятий «в разные, а не в одни руки» до того времени, «когда о таких казенных заводах будет рассматревано». Как известно,

---

[72] ПСЗ. T VII. № 5086; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 10—10 об.
[73] *Юхт А. И.* Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII века // ИСССР. 1961. № 1. С. 145.
[74] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 8 об., 12.
[75] Там же. Л. 12—12 об., 13—14.

практика передачи казенных предприятий в частные руки имела место в первой четверти XVIII в. и была объективно необходима в силу экономической слабости купечества. По той же причине правительство поощряло заведение промышленных компаний торговых людей, предоставляло им различные привилегии, в том числе монополию на производство определенной продукции. Против промышленных монополий, сдерживавших частное предпринимательство, и выступили купцы в 1727 г. в своем доношении в Комиссию о коммерции.

В 30-х годах вопрос о партикуляризации казенных заводов интенсивно обсуждался в правительстве. Причем, если практические деятели промышленной политики доказывали большую выгодность для казны казенных заводов перед партикулярными и стояли за расширение казенной металлургии на Урале и в Сибири, то высшие правительственные круги все более выступали за раздачу казенных заводов в частные руки. За передачу казенных заводов в партикулярное владение высказалась и организованная в 1733 г. специальная комиссия[76]. Берг-регламент 1739 г. законодательно закрепил раздачу казенных заводов «в разные компании или партикулярным людям, российским и иностранным»[77]. На практике стремление русского купечества к более широкому проникновению в промышленность и его выступления против монополии отдельных заводчиков претворилось в расхищение казенных металлургических предприятий созданным в 1736 г. для управления горной промышленности Генерал-Берг-директориумом и лично его начальником бароном фон Шембергом, саксонцем по происхождению, приехавшим в Россию вместе с Бироном. Пользуясь благосклонностью временщика, Шемберг, который, по словам В. Н. Татищева, «ни малого знания к содержанию таких великах казенных, а паче железных заводов не имел и нигде не видел», сумел отстоять право совместительства горно-административных должностей с владением горными заводами на праве частной собственности[78]. Бесконтрольное единоличное управление горным ведомством, совмещение государственной службы и личной предпринимательской деятельности Шемберга принесли казне колоссальные убытки, затормозили развитие промышленности. Предел этому был положен лишь восстановлением в 1742 г. Берг- и Мануфактур-коллегий и последовавшими вскоре следствием и судом над бывшим генерал-берг-директором.

[76] *Полянский Ф. Я.* Промышленная политика русского абсолютизма во второй четверти XVIII века (1725—1740 гг.) // Вопросы истории народного хозяйства СССР. М., 1957. С. 94—103.

[77] ПСЗ. Т. X. № 7766.

[78] Цит. по: *Фирсов Н. Н.* Русские торгово-промышленные компании... С. 84—85.

К началу 1760-х годов отчетливым стало стремление купцов-промышленников к освобождению от чрезмерной опеки и регламентации со стороны центрального ведомства в лице Мануфактур-коллегии. В записках, подаваемых в Комиссию о коммерции, отстаивалось право всякого, «кто пожелает», свободного заведения промышленных предприятий без челобитья и указа из Мануфактур-коллегии. Во избежание лишних затрат и ради пресечения вымогательств судей купцы также добивались отмены обязательной присылки проб продукции мануфактур в коллегию, освидетельствования купеческих предприятий магистратами, а не коллегией, «ибо всякой, — писал неизвестный прожектер, — кто заводит какую фабрику, тот стараетца оною заводить для себя... чтоб ему от того было... иметь свободное пропитание и достаток, а не для коллегии»[79]. Пробуждавшийся частный предпринимательский интерес утверждал свои права вопреки насаждавшейся абсолютизмом идее «государственного интереса», оправдывавшей вмешательство государственной власти в экономическую и прочие сферы жизни общества. Комиссия о коммерции признала справедливыми доводы купцов-промышленников и призвала Мануфактур-коллегию отказаться от принуждения фабрикантов к подаче ведомостей о закупаемом сырье и производимой продукции[80].

Анализ проектов и предложений российских купцов 20-х—начала 60-х годов XVIII в. свидетельствует об их живом интересе к социально-экономической политике государственной власти. Связанные с практической жизнью, купцы и в своих доношениях оставались практиками, затрагивали в большинстве записок сугубо конкретные вопросы их повседневного существования и деятельности. Написанные в ответ на те или иные мероприятия правительства или с целью практической реализации, их предложения по сравнению с известным сочинением И. Т. Посошкова отличались конкретностью и лаконизмом. Среди же записок 60-х годов XVIII в., помимо традиционных по форме челобитных, чаще встречались развернутые «прожекты», охватывавшие широкий круг самых разнообразных как экономических, так и социально-политических сюжетов. Их трактовка свидетельствует о знакомстве авторов с современными экономическими идеями, о хорошем знании законодательства по интересующим их вопросам.

Среди изученных нами записок купцов выделяются доношения, написанные от имени крупного купечества, стремившегося к укреплению своих позиций во внутренней и внешней торговле. Они свидетельствуют о происходившем процессе обособления городской торговой

[79] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 50—52 об.
[80] Там же. Оп. 2. Д. 188. Л. 218, 219, 221.

верхушки от остальной части посадского люда, осознания общности ее интересов и устремлений. В то же время процесс консолидации купеческой верхушки затруднялся и осложнялся наличием внутри нее сословных групп, стремившихся к упрочению и расширению собственных прав и привилегий. По-прежнему во многом различались запросы торгового купечества и промышленников. Эти отличия затрагивали как экономические вопросы, так и социальную сферу (вопрос о рабочей силе, о социальных привилегиях промышленников). Объективно обострение противоречий между ними означало борьбу за укрепление господствующего положения торгового капитала, развитие которого являлось необходимой предпосылкой промышленного предпринимательства. Во второй четверти XVIII в. приоритет в экономической политике государственной власти сместился в сторону интересов торгового капитала. Именно рассмотрением запросов и предложений его представителей и занимались в основном комиссии о коммерции.

Позиция крупного торгового купечества проявилась во многих вопросах, в том числе в одном из наиболее актуальных для социально-экономического развития России первой половины XVIII в. — существовании внутренних таможенных пошлин. В процессе своей торговой деятельности, главным образом отъезжих торгов, постоянно сталкиваясь с системой внутренних таможен, сдерживавших развитие товарооборота в стране, испытывая неудобства от необходимости соблюдения условий таможенного контроля (в сроках поставок оборотных выписей и т. д.), страдая от произвола таможенных служителей, крупное купечество особенно казалось бы должно было быть заинтересовано в уничтожении таможенных сборов. Однако дальше частных требований отмены некоторых пошлин, изменения условий таможенного контроля, отказа от взыскания таможенных недоимок оно не пошло. Купечество не ставило вопроса о ликвидации системы внутренних таможен — застарелого феодального института — как по причине стремления к упрочению сословной торговой монополии, поддерживаемой таможенной системой, так и в силу внедрения в его сознания фискальных принципов государственной политики. Постоянно убеждаясь в неизменной приверженности правительства интересам фиска, крупное купечество не могло и помыслить, чтобы казна, получая значительный доход от обложения внутренней торговли, отказалась бы от него без соответствующей компенсации.

Отмена в конце 1753 г. внутренней таможенной системы, являвшейся гарантом сохранения сословных принципов торговли, способствовала усилению торговой активности крестьянства и других сословий, что не могло не вызвать протеста со стороны купцов. В этих усло-

виях противоречивость торговой политики правительства проявилась в утверждении в 1755 г. Торгового устава, закрепившего торговую монополию купечества на внутреннем рынке в целом и местного купечества на городском. Сословные торговые устремления купечества получили законодательное оформление. Правда, в отсутствие реального механизма их обеспечения оно имело в значительной степени декларативный характер. Стремление купеческого капитала к безраздельному господству на внутреннем рынке, которое в целом при всех колебаниях поддерживало правительство, непосредственно затрагивало интересы помещиков, поскольку сужало возможности использования дополнительного источника стабильности их хозяйства в условиях приближающегося разложения крепостнической системы.

В исторической литературе закрепилось мнение, что новые экономические идеи запрещения всяких монополий в торгово-промышленной сфере начали распространяться в купеческой среде и правительственных кругах с начала 1760-х годов[81]. Рассмотренные проекты и предложения российских купцов свидетельствуют, что уже в 20-е годы XVIII столетия купцы ставили вопрос об отмене казенных и частных монополий в торговле и промышленности. Однако это требование в интерпретации купцов имело серьезные ограничения, поскольку свобода торговли, как известно, мыслилась ими в сословных рамках, куда лица других сословий не допускались. В таком понимании принципа свободы торговой и промышленной деятельности выражалось стремление купцов к сословной консолидации в интересах укрепления их экономического положения. С тех же позиций купцы подходили и к вопросу о подрядах и откупах, требуя запрещения их предоставления иностранцам, российские купцы стремились не к уничтожению этих также сугубо феодальных форм торговли, а к монопольному использованию их в интересах накопления собственного капитала.

Начиная с XVII в. купеческому торговому капиталу на внутреннем рынке противостоял иностранный капитал. Иностранные купцы, получая огромные прибыли от торговли российскими товарами в других странах, безболезненно для себя могли снижать цены на продаваемые внутри России заграничные товары. Российские купцы, для большинства которых единственным источником накопления капитала были торговые операции на внутреннем рынке, ради увеличения нормы прибыли стремились к возвышению цен. Достижение этого было бы возможно при установлении их монопольного положения на рынке.

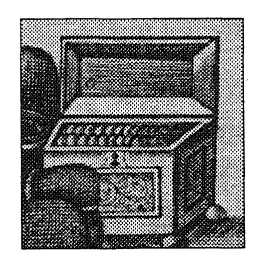
[81] *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 95—96; *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754—1766 гг. С. 248.

Однако дворянство, продававшее купцам продукты ренты и покупавшее заграничные изделия, было заинтересовано в том, чтобы отечественному купцу на рынке противостоял иностранный купец. Поэтому борьба российских купцов за вытеснение иностранных конкурентов с внутреннего рынка и из посреднической торговли с заграницей также касалась интересов дворянства. Затрагивала она и собственные фискальные расчеты казны. Этим объяснялась половинчатость и противоречивость политики правительства по отношению к иностранному купечеству. И все же в результате упорной борьбы отечественному купечеству удалось вытеснить иностранных конкурентов с внутреннего рынка и существенно укрепить свои позиции в посреднической торговле с заграницей.

Во второй четверти XVIII в. ряд предложений купцов получил силу закона. По их инициативе были отменены: запретительная пошлина на вывоз льняной пряжи, «поворотный сбор» в Москве, 21-й пункт указа 1737 г. об условиях поставок в таможни оборотных выписей, прощена таможенная недоимка, узаконены меры борьбы с хранением и продажей неявленных в таможне товаров и по сосредоточению розничной торговли в торговых рядах, введена браковка отечественных и иностранных товаров, за российскими купцами закреплен лихтерный промысел, учрежден Купеческий банк, удовлетворен ряд требований, способствовавших постепенному вытеснению иностранцев из посреднической торговли. Таможенная реформа середины XVIII в. положила конец существованию многочисленных таможенных пошлин, за частичную отмену которых купеческая верхушка выступала еще в XVII в. В то же время ряд важных экономических вопросов, вытекавших из потребностей развития товарно-денежных отношений, в рассматриваемое время решен не был. В 60-х годах XVIII в. в запросах и предложениях купцов, адресованных правительству, вновь звучат требования отмены казенных и частных торговых монополий, развития коммерческого кредита, решения вопроса о купцах-банкротах и другие. Дальнейшее развитие получает стремление купеческого торгового капитала к монополии на внутреннем и внешнем рынках.

Непосредственное участие в изучении предложений купцов и подготовке решений по ним принимали комиссии о коммерции. Благодаря сосредоточению в них поступавших от купечества, городовых магистратов и посадских обществ проектов и предложений, доношений и челобитных, которые после рассмотрения представлялись в Сенат, а затем в Верховный тайный совет, а позднее в Кабинет министров или Конференцию при высочайшем дворе с изложением «мнения» комиссии, правительство имело возможность судить об отношении купече-

ства к отдельным мероприятиям своей экономической политики, что позволяло в некоторых случаях вносить в нее поправки в соответствии с предложениями купцов. Но даже в том случае, когда настоятельное требование купцов, выраженное в многочисленных обращениях, повторяемых в течение нескольких десятилетий, не находило законодательного разрешения, их запросы давали толчок к постановке и обсуждению в соответствующих учреждениях выдвигавшихся вопросов. В этом смысле указанную сторону деятельности комиссий о коммерции можно расценивать как средство выработки более гибкой экономической политики абсолютистского государства.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Социально-политические вопросы во взаимоотношениях государственной власти и купечества

В проектах и предложениях купцов XVIII в. социально-политические вопросы общесословного характера занимали довольно скромное место. Однако учет, рассмотрение и оценка их важны для характеристики социального облика городского купечества.

Особое место во взаимоотношении государственной власти с городским тяглым населением занимали податные вопросы. В условиях усиления податного пресса купечество остро реагировало на финансовую политику правительства. С. М. Троицкий, рассмотрев челобитные посадских людей 26 городов Европейской России, присланные в Сенат в 1727—1728 гг., пришел к выводу, что общесословным требованием посадских людей в это время было уменьшение ставок прямого налога, исключение из подушного оклада выбывших членов общины (умерших, беглых, рекрутов), неработоспособных и находящихся на казенных службах. Челобитные отразили также и требования зажиточной части посадского населения: недовольство существованием мирской раскладки податей, установлением одинакового размера налога при введении подушной подати, наличием оброчной подати с крепостных работников купцов. В 1730 г. посадские люди 18 городов в коллективной челобитной вновь повторили те же требования. Это, как справедливо отмечал С. М. Троицкий, свидетельствует о настойчивом стремлении посадских людей к изменению финансовой политики абсолютистского государства в целях создания более благоприятных условий для занятий торговлей и промышленностью[1]. Однако эти выступления посадских людей успеха не имели.

---

[1] *Троицкий С. М.* Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х годах XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 432, 435—436.

Сохранение мирской раскладки общепосадских податей, сдерживавшей процесс накопления капиталов, все более стимулировало в дальнейшем стремление крупного купечества отгородиться от массы посадского люда. Вероятно, желание «избыть» бремя податей за меньшеплатежную часть посада, которое особенно тяжелым было в городах с незначительной прослойкой состоятельных купцов, влияло на известный факт особой заинтересованности крупных иногородних купцов, как и «капиталистых» крестьян в приписке именно к московскому посаду и к посадам больших городов.

В записках и предложениях купцов начала 60-х годов в отношении подушной подати появляются новые мотивы. В это время купечество предлагало за счет повышения ставок подушного оклада уменьшить цену продаваемого казенного вина, выплачивать жалованье магистратским служителям; построить казармы, освободив купечество от тяжелой постойной повинности и, отменив казенную монополию на соляной торг, избавить купцов от соляных служб и штрафов. В случае передачи соляного промысла в вольный торг и увеличения числа «промышленников» купцы обещали повсеместное снижение цены на соль, что должно было компенсировать рост подушного оклада[2]. Эти запросы купцов расходились с известными проектами П. И. Шувалова, направленными на переориентацию податной политики правительства с прямого на косвенное обложение. При сохранении казенных монополий, сдерживавших развитие товарного обращения, косвенное обложение, хотя в перспективе и более прогрессивное, не могло быть эффективным. Копеечные снижения размера подушной подати, производившиеся в 1750-х годах за счет повышения цены на казенную продажу соли, не могли удовлетворить городское тяглое население, страдавшее от разнообразных и обширных служб по ее обслуживанию.

Вопрос о казенных службах оставался для купцов крайне острым на протяжении почти всего XVIII в.[3] Не случайно в самом раннем коллективном доношении российских купцов в Комиссию о коммерции среди многочисленных и разнообразных требований и предложений в первую очередь обращено внимание на великую «трудность», которую купцы претерпевали от служб. Конкретизируя это общее заявление, московские купцы подчеркивали, что «в Москве от служеб не токмо многое число домов разорилось, но и слободы целые многия ж со всем разорились и до того дошли, что в иной слободе ни одного человека не осталось». Сославшись на указы Петра I и регламент Главного магис-

[2] *Чулков М.* Историческое описание российской коммерции. Т. IV. Кн. 4. М., 1786. С. 664, 672, 680.

[3] См. также гл. 7.

трата, что свидетельствует об осведомленности купцов в законодательстве по касающимся их вопросам, они потребовали увольнения от всяких служб. В случае же крайней необходимости допускать привлечение купцов, чьи торги пришли в упадок и с обязательной выплатой им жалованья[4].

Одновременно купцы предлагали предоставленное откупщикам освобождение от служб сохранить только за теми, кто не имел собственных торгов. Правительство, давая служебные льготы откупщикам, тем самым признавало ущерб, наносимый казенными службами торговым интересам. Однако проявляя заботу о казенных торгах, государственная власть крайне осторожно реагировала на насущные интересы купцов, особенно когда их реализация требовала финансовых расходов. К тому же и купечество в своих запросах не было последовательным. Выдвигая общесословное требование отмены посадских служб, купцы в то же время допускали частное решение вопроса (отмену служебных привилегий). Последнее предложение исходило от московских купцов, в составе которых пользовавшихся льготами откупщиков и фабрикантов было особенно много. Такая позиция купечества позволяла правительству ограничиваться полумерами. К тому же не надо забывать, что уже в известной записке верховников 1726 г. планировалось не свертывание, а увеличение казенных служб посадских людей (см. гл. 3).

При обсуждении вопроса о казенных службах Комиссия о коммерции поддержала только второе предложение купцов: «откупщиков и фабрикантов и завотчиков от служеб нигде в договорах и в контрактах не выключать». Именной указ 28 июня 1731 г. сохранил служебные привилегии только для тех фабрикантов, которые основывали совершенно новый в России род производства, и отменил освобождение от служб откупщиков и подрядчиков[5]. Но и в дальнейшем, как свидетельствуют доношения купцов начала 1760-х годов, владельцам промышленных предприятий нередко удавалось освобождаться от общекупеческих служб и повинностей, что вызывало недовольство посадского люда[6].

В отношении жалоб купцов на ущерб, наносимый их торгам казенными службами, Комиссия о коммерции ограничилась рекомендацией магистратам для таможенных и кабацких сборов не выбирать одиноких купцов, «дабы одинакого службою от торгу не отлучить». Эта рекомендация была включена в текст указа 1731 г., изданного по докладу Комиссии о коммерции. Тогда же комиссия предложила, чтобы «к другим

[4] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 1.
[5] ПСЗ. Т. VIII. № 5794.
[6] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 49. Л. 1; Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 84.

службам в купчины, в целовальники, в щетчики ис купечества не брать, а довольствоваться всем команды своей подчиненными»[7]. Однако и это предложение осталось простой рекомендацией. Более того, по силе губернаторской и воеводской инструкции 1728 г. и сенатского указа 28 марта 1737 г. на ратуши были возложены полицейские службы в городах. Обоснование этой меры достаточно красноречиво само по себе: «Ежели определить в те полиции особых офицеров и дворян, то надлежит давать им жалованье и определить к ним приказных служителей и разсыльщиков с жалованьем же, и от того будет казенный убыток»[8]. Использование же посадских тяглецов позволяло его избежать.

В начале 1739 г. 50 петербургских купцов в своем доношении в Кабинет-министров вновь жаловались на определение их «к разным сборам и к соли в головы, ларечные, в бурмистры и целовальники на кабаки в рентерею и в прочие места... без жалованья»[9]. Только в 1750-е годы в связи с уничтожением внутренних таможен и распространением, а затем окончательным утверждением откупной системы сократилось число посадских служб у сборов. Однако и в 60-х годах XVIII в. купцы по-прежнему обращали внимание правительства на «несносное потеряние времени и помешательство в торговых их промыслах» от «служения при кабацких и соляных государевых зборах и при протчих судебных правительствах в щетчиках». При этом купцы, пытаясь опереться на так и не воплотившееся на практике законодательство, в том числе на регламент Главного магистрата, доказывали необходимость использования для казенных нужд отставных офицеров, находившихся на жалованье. В целях обеспечения исправного платежа казенных доимок и начетов купцы предлагали использовать таких отставных офицеров, которые имели б за собой деревни[10]. Тем самым подчеркивалось, что различные материальные издержки, являясь необходимым следствием казенных служб, приводили лиц, лишенных надежного источника доходов, к разорению.

Степень консолидации купечества в единое сословие ярко характеризует его отношение к отъезжим казенным службам, с особой тяжестью ложившихся на посадские общества. Действие указа 1728 г., отменившего отъезжие службы, уже в начале 30-х годов было значительно сужено и касалось только отъезжих служб за пределами губернии. Несмотря на имеющиеся законодательные определения отъезжие службы посадских людей продолжали широко практиковаться без учета геогра-

[7] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 35–35 об.
[8] ПСЗ. Т. VIII. № 5333; Т. X. № 7211.
[9] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Л. 527 об.
[10] Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 65 об.

фических ограничений. Столь непоследовательной политике правительства соответствовала разноречивость представлений и ходатайств, поступавших в 40-х годах в Главный магистрат и Сенат от посадских обществ. Они, как отмечал А. А. Кизеветтер, свидетельствовали о том, что посады добивались не уничтожения отъезжих служб, как общего явления, а переложения их тягости на другие посадские общества. Каждый посад просил об освобождении его от отъезжих служб и в то же время большинство посадов желало, чтобы местные сборы были обслуживаемы не местными, а иногородними купцами[11]. Эта разноголосица и преобладание местных интересов по вопросу об отъезжих службах была в целом преодолена к 60-м годам XVIII в. В городских наказах в Уложенную комиссию 1767 г. уже выражено единое требование о полной ликвидации отъезжих служб посадских людей. Тяжесть казенных и особенно отъезжих служб и поиск средств к освобождению от них нередко побуждали купцов, в том числе состоятельных, к записи «в раскол», как мере, хотя и приводившей к необходимости платы двойной подушной подати, но освобождавшей их от обременительных для торгово-предпринимательской деятельности различных городских служб. На стремление избавиться от них как на причину записи купцов «в раскол» в 1760-х годах указывали как городовые магистраты, так и жители Вереи, Ярославля, Шуи, Зарайска, Ржева и других городов в наказах в Уложенную комиссию[12]. Окончательно казенные службы у сборов были отменены лишь Жалованной грамотой городам 1785 г.; Устав благочиния упразднил полицейские службы купцов.

Другим болезненным вопросом во взаимоотношениях купцов с государственной властью была постойная повинность. Он также станет традиционным в требованиях посадского люда на протяжении всего XVIII в. Особенно тяжелой постойная повинность для тяглого городского населения оказалась после того, как по распоряжению Верховного тайного совета в феврале 1727 г. из уездов в города были выведены полки. Причем, если первоначально для них следовало устроить особые слободы, то уже в 1730 г. их строительство было запрещено[13]. Тяжесть постойной повинности усугублялась той реальной обстановкой, при которой посадским людям приходилось отправлять ее. Низкий сословный статус посадских людей, связанный с их податным

[11] ПСЗ. Т. VIII. № 5302; Т. IX. № 6979; *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 288–290.

[12] *Демкин А. В.* Запись купцов «в раскол» как форма социального протеста (60-е гг. XVIII в.) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв. М., 1988. С. 129–132.

[13] ПСЗ. Т. VII. № 5017; Т. VIII. № 5638.

состоянием, открывал представителям царской администрации и офицерам-дворянам возможность применять по отношению к ним грубое насилие и произвол, от которого страдали как малоимущие люди, так и состоятельные купцы.

В 1722 г. московские купцы в своем доношении в Главный магистрат жаловались на постояльцев, которые, «переходя из двора на двор, велят очищать себе квартиры лучшия и излишния, без которых хозяевам пробыть невозможно. А ставят де постой от лейб-гвардии офицеры, а других полков плац-майор без выборных старост и многих других чинов обходя, а иные де офицеры и протчия, оставя свои домы, и ставятся на купеческих же их дворех и дрова их жгут, а иных хозяев бьют и увечат и на них же бьют челом и убытчат и таскают в разные команды, от которых нужд и многих неспособностей многия и домы свои избыли... беломесцом, а протчия и оставя, живут по чужим углам, а иныя и безвестно разбрелись»[14].

27 апреля того же года в целях облегчения постойной повинности московских купцов Петр I распорядился «для окладных зборов всяких в магистрате, согласясь с коллегиями, сделать дворы умеренные, а з Юстиц-коллегии для розысков кто прислан будет, жить у воевод или у приказных людей, а для колодников тюрьмы. А которые... на время посланы будут, тем квартиры давать по указом из магистрата и отводить их квартирмейстером против регламенту, а собою не ставитца»[15]. Однако своевольный постой «без указу» продолжался, как продолжались и жалобы на него купцов и городовых магистратов.

Особенно страдая от постоя офицеров-дворян, российские купцы, «санктпетербургские жители», обратившиеся со своими предложениями в Комиссию о коммерции в 1727 г., ходатайствовали не о замене постойной повинности устройством казарм, что станет основным мотивом в более поздних челобитных купцов и их наказах в Уложенную комиссию 1767 г., а просили офицерский постой заменить постоем рядовых солдат, «чтоб от того и знатным домам повреждение не было, а в строениях имел всякою охоту». Перечисляя «великия обиды», испытываемые от постояльцев-офицеров, купцы, как и ранее московские жители, жаловались, что иные из них «все покои и конюшни и погребы отнимают и хозяину места в покоях не дают и хозяев многия нахальством бьют... и всяк строить дом свой хорошенько опасаетца, понеже в доме своем, яко раб, а не господин»[16]. Характер требования купцов свидетельствует о том, что адресовалось оно от имени крупно-

---

[14] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 907. Л. 207.
[15] Там же. Л. 218 об.
[16] Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 2.

го, состоятельного купечества, добротные дома которого особенно привлекали офицеров.

По рекомендации Комиссии о коммерции Сенату в воеводскую инструкцию следовало внести разъяснение, «каким чинам квартиры давать и каким не давать». К последним относились сами воеводы и «прочие управители», приказные служители, которым за неимением собственных надлежало жить в казенных или наемных дворах. Остальным, приезжающим «на время или в проезд», квартиры отводились согласно магистратскому регламенту «по очереди, а не по прихотям стояльцовым». Одновременно подтверждались положения Воинского устава («с квартиры в квартиру своевольно не переходить и хозяевам никакого озлобления не чинить, дров и свеч (кроме солдатства) не требовать»[17]. Таким образом, сохраняя постойную повинность в неприкосновенности, Комиссия о коммерции, а вслед за ней Сенат[18], обратили внимание на необходимость ее урегулирования с тем, чтобы постояльцы не могли причинять хозяевам «никакого озлобления». Однако на практике все осталось по-прежнему, поскольку характер взаимоотношений постояльцев-дворян и хозяев-купцов определялся сословными привилегиями одних и тяглым состоянием других.

Исключением из общего правила стала организация постоя в двух столицах, для купечества которых вопрос об офицерах-постояльцах стоял особенно остро[19]. Согласно указу 10 апреля 1728 г. квартиры для постоя в Москве и в Петербурге следовало отводить только унтер-офицерам, рядовым драгунам, солдатам и матросам; офицерам же, не имеющим собственных домов, надлежало «стоять на наемных дворах»[20].

Однако постояльцы-офицеры не спешили освобождать купеческие дома. Об этом в своей челобитной в июне 1728 г. писали московские купцы Иван Ланцов «с товарыщи». В ней, в частности, говорилось, что «штап и обер офицеры из домов наших не съезжают, стоят и поныне и чинят в домех наших... нам и домашним нашим несносные тягости и обиды, от которых едва и домов своих и торговых промыслов не лишаемся». Купцы также жаловались на действия Полицмейстерской канцелярии, предоставлявшей офицерам-постояльцам право занимать три «покоя» из четырех, «а в достальном покое иметь ему ж стоялцу с хозяином вообще», что приводило к вытеснению купца из собственно-

---

[17] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 36 об.–37.

[18] В наказе губернаторам и воеводам 1728 г. вопрос о постоях в городах изложен в формулировке, предложенной Комиссией о коммерции (ПСЗ. Т. VIII. № 5333, п. 48).

[19] По данным 30-х годов XVIII в., дворянско-служилый элемент составлял от 44 до 70 % населения Москвы и Петербурга (см.: *Рындзюнский П. Г.* Города // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 180, 186).

[20] ПСЗ. Т. VIII. № 5262.

го дома. Приложенные к челобитной копии билетов из Полицмейстерской канцелярии о постоях подтверждали справедливость этой жалобы купцов[21]. Распространенность подобной практики вынудила правительство в октябре 1732 г. подтвердить указ от 10 апреля 1728 г.[22]

В предложениях и проектах российского купечества 20—60-х годов XVIII в. нашли место и вопросы управления городским тяглым населением. Они дают возможность судить об отношении российского купечества к политике правительства по выработке новых принципов городского управления и создания соответствующих им учреждений. Еще применительно ко второй половине XVII в. исследователями выявлено стремление посадского люда к противодействию вмешательству царской администрации, чаще на уровне местного управления, в его дела. Оно выразилось в борьбе посадов за изъятие из-под воеводской власти, осуществленное, наконец, реформой 1699 г.[23] Но и в XVIII в. местные органы городского управления продолжали испытывать давление со стороны местной администрации, а нередко и прямо оказывались в ее подчинении. Это заставляло купцов в своих доношениях вновь поднимать вопросы городского управления.

В начальный период деятельности Главного магистрата, когда городовые магистраты находились в процессе своего становления, московские купцы в 1722 г. в своем доношении требовали собрать в Ратуше «все дела, до купечества касающиеся». Они настаивали на том, чтоб ни под какой суд в канцелярии и приказы купцов «не вызывали и не волочили и не допрашивали и не держали и суда не давали»[24].

24 февраля 1727 г. последовал указ Верховного тайного совета о подчинении магистратов губернаторам и воеводам[25]. Первыми отреагировали на него российские купцы, «санктпетербургские жители». Сославшись на Петра I, который, по словам купцов, усмотрел, «что российское купечество все пропало от многих и тяжких воеводских правлениев», и подчеркнув, что они «довольны» организацией Главного магистрата, купцы просили оставить их по-прежнему в ведомстве этого центрального учреждения. Примечательно, что в то время, когда купцы писали свое доношение, судьба Главного и городовых магистра-

[21] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 909. Л. 19–20.
[22] ПСЗ. Т. VIII. № 6208.
[23] *Преображенский А. А.* К изучению самосознания русского купечества XVII в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 212.
[24] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 907. Л. 207 об. О борьбе купцов, местных и Главного магистратов за сосредоточение в магистратах дел, относящихся до купечества, и пресечение практики суда купцов в канцеляриях и приказах см. гл. 7.
[25] ПСЗ. Т. VII. № 5017.

тов еще решена не была. Причем купцы оказались прозорливее Комиссии о коммерции, которая при обсуждении доношения купцов вынесла решение о внесении в губернаторскую и воеводскую инструкцию «изъяснения», «чтоб магистратом по силе регламента быть в таком состоянии суда и ведомства купецких людей, в каком ныне есть»[26]. Однако подобное «изъяснение» не понадобилось, поскольку к тому времени, когда наказ губернаторам и воеводам получил силу закона (12 сентября 1728 г.)[27], Главный магистрат уже был ликвидирован, а городовые магистраты заменены ратушами, функции которых ограничивались судебными и финансовыми вопросами под контролем губернаторов и воевод[28]. В условиях возрастания власти последних по отношению к посадскому населению вряд ли приходилось рассчитывать на обеспечение «охранения» купечества «от всяких посторонних обид и нападков», провозглашенное в вышеупомянутом наказе.

Помня о пребывании посадских людей во время воеводского правления «в обидах, и в налогах, и в поборех, и во взятках», российские купцы сосредоточили свое внимание именно на вопросе о ведомственной подчиненности органов городского управления. Условия же функционирования самих этих органов, сфера их деятельности и материальная база затронуты ими не были. Эти вопросы были поставлены петербургскими купцами после ликвидации Главного магистрата в виде ходатайства о предоставлении привилегий Петербургу по примеру Риги, Ревеля и Нарвы, о чем уже упоминалось в настоящей работе (гл. 4, § 2). Предложения купцов, направленные на укрепление финансовой базы петербургского магистрата, встретили сочувствие в Комиссии о коммерции. Спустя 5 лет, в 1732 г., она направила в Сенат составленный ею штат петербургской ратуши. В нем намечалось передать на содержание ратуши доходы от пивного и медового откупа, конских пошлин, сборов с лавок, амбаров и шалашных мест, с площадок, кузниц, торговых бань, казенных постоялых дворов и других оброчных мест в Петербурге и Кронштадте. Однако на доклад Сената, представленный Анне Иоанновне, «указа... не последовало». Об этом мы узнаем из доношения в Сенат в сентябре 1744 г. недавно восстановленного Главного магистрата, который при изыскании средств, идущих на его содержание ссылался на мнение по этому вопросу бывшей Комиссии о коммерции, в свою очередь, как мы убедились, опиравшееся на предложение купцов[29].

[26] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 6. Л. 36.
[27] ПСЗ. Т. VIII. № 5333.
[28] Там же. Т. VIII. № 5302.
[29] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 6. Д. 21837. Л. 55.

Итак, в конце 1720-х годов все купцы, во-первых, выступали за сохранение органов городского самоуправления в виде магистратов, независимых от административной власти, а, во-вторых, по крайней мере часть купцов, пусть робко, но все же предлагала средства расширения деятельности местных органов городского управления. Добиваясь укрепления их финансовой базы, купцы тем самым выступали за развертывание деятельности магистратов по развитию городской жизни. Однако этот важный социально-политический вопрос в трактовке купцов имел существенные ограничения. Он выдвигался не как общепосадское требование, а в качестве ходатайства за особые привилегии петербургскому купечеству, сформулированные в результате знакомства с условиями жизни остзейских городов под шведским господством.

Не добившись в конце 1720-х годов восстановления в Петербурге магистрата, местное купечество в январе 1739 г. в своем доношении на этот раз в Кабинет-министров, вновь поставило вопрос «о состоянии нашего здешнего гражданства». Причина все более усиливающегося «неразпорядка», по мнению купцов, заключалась в отсутствии магистрата, необходимого для «суда и охранения». Имеющаяся же в городе ратуша в составе ежегодно выбираемых и сменяемых бургомистров и бурмистров, по словам челобитчиков, «от своего безгласия... распоряжать и защищать» граждан от произвола со стороны канцелярий, коллегий и военных команд не может[30]. Это доношение купцов явилось тем импульсом, с которого началась подготовка городской реформы, завершившаяся в 1743 г. восстановлением Главного и городовых магистратов на принципах петровского регламента 1721 г. Однако это уже не могло в полной мере удовлетворить купцов, и, когда в начале 1760-х годов правительство через вновь учрежденную Комиссию о коммерции обратилось к ним с призывом высказываться о своих нуждах и запросах, вопрос о магистратском правлении снова зазвучал с новой силой.

В проектах, поданных в Комиссию о коммерции и в городских наказах в Уложенную комиссию наряду с материальными условиями существования магистратов затрагивалась сама сфера их деятельности, определялись их функции в области управления. Застрельщиками в этом вопросе, как и в 20—30-х годах, вновь выступили купцы северной столицы. В 1763 г. неизвестным петербургским купцом была предложена целая серия мер, направленных на «поправление» российского купечества. В том числе он ходатайствовал за передачу «на содержание магистратское, то есть на сиротопитательные, смирительные домы, на школы и на гошпитали и прочие по регламенту Главного маги-

[30] РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 935. Д. 526—529.

страта надобности» сборов с гостиных, мытного дворов, с лавок и амбаров морского рынка, а также выморочных имений петербургских купцов[31]. Об оставлении выморочных имений «для общей гражданской пользы» вновь писали через год петербургские купцы в своем представлении в Комиссию о коммерции[32].

Что касается до компетенции городских учреждений, то городские наказы в Уложенную комиссию выступили за распространение сферы управления магистратов на все население города. В этом стремлении выразился новый взгляд на город как на единый хозяйственный организм, управление которым должно быть сосредоточено в руках торгово-промышленных слоев населения. В компетенцию магистратов, по мысли купцов, должны были входить как вопросы регулирования торговли и промышленности, включая выдачу купеческих паспортов и совершения всевозможных крепостей, так и организация народного образования и здравоохранения. Исключительно в магистратах следовало осуществлять судебные разбирательства купеческих дел без передачи их в апелляционные инстанции, управление городским имуществом (выгонами, покосами). И, наконец, функции правительственных полицейских учреждений требовалось полностью сосредоточить в ведении магистратов[33]. Полицмейстерские канцелярии, созданные в петровское время, были первыми общегородскими бессословными учреждениями. С их организацией полицейские функции магистратов, возложенные на них регламентом 1721 г., свелись на нет, а купечество и магистраты оказались под воздействием полицейских правительственных органов. Желая оградить магистраты от вмешательства последних в их дела, купечество настаивало на ликвидации правительственной полиции, а заодно и на подтверждении, «чтоб губернаторы и воеводы до правления магистратского ничего не касались»[34].

Думается, что подобные предложения городского купечества свидетельствуют о его стремлении к превращению магистрата как выборного органа городского управления, в полномочное, независимое от местной администрации учреждение, охватывающее под своим ведением все население города. Это требование изменения характера и условий деятельности магистрата, на наш взгляд, не укладывается в традиционное представление о низком уровне развития политического сознания городской верхушки.

---

[31] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 70–71.
[32] Там же. Д. 441. Л. 100 об.
[33] *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. С. 501–509.
[34] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 68.

Реформы последней трети XVIII в. в области городского устройства и управления только отчасти согласовывались с желаниями купечества. По реформе 1785 г. ни магистрат, ни всесословные органы городского управления — общая и шестигласная думы — не превратились в «главу и хозяина города». Магистрат по-прежнему оставался исключительно финансово-судебным учреждением. Более того, принадлежавшие магистратам права по организации и управлению школ, больниц, богаделен были переданы Приказу общественного призрения, существовавшему при губернском правлении. Выделение города в самостоятельную административную единицу, за которое выступало торгово-промышленное городское население, сопровождалось созданием новых звеньев чиновничье-дворянского государственного аппарата, сосредоточивших в своих руках административно-полицейскую власть в городе, что во многом парализовывало деятельность сословных организаций. В таких условиях выборные органы городского гражданства, к тому же имевшие мизерные источники доходов, становились простыми исполнителями воли правительства. В итоге происходило укрепление не магистратского или всесословного правления, а власти дворянства.

Влияние и эффективность работы городских учреждений купцы также связывали с лицами, входившими в их состав. Ранее (гл. 4, § 1) мы уже обращали внимание на то, что в 1720-х годах сила «голоса», по мнению купцов, зависела от наличия в составе Главного магистрата влиятельных особ, которые могли бы «купечество охранять и к лучшему производить». В дальнейшем, когда в начале 1760-х годов купеческий состав петербургской конторы Главного магистрата был потеснен дворянством, купцы горько жаловались императрице на деятельность именно этих «высоких министров»[35]. В челобитной, подписанной 54 купцами, они с возмущением писали о том, что вице-президент конторы Главного магистрата князь А. В. Мещерской и надворный советник И. А. Афонасьев не имеют «никакого понятия о том, что есть коммерция и что оная в себе составляет». Вместо того, чтобы «забыть породу и чин, ничем не чванясь... принять на себя не только имя, но и долг... разсыпанную храмину собирать... и купечество обогащать», они предпочитают «прихоти свои, паче должности и могут точию чинить притеснение всякому, кому хотят, и обиды... прицепляясь всякими образы». Купцы обвиняли «господ присутствующих» в нарушении тех порядков и обхождения, которые существовали, когда члены конторы Главного магистрата определялись из петербургского купечества: «А

[35] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 367. Л. 105—109.

ныне со вступлением... штатских чинов все тому первобытному видим и чувствуем противное. Во-первых, что ни с какими прозбами в судейскую камору нас не впускают, вон высылают с привеликим озлоблением и суровств, больше самовластно с нами поступают, нежели им законы и правы дозволяют».

Негодование купцов питалось чувством собственного достоинства, которое за прошедшие десятилетия настолько развилось, что позволило им резко одернуть сановных чиновников, вздумавших обращаться с ними, как с рабами: «И начальство их над нами с именем отца и командира не сходствует, но паче порабощения и тягостная неволя». Не только от своего, но и от имени иногороднего и иностранного купечества, приезжавшего в Петербург, челобитчики заявляли, что «толь сурового и неучтиваго приему и дерзостная поступка, как и лишения удовольствия по делам своим терпеть не могут». В итоге купцы требовали вместо «нынешних судей» выбрать согласно регламенту Главного магистрата из петербургского купечества двух бургомистров и трех ратсгеров, «кого мы... к тому делу по совету всего нашего общества за способных признаем».

Содержание челобитной свидетельствует о стремлении петербургских купцов к вытеснению чиновного дворянства из учреждения, в непосредственном ведении которого они находились. Примечательно, что купцы в обоснование своего требования не ссылались на устройство городовых магистратов, члены которых состояли из выборных купцов, хотя петербургская контора Главного магистрата являлась не только филиалом центрального учреждения, но и совмещала в себе функции столичного магистрата. Следовательно, в глазах купцов контора Главного магистрата представлялась в первую очередь центральным, а не городовым учреждением.

Близкие идеи развивал и автор анонимной записки, поданной в январе 1761 г. в недавно созданную при Сенате Комиссию о коммерции. Он в частности предлагал в целях пресечения разорения и волокиты купечеству объединить Коммерц-, Мануфактур-коллегии и Главный магистрат. В правление единой коллегии, по его мнению, помимо «прочих присутствующих», разумно было бы определить московских и других городов лучших купцов. Обосновывая купеческий состав администрации центрального учреждения, неизвестный автор записки сомневался не только в возможности ограждения купечества дворянскими чиновниками «от всяких обид и разорениев», но и в их знаниях «купеческих нужд и надобностей»: «А бес купцов одни дворяне всего полезного знать для купечества не могут, ибо они в том не об-

ращаютца и им купецких нужд и надобностей обстоятельно всех знать не по чему»[36].

Еще один неизвестный автор «прожекта» «О поправлении коммерции и купечества», для достижения этого также предлагая объединить Берг-, Мануфактур-, Коммерц-коллегии и Главный магистрат в единое «судебное место», предусматривал участие в его работе 8 выборных купцов, заводчиков и мануфактуристов в чине асессора, но без приобретения ими дворянских прав. Таким образом, в каждой экспедиции дворянский состав присутствия дополнялся представителями торгово-промышленного мира. Переменяясь через каждые два года, купцы тем самым оказывались у истоков выработки и осуществления экономической политики. Видимо, это обстоятельство, по замыслу неизвестного автора, должно было подвинуть новое учреждение на осуществление широкой программы экономических мероприятий, соответствовавшей запросам и интересам купцов и промышленников. Так, в числе его функций назывались установление «потребного числа настоящего купечества», сочинение регламентов и уставов для купечества и городовых магистратов, учреждение банкротского устава, исправление вексельного и морского пошлинного уставов, организация «порядочного» брака товаров, оказание поддержки «полезным» заводам и мануфактурам, контроль за водными путями к портам, открытие купеческих школ и поощрение заграничного обучения купеческих детей коммерции[37]. Одновременно петербургские купцы проявили заинтересованность в участии своих представителей в работе Комиссии о коммерции[38].

В то же время и в 60-е годы XVIII в. купечество по-прежнему признавало высший авторитет власти чиновного дворянства. Судя по ранее упомянутой челобитной петербургских купцов и «прожектам» начала 1760-х годов, купцы, как и в 20-е годы, вновь обеспокоились, что «голос» центральных городских учреждений будет звучать не столь сильно из-за отсутствия в их составе «высоких персон». Поэтому в целях сохранения и умножения авторитета Главного магистрата и его петербургской конторы, по мнению купцов, следовало поставить во главе их обер-президента «из дворянства... ранга полного генерала» и дворянского опекуна с тем, чтобы они «без всякой боязни» могли быть посредниками при исходатайствовании у императрицы «милостивой резолюции» на просьбы купцов. Выбранных же из купечества членов

[36] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 51–52.
[37] Там же. Д. 29. Л. 42 об.–47.
[38] Там же. Д. 8. Л. 100.

присутствия в целях морального поощрения полагалось пожаловать чинами без дворянского права[39].

Итак, социально-политические воззрения купечества 20—60-х годов XVIII в. вполне вписывались в современную ему политическую систему, в рамках которой оно и стремилось занять то место, которое по его представлениям лучше соответствовало возросшему значению его социальной роли в жизни государства.

Происходивший на протяжении XVIII в. процесс обособления городской торговой верхушки от остальной части посадского люда, осознания общности ее интересов и устремлений проявился также в предложениях по созданию общества «настоящих купцов». По мнению неизвестного прожектера начала 60-х годов XVIII в., прежде чем предпринимать какие-то меры по развитию коммерции, необходимо «постараться о заведении кем оное делать». При зачислении в общество «настоящих купцов» следовало учитывать вид промысла и размер капитала, который не должен быть менее 500 руб. Будучи освобожденные от подушной подати, рекрутчины, казенных служб и других повинностей, гильдейские купцы наделялись исключительным правом торговли. «Оставшим маломощным... впредь не писаться купцами, но посадскими и остаться в нынешнем положенном на них окладе», — проектировал неизвестный автор[40].

Эти предложения купцов в целом соответствовали проектам представителей правительственных кругов о создании «третьего чина» людей с выделением в его составе привилегированной верхушки из числа немногочисленного, но экономически крепкого купечества, торгующего в портах и за границей, владеющего заводами и фабриками[41]. Обращение правительства и купечества к этим вопросам объяснялось выявившимся к 60-м годам XVIII в. несоответствием между экономическим значением верхушки купечества его крайне низким сословным статусом и правовым положением, препятствовавшим выполнению его социальной функции. Их постановка явилась отражением имущественных и социальных различий внутри посадского населения.

Проекты чиновных кругов отличались от предложений, выдвигаемых купечеством, по широте охвата посадского населения, включаемого в привилегированное купечество, по набору предоставленных ему

---

[39] СПб. ф-л архива РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 367. Л. 105—109; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 70—70 об., 72.

[40] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 39—41.

[41] *Фирсов Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 13—63; *Троицкий С. М.* Дворянские проекты создания «третьего чина» // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

привилегий[42]. Однако и те и другие основной упор делали не на создание благоприятных условий для развития городской жизни в целом, а на выделение из посада купеческой верхушки. Как известно, сословно-податная реформа 1775 г. в отношении городского населения исходила из этих же идей.

Неизменным социальным стремлением городского тяглого населения в области его экономической деятельности было достижение торгово-промысловой монополии. Это настойчивое требование имело юридическое основание в Соборном Уложении 1649 г., завершившим оформление посадских людей в особое сословие. Основным средством обеспечения торговой монополии городское купечество на протяжении всего XVIII в. считало запрещение лицам, не записанным в посад и не несшим общепосадских податей и служб, заниматься торговлей. Об этом писал И. Т. Посошков. Те же мысли встречаются в проектах и предложениях купцов последующих десятилетий, особенно громко звучат они в городских наказах в Уложенную комиссию 1767 г. Сохранение и отстаивание принципа сословных привилегий являлось свидетельством медленного роста экономической силы купечества в условиях усиления податных тягостей и расширения привилегий дворянства.

Наиболее опасным для себя конкурентом купечество считало крестьянство. Вопрос о крестьянской торговле приобрел особую остроту не только в силу все большего втягивания крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения, но и в результате, с одной стороны, заинтересованности дворянства в ее развитии, а с другой, — в его опасении за сохранение всей полноты власти над крепостным крестьянством.

Противоречивость интересов дворянства в развитии крестьянской торговли определила разногласия в правительственных кругах по этому вопросу, проявившиеся при выработке проекта нового Уложения в 1754—1766 гг., а также в ходе обсуждения вопроса о крестьянской торговле в третьей Комиссии о коммерции (1765 г.). Суть этих разногласий, как и взгляды представителей правящих кругов (сенатора князя Я. П. Шаховского, генерал-поручика Н. Е. Муравьева, статского советника Т. Клингштедта, с одной стороны, статс-секретаря Г. И. Теплова и председателя Комиссии о коммерции графа Э. Миниха, — с другой) подробно рассмотрены С. М. Троицким. Им же опубликованы

---

[42] Член Комиссии о коммерции Я. П. Шаховской, например, предложил определить минимальную сумму пошлин для включения купцов в привилегированные разряды в 5 тыс. руб., а фискальные издержки реформы переложить на верхушку купечества, обязанную за свое освобождение от подушной подати и казенных служб заплатить от 600 до 1000 руб., что во много раз превышало сумму прямого налога, уплачиваемого посадским человеком в течение всей жизни (*Троицкий С. М.* Дворянские проекты... С. 232—233).

записки И. И. Бибикова и Г. П. Теплова о торговле и торговых крестьянах[43]. Большинство членов Комиссии о коммерции, отражая узкосословные интересы дворянства, допускало развитие крестьянской торговли только при условии официальной записи крестьян в посад с согласия и под контролем помещиков и с сохранением за ними владельческих платежей. Высокий имущественный ценз, а также сохранение сословных различий были, по их мнению, важным средством удержания оттока крестьян в города. Как считал С. М. Троицкий, такая позиция Муравьева, Шаховского и Клингштедта по вопросу о крестьянской торговле совпадала с позицией верхушки купечества. Теплов и Миних, в отличие от своих оппонентов, признавали возросшую роль крестьянской торговли в экономической жизни страны и понимали невыгодность для государства и невозможность запрещения ее принудительными мерами. Защищая стремление помещиков к эксплуатации неземледельческого труда крепостных, Теплов возражал против торговой монополии городского купечества. Хотя, как и его оппоненты, он оговорил условие записи крестьян в посад согласием помещика и соблюдением его интересов.

Начиная с сочинения И. Т. Посошкова, ведущим мотивом записок купцов, затрагивавших вопрос о торгово-промышленной деятельности крестьян и дворян, была констатация широкого распространения торговли крестьян не только в сельской местности, но и в городах, где, несмотря на запрещения, они по-прежнему владели лавками и другими промысловыми заведениями, а потому «весьма обогатились, а купечество в крайнее приходит изнеможение и скудость». Другим, сопутствующим этому положению мотивом, было требование запрещения крестьянской торговли и обязательной записи торгующих крестьян в купцы («крестьяном по торговому их обращению подлежит быть в купечестве»). Отмена внутренних таможен и осуществление в годы правления Елизаветы Петровны серии других мероприятий объективно способствовали активизации торгово-промышленной деятельности разных слоев населения. В своих записках купцы отмечали связь между этими явлениями. «От множества крестьян и разночинцев *без внутренних пошлин и без всякого препятствия* (курсив наш — *Н. К.*)... невероятная во всех внутренних торгах конфузия и останов-

[43] *Троицкий С. М.* Обсуждение вопроса о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции в середине 60-х годов XVIII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 227—239; *он же.* Записка И. И. Бибикова о торгующих крестьянах (Из истории борьбы помещиков за сохранение вотчинной власти над крестьянами в 20-х годах XVIII в.) // *Троицкий С. М.* Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 217—224; *он же.* Документ о крестьянской торговле в XVIII в. // Советские архивы. 1969. № 1. С. 66—93.

ка», – писал в 1761 г. в Комиссию о коммерции неизвестный купец[44]. Обострившаяся конкуренция в торгово-промышленной сфере в условиях дальнейшего развития сословного строя проявилась в нарастании борьбы сословий за свои права и привилегии.

Особое беспокойство купцов вызывало развитие скупочных операций крестьян и помещиков внутри страны и привоз к портам не только продуктов своего хозяйства, разрешенный Таможенным уставом 1755 г., но и скупленных. Купечество считало нереальной портовую торговлю крестьян и дворян только продуктами своего хозяйства, «но все везет скупленное», что «усмотреть никому никак не возможно, да никто ис купцов в такие доносы, а особливо на знатного и великаго человека вступать не отважится». Часть купцов просила запретить крестьянам скупку и продажу в других городах товаров для «купеческого промысла» и для этого определить нарочных надзирателей. Другие (например, вяземские купцы) в интересах сосредоточения портовой торговли в руках верхушки купечества предлагали запретить крестьянам покупку товаров, подлежащих вывозу к портам, но при этом «позволить всякому своего произрастания товары привозить в города и села на съезды и торжки»[45].

Крайнее требование купцов, по этому вопросу выраженное в ряде записок начала 60-х годов XVIII в., сводилось к предоставлению им полного и исключительного права торговли, заведения заводов и фабрик, взятия подрядов и откупов[46]. Обоснованием торгово-промышленной монополии купечества служили идеи, свойственные широко распространенной теории о разделении обязанностей между сословиями. Эти идеи, в частности, разделяли большинство членов третьей Комиссии о коммерции, выступавшие против крестьянской торговли[47]. В одном из представлений «о поправлении российского купечества» неизвестный автор писал: «...надлежало б дворянству ползоватца своими деревнями, хлебопашеством и оброком крестьянским и в службах обретающимся государевым жалованьем, продажею всякого родившегося в деревнях их хлеба и скота, а в торги купеческие не вступать, а крестьянам их по тому ж содержать себя хлебопашеством и протчими крестьянскими издельи, а не торговать непринадлежащими до них товары в силе ж Соборного Уложенья»[48].

[44] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 83.
[45] *Чулков М.* Указ. соч. С. 639; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 64–64 об. Д. 8. Л. 76.
[46] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.
[47] *Троицкий С. М.* Обсуждение вопроса... С. 209.
[48] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 64 об.–65.

В интересах достижения торгово-промышленной монополии городских тяглых сословий купцы в своих проектах обсуждали средства удержания крестьян на земле, что в конечном счете выливалось в крайне неприятную и болезненную для дворянства тему положения крестьян и их взаимоотношений с помещиками.

Хорошо известна программа И. Т. Посошкова 20-х годов XVIII в., предусматривавшая точное определение размера крестьянских платежей и повинностей в пользу помещиков, изменения в налоговой системе, в условиях хозяйственной жизни и быта крестьян. Сходные идеи выдвигались в ряде сочинений, представленных на конкурс, объявленный в 1765 г. Вольным Экономическим Обществом, звучали при обсуждении крестьянского вопроса в Уложенной комиссии 1767 г. Ко второй половине столетия относятся проекты переселения части крестьян в степные районы в интересах смягчения земельной тесноты в центре[49]. Остро ставился вопрос об ограничении роскоши дворянского класса. В правительственных кругах он обсуждался в связи со стремлением к сокращению утечки денег за границу и ради поощрения производства и ввоза нужных товаров, о чем еще в первой четверти XVIII в. писал Посошков. Купцы, требовавшие пресечения роскоши дворян, кроме того, подчеркивали ее пагубные последствия как для крестьян, так и для купцов. «Дворяне входят в неоплатные долги, — писал неизвестный купец к генерал-прокурору А. А. Вяземскому, — когда промотаются — уезжают в деревню, берут с крестьян оброки два и три раза, другие закладывают деревни двоим и троим, проигрывают или продают». В результате страдают не только крестьяне, но и купцы-кредиторы, так как «если не платят купцам, то и купеческой исправности не видать»[50].

Но купцам не чужда была и забота об общегосударственных интересах. Особенно ярко это проявилось в анонимной недатированной записке, содержание которой заставляет нас видеть в ее авторе купца. Эта записка обнаружена в трех копиях среди бумаг графа А. И. Остермана, относящихся к 1730—1740-м годам[51]. Основная цель проекта состояла в том, чтобы доказать важность, отсутствие и возможность возвращения активного торгового баланса. В наибольшей степени состояние торгового баланса, как считал автор проекта, зависело от дворян как лиц, обеспеченных постоянным доходом, владеющих недвижимостью. Отсюда вытекало главное средство исправления

[49] *Сивков К. В.* Очерки по истории политических процессов в России в последней трети XVIII в. Дисс. доктора ист. наук. Т. 2. М., 1943. С. 560.

[50] Там же. С. 561.

[51] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 244. Л. 83–86.

создавшегося положения: «Всех пользующихся господским правом должно воздержать от злоупотребления онаго». Это общее положение, характерное для просветительской мысли второй половины XVIII в., раскрывалось в виде требования запретить помещикам «употреблять многочисленные доходы на мзду иностранных рукоделий», а направить их «на ободрение всяких собственных изделий». Неизвестный автор предлагал также обратить внимание на положение крестьян, выражая, правда, невозможность «все то сказать, что человеколюбивому сердцу представляется на облегчение жребия сего у нас нещастного состояния». Он призывал наметить общие границы «между крайностью необдуманной свободы и порабощения скотского», в коих пределах «суть еще степени, которыя бы благоразумному правительству установить было не трудно». В частности он считал полезным разрешить крестьянам выкупаться на волю, но не для записи в купечество или ремесленники, а «на употребление себя к свободному и прибыточному хлебопашеству под наименованием государского крестьянина» с предоставлением им определенных преимуществ[52].

Эта идея, достаточно редкая не только для купеческой, но и общественной мысли в целом, свидетельствует о том, что в середине XVIII в. в купеческую среду пусть робко, но проникало сознание необходимости освобождения крестьян в интересах общего экономического процветания государства. В конце XVIII в. об отмене крепостного права в записках на имя синодского и сенатского обер-секретарей писал купец по происхождению Г. И. Попов. В них он призывал императрицу «увещевать господ сановников, боляр, вельмож и благородных дворян», «сынов отечества», отказаться от владения людьми. Исходя из морально-религиозных соображений, Г. И. Попов, как считал исследователь его взглядов К. В. Сивков, обращая особое внимание на личное освобождение крестьян, не ставил вопроса о наделении их землей и дальнейшем устройстве их быта. Это роднило его записки с проектами, исходившими из либеральных кругов дворянства в 1770-х годах[53].

Вопрос о торгово-промысловой монополии городского тяглого населения был тесно связан с другим не менее острым не только для посадского люда, но и для иных сословий вопросом — об условиях записи в посад. Правительство за исключением первых двух десятилетий XVIII в. на протяжении всего столетия в интересах дворянского класса сохраняло крайне тяжелыми условия перехода крестьян в городские сословия. Они определялись не только высоким денежным цензом, но и обя-

[52] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 244. Л. 83–86.
[53] *Сивков К.* Г. И. Попов — представитель передовой общественной мысли в России конца XVIII века // ВИ. 1947. № 12. С. 83, 86.

зательным согласием помещика и крестьянского мирского общества, а также сохранением податных обязательств крестьян перед помещиком. Такая политика, как единодушно подчеркивают исследователи, крайне отрицательно влияла на развитие городов и городского населения.

Некоторые изменения в позиции дворянства по отношению к условиям перехода крестьян в города наметились в 60-х годах XVIII в. В это время наряду с традиционной установкой на обязательное соблюдение в этом вопросе интересов помещиков, чтоб они «против своей воли оных не лишались», некоторыми представителями правящей верхушки, более гибко реагирующими на социально-экономические процессы в стране, высказывалась мысль о допущении выкупа частновладельческих крестьян в интересах укрепления городского населения и дворянского государства в целом[54].

Какую же позицию в данном вопросе занимало купечество? Ответ на этот вопрос принципиально важен, так как дает возможность судить о характере его общественного сознания[55]. Уже в 20-х годах XVIII в. И. Т. Посошков, как представитель и выразитель интересов купечества, выступал за свободную запись в посад крестьян, торги которых превышали сумму в 100 руб. Указ 1722 г., определивший новые условия вступления крестьян в посад, как известно, установил имущественный ценз в 5 раз больший. Относительная легкость записи в посад, за которую ратовал И. Т. Посошков, все же отражала в это время не буржуазные устремления купечества, а общепосадские сословные интересы, выражавшиеся в стремлении к увеличению числа посадских тяглецов за счет торгово-промысловой части крестьянства. Причем в это время присущий взглядам купечества сословный принцип торговли сочетался с идеей открытости посадского общества, вступление в которое для всех торгово-промысловых разрядов населения было относительно свободно и обеспечивало приобретение ими торговых привилегий. Это обстоятельство должно было послужить стимулом роста численности городских тяглецов.

В дальнейшем купечество никак не отреагировало на резко сузившиеся по указу 1722 г. возможности перехода крестьян в городские сословия. Во всяком случае за вторую четверть XVIII в. нам не известны факты выступлений купцов или посадских обществ с требованием создания благоприятных для роста численности посадского населения условий. Сохранившиеся многочисленные материалы записей новых

---

[54] *Троицкий С. М.* Дворянские проекты создания «третьего чина». М., 1975. С. 229, 233.

[55] «Последовательный буржуа всегда будет стоять за отмену указанных стеснений передвижения... » (т. е. передвижения крестьян из деревень в города – *Н. К.*) См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 503.

лиц в посадское тягло свидетельствуют, что каждый такой случай находился под контролем местного магистрата. Посадские общества в это время были обеспокоены не сложностью вступления в посад иночинцев и медленным ростом численности посадского населения, а обеспечением посаду приобретения надежных тяглецов. Существовавшие правила раскладки общепосадских платежей «по животам», когда за скудных и неплатежеспособных членов посада подати несла его зажиточная часть, определяла заинтересованность «большеплатежных», из которых и комплектовались местные магистраты, в сохранении высокого имущественного ценза при записи в посад. Другое дело, что и городские учреждения и сами купцы проявляли заинтересованность в привлечении в посад крепких в торгово-промысловом отношении лиц из других сословий. Об активности их действий и упорстве в борьбе за новых тяглецов свидетельствуют рассмотренные ранее (см. гл. 7) материалы 40–50-х годов XVIII в.

В 1760-х годах купцы и посадские общества продолжали связывать вопрос о численности городских сословий с многочисленностью повинностей, лежащих на них. Во многих наказах в Уложенную комиссию предлагались различные меры по более равномерному распределению повинностей среди всего городского населения, привлечению крестьян к их несению. Но лишь в очень редких случаях в них речь шла о росте городского населения в интересах развития городского хозяйства, торговли и промышленности. Причем, помещичьи крестьяне в качестве возможного резерва городского населения даже не упоминались[56]. И все же именно в это время некоторые представители купечества предлагали более решительные меры по включению помещичьих крестьян в городское торгово-промышленное сословие. Об этом, например, писал в начале 50-х годов неизвестный купец в своем «прожекте», проникнутом острой болью за бедственное и униженное положение купечества, когда «знатного господина холоп перед лутчим купцом великим господином себя почитает». Настаивая на необходимости записи зажиточных и «способных к купечеству крестьян» в ту гильдию, «к которой кто приличен будет», исключительно по их желанию и «по требованию магистратов з женами и з детьми», он предусматривал довольно высокую выкупную плату помещику в 500 руб. за отца и по 200 руб. за сыновей, но с условием прекращения с ним всяких податных обязательств с тем, чтобы все подушные, рекрутские и прочие сборы до очередной ревизии платил сам помещик[57]. Как видим, активная

[56] *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. С. 475–477.
[57] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 42.

позиция в данном вопросе отводилась не только крестьянам, но и магистрату, который мог затребовать известного ему своей хозяйственной деятельностью крестьянина.

Другой неизвестный купец в записке к генерал-прокурору А. А. Вяземскому в 1774 г. также предлагал торговых крестьян принудительно записывать в купечество с выплатой господину по 150 руб. за семью, «как с рекруты платить повелено»[58]. Эти проекты купцов перекликались с идеями, высказывавшимися тогда же некоторыми представителями дворянского класса.

Особую, наиболее радикальную позицию по вопросу о записи в посад крестьян, «обыкших в торгах», заняли среднестатейные петербургские купцы, осуществлявшие лавочные торги в северной столице, а также российские купцы 18 городов, торговавшие при Петербургском порте. В своих записках, направленных в начале 1760-х годов в Комиссию о коммерции, они предлагали ей разрешить вопрос о записи крестьян в купечество с тем, чтобы владельцы не могли чинить им препятствия «требованием подобно выкупа немалой денежной суммы», считая, что размер владельческих платежей с крестьян, обосновавшихся в городе, определен законом[59]. Действительно, по резолюции Петра I на магистратские докладные пункты, опубликованной 27 сентября 1723 г., крестьянам, записавшимся в посад, полагалось платить «подати помещику обыкновенных крестьян, а не по богатству»[60]. Петербургские купцы писали, что если бы было позволено свободно записываться в купечество без увольнительных писем от владельцев при условии наличия надежного поручительства в бездоимочной уплате всех податей, то во многих российских городах явилось бы немало желающих, отчего бы произошло умножение купечества и распространение коммерции[61]. Тогда же, стремясь привлечь на свою сторону правительство и обещая казне «сугубый плод с государственной славою», купцы из разных российских городов в своем «изъяснении» просили записавшихся в купечество дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян зачесть хозяевам как рекрутов, либо позволить выкупиться, заплатив, «во что в казну рекрут положен»[62].

Взаимоотношения купцов с дворянством и крестьянами имели еще одну сторону, связанную с обеспечением торгово-промысловых заведений купцов рабочей силой. Вышеупомянутые петербургские купцы,

---

[58] *Сивков К. В.* Очерки по истории политических процессов в России... С. 560.
[59] *Чулков М.* Указ. соч. Т. IV. Кн. 4. С. 679, 537.
[60] ПСЗ. Т. VII. № 4312.
[61] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 94–102 об.
[62] *Чулков М.* Указ. соч. С. 679.

широко использовавшие крестьян в качестве лавочных сидельцев, отстаивали их право находиться в городе и без письменного разрешения от владельцев. Напротив, «главные» петербургские купцы, такие как Сава Яковлев, Емельян Бормин, Семен Зайцев, Петр Кокушкин и другие, выступали против найма крестьян в лавочные сидельцы, рассчитывая использовать в качестве таковых свою же купеческую братию. Скупив лавки в гостином дворе и являясь его фактическими хозяевами, «гостинодворцы» также ходатайствовали перед Комиссией о коммерции о запрещении торговли в других местах. Тем самым они хотели побудить купцов, не имевших средств для покупки лавок в гостином дворе, идти к ним в услужение. Такая перспектива не устраивала челобитчиков, опасавшихся оказаться на положении кабальных работников гостинодворцев. Механизм превращения некогда свободного купца, поступившего в услужение к откупщику, подрядчику, в крепостного работника был хорошо известен. Он складывался из умышленного разорения работника различными начетами и выкупа его при невозможности расплатиться по векселям от каторжных работ, а следовательно, закрепления за собой, «яко купленных себе вечно»[63]. Такая отдача предусматривалась указом 1736 г.[64] По нему все колодники могли отдаваться в работу тем, кому они задолжали. Год работы оценивался в 24 руб., из которых деньги шли и на уплату подушной подати. О том, что хозяева, делая необоснованные начеты на своих приказчиков и сидельцев, превращали их постепенно в своих крепостных, говорил в Уложенной комиссии 1767 г. депутат от однодворцев крепости св. Дмитрия И. Букин[65].

Московские купцы, стремясь обеспечить себя крепостной рабочей силой, прямо предлагали отдавать первостатейным тех членов посадской общины, кто за скудостью не мог платить подушную подать[66].

Пока речь шла о купцах и разночинцах, правительство никак не реагировало на раздававшиеся по этому поводу жалобы. Но когда с развитием торгово-промысловой деятельности крестьян, часто осуществляемой на кредитные деньги, взятые под векселя и контракты, на положении крепостных работников купцов все чаще стали оказываться крестьяне, правительство выступило в защиту помещиков в их борьбе с купечеством за крепостные души. Сенатский указ 14 февраля 1761 г. запретил крестьянам обязываться векселями и вступать в поручитель-

---

[63] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 94–102 об.

[64] ПСЗ. Т. IX. № 7013.

[65] *Лаппо-Данилевский А. С.* Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в. СПб., 1899. С. 103.

[66] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 48–49.

ство[67]. По новым условиям крестьянам позволялось занимать деньги и брать товары в долг, лишь удостоверив заемные письма у помещиков или в тех местах, где они состояли в ведомстве. Взыскание по векселям впредь запрещалось.

Такое решение проблемы не могло не повлиять отрицательно на развитие крестьянской торговли. Не устраивало оно и купцов, причем не только из-за их заинтересованности в крепостных работниках, но и в силу тесных и разнообразных связей между ними и торгующими крестьянами. Купцы, в частности писали, что при покупке товаров у крестьян-прасолов на контракт, заключают сделки с крестьянами, приезжающими из дальних мест, что, естественно, делало невозможным удостоверение заемных писем так, как того требовал указ[68]. Вяземские купцы обращали внимание на большой убыток, который могло понести купечество из-за запрещения обязывать крестьян векселями; а сызранские купцы сообщали об уже понесенных убытках из-за розданных денег дворцовым, синодальным и помещичьим крестьянам и солдатам[69].

Несмотря на ориентацию части купцов на наемных работников из числа крестьян или посадских людей, в условиях дальнейшего распространения крепостнических отношений на новые категории населения и предоставления промышленникам права покупать крестьян для работы на их предприятиях естественным для купцов было и требование приобретения «во услужение людей» с дальнейшим их определением «в купечество», то есть использованием в торговых промыслах. Об этом еще в 1727 г. просили петербургские купцы[70]. Количество душ, требуемых купцами в разных представлениях, было различным и колебалось от 5 до 30 душ для первостатейного и среднего купечества и хотя бы одного для третьегильдейского. Невозможность обойтись без крепостных работников купцы аргументировали сложностью и кратковременностью найма, а следовательно его дороговизной, ненадежностью, воровством наймитов.

Известную роль играли и соображения низкого социального статуса купечества, его принадлежность к тяглым сословиям. Любопытная зарисовка отношений купца и наемных работников содержится в записке неизвестного купца, поданной на имя И. Г. Чернышева в апреле 1761 г. В ней автор вознамерился представить, «сколь плачевно и жалостно безгласное, беззаступное, погибающее или уже и совсем почти погибшее пребедное и презреное то купечество». «А от наемных всяко-

[67] ПСЗ. Т. XV. № 11204.
[68] *Чулков М.* Указ. соч. С. 638.
[69] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 76–76 об.; Оп. 2. Д. 188. Л. 370–371.
[70] Там же. Д. 430. Л. 21.

го звания мужеска и женска полу людей столь мучительна в работах хозяевам услуга, что почти никакая адцкая фузия не может такова выдумать тиранства, сколько чуть не всякая наемная бестия производит купцам безпокойства», — писал он. «Многие бабы хозяевам лают: «Ты мужик, а я солдатка и тем тебя честнее. Не ударишь ли меня?». А с холопьями и крестьянами и другими им подобными и говорить нельзя, потому что всякая тварь 40 алтынам верной щет знает... Оной ночь ночует, другой неделю поживет, а протчия по месяцу и по два, а чтоб целый год кто у кого прожить, то уже разве хозяин ево на себе носить и с собой спать класть станет»[71].

Таким образом, не только купцы-предприниматели, но и купцы, связанные только с торговой сферой, за некоторым исключением искали работников в рамках крепостного строя. Это имело вполне объективные причины, обусловленные слабостью и узостью рынка рабочей силы. Однако правительство, в интересах развития промышленности допускавшее купцов, вкладывавших средства в мануфактурное производство, до эксплуатации крестьян методами внеэкономического принуждения, крайне осторожно относилось к подобным требованиям торгового купечества. Сохранив за купцами крепостных работников, обнаруженных у них в годы первой ревизии, правительство запретило купцам покупку крепостных «во услужение» и не отошло от этого запрета, несмотря на настойчивые просьбы купцов, звучавшие на протяжении всего XVIII в.

Между различными группами купечества, как мы видели, не было единства мнений по вопросу о рабочей силе. Добиваясь права владения крепостными, торговое купечество в то же время выступало против привилегии фабрикантов, реально таким правом обладавших, обвиняя их в злоупотреблениях, в пользовании фабричными деревнями как поместьями. Один из авторов, недовольный привилегиями фабрикантов, особенно тех, кто завел свои фабрики «для лица», писал, что фабриканты покупают немало людей и целые деревни, будто бы для фабрик, но оставляют их на пашне или используют в торговых промыслах и, будучи освобожденными от казенных и гражданских служб, получают против других купцов немалые преимущества[72]. Московские купцы предлагали позволить фабрикантам покупать крестьян к фабрикам без земли, поскольку им незачем иметь поместья и вотчины[73].

Сословный строй, в рамках которого протекала торгово-промышленная деятельность разных сословий, лишал участников этой деятель-

---

[71] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 85.
[72] Там же. Л. 83–85.
[73] Там же. Л. 48–49.

ности равных возможностей, являвшихся необходимым условием предпринимательства буржуазного типа. Торговое купечество, внимательно наблюдая за деятельностью промышленников в торговой сфере, завидовало их привилегиям. В свою очередь владельцы заводов и мануфактур не могли смириться с дворянским предпринимательством, защищенным правами благородного сословия. Отсюда проистекало стремление части купечества к сосредоточению промышленного предпринимательства в своих руках, к запрещению дворянам владеть фабриками и заводами, что нашло отражение в ряде купеческих записок начала 1760-х годов и особенно ярко проявилось в городских наказах в Уложенную комиссию. Правда, в борьбе против, например, дворянской монополии в винокурении те же купцы в ограниченных пределах прибегали к лозунгу свободы торгово-промышленного предпринимательства. Так, неизвестный автор в записке 1761 г. жаловался на несправедливость наделения дворянства, помимо чинов, денежного и земельного пожалования, еще и монополией на винокурение, в то время, как бедное купечество, несмотря на полезность и обширность его служб и большие доходы казны от его торгов, лишается последнего. В итоге, забывая об им же отстаиваемой идее купеческой торгово-промышленной монополии («в России, кроме купцов, чтоб никому другим чинам ничем не торговать и фабрик и заводов не заводить и в подряды и откупы в казенные не вступать»), он добивался разрешения по силе указа 1716 г. всем курить вино и вступать в подряды, «не исключая никого»[74].

Часть купцов и промышленников в это время предлагала другое решение вопроса дворянского предпринимательства, а именно: создание равных с дворянами условий производства, в частности обеспечение мануфактур купцов принудительным трудом. В одном анонимном «Размышлении о препонах промышленности в России», например, доказывалось, что помещичьи фабрики «для крестьян крайне отяготительны» и не менее вредны для государственного хозяйства в лице капиталистов-купцов и вольных работников, так как «ни капиталы, ни искусство не могут выдержать состязания с употреблением рабов». Средством борьбы против неблагоприятных для купеческого предпринимательства условий выдвигался не запрет дворянских мануфактур, что означало бы стеснение помещичьего права, а создание государственной властью для купцов режима наибольшего благоприятствования через систему правительственных пособий, разрешение покупки деревень к фабрикам без сословных ограничений, право сво-

[74] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 53–54.

бодной продажи купленных к фабрикам крестьян, оказавшихся непригодных для мануфактурных работ[75].

В целом в 60—70-х годах XVIII в. купцы еще не выступали за отмену крепостного права, а добивались лишь ограничения привилегий «благородного сословия», либо в виде сужения сферы применения помещичьего права, либо, напротив, распространения его на другие сословия. Предлагалось еще одно средство: часть промышленников соглашалась с переходом к наемному труду, но с обязательством дворян тоже пользоваться наемной рабочей силой[76]. В любом случае городские торгово-промышленные круги выступали за создание для всех участников промышленной деятельности не зависимо от их сословной принадлежности равных возможностей в обеспечении промышленных предприятий рабочей силой. Но все рассмотренные средства исходили из идеи сохранения крепостного права. Только в 80-х годах XVIII в. мысль о необходимости его отмены в интересах развития отечественной промышленности зародилась в среде промышленников текстильного производства, где капиталистические отношения достигли наибольшего развития[77].

Осознание купечеством своей роли в экономическом развитии страны в условиях дальнейшего развития сословного строя и расширения привилегий дворянства диктовало необходимость его борьбы не только за сословные привилегии в экономической сфере, но и за возвышение самого сословного статуса купца.

На протяжении всего XVIII в. в различные государственные учреждения, в том числе в Главный магистрат и Сенат, со всех концов России стекались бесчисленные жалобы купцов на притеснения и издевательства, поборы и побои, разорение и убийства, чинимые «благородным сословием», приказной бюрократией и даже холопами знатных господ. Низкий сословный статус купцов, связанный с их тяглым состоянием, не обеспечивал защиты их капиталов, жилища, благосостояния в целом, а также здоровья и даже жизни. Ни материальный достаток, ни положение бургомистра или земского старосты не гарантировали купцу уважения со стороны иночинцев.

В первой половине XVIII в. купечество стремилось привлечь внимание правительства к конкретным случаям причиненных им обид с

---

[75] РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 244. Л. 95; Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.

[76] *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 530.

[77] *Долинин Н. П.* Новые документы о буржуазных социально-экономических проектах во второй половине XVIII в. в России // УЗ Донецкого пед. ин-та. Вып. 10. Донецк, 1962. С. 139.

целью пресечения возможности их повторения. Причем средства для этого в рамках действующего законодательства, предоставлялось изыскивать самому правительству. Сенат же в таких случаях ограничивался посылкой очередного указа о недопущении притеснений магистратских чинов и купцов, который, впрочем, никто из обладавших реальной властью и защищенных сословными правами, всерьез не принимал[78].

К 60-м годам XVIII в. купечество пришло к выводу, что причина всевозможных обид, когда «во все команды и присутственныя места их под караул сажают, судящие всякими мерами до них добираются и всякой от главного командира даже до сторожа... теснят и обирают, .. и последний подьячий лутчаго купца хуже себя ставит, а солдат не только бранит, но ежели наималейший повод есть, то и бьет, не опасаясь за то никакого наказания», заключается в том, что купцы «сравнены с мужиками, следовательно, презрительны и беззащитны»[79]. В это время купцы выступают уже с конкретными предложениями по защите своего сословия «от разного звания людей». В индивидуальных «прожектах», в коллективных «представлениях» в Комиссию о коммерции и городских наказах в Уложенную комиссию купцы ратовали за отмену телесных наказаний, обеспечение неприкосновенности их жилищ, значительное увеличение суммы платы за бесчестье, наделение членов Главного и городовых магистратов чинами и рангами, предоставление почетных прав купеческой верхушке.

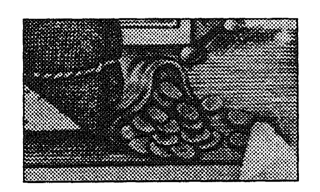
Подушная подать, как бы уравнивавшая купцов с крепостным крестьянством, городской верхушкой воспринималась как отрицательный для своего достоинства и престижа фактор. «Купецкое имя у всякого другова звания в разсуждении 40 алтын разумеетца ничто», — писал неизвестный купец в записке, поданной в апреле 1761 г. на имя директора Комиссии о коммерции И. Г. Чернышева[80]. Ему вторил другой неизвестный прожектер: «А ныне, принеся казне большой доход, (купцы — *Н. К.*) почтения и рангу себе больше не заслужат, как двух имян: первое — мужик сорокоалтынный, второе — подлой человек. И от того не только многие торговать к портам, но и в люди себя казать стыдятца»[81].

Пробудившееся у купцов чувство собственного достоинства питалось осознанием возросшего значения их социальной роли. Неизвестный автор одного из «прожектов» 60-х годов, обосновывая необходимость награждения членов городовых магистратов чинами от поручика до капитана, а коллежских членов из купцов чином асессора «не с

[78] См. гл. 7.
[79] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 37 об.
[80] Там же. Д. 8. Л. 83.
[81] Там же. Л. 53–53 об.

дворянским правом», писал: «Дача сих чинов не для того предлагается, что они купечеству приличны или чтоб купцам их кроме нужды жадничать, но обстоятельствы во внутренних местах необходимо того требуют, потому что там при публичных торжествах и собраниях ни регистратор, ни протоколист, а секретарь и подавно место не уступит и никакой учтивости не покажет купцу без ранга, как бы он по великости торгов и кредита своего государству ни был полезен и как бы службы его в гражданском правлении ни важны были»[82]. Это рассуждение купца, в котором проглядывает мысль о необходимости изменения сословного статуса купечества в связи с возросшим значением его деятельности в жизни общества, перекликалось с новым взглядом на определение знатности дворянства, свойственным Петру I. В 1724 г. в ответ на вопрос Военной коллегии, какое шляхетство следует считать знатным: «по дворовому числу, ото ста дворов и выше, или по регламенту о рангах до которого класса», Петр I наложил красноречивую резолюций: «Знатное дворянство по годности считат»[83].

Стремление быть «в почтении, а не в пренебрежении», что рассматривалось как «государству честь, а не безглавие», ярко характеризует общественное настроение купечества 1760-х годов. Формы, в которых эти стремления выражались, соответствовали сословной ориентации сознания купечества и господствующим в обществе ценностям. Именно поэтому они не были иллюзорны, достижение некоторых из них в 70—80-х годах XVIII в. повысило сословный статус крупных купцов, что способствовало упрочению и их социального положения.

[82] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 45.

[83] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. II. Ч. 1. № 94 (ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 7.)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Общественно-культурные аспекты взаимоотношений государственной власти и купечества

§ 1. ГРАМОТНОСТЬ И КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В XVIII в. в связи с утверждением абсолютизма возросло воздействие государственной власти не только на социально-экономические, но и общественно-культурные процессы, а также общественное сознание различных категорий населения. Потребность в грамотных и профессионально образованных людях, ощущавшаяся во всех областях государственной политики, затронула и социальную сферу деятельности российского купечества.

Уровень грамотности населения, как известно, во многом зависит от организации школьного дела. До 80-х годов XVIII в. общеобразовательной школы, где могли бы обучаться дети городских тяглых сословий, в России не было. Принудительный набор посадских детей в цифирные школы, организованные по указам 1714 и 1716 гг. во всех губерниях для «дьячих, подьяческих и всякого чина людей детей их от десяти до пятнатцати лет (опричь дворянских)», вызвал массовый протест купцов, доказывавших необходимость нахождения их сыновей в интересах обучения торговому делу при их собственных торгах и промыслах. В ответ на челобитье посадских людей Каргополя, Устюга Великого, Вологды, Калуги и других городов Сенат освободил купеческих сыновей от обязательного обучения в цифирных школах[1].

Согласно регламенту Главного магистрата 1721 г. задача организации школьного обучения посадского населения была возложена на городовые магистраты. Однако мизерность общинных средств, а также обширность возложенных на магистраты государственно-бюрократических обязанностей лишали магистраты возможностей реализации

[1] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 459. Л. 1–4.

этой программы. В итоге, как сообщал Главный магистрат на запрос Комиссии о коммерции в начале 1760-х годов, даже «в Москве и в приписных городах и в Санкт-Петербурге для обучения купечества школ никаких не учреждено»[2].

Единственным способом овладения грамоте, письму и счету для посадских детей вплоть до 80-х годов оставалось частное ученичество. В той же челобитной, в которой купцы просили освободить их детей от обучения в цифирных школах, они отмечали, что «вышеписанной де науки многие из детей их обучаются и собою». О практике и условиях такого обучения свидетельствуют жилые записи крепостных контор. Обучение грамоте и письму обычно осуществляли местные священники. В случае, если ученик во время всего срока обучения, как правило продолжавшегося 5 лет, проживал в доме учителя и выполнял разнообразную домашнюю работу, ему предоставлялись хозяйские еда, обувь и одежда, а «по отживе», денежное вознаграждение «на платье»[3]. Нахождение ученика на положении домашнего работника свидетельствует о том, что к подобной форме обучения обращались, скорее всего, малосостоятельные купцы. Зажиточное же купечество искало учителей для своих сыновей среди своего рода профессионалов, то есть лиц, зарабатывавших себе на жизнь этим «ремеслом». В их числе встречались как посадские люди, так и пестрые по составу разночинцы.

Вероятно, дети купцов проходили первую ступень, а для большинства и единственную, образования (чтение, письмо и счет) в возрасте от 7 до 10 лет, поскольку от 10 до 15 лет они уже «вступали в купечество» и приобретение ими «профессиональных» знаний и умения осуществлялось в дальнейшем в ходе их торговой деятельности, отрываться от которой в интересах продолжения образования они не хотели, да и не могли. В случае необходимости обучения иностранным языкам учителей нетрудно было сыскать среди иноземцев, особенно в портовых городах, Москве, Вологде и некоторых других. Так, в ответ на указ Петра I 1723 г. о постоянном содержании за границей 15 «торговых людей детей» для их обучения с указанием числа кандидатов, подлежащих выбору по каждому городу, астраханские купцы обратились в Главный магистрат с просьбой разрешить обучать им своих детей в Астрахани «у иноземцев, которых здесь много от европейских государств, у которых разных чинов у людей дети немецкому и латинскому языкам и арифметике обучаются»[4].

---

[2] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 459. Л. 6.
[3] Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1222. Л. 447.
[4] Там же Ф. 276. Оп. 1. Д. 73. Л. 301.

Как следует из переписной книги Немецкой слободы Москвы 1747 г., проживавшие в ней выходцы из разных стран также нередко принимали к себе учеников «для науки немецкого и латинского языков и прочих к тому принадлежностей», чем добывали себе пропитание. Причем среди их учеников встречались не только москвичи, но и жители других городов. К примеру, «для учения немецкого языка» у жителя Немецкой слободы, московского уроженца Николая Турина (француза по национальности), находился в это время по контракту с фабрикантом Дмитрием Максимовым сыном Затрапезновым его внук, ярославский купеческий сын Иван Гурьев[5].

Имеющиеся в исторической литературе наблюдения свидетельствуют о том, что ко второй четверти XVIII в. в среде знатного купечества нередким явлением стали домашние библиотеки. В них наряду с книгами церковными, которые численно преобладали, встречались и книги светского содержания, в том числе учебная (буквари, грамматики) и общеобразовательная («География краткая», «География генеральная», Синопсис, Летопись Барония и др.) и даже новинки художественной литературы («Езда в остров любви»)[6].

Все это были новые в жизни русских купцов явления. Несмотря на их значительную распространенность, все же они не приобрели массовый характер и затрагивали лишь верхушку купечества, в первую очередь столичного.

Вопрос о степени грамотности купцов в XVIII в. изучен слабо. Ответ на него затруднен из-за состояния источников и требует специальных изысканий. О грамотности торговых людей первой половины XVIII в. можно предположительно судить по их подписям товарных явок, регистрировавшихся в таможнях. Для периода после отмены внутренних таможен в 1754 г. нужные сведения могут быть получены из крепостных актов на различного рода сделки. Но поскольку, во-первых, эти источники сохранились далеко не полно, а, во-вторых, охватывают лишь часть купечества, то сделанные на основании их наблюдения носят лишь предположительный характер. К тому же рукоприкладство не всегда является достоверным свидетельством грамотности того или иного лица, который, заучив написание своего имени и фамилии, читать и писать мог и не уметь. Таким образом, при ис-

[5] Переписная книга Немецкой слободы 1747 г. // Материалы для истории московского купечества. Т. 1. Приложение 3-е. М., 1891. № 32.

[6] *Бакланова Н. А.* О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в. // ТОДРЛ Института русской литературы АН СССР. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 644–648.

пользовании данной методики необходимо помнить о возможном искажении реальной картины в сторону ее преувеличения.

Б. Б. Кафенгауз, изучивший таможенную книгу 1725 г. Важской Благовещенской ярмарки, пришел к выводу о значительном распространении грамотности среди поморского купечества. Так, число грамотных торговых людей на ярмарке достигало 40%, главным образом, за счет купцов поморского севера[7]. М. Я. Волков на основе переписной книги Торжка 1710 г. установил, что грамотные были в 124 посадских дворах (более 19%) и составляли свыше 12, 5% дееспособного населения от 15 лет и старше. Причем соотнесение этих данных с имущественным положением посадских людей показало, что в дворах первостатейных все люди от 15 лет были грамотными. В дворах же бедноты доля грамотных была незначительной[8].

Связь между грамотностью и хозяйственной состоятельностью семьи подтверждают также материалы о выборах в Калуге магистратских чинов в 1722 г. В связи с острыми социальными противоречиями в калужском посаде между его верхушкой и беднотой, повлекшими разделение посада и создание особых земских изб в 1714 г., при организации магистратов «меньшеплатежные» и «большеплатежные» жители произвели самостоятельные выборы бурмистров и ратманов. Их результаты были изложены в письменных выборах, скрепленных подписями представителей каждой из групп. При этом оказалось, что выбор «большеплатежных» засвидетельствовало 159 человек, из них собственноручно подписи поставили 127 человек (80%). Анализ рукоприкладств «меньшеплатежных» рисует иную картину: из 176 человек подписались сами лишь 31 (17, 6%)[9]. Из приведенных цифр ясно видно, что если среди состоятельной части посада преобладали грамотные люди, то среди посадских низов численность их была незначительной.

Сосредоточение основной массы грамотных среди состоятельной части посадских людей объясняется не только их материальным положением, но и отсутствием для значительной части посадского населения необходимости в овладении даже начальной ступенью обучения. На связь распространения грамотности в городах с торгово-промышленными занятиями посадских людей и их службами уже было обращено в исторической литературе[10]. Известно также, что самосто-

---

[7] *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958. С. 283, 285.

[8] *Волков М. Я.* О грамотности посадских людей Торжка в начале XVIII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1982. С. 79—81.

[9] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 18. Л. 23—29 об., 36—40.

[10] *Волков М. Я.* Указ. соч. С. 81.

ятельную торговлю в достаточно крупных масштабах осуществляли в основном первостатейные и среднестатейные купцы. В составе же купцов 3-й гильдии преобладали лица, работавшие по найму, нередко кормившиеся от землепашества и огородничества[11]. Правительство также было заинтересовано в овладении грамотой в первую очередь зажиточной частью посада, на которую возлагались различного рода государственные службы и которой предписывалось следить, чтобы дети их «в туне не были». Если также учесть численное преобладание купцов 3-й гильдии, то станет понятно, почему несмотря на значительное распространение грамотности среди верхушки посада, удельный вес грамотных людей в массе посадских жителей был относительно невелик.

К тому же и первогильдейские купцы не могли похвастаться стопроцентной грамотностью. Любопытный случай в связи с этим произошел во время выборов в магистратские чины Можайска в 1744 г. В соответствии с указом о выборах бурмистров и ратманов «ис первостатейных добрых и пожиточных и умных людей» можайские купцы выбрали в бурмистры Макея Мшихина и в ратманы Григория Скворцова. Однако при «усмотрении достоинства» их в Главном магистрате выяснилось, что Мшихин был неграмотен. Но и после повторного указа из Главного магистрата о новых выборах в Можайске местные купцы вновь подтвердили кандидатуру Мшихина, отметив в рапорте в Главный магистрат, что он «хотя грамоте и писать не знает, токмо он человек добрый и первостатейной и ратушскому чину быть способен». Характерно, что в глазах купцов достоинства купца и его деловые качества никак не связывались с грамотностью. Иную позицию занимал Главный магистрат, который пригрозил можайской ратуше штрафом и повелел «без всяких оговорок» вместо Мшихина выбрать другого «ис первостатейных человека умного и достойного, которой грамоте и писать совершенно знал... ибо безграмотному управления ратушских письменных дел никак быть невозможно»[12]. Эпизод с можайской ратушей не был таким уж исключением. Даже во второй половине XVIII в. Главному магистрату неоднократно приходилось отклонять выборы неграмотных купцов[13].

Среди материалов Комиссии о коммерции 1760-х годов имеются интересные данные, позволяющие судить о степени грамотности «лут-

[11] *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России в XVIII ст. М., 1903. С. 132—142, 158—162, 169.
[12] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 364.
[13] *Кизеветтер А. А.* Гильдия московского купечества. Исторический очерк. М., 1915. С. 129.

чих купцов» 37 городов России. Это ответные доношения купцов на предложение посылать сыновей «в чужие края» для изучения коммерции. Они содержат подписи первогильдейских купцов, а за неимением их наиболее состоятельной части местного купечества (табл. 4).

*Таблица 4**

Подписи «лутчих купцов» к донесениям в Комиссию о коммерции в 1764 г.

№ п/п	Город	Подписи	Из них собственноручные	
			Число	%
1.	Бежецк	10	10	100
2.	Белгород	16	16	100
3.	Белозерск	11	11	100
4.	Кинешма	17	17	100
5.	Муром	15	15	100
6.	Оренбург	4	4	100
7	Путивль	9	9	100
8.	Сольвычегодск	5	5	100
9.	Воронеж	33	32	97
10.	Кострома	11	10	91
11.	Тобольск	30	27	90
12.	Курск	35	31	88,6
13.	Холмогоры	8	7	87, 5
14.	Норская слобода	7	6	85, 7
15.	Любим	13	11	84, 5
16.	Черный Яр	6	5	83, 3
17.	Псков	11	9	81, 7
18.	Осташков	43	34	79, 0
19.	Скопин	9	7	77,9
20.	Красноярск	12	9	75, 0
21.	Уфа	18	13	72, 2
22.	Карачев	10	7	70, 0
23.	Опочка	9	6	66, 7
24.	Ядрин	3	2	66, 6
25.	Томск	40	26	65, 0
26.	Углич	26	16	61, 6
27.	Яренск	10	6	60, 0
28.	Елатьма	37	22	59, 5
29.	Козлов	32	19	59, 4
30.	Гжатск	32	15	46, 8
31.	Царевококшайск	7	3	42, 8
32.	Самара	16	6	37, 4
33.	Дмитровск	9	3	33, 3
34.	Остров	7	2	28, 6
35.	Сапожок	19	5	26, 3
36.	Уржум	27	4	14, 8
37.	Инсар	44	–	0

* РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 446.

География городов, откуда пришли ответы на запрос Комиссии о коммерции, была, как видим, довольно обширна. В абсолютном боль-

шинстве городов среди верхушки посада[14] преобладали грамотные люди. Причем удельный вес их был особенно велик в тех городах, где существовали многочисленные и развитые посады, жители которых вели значительные торги. И напротив, в городах со слабо развитой экономикой, население которых в основном было занято землепашеством, огородничеством и работой по найму, удельный вес грамотных был невелик (Самара, Дмитровск, Остров, Сапожок, Уржум). В Инсаре старосты и «лутчие купцы», все оказавшиеся неграмотными, объявили, что только числятся в звании купеческом, «а не лишились подлого крестьянства».

Вероятно, ко второй половине XVIII в. распространение грамотности среди купцов стало более заметно по сравнению с началом столетия. Косвенным подтверждением этого, например, является часто встречающийся в источниках факт, когда за неграмотных купцов расписывались их сыновья. Это наблюдение подтверждается данными, полученными Б. Н. Мироновым с помощью методов ретроспективного прогнозирования. На основе экстраполяции материалов переписи 1897 г. он определил процент грамотности среди городского и сельского населения в возрасте 10—19 лет в 1757—1787 годах. Согласно полученным данным за этот период грамотность городского населения выросла среди мужчин с 19, 3 до 31, 3%, женщин — с 5, 1 до 14, 7%. Эти цифры в 5 раз превышали соответствующие показатели для сельского населения[15].

Расширение масштабов торговли, появление ее новых форм, увеличение объема торговых оборотов, выход России на европейские и азиатские рынки требовали от купцов специальных знаний. К тому же пробуждение общественного интереса к торговле, осознание ее значения в развитии экономики страны заставили правительство активно вмешаться в процесс овладения купечеством «торговой наукой».

Наиболее традиционной формой торгового ученичества, сложившейся в предшествующее время и являвшейся основной на протяжении всего XVIII в., была «практическая школа» торговли. Вся деятельность купцов заставляла их постигать «науку» на практике. Распространенность подобного практического обучения подтверждают многие

[14] Приведенные цифры «лутчих людей», разумеется, не абсолютно точны в силу возможного отсутствия некоторых из них по своим торговым или служебным делам в момент сбора подписей. Поскольку отсутствующие купцы скорее всего были грамотными, так как отъезжие торги вели главным образом первогильдейские купцы, уровень грамотности которых был выше, то естественные неточности наших подсчетов могут приуменьшить, но вряд ли преувеличить полученные результаты.

[15] *Миронов Б. Н.* Грамотность в России 1797—1917 годов. Получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования // ИСССР. 1985. № 4. С. 148.

источники. Купцы, которые вели постоянные торги, довольно рано начинали использовать в своих торговых промыслах подрастающих сыновей, племянников и других малолетних родственников[16].

На практике молодые купцы овладевали навыками различных форм торговли, учились выяснять конъюнктуру рынка, цену товара, условия торговли на разных рынках, умению отбирать товар при оптовых закупках, постигали механизм кредитных сделок, учились брать подряды, нанимать транспортных работников, рассчитывать издержки и прибыль и многое другое, с чем они сталкивались в процессе торговой деятельности. Знания, приобретаемые на практике, естественно, во многом зависели от характера, форм и объема торговли, осуществляемой купцом. Поэтому уровень и качество этих знаний у отдельных купцов был различен. Объективную трудность в процессе выработки и закрепления опытом ряда поколений знаний и навыков торгового дела составляла неустойчивость купеческих капиталов и фамилий. В этих условиях особое значение приобретали личные деловые качества купца, его способности, ум, энергия, сноровка.

Приобретенные в ходе «домашнего» обучения знания и навыки в области торговли купец совершенствовал в процессе собственных торгов. Причем поскольку опыта самостоятельной заграничной торговли русские купцы почти не имели, то и передаваемые следующим поколениям купцов знания касались в основном внутренней торговли. Государственного регулирования и государственных форм обучения купцов до XVIII в. в России не существовало. Не было и широко практиковавшегося в ряде стран Западной Европы, в том числе Англии, обычая обучать купеческих детей в знатных купеческих конторах, которые являлись своеобразной школой коммерции. Так, уже в начале XVII в. английской Гамбургской компании по привилегии, данной ей королевой Елизаветой, «без всяких отговорок» следовало принимать «на отцовские места» купеческих сыновей, закончивших учебу и службу в конторах и получивших о том свидетельства[17].

Западноевропейские ученики купеческих контор не имели ничего общего с категорией учеников «торгового промысла», существовавшей в России. Знакомство с жилыми записями, фиксировавшими условия поступления такого ученика к купцу[18], убеждает нас в том, что за 3—5

[16] Подробнее об основных способах, которыми молодые купцы овладевали умением и навыками торгового искусства, а также тех формах коммерческого образования, которые предлагала им государственная власть, см.: *Козлова Н. В.* Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // ИЗ. Т. 117. М., 1989.

[17] Экстракт Савариева лексикона о коммерции. СПб., 1747. С. 16.

[18] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1208. Л. 368—369, 104 об., 59 об.—60 об.; Д. 1239. Л. 343—344.

лет «обучения» ученик в лучшем случае становился квалифицированным работником, чаще всего лавочным сидельцем, а приобретенные навыки позволяли ему в дальнейшем дороже продавать свою рабочую силу. Во всех поручных записях отсутствуют какие-либо упоминания о тех знаниях и практических навыках, которые хозяину следовало передавать своему ученику и, напротив, подчеркивалась обязанность ученика, «сидя в лавке, в торгу радеть и прибыль чинить в истинно и в прибыли отчет давать в правду без утайки». Отсутствие существенных различий в обязанностях учеников и торговых работников способствовало постепенному слиянию их в один разряд. Не случайно, видимо, среди огромного количества поручных записей лавочных сидельцев и других работников торговых промыслов, составленных в Московской крепостной конторе, записи торговых учеников встречаются крайне редко и касаются исключительно лиц, поступавших к московским купцам «без найму», ради «обучения торгового промыслу» за еду и одежду. Очевидно, в Москве уже в первой половине XVIII в. категория учеников торгового промысла превратилась в разновидность работников этой сферы, составив наименее оплачиваемую ее часть.

Выход России к Балтике, то значение, которое Петр I придавал внешней торговле в развитии экономических связей страны с Западной Европой, в обогащении государства, задачи организации самостоятельной торговли русских купцов на заграничных рынках, а также отсутствие организованных форм обучения купцов торговле в России определили обращение государственной власти к заграничному обучению русских купцов коммерции. Это была первая попытка государственного регулирования данного вопроса[19].

Начиная со второго десятилетия XVIII в. единичные случаи посылки за границу купеческих сыновей по инициативе и на средства их отцов правительство стремится превратить в государственно организованную систему коммерческого образования. С этой целью Петр I в ноябре 1723 г. повелел постоянно содержать за границей 15 «торговых людей детей» и по завершении их обучения посылать новых. Вернувшимся же из-за границы «велеть здесь обучать... чего ради брать изо всех знатных городов, дабы везде сие ввелось»[20] Однако наладить заграничное обучение русских купцов коммерции так и не удалось ни в

[19] Единичные случаи посылки за границу купеческих сыновей для изучения коммерции по инициативе и на средства их отцов имели место и раньше. См.: *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом // ЧОИДР. 1874. Кн. II. С. 77; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 251; *Репин Н. Н.* Торговля России с европейскими странами на отечественных судах (конец XVII—середина 60-х годов XVIII в.) // ИЗ. Т. 112. М., 1985.
[20] ПСЗ. Т. VII. № 4348.

20-е, ни в 40-е, ни в 60-е годы XVIII в.[21] Пока речь шла о единичных примерах, хотя и с трудом, но все же удавалось найти добровольцев, принадлежащих к верхушке торгового мира Петербурга, Москвы и Архангельска и могущих взять на себя все необходимые расходы, так как у правительства всякий раз возникали непреодолимые денежные затруднения. Но когда была предпринята попытка превратить заграничное обучение купцов в постоянно действующую систему с привлечением купечества «всех знатных городов» (на практике петровский указ был разослан всем городовым магистратам), но без государственного обеспечения финансовой части задуманного предприятия, она закончилась безрезультатно. Из 43 человек, планируемых Главным магистратом для посылки за границу, в Ригу и Ревель, к маю 1725 г. удалось собрать в Петербурге 12 человек, которых после некоторой проволочки отпустили по домам из-за отсутствия необходимых средств и признания нецелесообразности заграничного обучения без предварительного освоения немецкого языка и арифметики. Тогда же Главный магистрат разослал в городовые магистраты новый указ Сената с предложением к первостатейным купцам посылать детей своих для обучения арифметике и немецкому языку в Ригу и Ревель и определением числа кандидатов, подлежащих выбору по каждому городу[22]. Новый указ, вызвавший недоумение местных магистратов, только что с большим напряжением осуществившим выборы по указу 1723 г., остался не реализованным.

Единичные попытки правительства найти купцов, желающих обучать детей за границей, имевшие место в 1740—1760-е годы, либо вовсе не встречали отклика, либо завершались отдельными эпизодами, результаты которых были крайне мизерны[23] и никак не соответствовали восторженной оценке политики абсолютизма в области «коммерческого воспитания русских купцов», содержащейся в русской историографии конца XIX—начала XX веков.

Упорство, с которым на протяжении всего XVIII в. абсолютистская власть пыталась осуществить заграничное обучение молодых купцов в иностранных купеческих конторах объяснялось широко распространенным взглядом на внешнюю торговлю как главное средство привлечения денег в страну, накопления национального богатства, обогащения государства. Из этой основной идеи вытекала задача выделения из

[21] *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 291—300.

[22] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 73. Л. 251—251 об.

[23] *Репин Н. Н.* Указ. соч. С. 150; *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 167—172.

верхушки купечества слоя «русских экспортеров», способных с успехом конкурировать с иностранцами, вести самостоятельную заграничную торговлю без их посредничества. К тому же правительству нужны были люди, хорошо разбирающиеся в ситуации внешнеторговых рынков России и могущие стать агентами его политики в этой области. Однако, несмотря на общий рост купеческих капиталов, наблюдаемый во второй половине XVIII в., самостоятельная внешняя торговля России по-прежнему была развита слабо и осуществлялась лишь небольшой частью первогильдейского купечества. В силу этого, ориентированная лишь на наиболее состоятельную часть русского купечества, данная форма коммерческого образования была чужда основной массе купцов, отнесшихся к ней пассивно, а порой и враждебно. К тому же большинству купцов было крайне трудно послать своих детей учиться за границу, как из-за недостатка свободных денежных средств, так и по причине необходимости их личного участия в торгах отцов. Правительство же не собиралось расходовать средства на нужды купеческого образования. Неустойчивость купеческих капиталов, обновление состава русских купцов, осуществлявших внешнюю торговли, а также сопротивление со стороны иностранных негоциантов проникновению их русских конкурентов в свои конторы также препятствовали превращению заграничного обучения молодых купцов в заметное явление.

Как удалось установить по архивным материалам и исторической литературе, подобные примеры для XVIII в. крайне немногочисленны. В первой четверти XVIII в. в Италии обучались гостиные дети Алексей и Лев Семенниковы, в Голландии — сыновья крупнейшего московского купца гостиной сотни Матвея Евреинова, и сын, племянник и свойственник петербургского купца, переведенного по указу из Москвы Сидора Томилина. По возвращении в Россию братья Семенниковы служили в Коммерц-коллегии: Алексей контролером Петербургской портовой таможни и инспектором пакгауза, Лев же после командировки в 1723 г. в Испанию стал асессором, а с 1740 г. — советником Коммерц-коллегии. Карьера Якова Евреинова нам уже хорошо известна[24]. В 1740-х годах в Голландии обучался представитель состоятельного архангелогородского купечества, владевшего судоверфями и осуществлявшего заграничную торговлю, Иван Баженин[25]. В 1760-х годах «для обучения языков и

[24] *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С. 395—396; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 251; *Репин Н. Н.* Указ. соч. С. 149—150; РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 171. Л. 5. Д. 570. Л. 7.

[25] *Огородников С. Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 173.

купеческого поведения» находился в Данциге сын петербургского купца Егора Волкова, а тульский купец Иван Пастухов «для опыту компании купеческой коммерции» отправил сына в Средиземное море. Тогда же правительство, не дождавшись отклика на свой призыв к купцам, послало на казенный счет в Англию двух сыновей крупных архангельских купцов Василия Свешникова и Степана Баженина[26].

Учреждение во второй половине XVIII в. в ряде западноевропейских стран коммерческих школ, предназначавшихся для сыновей богатых купцов и лиц, желающих служить в финансовом ведомстве или конторах торгово-промышленных фирм, открывало для молодых российских купцов новые возможности в познании коммерческого искусства. В организованной в 1763 г. в Австро-Венгрии первой двухлетней коммерческой школе преподавались бухгалтерия, практическая математика и геометрия. В Венском университете коммерческие дисциплины читались придворным бухгалтером. В 1770 г. в Вене была открыта торговая академия, позднее преобразованная в реальное училище. Среди учащихся первой коммерческой школы в Германии, основанной в Гамбурге в 1768 г., имелись 19 русских слушателей. В школе преподавались иностранные языки, история торговли, коммерческая география, общие начала торговой деятельности, бухгалтерия[27].

Примеров заграничного обучения купцов коммерции, вероятно, было больше, поскольку источники, как правило, зафиксировали лишь те случаи, которые были связаны с государственной инициативой, либо последовавшей государственной службой купца. Думается, что те купцы, кто вел заграничные торги, сами приобщали к ним своих сыновей, не дожидаясь указки правительства.

Методы, которыми осуществлялась попытка государственного регулирования заграничного обучения коммерции, отталкивали от приобщения к нему массы купцов. Эти методы, исходившие из основных идей абсолютизма, отводивших подданным пассивную роль исполнителей указов и требовавших подчинения интересов отдельных классов «государственной пользе», превращали заграничное коммерческое обучение в еще одну разновидность государственных повинностей. Именно так его восприняло городское тяглое население. От необходимости несения этой повинности стремились освободиться как посады в целом, так и отдельные лица, на которые падал выбор[28].

[26] *Фирсов Н. Н.* Указ. соч. С. 171–172.

[27] *Тимофеев А. Г.* История Санкт-Петербургского коммерческого училища. Т. 1 (1772–1840 гг.). СПб., 1901. С. 1.

[28] *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 291, 294–296.

Новым для XVIII в., незнакомым в предшествующее время фактором коммерческого образования, стала появившаяся в России в 40-х годах, но превратившаяся в заметное явление лишь в последней трети столетия коммерческая литература[29]. Будучи новым и непривычным для массы купцов способом теоретического самообразования, требующего вдумчивой работы с книгой, первоначально он с большим трудом проникал в купеческую среду. Первые издания сочинений о коммерции (переведенные с французского языка широко известные в Западной Европе труды Жака Савари «Лексикон о коммерции» и «Совершенный купец»), несмотря на усилия Главного магистрата и Коммерц-коллегии, раскупались крайне медленно. Объяснялось это во многом характером этих книг, ориентированных на западноевропейскую коммерцию, а потому представляющих интерес далеко не для каждого купца. Напротив, практическое назначение большинства изданий второй половины XVIII в., среди которых имелась не только переводная, но и отечественная литература, излагавшая сведения о товарах и различных типах торговли, о системе мер и весов разных государств, денежном счете, бухгалтерии, торговых книгах и принципах их ведения и многое другое, делает их более популярными в купеческой среде.

Помимо информации о торговле, большинство книг содержали многочисленные примеры решения могущих возникнуть в процессе обращения товаров задач, образцы конторских книг и записей в них в приходной и расходной частях бюджета, были прямо нацелены на обучение купцов различным приемам торгового искусства. Чтобы заинтересовать купцов, основное содержание книг, как правило, выносилось в их название, которое приобретало характер краткой аннотации.

Распространению коммерческой литературы, особенно в первые десятилетия ее издания, препятствовало слабое осознание ее полезности и необходимости, свойственное основной массе купечества. Сложность приобщения русских купцов к коммерческой литературе объяснялась в частности тем, что содержащиеся в ней способы и приемы ведения торговых дел были для купцов новыми и непривычными. Это понимала и Коммерц-коллегия. Так, признавая, что книга «Совершенный купец» «до коммерции прилична», она все же отмечала, что «к покупке оной многих охотников быть не уповательно», поскольку сия книга «к понятию российскому купечеству за необыкновением их ко объявленным в ней торговым обращениям немало трудная»[30]. Об этом

[29] В 60–90-х годах XVIII в. было издано более 20 наименований книг о коммерции (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1963–1967).

[30] РГАДА. Ф. 276. Оп. 2. Д. 65. Л. 15–16.

же говорилось в ряде книг, излагавших основы бухгалтерии и «произведение щетов купеческих». В них, например, встречаются такие замечания: «Вот, скажут иные, новой вздор — мы и без бухгалтерии торговать и барыши с изъяном различать умеем», или «Хотя и многие у нас такого мнения, якобы в ней дальней нужды нет и без того обойтись можно»[31]. Видимо, именно подобными соображениями руководствовались многие купцы, не спешившие приобретать новейшую литературу о коммерции.

Конечно, не надо представлять, что русские купцы только из литературы впервые знакомились с различными видами торговой документации и принципами их составления. Безусловно, купцы, осуществлявшие разнообразные торги, издавна вели необходимую документации. Без нее купец не смог бы правильно судить об оборотном, собственном, заемном капитале, издержках на таможенные пошлины и транспортные расходы, определить цену, рассчитать прибыль, в срок уплатить долги и собрать выданные в займы деньги. В случае же совместных операций, а также комиссионного торга расчеты еще более усложнялись. Однако характер документации, откладывавшейся в процессе торговой деятельности купца, и зависевший от форм торговли и видов отдельных сделок, отличался от принципов ведения торговых книг, которые предлагала купцам бухгалтерская наука и которые не зависели от видов отдельных операций купца. Как известно, документы личных архивов купцов за редким исключением не сохранились. И все же мы имеем возможность судить хотя бы о некоторых из них. Поскольку в России в XVIII в. всякого рода сделки подлежали регистрации в крепостных конторах, то среди их записей нередко встречаются и документы, составленные купцами в процессе их торговой деятельности. Это записи о найме приказчиков, осуществлявших руководство определенными торговыми операциями хозяина, лавочных сидельцев, лиц, сопровождавших товар в отъезжих промыслах купца, судовых работников, расписки торговых работников в получении от хозяина товара или денег на его покупку; заемные записи (товарные или денежные), фиксировавшие кредитные операции купца; записи о найме лавок, барок и прочего. До ликвидации внутренних таможен к ним можно добавить многочисленные таможенные выписи, регистрировавшие размер, ассортимент и направление торговой деятельности купца.

Подобные документы для купцов были обычны и позволяли в случае необходимости навести нужные справки. Обработка же этой

---

[31] Ключ коммерции, или торговли, то есть наука бухгалтерии, изъявляющая содержание книг и произведение щетов купеческих. СПб., 1783; Почтенный купец, или бухгалтерия... Ч. 1–3. М., 1799.

первичной документации, фиксация ее в особых конторских книгах с разделением на «дебет» и «кредит», расчет операционного года и периодических балансов требовали специальных знаний, известных далеко не всем купцам. Можно предположить, что купцы и торговавшие от них приказчики вели памятные черновые книги, где фиксировались все случаи покупки и продали товара с указанием их вида, объема, цены, транспортных и прочих издержек. Подобные записи являлись формой отчета приказчика перед хозяином за полученные от него товар и деньги. Купец же, проверяя эти записи, подводил им итог. Такой характер, например, имеет «Счетоводная книга купца Щепоткина» 1662 г.[32] Причем поскольку записи разных приказчиков отличались степенью подробности, статьи прихода и расхода учитывались вместе, отсутствовали данные о заемных и выданных в кредит деньгах и некоторые другие детали торгового и денежного оборота, то и итоговые расчеты Щепоткина имели частный характер и не отражали в полной мере объем его торговых операций. Интересно, что и спустя сто лет, судя по «Журналу» И. А. Толченова, характер деловых записей купца мало изменился. По-прежнему это был несистематизированный перечень торговых сделок купца, затрудняющий, как отмечал в предисловии к его публикации Н. И. Павленко, «возможность проникнуть в тайны купеческого ремесла: их трудно сопоставить, они не равноценны по обстоятельности, в них опущены некоторые существенные детали движения капитала»[33].

Отсутствие четких правил ведения купеческих книг обусловливало ограниченность юридической силы их записей. На протяжении всего XVIII в. купеческие книги признавались половинным доказательством записанного в них на кого-либо долга, как это было определено в Уставе Воинском[34]. В 70-х годах XVIII в. в Коммерц-коллегии были разработаны формы книг «для купцов, торгующих оптовою продажею и покупкою при портах»[35]. Но лишь в 1800 г. Устав о банкротах предписал «всем как российским, так и иностранным купцам, во внешних и внутренних торгах упражняющихся, завесть через год... и иметь впредь всегда потребные для купечества книги, ежели в случае банкротства не хотят себя подвергнуть званию банкрота неосторожного». Одновременно Устав предлагал 7 видов купеческих книг[36]. В 1807 г. в

[32] СПб. ф-л архива РАН. Ф. БАН. Кол. № 226. Д. 955.
[33] Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974. С. 15.
[34] ПСЗ. Т. V. № 3006. Процесс. Ч. 2. Гл. IV. § 5, 6.
[35] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 203.
[36] ПСЗ. Т. XXVI. № 19692. Ч. 1. Отд. XXV. § 140–146.

Петербургском городовом правлении были разработаны их образцы, которые по напечатании разослали в губернские правления для раздачи купцам в магистраты, а также во все присутственные места: уголовные и гражданские палаты, совестные суды и прочие[37]. Следовательно, отныне в глазах закона юридической силой обладали лишь те купеческие книги, которые велись по утвержденным образцам.

В последней трети XVIII в. в купеческую среду в большей мере, чем раньше, стало проникать сознание необходимости овладения специальными знаниями в области торговли. Показательно, например, мнение на этот счет архангелогородского купечества[38]. Так, в 1764 г. оно в ответе на вопрос, «в чем настоят их отягощения», предложенный Комиссией о коммерции, указало на «недостатки в знании их коммерческого искусства, а именно: арифметики и особенно дробных чисел, иностранных монет, мер и весов, бухгалтерии», «штиля» писем[39], географии, иностранных языков, российских и иностранных прав, «до купечества принадлежащих». В связи с этими нуждами архангелогородское купечество требовало учреждения за счет государства в городе их гимназии для обучения купеческих детей всей губернии, издания переводов иностранных сочинений о коммерции.

В этих требованиях архангелогородское купечество не было одиноким. В проектах неизвестных авторов начала 1760-х годов поднимался вопрос об организации школ для обучения купеческих детей арифметике, английскому, немецкому, голландскому и французскому языкам, конторскому содержания книг. Высказывалась также мысль о поощрении посылки детей купцов в чужие края для приобретения знаний в области коммерции. По мнению авторов проектов, все это должно было способствовать преемственности «купеческой» должности, стабильности капиталов и купеческих контор, достижению того, чтобы «не изсякало бы купечество, но паче распростиралось далее в будущие роды»[40]. О необходимости издания коммерческой литературы и открытия школ для купеческих детей писали в своих наказах в Уложенную комиссию купцы ряда городов[41]. Таким образом, массовое издание, начиная с 60—70-х годов XVIII в. специальной литературы о торговле не было случайным и искусственным. Оно вытекало из характера и масштабов торговли русского купечество, требовавших от него совершенствования

[37] Там же. Т. XXIX. № 22522.
[38] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 219—224.
[39] Характерно, что речь идет не о грамотности, которая, видимо, уже само собой разумеется, а об умении составлять деловые письма своим корреспондентам.
[40] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 68 об., 46 об.
[41] *Бочкарев В. Н.* Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II: По материалам законодательной комиссии 1767 г. Пг., 1915.

старых и овладения новыми знаниями и навыками. В последней трети XVIII в. приобретение этих знаний через специальную литературу стало заметным фактором коммерческого образования.

Не менее остро во второй половине XVIII в. стоял вопрос о необходимости открытия специализированного учебного заведения. Заслуга в его постановке, как уже отмечалось, принадлежала самому купечеству. В 1770 г. в Комиссии о коммерции началась разработка проекта купеческой школы в Петербурге. Но еще в 1764 г. архангелогородские купцы представили в Комиссию о коммерции проект гимназии, написанный В. В. Крестининым, в котором определены не только общие принципы, положенные в ее основу, но и программа обучения[42]. Сравнение его с планом Коммерческого Воспитательного училища, составленным И. И. Бецким и утвержденным Екатериной II, объясняет истинные причины нежелания купцов отдавать своих сыновей в открытое в Москве в 1772 г. учебное заведение.

В плане Бецкого воспитательным задачам отдавалось предпочтение перед задачами обучения. Эта идея принадлежала не одному Бецкому. Ее разделяли в правительственных кругах, близка она была и императрице. В 1770 г. Екатерина II в указе Комиссии о коммерции о подготовке проекта купеческой школы особо подчеркивала, чтобы дети купцов «с малолетства воспитываемы были... благонравию». Ей вторил М. М. Щербатов, как член Комиссии о коммерции составивший первоначальный проект школы, целью которой считал «чрез даваемое воспитание произвести в России знающих и порядочных купцов». К числу купеческих добродетелей относили соблюдение «Закона Божия», повиновение властям, «пристойную щедрость, верность в данном слове, воздержание от злобы и запальчивости»[43].

Согласно идеям Бецкого достигалось это путем создания системы строго закрытого воспитания, на много лет устраняющего влияние той среды, в которой дети родились. Так, Бецкой предписывал, чтобы в течение всего времени пребывания воспитанников в училище «не иметь им ни малейшего с другими сообщения, так что и самые близкие сродники хотя и могут видеть их в назначенные дни, но не инако как в самом училище и то в присутствии начальников. Ибо неоспоримо, что частое с людьми без разбору обхождение вне и внутри онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитания такого юношества, которое долженствует непрестанно взирать на подаваемые ему примеры и образцы добродетелей»[44]. К этому важно добавить, что по условиям

[42] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/3.
[43] Там же. Д. 451. Л. 1, 20–20 об.
[44] *Майков П. П.* И. И. Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. Приложение. С. 7–10.

приема дети находились в стенах училища с 5-летнего возраста до 21 года[45]. В результате должна была быть достигнута полная изоляция воспитанников как от их социальной среды, так и от семьи[46].

Само купечество придерживалось совершенно иных взглядов на те идеи, которые должны быть положены в основу специализированного в области коммерции учебного заведения. Так, в проекте В. Крестинина была четко выражена мысль о необходимости тесной связи гимназии с общественной жизнью города, о превращении ее в культурный центр края. Ректор гимназии, по мысли В. Крестинина, человек ученый и корреспондент Академии наук, одновременно должен быть преподавателем истории и права и городским историографом. Культурная роль гимназии подчеркивалась созданием при ней на общественные средства подготовительной школы для бедных и публичной библиотеки.

Организацию гимназии, как учреждения, преследующего задачу развития коммерции в интересах всего государства, согласно проекту, должна была взять на себя казна. Правительство придерживалось по этому вопросу иного взгляда. Екатерина II с самого начала разработки проекта купеческой школы потребовала, чтобы она содержалась не на казенном коште. Такой подход вполне соответствовал духу политики «просвещенного абсолютизма», стремившейся коль скоро речь шла не об интересах дворянского класса возложить реализацию «высочайшей заботы» на плечи самого подопечного. Последнее мотивировалось тем, что пользу от открытия училища получат купцы, которым и следует оказать ему «вспоможение»[47]. Таким образом, понимание «государственной пользы» образованной частью русского купечества и абсолютистской властью было различным. При явном нежелании дворянского государства расходовать средства на купеческое образование трудно сказать, не постигла ли идея открытия коммерческого училища та же судьба, которая постигла планы организации заграничного обучения купцов, если бы Прокофий Демидов не выделил на эти цели 205 тыс. руб. при условии открытия училища в Москве.

Существенные отличия имелись и в программе обучения. В плане И. И. Бецкого на первое место выдвигались воспитательные и общеобразовательные задачи. На протяжении всех лет обучения большое внимание следовало уделять упражнениям «истинного христианина и честнаго человека», воспитанию учтивости и благопристойности. К общеобразовательным дисциплинам относились чтение и письмо,

---

[45] План Коммерческого воспитательного училища. СПб., 1772. С. 20.

[46] На практике принцип этот выдержан не был, и детей в праздничные и воскресные дни отпускали домой.

[47] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 466. Л. 1 об.

арифметика и геометрия, физика и химия, иностранные языки, история и география, математика и механика. В программу входило также преподавание вокальной и инструментальной музыки, рисования, танцев и «прочаго по склонностям». Специальные дисциплины включали мореплавание, естественную историю, двойную бухгалтерию, историческую географию, коммерческое право. На практике коммерческие дисциплины в процессе обучения заняли еще более скромное место, чем то, какое им было отведено в программе. Из общеобразовательных предметов первые годы преподавали лишь русский язык и арифметику. Учитель истории и географии появился в училище только в 1779 г., коммерческой географии, бухгалтерии и коммерческой корреспонденции — в 1783 г., английского языка — в 1784 г.[48] Только с переводом Коммерческого училища в Петербург в 1799 г. его План подвергся значительным изменениям (сокращено число учащихся со 100 до 50—60 человек и соответственно увеличена сумма, идущая на их содержание, набор производился с 10-летнего возраста; в программе обучения усилены коммерческие дисциплины)[49].

В отличие от правительственного взгляда на задачи купеческого обучения, само купечество выступало за решение в первую очередь практических задач профессионального образования. Программа гимназического курса, предложенная В. Крестининым, полностью соответствовала нуждам коммерции, сформулированным местным купечеством в своем донесении в Комиссию о коммерции, а именно: правописание и исправное сочинение писем, арифметика, бухгалтерия простая и итальянская, география политическая и коммерческая, иностранные языки (немецкий, голландский, французский), навигация. Воспитание же «доброго купца и доброго гражданина» мыслилось с помощью изучения древней и новой политической истории, а также российских законов, русских и иноземных торговых уставов и судебных обрядов. И, наконец, как отмечал еще А. А. Кизеветтер, принципу официальной опеки и регламентации в области образования проект противопоставил принцип самого широкого доверия к педагогическому персоналу[50].

Таким образом, открытое в Москве Коммерческое училище воплотило в себе взгляд дворянского государства на задачи и содержание коммерческого образования, который существенно отличался от запросов, выдвигавшихся русским купечеством. Данное обстоятельство, определившее слабую популярность этого учебного заведения в купечес-

[48] Исторические известия о Демидовском коммерческом училище... СПб., 1888. С. 16—17.
[49] ПСЗ. Т. XXV. № 18960.
[50] *Кизеветтер А. А.* Школьные вопросы нашего времени в документах прошлого века // Образование. СПб., 1899. Февраль. С. 118.

кой среде, не позволило ему, по крайней мере до конца XVIII в., стать важным звеном в создании системы коммерческого образования в России. Показательным в этом смысле был состав учащихся Коммерческого училища. Среди его воспитанников преобладали дети разночинцев, в то время как сыновья купцов составляли, как правило, не более трети числа учащихся каждого приема в количестве 20—24 человек.

В свете представленного материала в той пассивности, с которой купцы относились к различным «просветительским» мероприятиям правительства XVIII в., следует видеть не проявление косности и неповоротливости городского купечества, имевшего, во всяком случае, в развитых торгово-промышленных центрах, вполне определенный взгляд на задачи и формы своего обучения, а несовпадение этого взгляда с идеями, господствующими в правительственных кругах.

§ 2. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ САМОСОЗНАНИЯ КУПЕЧЕСТВА

Для характеристики сознания общественных групп, слоев, классов, сословий важен анализ личностного образца, то есть образа личности, который считается достойным подражания, принят в данном социальном слое в качестве идеала. В общественном сознании добуржуазной эпохи господствовал аристократический личностный образец, в Новое время, с развитием капитализма происходило утверждение буржуазного личностного образца. В отдельных своих элементах он возникает задолго до утверждения капитализма и становится социально-нравственным фактором формирования личности буржуазной эпохи, направления ее поведения и образа жизни. Отсюда вытекает то значение, которое имеет исследование личностного образца купца периода генезиса капитализма.

Впервые развернутая характеристика двух личностных образцов — рыцарского и мещанского — была представлена в работах видной польской исследовательницы в области теории и истории этики М. Оссовской[51]. На литературном материале английских, французских, немецких и американских авторов XVII—XIX вв. М. Оссовская показала, что при всех исторических и национальных модификациях буржуазный образец личности противоположен аристократическому идеалу и находится с ним в резкой конфронтации. Его формирование происходит на основе отрицания аристократических ценностей: вместо нарочитой праздности и презрения к труду провозглашается трудо-

[51] *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.

любие, расточительность сменяется расчетливостью и бережливостью; вместо чести и достоинства личности, определяемых благородным происхождением, утверждается богатство и эффективность действий человека как главные мерила добродетели. По мере же утверждения в общественном сознании буржуазных идеалов и ценностей отрицание и конфронтация сменялись заимствованием и компромиссом.

В своей работе М. Оссовская подробно рассмотрела характерные черты «образцового купца», примеры которого представлены в западноевропейской литературе XVII—XIX вв., начиная от «Совершенного негоцианта» Ж. Савари и «Совершенного английского купца» Д. Дефо и кончая «Происхождением христианства» К. Каутского. Содержащийся в них буржуазный личностный образец соответствовал разной стадии развития буржуазии, зрелости ее идеологии.

Как уже отмечалось, в конце 40-х годов XVIII в. в России усилиями Коммерц-коллегии были переведены на русский язык и изданы два сочинения Ж. Савари о коммерции: «Лексикон о коммерции» и «Совершенный купец». Думается, что перевод слова «негоциант» словом «купец» в данном случае был вполне уместен из-за довольно точного совпадения в это время данных терминов. Если в Западной Европе купец — это прежде всего, если не исключительно, торговец, а профессия негоцианта охватывала значительно более широкую сферу деятельности, то в России купец мог заниматься не только торговлей, но и быть промышленником, владельцем собственных судов, посредником-маклером, браковщиком, кредитором[52].

Труд Савари появился во Франции в 1675 г., в период господства феодальных отношений, когда до победы буржуазии оставалось целое столетие. Запечетленный в нем образец купца соответствовал ранней стадии формирования буржуазии, как раз той, на которой этот процесс находился в России к моменту издания «Совершенного купца». Это побуждает пристально вглядеться в черты «совершенного купца», представленные в книге Савари, и соотнести их с аналогичным образцом, появившемся в России в середине XVIII в., когда шел интенсивный процесс консолидации посадской верхушки и формирования купеческого сословия.

В отличие от книг, написанных в период господства буржуазии, Савари не распространял черты образцового купца на образец человека вообще, ограничиваясь сферой социальной деятельности купцов. К числу качеств, необходимых купцу для успешного ведения его дела, по

---

[52] М. Оссовская применительно к Польше считала неправильным перевод слова «негоциант» словом «купец» из-за происходившего в этом случае сужения объема данного термина (см.: *Оссовская М.* Указ. соч. С. 313).

мнению Савари, относились следующие: профессиональные знания и большой опыт, порядок в ведении торговых книг, предусмотрительность и осторожность, размеренность и бережливость, тщательный учет своих должников, завоевание репутации обязательного человека, верность в данном слове. Все эти добродетельные качества способствуют приобретению богатства, которое, в свою очередь, является условием добродетельности. Савари также дает советы по выбору жены, воспитанию и обучению детей. Жену следует выбирать, исходя из интересов дела. Они же должны составлять основу воспитания и образования детей. Обучать их необходимо лишь полезным для занятий купца сведениям: современным языкам, арифметике, истории, географии. Иные знания, по мнению Савари, не только излишни, но и вредны. По этой причине, а также в силу возможного восприятия от дворянских сыновей презрительного отношения к занятию торговлей нежелательно обучение купеческих детей в средних школах (колледжах).

В литературе о коммерции, издаваемой в России с середины XVIII в., также появились характеристики так называемого «совершенного купца», которые в основных своих чертах были близки друг другу, а также образу, начертанному в сочинении Савари. В России именно в XVIII в. в представлениях современников стал формироваться тип торговца, соответствовавший потребностям культуры Нового времени. Показателен тот круг знаний и качеств, которые были необходимы для «совершенного купца». К числу «главных наук» относились следующие: знание товаров, искусство торговли и навык купеческой бухгалтерии. Каждому купцу, по мнению авторов этих книг, также были необходимы знания арифметики, каллиграфии, нумизматики, мер и весов, коммерческой географии, торгового права, коммерческого языка, клеймения товаров, купеческой тайнописи, европейских языков. Кроме знаний, имевших практическое применение, обращалось внимание и на «полезные вспомогательные науки», как то: коммерческая политика, история коммерции, геральдика («для познания иностранных монет»), естественная истории, «визирное и рисовальное искусство». Для распространения «купеческих наук» купцам рекомендовались «частое разсуждение» о купеческих делах, путешествия в чужие края, чтение газет и «ведомостей публичных»[53].

Новый тип «совершенного купца» пропагандировался в новейшей литературе о коммерции вопреки имевшим давние традиции взглядам

---

[53] Переписка между двумя приятеля о коммерции // Ежемесячные сочинения. 1755. Февраль. С. 505–513; Руководство к коммерческой науке в пользу высших классов гимназий, состоящих в округе императорского Московского университета. М., 1804. С. 3–5.

на ненужность значительного как общего, так и специального образования, по-прежнему бытовавшему в купеческой среде. Не случайно многие авторы, помимо изложения конкретных сведений по тем или иным вопросам торгового искусства, специально останавливались на разъяснении причин необходимости приобретения купцами специальных знаний. «Прямый и порядочный купец, — писал известный архангелогородский купец А. Фомин, — должен быть в своем промысле совершенно обучен, сведущ и искусен... Богатства, приобретаемыя торгом, не одним слепым щастием получаются, но извлечены бывают большею частию из источников разума, осмотрительностию и навыком... Разум управляет светом, а не фортуна»[54]. Большинство книг, излагавших основы бухгалтерской науки, были полемически направлены против таких купцов, «которые и понятия о ней, кроме как по слуху, не имеют, а отправляют коммерцию как внутреннюю, так и заграничную чрез прикащиков и корреспондентов без основания»[55].

На профессиональный облик «совершенного купца», отраженный в коммерческой литературе, непосредственное влияние оказал личностный образец западноевропейского купца, оформившийся несколькими десятилетиями ранее. Большинство изданных в России работ, посвященных вопросам коммерции, представляли собой перевод французских, немецких, реже английских сочинений, либо компиляции из разных иностранных книг. Правда, в соответствии с характером переводной литературы XVIII в. первоначальный текст мог подвергаться значительным изменениям и вольным комментариям и доработкам. В итоге, на наш взгляд, переводное сочинение отражало не только идеи и мысли его автора, но и переводчика и издателя. Имеются свидетельства того, что появившийся в коммерческой литературе тип «совершенного купца», несмотря на наличие пока немногих купцов, по своему профессиональному облику приближавшихся к идеальному обазцу, не был так уж чужд массе купечества. В последней трети XVIII в. в купеческую среду в большей мере, чем раньше, стало проникать сознание необходимости овладения специальными знаниями в области торговли. Принцип «Что жить, то больше учиться в коммерции должно» становится девизом многих купцов.

Образ «совершенного купца», каким он определился в XVIII в., очерчивался не только профессиональными знаниями и навыками. Обращалось внимание и на формирование у купцов таких черт харак-

[54] *Фомин А.* Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках // Новые ежемесячные сочинения. Ч. XXIV. 1788. С. 6–25.

[55] Ключ коммерции, или торговли, то есть наука бухгалтерии...

тера и личности, которые будучи соединены со специальным образованием являлись необходимым условием успеха и процветания. Особенно подробно на этот счет высказывался уже упоминаемый нами архангелогородский купец А. Фомин. «При всех сих сведениях, —писал он, — следует ему (купцу — *Н. К.*) быть трудолюбиву, ласкову, обходительну, учтиву, честну, скромну, . . умеющу говорить красно и порядочно и словом вкрадывающемуся, так сказать, в людей. Надобно, чтоб бодрость и предприимчивость были ево удел; осторожность и быстрота мыслей — ево щастие, а довольная опытность и осмотрительность — его подпора. Весьма противоестественно купцу быть лениву или тратить время в излишних забавах... Но при том всем купец за самое главное правило почитать должен честность и непоколебимое держание своего слова»[56].

Как известно, до наших дней дошли лишь единичные воспоминания и мемуары купцов XVIII в. К ним примыкает также «Сказание о московском 1-й гильдии купце Семене Прокофьевиче Васильеве», составленное в конце столетия со слов золотых дел мастера Т. С. Добрякова священником И. А. Благовещенским. Написанное в назидательных целях, сказание описывает жизненный путь от ученика в лавке до самостоятельной крупной торговли, в том числе иностранной, московского купца С. П. Васильева (1709—1796 гг.). Достижению огромного состояния, позволившему ему осуществлять большие пожертвования в пользу храмов и монастырей, по мнению автора, способствовали такие личные качества С. П. Васильева, как честность, верность, деятельность и благоразумие. Упоминались также учтивость в общении и простота в быту, побуждавшие доверие у его торговых партнеров. И хотя из сказания вырисовываются и другие источники благосостояния купца (покровительство некоего «лейб-компанца», женитьба на родственнице бывшего хозяина, московского купца С. Д. Ситникова, инициативность и незаурядные деловые качества), основная его идея сводится к утверждению божественного благословления и награждения честности, праведности и трудолюбия. Религиозность и благочестие купца также являлись непременными условиями успеха[57].

О признании набожности в качестве необходимого свойства «совершенного купца» свидетельствуют не только дошедшие до нас записки, но и сам уклад семейной и общественной жизни русского купца XVIII в. Непременной принадлежностью и главным украшением

---

[56] *Фомин А.* Указ. соч. С. 18.

[57] *Добряков Т. С.* Сказание о московском 1-й гильдии купце Семене Прокофьевиче Васильеве. (Сообщено священником И. А. Благовещенским) // Душеполезное чтение. М., 1860. № 8. С. 473—480.

комнат любого купеческого дома, несмотря на появившиеся западноевропейские новинки домашнего быта (картины, зеркала, часы и пр.), по-прежнему оставался «красный угол», уставленный многочисленными иконами, нередко составлявшими настоящий «иконостас»[58]. С икон же начинался перечень имущества, передаваемого по сговорной записи или духовному завещанию. В общественной жизни поведение купцов, особенно состоятельных, характеризовалось, во-первых, стремлением быть выбранными в церковные старосты, а, во-вторых, широкой благотворительностью «во имя Бога».

В нашу задачу не входит выяснение соответствия наружного благочестия истинной набожности купцов. Современники, особенно иностранные, единодушно отмечали преобладание внешней, обрядовой стороны русской религиозной жизни. Современные исследователи объясняют это особенностями массового религиозного сознания вообще, а не только спецификой русской жизни[59]. Купцы в этом смысле не составляли исключения. И все же одним из мерил достоинства человека в купеческой среде по-прежнему служило его религиозное поведение. Вера в Бога сочеталась с коммерческим подходом к «добрым делам», за которые ожидалась награда в виде божественного покровительства достижению материального благополучия. Эта черта религиозности была характерна и для среды деловых людей западноевропейского средневекового общества[60].

Другая, как нам кажется, характерная черта русского образа «совершенного купца» XVIII в. состояла в признании в качестве непременного результата его деятельности не только личного обогащения, но и общественной пользы. Только такой купец достоин «в своем промысле имени патриота», который с помощью собственного дарования, знаний и искусства, составлявших его собственный «прибыток», производит и «ожидаемую от него общую пользу», — писал А. Фомин[61]. Как свидетельствовал в начале 1760-х годов ладожский купец Иван Кабацкий, отец его, прилагая усилия к обучению сына коммерции, в том числе и за границей, стремился, чтоб он «не единственно для себя, но отечеству мог быть со временем способным». Отсюда делался и общий вывод о том, что обучать детей своих купцы должны «не токмо

[58] РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1342. Л. 1; *Бакланова Н. А.* О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в. С. 646.

[59] *Шульгин В. С.* Религия и церковь // Очерки русской культуры XVII века. Часть вторая. М., 1979. С. 288–290.

[60] *Гуревич А. Я.* Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. 1990. М., 1990. С. 117–119, 129.

[61] *Фомин А.* Указ. соч. С. 5.

единственно для себя, но и общая состоит в том надобность... отчего впредь произойти может и государственная польза»[62].

В XVIII в. идея общественного служения, вошедшая в сознание купечества, проявлялась в их живой реакции на наиболее острые вопросы развития российской коммерции и промышленности. Свое понимание социально-экономических проблем, возникавших в обществе, и пути их разрешения купцы излагали в записках, «прожектах» и предложениях, адресуемых в государственные учреждения. При этом многие купцы воспользовались предоставленным им правом не подписывать свои обращения. Анонимность проектов сами авторы нередко обосновывали стремлением бескорыстного служения общественной пользе. «К сему не тщеславие нас побудет, — заканчивали свой план «банкрутского устава» два неизвестных купца, — но истинная ревность к ползе общества, которая причиною всего нашего предприятия». Другой автор в записке на имя главы Комиссии о коммерции И. Г. Чернышева пояснял, что взялся за перо он «по присяжной должности и по чистой христианской совести, не имея в том ниже какого пристрастия»[63]. О позиции купечества в понимании своего долга красноречиво говорит встречающееся в виде подписи слово «патриот».

В записке «О российской торговле», адресованной в 1798 г. президенту Коммерц-коллегии, автор признавал в качестве истинного купечества только такого, которое, «обогащаясь, богатило государство». В противном случае являлись лишь «барышники», которые хотя часто обогащаются, но «государственной пользы от их обогащения не происходит»[64].

Спустя сто лет близкие по характеру идеи общественного служения купечества развивал неизвестный русский купец, издавший под своей редакцией любопытную книгу, включившую в себя как биографические очерки замечательных купцов, так и картины купеческого семейного и общественного быта[65]. В ней он, в частности, писал: «Общество ожидает образованных купцов, а не верхов, часто никуда не ведущих к делу... Владеющие... необходимыми для дела языками, знакомые с главными основаниями счетоводства, усидчивые, терпеливые, настойчивые, деятельные... молодые люди должны быть проникнуты идеей честности, строгим исполнением своих обязанностей, уступчивостью по необходимости и настойчивостью там, где нужно...; купцу,

---

[62] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 25. Л. 16—17.

[63] Там же. Д. 8. Л. 27—28 об., 50—57 об.

[64] *Арсеньев А.* О российской торговле // Духовный журнал. 1816. № 24. С. 215.

[65] Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 1—3. М., 1865—1867.

кроме того, чтобы заботиться о своих собственных выгодах, надо быть и гражданином и человеком; что в его руках лежит судьба многих, что на него со временем лягут многия служебные обязанности, на которые он должен смотреть не как человек посторонний, а как исполнитель и как доверенный общества»[66].

Осознание купечеством возрастания общественной значимости его деятельности пробуждало у купцов чувство собственного достоинства, вызывало стремление быть «в почтении, а не в пренебрежении», что рассматривалось как «государству честь, а не безглавие». Однако в условиях укрепления сословного строя, дальнейшего развития прав и привилегий дворянства это общественное настроение купечества выражалось не в идее ликвидации сословных ограничений и создания «равенства шансов для буржуазных конкурентов», претворение которой вытекало из потребностей начавшегося генезиса капитализма, а в борьбе купцов за собственные права и привилегии, которые обеспечивали бы упрочение их экономического, социального и сословного положения. На наш взгляд, выступить за претворение потребностей буржуазного развития купечество не могло не в силу своей субъективной, так сказать изначальной, консервативности, а из-за реальных объективных условий своего существования, выдвигавших на первый план борьбу за осуществление общесословных интересов.

Конкретные устремления купцов питались неколебимым представлением о правомерности сословных различий в обществе, определяющих ценность человеческой личности и уважение к ней. Стремясь к обособлению от других тяглых сословий в интересах возвышения собственного сословного статуса, купцы не признавали право за любым человеком, независимо от его сословной принадлежности, на достоинство и уважение, что было немыслимо в условиях сохранения крепостнических порядков.

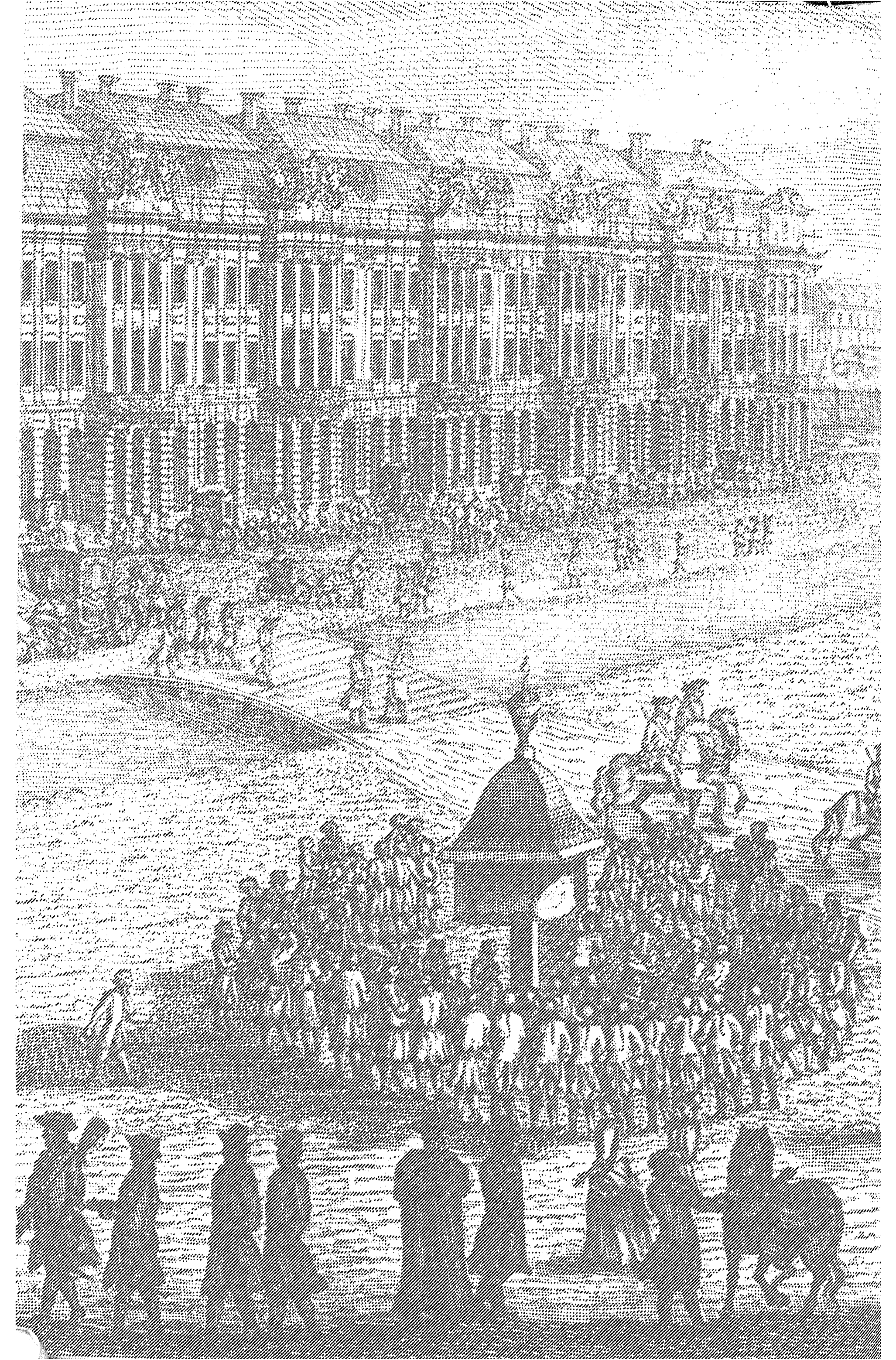
Таким образом, идея общественного служения, свойственная личностному образцу русского купца XVIII в., сочеталась с идеей сохранения и упрочения сословных различий, в рамках которых уже мыслилось достижение престижа и уважения. Отсюда проистекало стремление к получению чинов, приобретению внешних отличий достигнутого положения. Все это свидетельствует о том, что образ «совершенного купца», каким он явился в России в XVIII в., причудливо сочетал в себе черты буржуазного, мещанского личностного образца, для которого богатство и польза являлись главными показателями достоинства человека, с чертами, воспринятыми у дворянского, аристо-

[66] Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 1. С. 21.

кратического образца. Носителем последнего мог быть только человек благородного происхождения. Не обладая этим «достоинством», но стремясь к утверждению в общественном сознании признания права купцов на уважение и почтение, купечество стремилось если и не приблизиться по своему положению к «благородному сословию», то во всяком случае через получаемые привилегии отгородиться от тяглых, а потому «подлых» сословий. В итоге можно говорить лишь о частичном отделении присущего личностному образцу понятия благородства от благородного происхождения. На наш взгляд, в России в XVIII в. буржуазный личностный образец находился на самой ранней стадии формирования. Причем это формирование происходило не в форме решительного отрицания и конфронтации с господствующим аристократическим личностным образцом, как это имело место в Западной Европе, а путем плавного перехода посредством заимствования и компромисса, то есть таких форм, которые, как считают исследователи истории этики западноевропейского общества, имели место уже после утверждения в общественном сознании новой буржуазной морали[67]. В этом состояло существенное отличие формирования буржуазного личностного образца в России от условий его становления в Западной Европе.

[67] *Гусейнова А. А., Шварцман К. А.* Исторические образы морали // Оссовская М. Указ. соч. С. 18–19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проводниками экономической политики абсолютизма в XVIII в. являлись различные государственные учреждения. Особая роль среди них принадлежала Коммерц-коллегии, которая при всех структурных перестройках государственного управления, слиянии и даже ликвидации некоторых из экономических ведомств неизменно продолжала свою деятельность. Это определялось как сосредоточенностью деятельности Коммерц-коллегии на вопросах внешней торговли, так и местом последней в экономических расчетах и политике правительства, на протяжении всего рассматриваемого времени пронизанной идеями меркантилизма. Развитая внешняя торговля с активным торговым балансом согласно этим идеям рассматривалась в качестве главного средства денежных накоплений, а следовательно, и государственного благосостояния. Одним из орудий осуществления этой цели стала Коммерц-коллегия. На протяжении всего рассматриваемого периода, независимо от отношения нового монарха к своему предшественнику и официально провозглашаемых оценок его царствования, несмотря на всевозможные изменения в структуре центрального управления, внешнеторговая ориентация экономического курса политики правительства оставалась неизменной.

Если практические вопросы организации внешней торговли решались в Коммерц-коллегии, то конкретные мероприятия экономической политики разрабатывались в комиссиях о коммерции. Определение же основного курса этой политики оставалось прерогативой высших органов власти и управления. Вхождение в первую Комиссию о коммерции таких лиц, как А. И. Остерман и А. М. Черкасский, — главных фигур в Кабинете министров Анны Иоанновны — способствовало особой эффективности работы комиссии.

Непосредственное участие высших органов управления в определении торговой и социальной (по отношению к купечеству) политики проявлялось, во-первых, в санкции на разработку того или иного вопроса и привлечении к ней конкретных учреждений и лиц, во-вторых,

в рассмотрении поступавших к ним из центральных инстанций проектов подготовленных решений, вынесении собственных суждений, которые могли выливаться в пространные мнения и предложения, и, наконец, в «апробации», то есть утверждении окончательного решения. Последнее в виде указа из соответствующего органа власти или за подписью монарха публиковалось «во всенародное известие». Судьба целого ряда законопроектов, разработанных в Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции с санкции и по поручению Сената и даже им одобренных, но не утвержденных стоявшими над ним учреждениями, свидетельствует об остроте социальных противоречий и столкновений различных интересов в этой сфере политики.

Очень заметна преобразовательная активность правительства в области торговли, выражавшаяся в потоке указов, направленных на решение конкретных практических вопросов торговой политики. Большинство из них носило организующий и регулирующий характер, причем нередкое повторение одних и тех же указов свидетельствовало об их малой эффективности. Стремление государственной власти к извлечению максимальной финансовой выгоды от торговой сферы при объективной сложности решения этой задачи в условиях реального состояния экономики, обеспечивающей минимальный совокупный прибавочный продукт, делало торговлю одной из самых тяжелых сфер политики. Это заставляло правительство издавать очередные указы. По свидетельству И. Г. Фоккеродта, сам Петр I не раз «жаловался, что из всех правительственных дел нет ничего для него труднее торговаго дела»[1].

Для второй половины 20—60-х годов XVIII в. поражает не только обилие реальных свидетельств законотворчества государственной власти, но и количество подготовленных, но так и не утвержденных законопроектов, большинство которых было связано с попытками выйти за рамки практического законодательства и разработать общие правовые основы для решения того или иного вопроса. В их числе «привилегия» Петербургу 1732 г., инструкция Коммерц-коллегии 1754 г., Банкротский устав в разных редакциях, проекты, подготовленные Уложенными комиссиями. Все это были попытки выработки законодательства, не только опирающегося на уже существующее право, но и направленного на закрепление социальных перемен.

Широко осуществляемая в петровское время реформа права, охватившая все его области, в последующие десятилетия проявлялась крайне редко. В это время, вплоть до 70—80-х годов, законодательство ориентировалось на обобщение прецедентов (указов, челобитных,

[1] *Фоккеродт И Г.* Россия при Петре Великом // ЧОИДР. 1874. Кн. II. С. 73.

практики государственных учреждений), переосмысление иностранных образцов, то есть по своему характеру было ближе к допетровской эпохе. Таким образом, в законодательной практике XVIII в. присутствовало различное по своему характеру право[2]. Вот почему едва ли можно применять всегда термин «модернизация», под которой в новейшей литературе[3] понимается преобразование традиционного права на основе западноевропейских образцов. В отношении же петровского времени, в частности созданной тогда новой структуры управления, на наш взгляд, уместнее говорить не о заимствовании шведских или каких бы то ни было других образцов государственной системы, а о внедрении рациональных принципов устройства и функционирования государственного аппарата, свойственных учению камерализма, распространенного в Европе в XVI—XVII вв. Утверждение абсолютизма в России, как и в других странах, сопровождалось перестройкой ее государственной системы на началах бюрократического управления, характерных для абсолютизма как общеевропейского явления.

Рассмотрение механизма разработки, принятия и осуществления ряда законодательных решений в области торговли и социального положения купечества позволяет сделать некоторые наблюдения по вопросу о пределах самостоятельности воли монарха в рассматриваемое время. Утверждение о том, что «ничем и никем не ограниченная воля монарха служила единственным источником права», по меньшей мере являет собой упрощенный взгляд на характер абсолютистской власти в России. Отсутствие в государственной структуре учреждений, формально ограничивавших законодательные или какие бы то ни было функции монаршей власти, не является доказательством ее полной самостоятельности и независимости от господствующих в обществе социально-экономических отношений. Более того, слабое развитие или полное отсутствие буржуазных отношений и реально оформленных социальных сил, являвшихся носителями этих отношений, на этапе формирования абсолютизма, как нам представляется, приводило не «к громадной относительной самостоятельности государства в России»[4], а обусловливало значительно большую, чем в Западной Европе, зависимость монархической власти от интересов и устремлений дворянства. Причем, если издание конкретных законов (например указов 1714 и 1722 гг. об освобождении купцов от ряда казенных служб или указа 1714 г. о единонаследии),

[2] О характерных чертах права на разных этапах его развития см.: *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права. Юрьев, 1912. С. 549.

[3] *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.

[4] *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма... С. 25.

может рассматриваться как проявление относительной самостоятельности государственной власти по отношению к господствующему классу, то результаты их практической реализации свидетельствуют об узости реальных рамок этой самостоятельности.

Проведенное исследование выявило наличие у формирующейся в качестве особого сословия верхушки городского купечества самостоятельных интересов и запросов, противоречивших устремлениям и позиции дворянства. В этих условиях государственная власть, имевшая собственные экономические и финансовые потребности, помимо ориентации на свою основную социальную опору — землевладельческий класс, — осуществляла активные действия по выявлению, получению и рассмотрению предложений и нужд купцов: она поощряла их обращение в государственные учреждения со своими предложениями и записками, привлекала крупных купцов в качестве консультантов по важнейшим экономическим вопросам, для разработки и обсуждений законоположений в области торгово-промышленной политики. Практиковалось и непосредственное использование купцов как специалистов на службе в учреждениях, ведавших управлением промышленностью и торговлей.

Однако только некоторые из купцов со временем включались в состав административного чиновничества. Обязательным условием для этого было получение патента на чин, сопряженный с дворянским достоинством. Можно сказать, что происходил персональный отбор купцов-чиновников, имевших многолетний опыт государственной службы. Большинство же купцов за время своей службы в государственных учреждениях, независимо от ее места и продолжительности, не получало ни рангов, ни жалованья, оставаясь по-прежнему в тягле. На сочетании в своем составе правительственных чиновников и купцов базировалась в 1750—начале 1760-х годов работа Комиссии о пошлинах, Уложенной комиссии и Комиссии о коммерции. Все эти комиссии имели ограниченные сроки существования, и служба в них представителей торгово-промышленных кругов, как и чиновников различных государственных учреждений, строилась на основе временных служилых поручений, растягивавшихся порой на годы. После роспуска комиссий их чиновный состав возвращался к прежнему месту службы, а купцы — к своим торгово-промышленным занятиям.

Помимо совещательных, каковыми по своему характеру являлись комиссии, купеческие представители входили в постоянный состав некоторых административных органов центрального управления. Вплоть до начала 1760-х годов из них нередко полностью состояла администрация Главного магистрата, верховное же его управление и

прокурорский надзор неизменно оставались в руках представителей дворянства. Хотя формально Главный магистрат в своих правах был уравнен с прочими коллегиями, однако купцы, входившие в его состав, не получали, подобно другим коллежским служителям, соответствующих их должности рангов и дворянских привилегий. В итоге статус административных служителей Главного магистрата, комплектовавшихся из числа купцов, но не включенных в состав чиновничества, существенно отличался от положения чиновников административного аппарата других коллегий. Это обусловливалось политикой правительства по сосредоточению административной власти в руках чиновного дворянства, формирование которого происходило под контролем верховной власти. Допуская купцов в состав одной из центральных коллегий, ведавшей специфической областью государственного управления, абсолютистская власть исключала их из числа постоянных кадров бюрократии.

Особенность положения магистратских членов свидетельствует о том, что Табель о рангах при определении новой социальной структуры служилой части общества не имела всеобщий характер. По-прежнему социальный статус служилого человека определялся не только его должностным положением, но и сословной принадлежностью.

В начале 1760-х годов статус административных служителей Главного магистрата был уравнен с другими коллегиями на основе впервые законодательно утвержденного штата. В условиях сословного строя это сопровождалось усилением позиций дворянства в составе администрации Главного магистрата, что означало вытеснение купечества из центрального звена городского управления. Одновременно последовало включение представителей отдельных купеческих фамилий, прошедших многолетнюю службу на государственном поприще, в состав «благородного сословия». Воссозданная в 1763 г. Комиссия о коммерции отныне также существовала исключительно на чиновничьей основе. Освобождение совещательных и административных органов центрального управления от представительного элемента, осуществляемое с начала 60-х годов XVIII в., свидетельствовало о дальнейшем развитии чиновничье-бюрократической системы абсолютизма.

На протяжении XVIII в. происходило формирование сословия гильдейского купечества, впитавшего в себя не только верхушку посадского населения, но и наиболее состоятельную часть торгового крестьянства. Условия и особенности процесса складывания купеческого сословия, сопровождавшегося длительной и напряженной борьбой за собственные права и привилегии, оказали существенное влияние на социально-политический облик российского купечества, многие

черты которого, сформировавшись и отчетливо выявившись именно в XVIII в., сохранялись и в иных условиях XIX столетия.

В своих записках и «прожектах» купцы предлагали широкий спектр экономических мер, направленных на развитие внешней и внутренней торговли и поддержание купечества. На протяжении столетия конкретный перечень мер менялся при постоянном сохранении некоторых из них. Ведущим стремлением купцов в это время было достижение и укрепление торговой монополии, которое нередко определяло их позицию по различным экономическим вопросам. Однако установление торговой монополии являлось для них не самоцелью, а было лишь средством наращивания купеческого капитала. Оно диктовалось объективно обусловленной мизерностью торговой прибыли и экономической слабостью городского тяглого населения, испытывавшего податное и служебное давление государства, а потому нуждавшегося в защите от конкуренции со стороны других сословий через обеспечиваемые государственной властью торгово-промысловые привилегии.

В условиях усиления податных тягот и дальнейшего расширения привилегий дворянства происходили выступления купечества за собственные сословные права и привилегии в экономической сфере. Стремление к обособлению от других тяглых сословий являлось важным средством его сословной консолидации, было естественным и, возможно, единственным условием борьбы за укрепление своей экономической силы, обретение которой было необходимо для завоевания в дальнейшем нового социального и политического статуса. Сохранение же и отстаивание принципа сословных привилегий на протяжении всего XVIII в. свидетельствовало о медленном росте экономической силы купечества в рамках реальных условий его существования.

Правительство, сочувствуя стремлению помещиков к эксплуатации неземледельческого труда крепостных, не могло не считаться также с сословными претензиями консолидирующегося купечества, с экономической деятельностью которого все больше связывались и собственные финансовые расчеты казны. Ограниченные податные возможности тяглого населения и все сужающиеся резервы крепостного земледельческого хозяйства заставляли правительство все больше внимания обращать на сферу торгового предпринимательства.

Политика правительства в отношении городского тяглого населения была порой непоследовательна и противоречива. Однако интересы и запросы городских тяглецов, а также упорство, с которым эти интересы отстаивались, являлись важным фактором государственной политики и развития абсолютизма в XVIII в.

Важным мотивом политики государственной власти был фискальный подход к оценке нужд и запросов посадского населения в целом и его купеческой верхушки в частности. При разработке той или иной экономический меры, выдвигаемой купечеством, правительство осуществляло ее тщательный финансовый расчет, от итогов которого зависела судьба предлагаемой меры. Причем, чем крупнее была реформа, чем в большей степени она затрагивала сиюминутные интересы казны, тем большие гарантии требовались правительству для принятия положительного решения. Перспективная экономическая целесообразность и социальные потребности купцов отходили на задний план. Эти принципы государственной политики прекрасно понимали купцы. Не случайно для обоснования своих предложений они стремились доказать правительству непосредственную фискальную пользу от предлагаемых ими мер.

В еще большей степени финансовые расчеты казны влияли на отношение правительства к вопросам, затрагивавшим социальное положение купечества. Записки и предложения купцов свидетельствовали о том, что тяглое состояние купечества, размер и принципы исчисления подушного оклада, казенные службы и постойная повинность, реальные условия их отбывания превратились в тормоз экономической деятельности городского купечества. Уже во второй четверти XVIII в. перед правительством со всей очевидностью встал вопрос о необходимости пересмотра традиционного взгляда на посадское население (или во всяком случае на его купеческую верхушку) как на источник удовлетворения сугубо податных и служебных потребностей государства, поиска новых принципов во взаимоотношениях с городами и городским тяглым населением. Реальные шаги по частичному пересмотру фискально-бюрократического характера городской политики государственной власти были предприняты в начале 1730-х годов и связаны с разработкой Комиссией о коммерции проекта «привилегии» для Петербурга. В ней воплотились запросы российских купцов в отношении функционирования городских учреждений, повинностей и условий хозяйственной деятельности городского тяглого населения. Разработанный проект реформы свидетельствовал о том, что в правительственные круги все больше проникало осознание экономических и социальных интересов купечества в качестве фактора государственной политики. Однако их удовлетворение требовало перестройки не только городского управления, но и других звеньев государственного аппарата, функционировавших за счет казенных служб городского населения, изменения статей бюджета. Отказ же от реформы и восстановление в 1743 г. Главного и городовых магистратов на принципах регла-

мента 1721 г., а также сохранение всех податей и повинностей, входивших в городское тягло, свидетельствовали о неизменности финансово-бюрократического принципа во взаимоотношениях государственной власти с городским тяглым населением. Частично в отношении верхушки посадского населения он был пересмотрен в ходе сословно-податной реформы 70—80-х годов XVIII в.

Осознание купечеством своей роли в экономическом развитии страны в условиях дальнейшего развития сословного строя и расширения привилегий дворянства диктовало необходимость его борьбы не только за сословные привилегии в экономической области, но и за повышение самого сословного статуса купца. Низкий сословный статус купцов, связанный с их тяглым состоянием, не обеспечивал защиты их капиталов, жилища, благосостояния в целом, а также здоровья и даже жизни. В первой половине XVIII в. купцы стремились привлечь внимание правительства к конкретным случаям причиненных им обид чтобы пресечь саму возможность их повторения. В ходу были и давно устаревшие и уже не имевщие реального значения названия некогда привилегированных купеческих корпораций, которые по-прежнему прибавляли к своему имени не только еще здравствовавшие бывшие их члены, но и потомки, стремившиеся, видимо, таким образом за счет заслуг своих отцов и дедов как-то возвыситься над рядовым купечеством.

В 1760-х годах купечество выступает уже с конкретными предложениями, направленными на защиту от всевозможных притеснений. В индивидуальных «прожектах», в коллективных «представлениях» в государственные учреждения и городских наказах в Уложенную комиссию купцы добивались отмены телесных наказаний, обеспечения неприкосновенности их жилищ, значительного увеличения суммы платы за бесчестье, наделения членов Главного и городовых магистратов чинами и рангами, предоставления почетных прав купеческой верхушке.

В исторической литературе закрепилась твердая и единодушная оценка подобных требований купцов и промышленников как свидетельство примитивных форм их сознания, опутанного сословными предрассудками. Такая характеристика общественного сознания купечества объясняется тем, что его уровень оценивался по отношению к уровню буржуазной идеологии, носителя которой пытались разглядеть в купечестве. На наш взгляд, такой подход ограничивается определением типологической характеристики сознания купечества без учета той эволюции, которую оно претерпело. В 60-е годы XVIII в. купечество находилось не столько у «истоков формирования нового класса», сколько на заключительной стадии консолидации в особое сословие. Поэтому не

вполне корректно подходить к оценке сознания купечества этого времени с мерками, присущими буржуазной идеологии.

О формировании у купечества самосознания сословия свидетельствовало, в частности, пробудившееся у него чувство собственного достоинства, которое питалось осознанием возросшего значения его экономической роли.

Пробуждающееся чувство самоуважения в купечестве проявлялось также в его социально-политических устремлениях, приводивших порой к столкновениям купцов с представителями дворянского класса. Как следует из записок и предложений купцов, отдельные представители купечества уже были готовы отказать «благородному» сословию в признании за ним права на исключительную роль в государственном управлении. Во всяком случае, очевидны претензии купеческой верхушки на участие в разработке и осуществлении той области государственной политики, которая прямо затрагивала социально-экономические интересы торгового и промышленного купечества. В то же время и в 60-е годы XVIII в. купечество продолжало признавать высший авторитет власти чиновного дворянства, которому, по его мнению, следовало возглавлять все центральные учреждения в целях сохранения и умножения их авторитета и представительства интересов купцов перед императрицей.

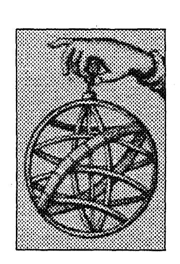
Стремлением к возвышению своего социального статуса были продиктованы выступления верхушки купечества за предоставление магистратским чинам рангов. Однако важно отметить, что купцы не претендовали на получение через них дворянского достоинства. Речь шла о достижении в рамках современной социальной системы положения, которое по представлениям купцов лучше соответствовало возросшему значению их экономической роли в жизни государства.

Это наблюдение заставляет по-новому подойти к утвердившемуся в нашей историографии еще со времен князя М. М. Щербатова мнению об исключительном стремлении верхушки купечества к одворяниванию, в котором для нее, якобы, заключался единственный выход из приниженного социального положения. Реальные факты свидетельствуют, что во второй половине XVIII в., то есть именно тогда, когда окрепло и возвысилось дворянство, завершилась консолидация купечества в особое сословие, происходившая на основе возрастания его экономического значения и влияния, формирования общих черт сознания и усиления общесословной борьбы за возвышение социального статуса.

Часть крупного купечества действительно искала выход из приниженного социального положения через достижение дворянских прав.

У нас нет возможности (из-за недостаточной степени исследования проблемы) судить об истинных масштабах процесса одворянивания купцов в XVIII в. и об реальной ценности, которое имело это звание в сознании купечества. Но как нам кажется, мы все же вправе утверждать, что борьба консолидирующейся верхушки посадского населения за оформление своего привилегированного по отношению к массе тяглого люда статуса означала борьбу за выход из приниженного социального положения. Это была реальная альтернатива стремлению к одворяниванию.

Затянувшийся процесс консолидации гильдейского купечества в единое сословие определил одну из существенных особенностей российской буржуазии, проявившуюся уже в период становления ее как класса. Развиваясь в условиях сословного строя, неся в себе «старое» купечество, формирующаяся буржуазия и в XIX в. продолжала «чувствовать» себя сословием, противостоящим другим сословиям, со своими особенностями и характерными чертами. А это, в свою очередь, оказало воздействие на социально-политические запросы класса капиталистов последующей эпохи. Истоки этой особенности российской буржуазии восходят еще к XVIII столетию, когда происходило формирование гильдейского купечество в самостоятельное сословие.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Список сокращений

АЕ	— Археографический ежегодник
ВИ	— Вопросы истории
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ	— Исторические записки
ИСССР	— История СССР
ОИ	— Отечественная история
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
ПИ	— Проблемы источниковедения
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской Империи
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества
СПб. ф-л архива РАН	— Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
УЗ	— Ученые записки
УЗ МГУ	— Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

* * * * *

Козлова Н. В.

К 59 Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. — М.: Археографический центр, 1999. — 384 с.

ISBN 5-067-86169-7

В монографии впервые осуществлено многоаспектное исследование взаимоотношений государственной власти и купечества в эпоху абсолютизма. На основе нового архивного материала раскрывается механизм выработки конкретных мероприятий политики правительства по отношению к купечеству и торговле, история создания, характер функционирования и направления деятельности тех отраслевых учреждений, посредством которых эта политика осуществлялась (Коммерц-коллегия, Главный магистрат, комиссии о коммерции). Выясняется место купечества в структуре государственного управления России XVIII в., воздействие сословного строя на положение городского гражданства. Дается характеристика экономических, социально-политических и общественно-культурных запросов и предложений купцов, определяются условия и особенности процесса складывания купеческого сословия, воссоздается обобщенный портрет «совершенного купца» XVIII в. Предназначена для специалистов-историков, преподавателей вузов и всех интересующихся историческим опытом отношений государственной власти и торгово-предпринимательских слоев общества.

ББК 63.3